

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БИБЛІОТЕКА ВІЛЕНСКАГО РЕАЛЬНОГО
УЧИЛИЩА.

№ по хронологическому Кат. ~~1375~~

№ по систематическому Кат. 237.

Шкаф III

Полка 4

Мѣсто 40

Шкафъ 3.

Полка 2.

Мѣсто 26.

№ по инвентарю 507

Sidney Rheinstein

Class of 1907

Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding

ПУТЕШЕСТВІЕ

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

II.

N. Vsevolzhskii

ПУТЕШЕСТВІЕ

ЧРЕЗЪ

ЮЖНУЮ РОССИЮ, КРЫМЪ И ОДЕССУ

ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, МАЛУЮ АЗІЮ,

СВЕРНУЮ АФРИКУ, МАЛЬТУ, СИЦИЛИЮ, ИТАЛІЮ,

ЮЖНУЮ ФРАНЦІЮ И ПАРИЖЪ,

ВЪ 1836 И 1837 ГОДАХЪ.

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Января 17 дня, 1839 года.

~~(А. С. С.)~~ Ценсоръ В. Флеровъ.

~~(7490)~~

1839

1.2

(RECAP)

ГЛАВА I.

НЕАПОЛЬ.

Оставивъ Мессину, скоро увидѣли мы на Калабрійскомъ берегу Реджіо, а подалѣе Сицилу, которую древніе представляли такимъ ужаснымъ чудовищемъ. Теперь это изрядное и живописное мѣстечко, у подошвы крутой скалы, украшенное башнею. Противъ него, на Сицилійскомъ берегу, Харибда, другое чудовище. И то и другое поглощало корабли и несчастныхъ мореходцевъ. Харибда на самой оконечности Сициліи. Въ послѣднюю войну Англичане учредили военный постъ на берегу, для наблюденія за Мюратовыми войсками, угрожавшими высадкою на островъ. Этотъ

Часть II.

постъ увеличился , и теперь образовалось тутъ изрядное мѣстечко , которое со временемъ будетъ порядочнымъ городкомъ.

Вѣтеръ намъ благопріятствовалъ , покуда мы плыли проливомъ ; но едва мы изъ него выбрались , едва увидѣли передъ собой въ лѣвой сторонѣ Липарскіе острова , какъ онъ насъ покинулъ. Первый островъ , замѣченный нами , былъ *Стромболи* , съ своей огнедышащей горю . На другихъ , какъ-то на *Вулкано* и *Вулканелло* , былъ видѣнъ дымъ , но *Стромболи* представлялъ полное изверженіе , которое продолжается на немъ , не переставая , уже нѣсколько вѣковъ . При насъ оно было очень сильно . Наступила ночь , и темнота сдѣлала это зрѣлище еще ужаснѣе и гораздо разительнѣе ; удары слѣдовали за ударами , огонь вылеталъ столбомъ надъ горю ; камни , раскаленные и разноцвѣтные , выбрасывались во всѣхъ направленіяхъ . По просьбѣ моей , пароходъ остановили , и я , съ капитаномъ нашего корабля и другими товарищами , сѣлъ въ лодку . Мы старались приблизиться , сколько можно къ острову , и узнали , что всѣ жители его , уstraшенные необыкновеннымъ изверженіемъ , бѣжали на другіе острова .

Чѣмъ ближе подплывали мы къ острову, тѣмъ слышнѣе былъ какой-то необыкновенный громъ, будто изъ нѣдръ земли выходившій. Море, тихое вокругъ насъ, начинало колыхаться. Этой ночной картины описать невозможно! Луна, посреди темнаго неба, сіяла тихо надъ нами; миллионы блестящихъ звѣздъ покрывали сводъ его; море отражало всѣ ужасы великана Стромболи, котораго порывы и насъ начинали приводить въ ужасъ. Матросы предлагали воротиться на корабль, но я до тѣхъ поръ не соглашался, покуда пепелъ и зола не стали падать въ нашу лодку. Пристать къ берегу не было никакой возможности. Наконецъ огромный камень упалъ въ море, саженьхъ въ пятидесяти отъ насъ. Надо было убираться подалѣе, и мы поспѣшно воротились на корабль, съ котораго могли еще почти всю ночь наслаждаться этимъ, удалившимся отъ насъ, ужаснымъ, но прелестнымъ зрѣлищемъ! Мнѣ показалось, что изверженія являлись періодически, и довольно въ равномъ разстояніи времени; но огонь свѣтилъ непрерывно, зарево распространилось по всѣмъ Липарскимъ островамъ, и судя по колыханію моря, во время совершеннаго штиля,

можно было заключить, что землетрясеніе на островахъ должно быть ужасное. Достойно замѣчанія, что всѣ извѣстныя огнедышащія горы производятъ свои изверженія въ определенное время, и потому будто отдыхаютъ, иныя нѣсколько десятковъ лѣтъ, другія меньше; иногда показывается въ жерлахъ ихъ только дымъ. Но Стромболи съ самыхъ древнихъ временъ горитъ безпрестанно; изверженія его бываютъ сильнѣе или слабѣе, но никогда не прекращаются. Древніе называли его Великимъ и Ночнымъ Маякомъ здѣшнихъ морей. Каковъ долженъ быть запасъ для этой массы неугасающаго огня, который нѣсколько тысячъ лѣтъ горитъ среди океана? На прочихъ Липарскихъ островахъ, онъ, кажется, совершенно потухъ, и сила его сосредоточилась въ Стромболи, который служитъ трубою этой подземной печи.

Я провелъ всю ночь глядя на это зрѣлище, и погружаясь въ размышленія, которыми оно невольно пробуждаетъ въ человѣкѣ. Только передъ такими явленіями природы можно почувствовать свою ничтожность и величіе Божіе. Я благодарилъ Создателя, приведшаго меня видѣть столь великое

явленіе, и смирился духомъ передъ Его всемогущею силою.

Вѣтерокъ подулъ отъ Сициліи, и мы быстро помчались вдоль Калабрійскихъ береговъ. Скоро на корабль все успокоилось. Волканъ едва, и то изрѣдка, видѣлся. Я сошелъ въ каюту, усердно помолился, и заснулъ до утра очень спокойно.

На другой день, рано, я вышелъ на палубу. Утро было прелестное. Ночью мы проплыли много и находились уже противъ Поликастрійскаго залива. Пароходъ шелъ близко отъ берега, и мы могли наслаждаться зрѣлищемъ прекрасныхъ береговъ полуострова Италіи. Еще не доплывая до Неапольскаго залива, мы восхищались пробѣгавшими мимо глазъ прелестными видами. Вотъ Пестумъ; подалѣе Салерна и обширный заливъ ея; вотъ Амальфи, Сорренто, Кастель-Амаре и Мола. Видя ихъ, перестаешь удивляться, что Пуссенъ и Сальваторъ-Роза сдѣлались пейзажистами: они долго жили на этихъ берегахъ, и безпрестанно имѣли передъ глазами живописнѣйшую природу въ мірѣ! Вотъ Капрея! Но объ этомъ островѣ буду я говорить послѣ. Пароходъ шелъ быстро, когда вдругъ всѣ закричали на палубѣ: Неаполь!

Неаполь! Я давно навелъ свою зрительную трубу по этому направленію, нетерпѣливо желая видѣть чудо городовъ, о которомъ говорятъ Итальянцы: *Vedere Napoli et poi morire*, но еще не могъ ничего разсмотрѣть. Наконецъ, показалась на горизонтѣ бѣлая точка.... Всѣ обрадовались, поздравляли другъ друга, обнимались, будто послѣ избавленія отъ сильной бури, угрожавшей гибелью кораблю! Между тѣмъ, мы быстро плыли; бѣлая точка каждую минуту вырастала; уже начинали обрисовываться холмы, пригорки, становились видны сады, кровли, дома, окошки, и наконецъ мы вошли въ пристань, около двѣнадцатаго часу утра.

Передо мной была великолѣпная картина. Везувій, съ двойною своей вершиной, высоты, окружающій городъ, украшенныя строеніями, дворцами, монастырями, дачами; въ лѣвой рукѣ Паузилиппо; Кастель-Ово; въ самомъ заливѣ прелестные острова Искія, Низида, Прочида и Капрея, все это представляло удивительное зрѣлище. Но я плыль изъ Константинополя, послѣ котораго всѣ другіе виды кажутся обыкновенными,

а потому и видъ Неаполя съ моря меньше поразилъ меня.

Не вдругъ-то насъ спустили на берегъ. Меня еще въ Мальтѣ пугали строгостью Неаполитанской таможни, и отъ того я не взялъ съ собой даже славнаго Бостресскаго курительнаго табаку, подареннаго мнѣ Іерусалимскимъ Патріархомъ. Дѣйствительно, корабль нашъ окружило лодокъ шесть, нахлынули таможенные чиновники, жандармы, медицинскіе надзиратели, и кромѣ того знакомые и родные многихъ пассажировъ. На палубѣ не было возможности протѣсниться. Узнавъ, что таможенный сборъ на откупѣ у какого-то Маркиза, и что онъ самъ на кораблѣ, я подошелъ къ нему и просилъ его поскорѣе отпустить меня на берегъ. Онъ посмотрѣлъ на списокъ, и узнавъ кто я, очень вѣжливо отвѣчалъ мнѣ, что я ни въ какомъ случаѣ не подлежу его осмотру, могу ѣхать и взять всѣ мои вещи; онъ просилъ меня только для формы заѣхать въ таможню, куда пошлетъ приказъ не задерживать меня ни минуты; даже предложилъ мнѣ свою лодку и послалъ со мною одного изъ чиновниковъ. Я поблагодарилъ его за вѣжливость и отправился на берегъ,

гдѣ только отперли небольшой мой баульчикъ, ничего въ немъ не смотрѣли, и отпустили меня спокойно; даже кисеть съ табакомъ, когда я показалъ его, остался невредимъ. «Вы, сударь, не купецъ; если-бы и пудъ табаку привезли для своего употребленія, мы почли-бы за удовольствіе оставить его вамъ.»

Склавъ на телѣжку мои вещи, два носильщика потащили ее на квартиру, а я за ней пошелъ пѣшкомъ. Надобно сказать, что опасаясь осмотра, я, изъ предосторожности, положилъ въ карманъ жалованную нѣкогда мнѣ табакерку съ брилліантами. Идучи за телѣжкой, я почувствовалъ, что кто-то полѣзъ ко мнѣ въ карманъ: я схватилъ себя за фалду и быстро оборотясь увидѣлъ, что какой-то охотникъ до табаку, въ рубашкѣ и нанковыхъ панталонахъ, запустилъ свои руки въ оба кармана мои. Я, съ размаха, сильно ударилъ его тростью; онъ пожался, крикнулъ и побѣжалъ отъ меня; платокъ мой лежалъ на мостовой, а табакерку я удержалъ въ карманѣ. Это случилось среди дня, на площади, противъ самаго Королевскаго дворца. Множество военныхъ, тутъ стоявшихъ, и всякихъ людей, проходившихъ мимо, ви-

дѣли , какъ сильно ударилъ я воришку , но они только засмѣялись , и никто не пошевелился задержать его или догнать. Я былъ радъ , что ничего не потерялъ , и также забылъ о ворѣ , спѣша на квартиру. Но это первое приключеніе мое въ Неаполѣ , дало мнѣ невыгодное понятіе о нравственности здѣшняго чернаго народа.

Гостинница , гдѣ я остановился , называлась *Россія*. Она въ улицѣ Свѣтлѣ Лукіи , гдѣ передъ окошками моими были рынокъ , море , публичныя купальни. По лѣвую сторону , какъ великолѣпная декорація , видѣнь былъ Везувій , по правую *Кастель-Ово* , и разрушающійся , живописный дворецъ Королевы Іоанны. Двѣ чистенькія , хорошо убранныя комнаты , составляли мою квартиру ; слугѣ моему была особенная , и за все платилъ я не болѣе четырехъ рублей въ сутки. Я тотчасъ нанялъ , за такую-же цѣну , лонъ-лакея , подъ отвѣтственностію за него хозяина гостинницы. За обѣдъ , очень хорошій , даже лакомый , брали два рубля. Такимъ образомъ устроившись въ Неаполѣ , я прежде всего сдѣлалъ необходимые визиты.

На другой день , поутру , явился я къ Министру нашего Двора , Графу Матушевичу. Его ла-

сковый и благосклонный прием не удивил меня: я давно знал по наслышке Графа Матушевича. Къ большому уму и обширнымъ познаніямъ всякаго рода, онъ присоединяетъ любезность, которую даетъ свѣтская жизнь и безпрестанное обращеніе съ просвѣщенными и первыми людьми общества. Я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, въ продолженіе моего путешествія, что почти вездѣ представители Россійскаго Двора отличаются вѣжливостію, гостепріимствомъ и ласковымъ обращеніемъ. Они внушаютъ къ себѣ почтеніе и довѣренность въ той странѣ, куда назначаются Правительствомъ нашимъ. Графъ несказанно обрадовалъ меня, доставивъ мнѣ письма изъ Парижа, отъ жены моей и дочери, отъ которыхъ я съ самаго отъѣзда изъ Москвы не получалъ никакого извѣстія. На другой день онъ пригласилъ меня обѣдать; за столомъ его я познакомился съ служащими при немъ Русскими чиновниками: Г-мъ Фонтономъ, котораго родственниковъ зналъ я въ Константинополѣ, съ молодымъ Княземъ Ливеномъ, и Княземъ Голицынымъ. Тутъ-же былъ путешественникъ, какъ и я, Г-нъ Ер.... Онъ, послѣ обѣда, показывалъ намъ кол-

лекцію собранныхъ имъ прекрасныхъ рисунковъ для своего альбома. Не лѣзя было не похвалить ихъ: они заслуживали это; но, признаюсь, когда я узналъ заплаченную за нихъ цѣну, то пересталъ ему завидовать! Рѣдкій изъ рисунковъ обошелся ему менѣе 500 рублей. Дорого! особливо въ такой странѣ, гдѣ художники работаютъ почти изъ куска хлѣба.

Возвратившись домой послѣ обѣда, я вскорѣ пошелъ шататься по улицамъ, и началъ мое обозрѣніе съ рынка святаго Лукіи, на которомъ жилъ. Вокругъ меня, полунагіе продавцы повсюду кричали: *Монсиьоръ! купите устриць, острелиновъ, карамцовъ*, всякаго рода *фрути де маре* (морскихъ плодовъ)! Другой кричалъ: *рыба живая*. По берегу морскому было лавокъ съ пятьдесятъ, но что за лавки! Подъ навѣсомъ изорваннаго паруса, доски четыре на шаткихъ подставкахъ, и на каждомъ концѣ ихъ по сальной свѣчкѣ! Въмѣсто полотна постлана, зеленая какъ изумрудъ, и какъ лакомъ покрытая, мокрая трава: съ нея текла вода, а на ней былъ укладенъ рядами товаръ, устрицы, всякаго рода раковины, мѣлкая живая и еще трепещущаяся рыба. Возлѣ этихъ

лавокъ сидѣли на землѣ старухи; онѣ поджаривали на жаровняхъ кукурузу. Далѣе были продавцы арбузовъ; передъ каждымъ изъ нихъ столикъ, на которомъ они разрѣзываютъ арбузы длиннымъ и тонкимъ ножомъ. Другія подвижныя лавки были съ апельсинами и лимонами; эти изукрашены цвѣтами и образами *Мадоны* (Богородицы); наконецъ увидѣлъ я котлы съ длинными лентами макарони. Я покупалъ всего, по немногу, потому что путешественникъ долженъ все испытать и всего отвѣдать. Толпы ладзарони слушали рассказы товарища о какомъ нибудь чудѣ, другіе ѣли макарони или арбузы. Я замѣтилъ, что эти плоды здѣсь вообще не такъ крупны и не такъ хороши, какъ наши Украинскіе на бахчахъ; а съ Астраханскими или Моздокскими и сравняться не могутъ.

Какъ скоро у ладзарони заведется копѣйка, онъ тотчасъ купитъ арбузъ, и ѣстъ его безъ пособія ножа, то есть выгрызаетъ часто цѣлую половину, и роется въ ней рыломъ, пока выложитъ всю внутренность. Итальянцы не даромъ говорятъ: *Per un soldo, si beve, si mangia, et si lava la figura* (за копѣйку напьется, наѣстся,

и вымоетъ рожу). Въ сумерки зажигаются всѣ сальныя свѣчки, и это производитъ иллюминацію очень пріятную. Огни на подвижныхъ лавкахъ, между толпами народа, поющаго, пляшущаго, кричащаго, довольно живописны. Неаполитанецъ не говоритъ: онъ кричитъ, сопровождая рѣчь свою движеніями рукъ и ногъ, и жесты у него главная часть разговора. Вообще, здѣшнія улицы представляютъ картину, какой кромѣ Неаполя нигдѣ не увидишь. Прибавьте къ тому теплую ночь, благоухающій воздухъ здѣшняго климата, луну, которая серебрить струи моря и освѣщаетъ верхи Везувія — это очаровательно, особенно для иностранца, еще не привыкшаго къ такому зрѣлищу.

Каждый вечеръ, часа за два до солнечнаго заката, начиналось гулянье передъ моимъ балкономъ: кареты, открытыя коляски, и всякаго рода экипажи, наполненные дамами и кавалерами лучшаго общества, тянутся черезъ прекрасную улицу *Chiaja* (Кьяя), мимо публичнаго гульбища Вилла-Реале (*), доѣзжаютъ до Паузилиппо, и по-

(*) Садъ Вилла-Реале въ обыкновенные дни открытъ только для людей порядочно одѣтыхъ: крестьяне, городская чернь и

томъ ѣдутъ назадъ ; иные раза два и три повторяютъ тотъ-же перевъздъ. Я всякой разъ замѣчалъ придворные экипажи : вдовствующая Королева, мать нынѣ царствующаго Короля, Принцы и Принцессы его фамиліи, почти ежедневно посѣщаютъ это гулянье , которое продолжается до самыхъ сумерекъ. Ни разу не случилось, въ мою бытность, ни малѣйшаго безпорядка; конные жандармы и драгуны гвардіи безпрестанно разъѣзжаютъ между рядами каретъ ; другіе стоятъ на перекрестныхъ улицахъ, и пропускаютъ выѣзжающіе изъ нихъ кареты только въ ряды тянущейся по гулянью линіи. Экипажи вообще хороши; особенно замѣчательны лошади и ихъ сбруя. Лакеи и кучера почти всѣ въ ливреяхъ и чисто одѣты.

ливрейные туда не выпускаются ; но есть праздничные дни , въ которые всѣ безъ разбора могутъ входить въ него.

Вилла-Реале прелестное гульбище: съ одной стороны море омываетъ его террасы, съ другой прекрасная улица Кьяа ограничиваетъ своими великолѣпными домами. Аллеи сада украшены статуями, вазами, фонтанами, усажены душистыми акаціей, померанцовыми, апельсиновыми, миртовыми деревьями. Садъ оканчивается круглымъ храмомъ изъ бѣлаго мрамора. По вечерамъ, это удивительное гулянье увлекательно сплещется и благоуханіемъ.

Кромѣ придворныхъ экипажей, приглашенныхъ четверными, всѣ прочіе парами. Множество молодыхъ людей разѣзжаютъ верхомъ между рядами. Военные являются въ блестящихъ мундирахъ, прочіе во фракахъ. Собраніе всегда бываетъ премноголюдное, потому что простой народъ, и даже ладзарони, толпами ходятъ тутъ-же. Это то-же что наше первое Мая въ Москвѣ, въ Сокольникахъ, или Екатерининское гулянье въ Петербургѣ, съ тою разницею, что здѣсь оно возобновляется каждый день. Я рѣдкій вечеръ пропускалъ случай пользоваться этимъ зрѣлищемъ, отправляясь то въ каретѣ, то пѣшкомъ. Отсюда ѣхалъ я въ театръ Санъ-Карло, или въ другой какойнибудь, а вечеръ всегда оканчивалъ, по приглашенію, въ знакомыхъ домахъ.

Санъ-Карло великанъ между всѣми театрами Европы. Когда я посѣтилъ его въ первый разъ, онъ былъ наполненъ зрителями. Убранство Королевской ложи, посрединѣ амфитеатра, мнѣ не понравилось: слишкомъ много украшеній, позолоты, яркихъ цвѣтовъ въ драпировкѣ, и все это похоже на раекъ, обитый шумихой. Мнѣ кажется, малиновый или голубой бархатъ, съ золотымъ га-

луномъ, придавалъ-бы больше величія и простоты. Шесть рядовъ ложъ, по сороку въ каждомъ ряду, были всѣ наполнены зрителями; дамы были хорошо и даже богато одѣты; эффектъ перваго взгляда поразительный! Въ этотъ день давали Беллиниеву Норму. Въ оркестрѣ было конечно сто музыкантовъ, и каждого изъ нихъ можно смѣло назвать артистомъ. Жаль что актеры вовсе не соответствовали ни театру, ни оркестру, и еще меньше моему ожиданію. Прима-Донна, Гжа Мандзохи, весьма посредственна; всѣ прочія и вниманія не заслуживаютъ. Когда я сталъ съ удивленіемъ говорить объ этомъ, мнѣ отвѣчали, что вообще теперь вездѣ таланты рѣдки, а если и есть хорошіе пѣвцы и пѣвицы, то они разъѣхались по другимъ мѣстамъ: напримѣръ Гжа Малибранъ, Гризи, Такинарди и Гунгеръ. Такимъ образомъ въ Неаполѣ никого не осталось, и театръ тамошній совершенно обѣднѣлъ талантами. Говоря о театрахъ, кстати упомянуть о маленькомъ театрѣ Санъ-Карлино. Его приличнѣе назвать узенькимъ коридоромъ, но и въ немъ есть ложи и партеръ. Въ Санъ-Карлино представляютъ по два раза въ день, на простомъ народномъ нарѣчій, пьесы, при-

способленны къ публикѣ , и по большей части смѣшныя. За то онъ всегда биткомъ набить ! Тутъ отличается обыкновенно пулчинелло съ своими товарищами ; но превосходство ихъ талантовъ, ихъ шутки, и забавныя пьесы, привлекаютъ зрителей и лучшаго общества. Попривыкнуши разумѣть народное нарѣчіе, я скоро предпочелъ этотъ театръ другимъ , и рѣдкой вечеръ пропускалъ, чтобы не посѣтить г-на пулчинелло , и отъ всего сердца не поохотать при его шуткахъ.

Изъ театра обыкновенно ѣздить въ Толедскую улицу , гдѣ бываетъ большое стеченіе экипажей. Но я не могъ понять , какое находятъ въ этомъ удовольствіе ? Улица довольно худо освѣщенная, хотя она здѣсь первая и самая большая ! Кареты останавливаются у кофейныхъ домовъ, откуда выносятъ къ нимъ мороженое, и дамы ѣдятъ его не выходя изъ экипажей. У знаменитыхъ кондиторовъ съѣздъ такъ великъ, что съ трудомъ можно добиться своей очереди, и получить мороженого, которое составляетъ здѣсь любимое лакомство всѣхъ сословій. Надо и то сказать , что въ Неаполѣ готовятъ его превосходно, и въ жар-

Часть II.

.2

комъ климатъ никакое другое прохладеніе замѣнить его не можетъ.

Въ Неаполѣ необходимо имѣть экипажъ; кто не имѣетъ его, тотъ ни въ какое общество показаться не можетъ. Здѣсь, кажется, стыднѣе ходить пѣшкомъ чѣмъ воровать. Ноги для Неаполитанскихъ дамъ и господъ совершенно лишній даръ природы. Къ счастью путешественниковъ, роскошь экипажа легко удовлетворить, потому что хорошая карета и пара добрыхъ лошадей обходится, наймомъ, не дороже 30-ти Неаполитанскихъ червонцевъ въ мѣсяцъ: это составитъ на наши деньги 125 рублей.

Въ Неаполѣ нѣтъ архитектурныхъ памятниковъ. Дома на Кьяа хороши, но главнѣе украшеніе ея составляетъ гора, къ которой приставлены дома, и по которой, какъ по амфитеатру, расположены ихъ террасы. Нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ, тамъ разбросанныхъ, придаютъ домамъ видъ довольно живописный. Толедская улица, превозносимая и здѣсь, и во всѣхъ статистикахъ Неаполя, не представляетъ ничего рѣдкаго: она длинна, шире другихъ улицъ Неаполя, и на ней бываетъ каждый день много экипажей и пѣ-

пеходовъ; но она не вездѣ пряма. Дома по обѣимъ сторонамъ ея, хотя они въ два, три и четыре этажа, весьма обыкновенной архитектуры. Въ Неаполѣ великолѣпны монастыри; есть также нѣсколько замѣчательныхъ церквей, но объ нихъ я поговорю послѣ. Большая часть улицъ узки, кривы, расположены по горамъ, и дурно освѣщены. Вездѣ есть множество лавокъ съ съѣстными припасами. Вообще этотъ городъ можно сравнить съ гнѣздомъ худо воспитанныхъ ребятъ, обжорливыхъ, крикливыхъ, лѣнивыхъ, сварливыхъ, которые лучше любятъ украсть, чѣмъ взять, и лучше взять чѣмъ заработать; любятъ также играть и ѣсть, и всему предпочитаютъ сонъ.

Я часто бывалъ у Графа Матушевича, и всегда удивлялся обширнымъ его познаніямъ; но мнѣ казалось, что ему не очень нравился Неаполь, или, лучше сказать, здѣшній образъ жизни, и что онъ охотно перемѣнилъ-бы мѣсто своего пребыванія на какое нибудь другое. Я понялъ это чувство, оглядѣвшись въ Неаполѣ.

Черезъ нѣсколько дней поѣхалъ я осмотрѣть Пизуллипскую пещеру. Она не что иное какъ пробитая насквозь, внутри горы, дорога, версты на пол-

торм, и не шире обыкновенной улицы. Темнота въ ней совершенная, даже въ самый полдень, и привѣшенные кой-гдѣ къ своду ея фонари, только показываютъ ужасную темпоту ея. Тамъ непрерывно тѣснятся идущіе и ѣдущіе взадъ и впередъ лошади, скотъ, пѣшеходы, телеги, и отъ того въ ней не совсемъ безопасно. Когда приближаешься ко входу пещеры, то глаза, ослѣпленные яркимъ блескомъ Неаполитанскаго солнца, какъ-бы съ удивленіемъ видятъ впереди этотъ длинный и темный коридоръ, гдѣ слышатъ слышанный и странный шумъ; потомъ начинаешь въ немъ различать массы, движущіеся въ потемкахъ, и наконецъ, при выходѣ изъ пещеры, свѣтъ снова является какъ огромная звезда.

Названіе Паузилиппо происходитъ отъ двухъ Греческихъ словъ: *Παυοις της λυπης* (привалъ печали). Я вышелъ изъ пещеры и воротился въ городъ по дорогѣ вдоль моря: здѣсь полюбовался я, мимоходомъ, пальмовымъ деревомъ, брошеннымъ на пригоркѣ, будто образчикъ восточныхъ странъ; взглянулъ на Виргиліеву могилу и на безсмертный лавръ, подлѣ растущій. Онъ въ самомъ дѣлѣ безсмертный, потому, что его безпре-

ставно замѣняютъ новымъ , когда старый пропадаетъ.

На другой день я отправился въ Пуццоло , и съ трудомъ нашелъ осла, для перевѣзда къ храму Сераписа и Сольфатары. Надобно признаться, что развалины этого храма изыщны. Ужасное землетрясеніе 1538 года разлило воды Лукринскаго озера подъ его фундаментъ, и съ тѣхъ поръ, донынѣ, помость, или полъ его, покрытъ водою. Ничего не можетъ быть разительнѣе этого вида ! Опрокинутые карнизы, расколотыя колонны , огромные куски мрамора, лежащіе въ гніючей водѣ; жертвенники, усыянные прилипшими къ нимъ раковинами, покрытые зеленоватымъ, сырмъ мохомъ и поростшіе плющемъ; вмѣсто кровли сводъ небесный ; посрединѣ уцѣлѣвшія и осиротѣлыя, огромныя три колонны , какъ-бы выходящія изъ моря ; яркое солнце, бросающее лучи свои перпендикулярно на эту неподвижную громаду : представьте себѣ все это , и вы легко поймете , что можно нѣсколько часовъ простоять въ созерцаніи такой картины. Изъ храма я отправился къ Сольфатарѣ.

Сольфатара.... имя звучное ; но что такое Сольфатара ? — Сѣрная гора, которая нѣкогда горѣ-

ла, какъ Везувій, наконецъ выгорѣла, и середина ея провалилась : теперь это ендова , версты на двѣ и болѣе пространства , въ которую сходятъ по желтой, фиолетозой, бурой, красной покатости. Далѣе можно спуститься еще въ небольшія пещерки, гдѣ температура жарче чѣмъ въ натопленной Русской банѣ, и гдѣ всѣ стѣны покрыты сѣрымъ цвѣтомъ, бѣлымъ какъ снѣгъ, и блестящимъ какъ иней или мохъ , обращенный въ кристаллы. Я долго прохаживался по этому необыкновенному виду и цвѣтомъ пространству. Кое-гдѣ еще можно видѣть тамъ небольшіе кратеры , кипящіе и извергающіе изъ себя небольшіе камни на поларшина вышины ; но какъ скоро Везувій загорается , Сольфатара утихаетъ , точно какъ при рыканіи льва умолкаютъ всѣ звѣри.

Отъ Сольфатары близко до Пещеры Собаки. Знаете-ли, что такое Пещера Собаки ? Это низенькая и вопчюая лазей, въ которой всякое животное задыхается и умираетъ въ нервическихъ судорогахъ. Правительство отдало это мѣсто на откупъ крестьянину : вы пріѣдете къ нему, дадите ему два рубля, и онъ возьметъ съ собой черную собачку, введетъ васъ въ пещеру, посадить

собачку въ какой-то извѣстный ему уголокъ , и глаза у ней подкатятся подъ лобъ , она упадетъ на спину, подергается лапками и замреть. Хозяинъ тотчасъ вытаскиваетъ ее на свѣжій воздухъ, боясь, чтобы она вовсе не околѣла; тѣмъ и представленіе кончается. Я ничего не знаю несчастіе этой бѣдной собаки! Мнѣ жалки казались блохи , работающія за станкомъ, жуки, шестующіе на рапирахъ, и даже знаменитый кобель Монито, играющій въ домино; но какъ сравнять ихъ съ черной собачкой, принужденной раза по три въ день мучиться и умирать, для забавы любовитыхъ!

На томъ-же берегу оставалось мнѣ взглянуть на Баію , Кумы, Мизену. Эти мѣста наполнины историческими воспоминаніями. Тутъ не надолго спаслась вѣлавы Агриппина , убѣгая отъ убійцъ , посланныхъ за нею сыномъ ея Нерономъ. Въ Кумахъ была Сивилла , сжегшая книги пророчаній ; тутъ Петроній выпустилъ изъ себя кровь, и тутъ-же была прелестная дача Цицеронова. Изъ Мизены отправился Плиній , смотрѣть на изверженіе Везувія. Въ Баію собирались древніе Римляне , къ теплымъ водамъ. Гораций описываетъ это мѣсто прелестнѣйшимъ въ мірѣ: въ него съѣзжались

толпами знатнѣйшіе и развратнѣйшіе вельможи Римской Имперіи. Но что осталось отъ всего этого теперь? Обезображенный островъ, брошенный подъ небомъ, самымъ чистымъ, подлѣ берега моря. Вездѣ ступаешь здѣсь по лавѣ и пенельнымъ буграмъ.... Куда ни кинешь взоръ, всюду слѣды огня. Гдѣ вчера было озеро, тамъ сегодня зола и пустыня, и на мѣстѣ воды вышла изъ земли гора, выросшая въ одну ночь. Богъ движетъ эту землю, какъ морскими волнами; на ней возстаютъ бури, какъ на океанѣ. Животворительный и чистый прежде воздухъ Баіи нынѣ зловоненъ и смертоносенъ! Ребятишки здѣсь блѣдные, худые; глаза у нихъ блещутъ лихорадочнымъ огнемъ; волосы на головѣ рѣдкіе и губы бѣлыя; взрослые люди, низенькіе, съ раздутыми животами, походятъ на одержимыхъ водяною болѣзнію. Я осмотрѣлъ однакожъ остатки Нероновыхъ бань, не заслуживающихъ большаго вниманія, и спѣшилъ возвратиться въ Неаполь; но прежде надобно было посѣтить острова Искію, Прочиду и Капрею. Я взялъ лодочку на Мизенскомъ мысу, и черезъ часъ прибылъ на Искію, гдѣ приставалъ Мюратъ, бѣжавши изъ Неаполя. Горы здѣсь усажены померан-

цевыми деревьями и виноградникомъ. Женщины на Искіи и Прочидѣ прекрасны, и живописные костюмы ихъ напоминаютъ Грецію, откуда были они заимствованы первоначально. Жители этихъ двухъ острововъ совершенно отличаются отъ Неаполитанцевъ, не только одѣянiемъ, но и физиономіей своей: удивительно, какъ могли они такъ долго сохранить національныя черты и не смѣшаться съ Италіянцами, между которыми живутъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Переночевавъ на Искіи, я нанялъ порядочную лодку съ шестью гребцами. Насъ было четверо: я забылъ сказать, что я съѣхался здѣсь съ старыми своими товарищами на кораблѣ, Англичанами Аткинсомъ, Левисомъ и Дикенсомъ. Мы всѣ нетерпѣливо желали видѣть Капрею, особенно-же голубую пещеру. Намъ постлали матрацы, на которые мы разлеглись, подняли парусокъ, и мы отправились съ Искіи, при благопріятномъ вѣтеркѣ. Время было прекрасное. На чистомъ голубомъ небѣ не было ни одного облачка, и мы безпрестанно спрашивали гребцовъ нашихъ: скоро-ли доплывемъ? Хотя Капрея была у насъ въ глазахъ, но, не смотря на парусъ и на усиліе шестерыхъ сильныхъ гребцовъ, намъ казалось, что

мы не подвигаемся впередъ. Волны часто заплескивались въ низкобокую лодку нашу, такъ что и намъ доставалось. Мы смѣлились, но изрядно измокли. Черезъ четыре часа мы пристали къ Капрей. На этомъ островѣ два селенія: Кипри, на берегу морскомъ, и Анакпирі, на горѣ, куда надо было взлѣзть по лѣстницѣ въ 500 ступенекъ, изсѣченныхъ въ каменной скалѣ, на открытомъ воздухѣ. Тамъ мы остановились у трактирщика, и начали свои прогулки для обозрѣнія острова. Сперва мы пошли на гору Соларо: съ нея превосходнѣйшій видъ, какой только можно встрѣтить во всей Италіи. Вообразите гору, или утесъ, почти перпендикулярный надъ моремъ; вы будто висите на краю пропасти, и подъ вами, на нѣсколько сотъ сажень, Средиземное море разбивается у подошвы этой каменной горы. Огромныя скалы, прямыя какъ стѣны и похожія цвѣтомъ на вороненое желѣзо, стоятъ передъ глазами. Двѣ изъ нихъ съ острыми шпильми, точноobelisksреди волнъ морскихъ: ихъ называютъ Капрейскими иглами. Кое-гдѣ есть дикія растенія, и толстыя, но не высокія деревья, темныя зеленью какъ кипарисъ. Красныя лучи заходящаго солнца,

падающіе какъ пламя на блестящее море, и покрывающіе скалы золотыми брызгами, придавали волшебное освѣщеніе всей картинѣ. Не подалеку отъ этого мѣста Французскій Генераль Ламаркъ взойшелъ въ Анаканри, выбилъ оттуда Гудзона-Лоу, и тѣмъ утвердилъ позицію Французовъ въ Неаполѣ.

Съ горы Соларо мы пошли осмотрѣть мѣсто, на которомъ былъ Тиверіевъ дворецъ: онъ стоялъ на другой горѣ, и, какъ орлиное гнѣздо, владѣчествовалъ надъ Сициліей, Италіей и Египтомъ. Возвратившись въ свой трактиръ, мы отдыхали на террасѣ и смотрѣли на городъ, ни чѣмъ несходствующій съ другими городами Итали. Это не Венеція, не древній Римъ и не укрѣпленная Флоренція. Здѣсь кровли куполами, а куполы покрыты свинцомъ; это что-то восточное, похожее на мечеть. Видъ странный, но оригинальный. Кажется, жилъ-бы въ Неаполѣ, а умеръ въ Капри! Мнѣ рассказывали, что какой-то Англичанинъ пріѣхалъ сюда на три дни, а прожилъ тридцать пять лѣтъ.

На другой день, мы спустились въ Капри, осмотрѣть лазуревую, истинно чудесную пещеру, ко-

торой ни одно волшебное зданіе въ Тисячѣ одной ночи превзойти не можетъ. Вотъ наше похождение. Мы всѣ четверо наняли лодочку, почти плоскую, и версты съ двѣ пробирались на ней подлѣ самаго берега, до отверстія пещеры. Къ счастью нашему, море было тихо. Наконецъ переводчикъ нашъ сказалъ намъ: «Вотъ, господа, и приплыли.» Я смотрѣлъ, но кромѣ черной каменной скалы ничего не видалъ. Матросъ указалъ мнѣ, у самого подножія скалы, небольшое отверстіе, въ которое волна будто вливалась. «*Ecco la grotta,*» повторилъ онъ.— Ступай, ступай въ нее! — закричали мы всѣ четверо. «Какъ прикажете!» отвѣчалъ онъ. «Лягте-же всѣ въ лодку и не подымайте головы, чтобы не зацѣпить за края» Переводчикъ махнулъ веслами, придавъ сильное движеніе лодочкѣ, и съ помощію волны вошелъ въ пещеру.... Мы были уже въ ней, подняли головы, взглянули.... Какое очарованіе!... Мы увидѣли озерко, тихое, недвижимое, имѣющее съ полверсты окружности: вода въ немъ прозрачна, но всѣ предметы кажутся ярко-лазуреваго цвѣта; стѣны, песокъ, все голубое, и будто прикрытое серебрянымъ озеромъ. Вода въ озеркѣ такъ чиста, что,

кажется, рукой можно достать раковинки на днѣ ея, но она имѣетъ 45 футовъ глубины. Здѣсь ни человекъ, ни лодка не даетъ отъ себя тѣни на водѣ. Сводъ пещеры высокъ; онъ весь съ разрывами и покрытъ блестящими сталактитами, которые висятъ надъ головою, какъ хрустальныя иглы. По краямъ озерко унизано рядомъ мѣлкихъ и блестящихъ коралловъ. Мы онѣмѣли при видѣ этой чудесной пещеры, и никто изъ насъ даже не шевелился! Весло не дѣйствовало въ рукахъ нашего переводчика, и лодка тихо скользила по недвижной водѣ: ни струй, ни качки, ни слѣду волны; глубокое молчаніе. Въ почтительномъ созерцаніи остановились мы, но взглянувъ другъ на друга, всѣ вскрикнули, видя себя, гребца нашего и лодку голубыми. Наконецъ мы замѣтили, въ самомъ углубленіи пещеры, впадину, и велѣли подплыть къ ней: тамъ было очень темно. Приставъ къ берегу, мы разсмотрѣли изломанныя ступеньки, размытыя водою, и покрытыя чернымъ мохомъ; однакожь мы взошли по нимъ до отверстія, очень темнаго и сыраго, куда было-бы опасно идти. Полагаютъ, что тутъ была лѣстница, имѣвшая сообщеніе съ Тиверіевымъ дворцомъ, и что онъ то-

пиль людей въ этой прелестной пещерѣ. Какъ ни хорошо здѣсь, но пора было подумать о возвращеніи, и мы тѣмъ-же путемъ прибыли въ Капри, откуда черезъ нѣсколько часовъ отправились въ Неаполь.

ГЛАВА II.

НЕАПОЛЬ.

(Продолженіе).

Нѣтъ города въ свѣтѣ, гдѣ-бы такъ вѣрили и боялись сглазу, какъ въ Неаполѣ. Здѣсь называютъ это: *La Jettatura*. Похвалите дитя, мать его покажетъ вамъ пальцами рога; поглядите пристально на пригожую крестьянку, она сдѣлаетъ то-же. Даже въ хорошемъ обществѣ нѣтъ почти ни одной дамы, которая-бы не носила при себѣ, сдѣланныхъ изъ коралла или лавы, ручекъ, показывающихъ рога, и все для той-же предосторожности. Мужчины носятъ ихъ на цѣпочкахъ, на перстняхъ, и отъ того вы найдете во всѣхъ лавкахъ множество этихъ ручекъ. Я накупилъ ихъ

себѣ, по у меня ихъ расхватили и выпросили всѣ, во Флоренціи и Парижѣ, кто изъ шалости, кто изъ любопытства, такъ, что я ни одиѣхъ не привезъ домой. Во многихъ домахъ я видѣлъ, въ сѣняхъ или при входѣ, повѣшеніе на стѣнѣ огромныя оленины или буйволовыя рога, для избавленія отъ джетатуры приходящихъ. Мнѣ сказывали, что это повѣрье идетъ отъ глубокой древности, какъ доказываетъ Николай Валлета, написавшій трактатъ о сглазѣ: *Cicalata sul fascino, volgarmente detto jettatura*. Не надобно однакожь винить въ этомъ однихъ Неаполитанцевъ: то-же, болѣе или менѣе, существуетъ почти у всѣхъ народовъ. Во Франціи и Германіи приписываютъ нѣмъ старухамъ опасный для младенцевъ взглядъ; у насъ также вѣрятъ сглазу, и ежели не выставляютъ противъ него рогъ, то отплевываются. Искать начала этого предразсудка трудно, но онъ существуетъ вездѣ.

У всѣхъ Неаполитанцевъ, знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ, есть одна общая страсть: это зрѣлища и представленія. Для лучшаго общества, на четырехъ театрахъ, всякой день, представляютъ оперы, комедіи; сверхъ того

есть множество домашних театровъ. Послѣ представлений , чѣмъ занимаются въ обществѣ? Актерами, пѣвицами, танцовщиками : это составляетъ почти единственный разговоръ всѣхъ, вездѣ и всякой день. Чернь имѣетъ своихъ паяцовъ, своего пуччинелло, своихъ сказывальщиковъ; она съ равною жадностію смотритъ на эти зрѣлища, и на церковныя церемоніи. Здѣсь, среди улицы, съ изступленіемъ кричитъ проповѣдникъ, который рассказываетъ простолюдинамъ, что сей часъ былъ въ раю и видѣлся тамъ съ заступникомъ Неаполя, Святымъ Януаріемъ, который велѣлъ сказать имъ, что онъ скоро отъ нихъ принужденъ будетъ отступить, потому что они много воруютъ, много рѣжутъ людей, объѣдаются макаронами, и, какъ скоты, цѣлый день спятъ и мало даютъ вкладовъ въ церковь! Они тревожатся, плачутъ, и тотчасъ все забываютъ, потому что подлѣ нихъ пляшутъ ообаки, или тянется ходъ, съ закутанными въ синія, бѣлыя или черныя рясы богомольцами : эти хлыщутся плетками, несутъ хоругви и образы. Подалѣе, пришедшіе изъ Калабрійскихъ горъ музыканты даютъ серенаду; тамъ крестьянскія дѣвки, съ острововъ, въ нарядныхъ костюмахъ, танцу-

ють гарантеду. Для Неаполитанца все это служить зрѣлищемъ; а ему ничего больше и не надобно; были-бы макароны, да представленія, и онъ доволецъ: цѣлый день ничего не дѣлаетъ, и счастливъ, когда можетъ въ праздности зѣвать и глядѣть на окружающіе его предметы. Этому не должно однакожъ дивиться: здѣсь климатъ благопріятствуетъ лѣни, и природа такъ богата, что Неаполитанецъ можетъ, почти круглый годъ, прожить на улицѣ, безъ покрыщи и почти безъ одѣждіи. Море доставляетъ ему въ изобиліи раковины и мѣлкую рыбу, которую онъ либо самъ ловить, или покупаетъ, за самую малую цѣну. На грошъ, а много на два, достаточно рыбы, или *фрути ди mare*, на обѣдъ, а если прибавить къ этому на столько-же макаронъ, то ладзарони избыточно сытъ, и можетъ въ праздности лежать и зѣвать сколько ему угодно, цѣлый день. Ребятишки просятъ милостыню, или посѣщаютъ чужіе карманы, и это промышленность не послѣдняя: она помогаетъ семейству. Впрочемъ, народъ здѣсь довольно услужливъ, и готовъ за малую плату исполнять ваши приказанія; давайте только легкую и непостоянную работу.

Я посѣтилъ музей Бурбонскій. Прежде называли его просто *Студы*; онъ въ верхней части Толедской улицы. Это собраніе художественныхъ сокровищъ почитается однимъ изъ первыхъ въ свѣтѣ. Тутъ соединены коллекція статуй, древнихъ вазъ, картинная галлерей и библіотека. Собраніе статуй удвоилось цѣною, со времени присоединенія къ нему Фарнезской галлерей, доставшейся по наслѣдству Неаполитанскимъ Королямъ; но ея не выпускали изъ Рима, пока Неаполитанцы не вошли въ Римъ, и не увезли этихъ сокровищъ насильственно въ Неаполь. Особеннаго замѣчанія достойны: группа, извѣстная подъ названіемъ Фарнезскаго быка, колоссальная Флора, и такой-же Геркулесъ. Послѣдній, работы Афинскаго ваятеля Гликона, былъ найденъ въ Термахъ (Thermes) Каракаллы, безъ ногъ. Папа Павелъ III, Фарнезіевою фамиліи, приказалъ Микель-Анджелу придѣлать ноги; но великій ваятель, окончивъ модель, разбилъ ее въ куски, говоря, что если-бъ и одного пальца не доставало у этой превосходной статуи, то онъ и его-бы не взялся придѣлать. Вильгельмъ Делла Порта однакожь довольно удачно сдѣлалъ было ноги, но, къ

счастью, скоро отыскались и древнія, въ колодцѣ, версть за шесть отъ того мѣста, гдѣ найдено было туловище. Ихъ приставили къ статуѣ. Еще особенно достойны замѣчанія девять статуй, изображающія древнюю фамилію Балбуса, и статуя Аристида.

Въ картинной галлерей много очень хорошихъ картинъ ; но что особенно достойно замѣчанія, это множество произведеній кисти Луки Джіордано и Сальватора Розы. Первый изъ этихъ живописцевъ почти не выѣзжалъ изъ Неаполи, и потому не удивительно, что здѣсь осталось столько его произведеній. Что-жь касается до послѣдняго, то трудно вообразить что нибудь совершеннѣе его пейзажей. Признаюсь, для меня есть только три пейзажиста, которыхъ можно назвать совершенными : это Сальваторъ Роза, Клодъ Лоренъ и Николай Пуссенъ. Я нашелъ здѣсь произведенія всѣхъ трехъ, и для нихъ лишній разъ посѣщалъ музей. Еще одна картина поразила меня своею красотою : это портретъ Испанскаго Короля Филиппа II-го, писанный Тиціаномъ. Король блѣденъ, желтъ ; лобъ у него узокъ, вѣки мясистыя, глаза свѣтло-голубые, взглядъ тусклый, губы толстыя,

выдавшіяся впередъ, но безцвѣтныя. Смотри на него, можно угадать, что это былъ человѣкъ не высокаго ума, но упрямый, твердый, повелительный. Въ этомъ портретѣ весь Филиппъ II-й, суевѣрный и жестокий.—Не исчисляя всѣхъ хорошихъ картинъ, статуй, Латинскихъ и Греческихъ книгъ, и Римскихъ памятниковъ, прибавлю, что ихъ можно, больше или меньше, найти вездѣ; но чего нигдѣ нѣтъ, кромѣ Неаполя и Бурбонскаго музея, это коллекція древнихъ бронзъ, изображающихъ орудія или инструменты, бывшіе въ употребленіи у древнихъ Римлянъ. Везувій столько-же раззорилъ, сколько сберегъ подъ пепломъ и лавою своею, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, дома и всѣ домашнія принадлежности жителей Помпей. По мѣрѣ какъ отрывали въ ней дома, правительство переносило находимыя тамъ вещи въ Бурбонскій музей. Теперь Помпея представляетъ только публичныя зданія, частныя дома и улицы древняго города, а въ музей Бурбонскомъ собрано все, что нѣкогда принадлежало этимъ домамъ и украшало ихъ. Разсматривая то и другое, вы изучаете всю жизнь древнихъ Римлянъ какъ современникъ, входите въ Римскія семейства, при-

существуете при ихъ всеневныхъ упражненіяхъ. Въ этой коллекціи есть все, начиная отъ орудій, употреблявшихся жрецами, до малѣйшихъ потребностей туалета, отъ топора жертвеннаго, до серегъ и перстней Римскихъ красавицъ. Это богатѣйшій Римскій магазинъ. Тутъ найдете бронзовыя судейскія кресла (*curules*) возлѣ военныхъ трофеевъ и щитовъ; треножники, жертвенники, урны, сосуды, ножи, столы, и даже поддѣльные кости для игроковъ, иглоки, наперстки, румяны! Удивительно, какъ могъ сохраниться тутъ-же древній пирогъ, будто образчикъ для прожоръ нашего времени. Инструменты и аптекарскія стклянки показываютъ, что хирургія и медицина были у Римлянъ почти въ такомъ-же состояніи какъ у насъ. Я видѣлъ также знаменитую семи-стороннюю чернилицу, о которой Г-нъ Мерторелли написалъ диссертацию въ два тома in-folio. Въ особомъ кабинетѣ, куда пускаютъ только мужчинъ, и то по выбору, собраны статуйки и группы въ сладострастныхъ и неблагопристойныхъ положеніяхъ. Въ нихъ особенно замѣчательны правильность и совершенство формъ. Видно, что древніе не отъ разврата производили эти фигуры, но плѣ-

нившись, какъ почти всѣ полудѣйные жители, красотами тѣла, они представили всѣ прелести, которыя придаетъ ему наслажденіе, и неблагопріятность ихъ кисти, или рѣзца, не что иное какъ любовь къ художеству.

Въ Бурбонскомъ музеѣ также очень замѣчательно и собраніе стеклянныхъ произведеній, отъ временъ XII-го столѣтія. Оно доказываетъ, какъ давно умѣли выдѣлывать, гранить и красить стекло. Древнихъ вазъ считается здѣсь до 2500. Есть собраніе медалей. Тутъ-же славная сардониксовая чаша, имѣющая футъ въ діаметръ, о которой ученые столько писали диссертаций. Группа на ней, состоящая изъ семи фигуръ, представляетъ, по мнѣнію Висконти, Нилъ, Оруса, Изиду и нилотъ рѣки Нила. Въ библіотекѣ, занимающей прекрасную залу, построенную для нея Фонтаною, 150 тысячъ томовъ и около 3 тысячъ манускриптовъ. Замѣчательнѣйшіе предметы тамъ: Библія девятаго вѣка, Новый Завѣтъ десятаго вѣка, рѣдкій автографъ Томи Аквинскаго, и манускриптъ трехъ разговоровъ Гассія.

Бурбонскій музей, который я посѣщалъ три раза, описанъ мною очень кратко; надобно было-бы

написать тома два, чтобы дать о немъ полное понятіе; но такой трудъ принадлежитъ ученымъ, посвящающимъ на то жизнь свою. Я знаю, что многіе давно и успѣшно этимъ занимаются. Каждый разъ находилъ я въ музеѣ множество молодыхъ художниковъ, особенно живописцевъ, которые предлагаютъ свои услуги, и за самую дешевую цѣну готовы скопировать картину, которую вы выберете. Изъ нихъ есть люди съ дарованіями, и такіе искусные копировщики, что надобно быть опытнымъ знатокомъ, чтобы различить работу ихъ отъ оригинала. Здѣсь также съ особеннымъ искусствомъ вырѣзываютъ на Бразильскихъ раковинахъ копии съ лучшихъ антиковъ. Я заказалъ для себя вырѣзать два портрета, и черезъ недѣлю получилъ ихъ, очень искусно сдѣланные, за сто рублей оба. Въ бытность мою, этой дешевизнѣ способствовало особенно то, что холера, свирѣпствуя въ сѣверной Италіи, не пускала оттуда путешественниковъ, и бѣдные художники оставались совершенно безъ дѣла. Туземцы мало занимаются художествами; да къ тому-же они побольше въ нихъ разумѣютъ и гораздо поразборчивѣе насъ, можно сказать пролетныхъ птицъ въ Италіи.

Въ прелестное утро отправился я наконецъ на Везувій. Дорога отъ Неаполя до Портичи, была покрыта мѣлкою и самою бѣлою пылью, вершка на три. Къ счастію нашему, вѣтерокъ относилъ ее въ сторону, однако платье и лица наши напудрились совершенно. Эта пыль очень бѣда для глазъ, и я теперь не дивлюсь, что встрѣчалъ въ Неаполѣ и окрестностяхъ его столько слѣпыхъ. Въ Портичи мы остановились и пошли смотрѣть дворецъ и сады, на что намъ дано было позволеніе отъ правительства.

Мѣстоположеніе дворца прекрасно, какъ всѣ окрестности Неаполя, и онъ великолѣпенъ, великъ, богато убранъ картинами, бронзами; но это въ немъ общее почти со всѣми царскими дворцами въ Европѣ. Сады его обширны и въ нихъ множество деревь, которые въ другихъ климатахъ не могутъ расти въ грунту, а требуютъ укрыши отъ холода. Здѣсь природа щедрѣе. Поме-ранцевыя, тюльпанныя деревья, магнолія, кактусы, даже нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ, напоминаютъ восточныя сады. На особо отдѣленныхъ пастбищахъ гуляютъ олени. Тутъ-же въ первый разъ увидѣлъ я Савойскаго горнаго козелка (*bouquain*

des Alpes), антилопъ и канзуру. Последнее животное достойно любопытства: когда оно стоитъ на заднихъ ногахъ (а иначе оно и ходить не можетъ), то ростомъ почти равняется человѣку; но у него переднія ноги такъ малы и коротки, что на ходу оно никакъ не можетъ на нихъ опираться, и потому всегда подвигается на однихъ заднихъ ногахъ, прыжками; въ обыкновенномъ положеніи стоитъ на всѣхъ ногахъ, и тогда имѣетъ фигуру очень странную. Эти животныя не дико и подпускаютъ къ себѣ человѣка очень близко. Въ Парижѣ я ихъ видѣлъ потомъ много. Въ звѣринцѣ содержатся также львы, тигры, леопарды, но они для меня были ужъ не новость. Мы поѣхали далѣе, и чрезъ полчаса прибыли въ Резину.

Резина построена вся на Геркуланѣ, и это самое препятствуетъ отрывать древній городъ, потому что надобно было-бы раззорить построенную на немъ Резину. За всѣмъ тѣмъ, посѣщеніе Геркулана чрезвычайно любопытно. Мы обратились къ сторожу, хранителю развалинъ; онъ зажегъ факель, и мы сошли за нимъ ступенекъ 70 внизъ. Тамъ увидѣли мы себя въ большомъ темномъ коридорѣ: это была окружная галлерей театра.

Намъ показали сцену, кулисы, и часть, назначенную для актерскихъ ложъ. Пространныя галлерей для зрителей, мѣста начальниковъ, и вся эта архитектурная громада, освѣщенная только однимъ факеломъ, зарытая въ землю, болѣе чѣмъ на десять сажень глубины, представляла намъ массы тѣней, произведенныхъ углами и изгибами зданія. Эти тѣни болѣе поражали насъ тѣмъ, чего мы не видали, нежели тѣмъ, что было у насъ передъ глазами. Геркуланъ былъ не засыпанъ пепломъ, а залитъ лавой, которая, какъ растопленный свинецъ, проникла во всё зданія его, и, простывши въ нихъ, сдѣлалась камнемъ, такимъ-же какъ они. Отъ того отрытія здѣсь очень трудны: надобно прорубать топорами и откалывать ломами застывшую лаву, чтобы проникнуть внутрь. Мнѣ показали здѣсь вещь, довольно странную: это форма или лучше сказать слѣпокъ актерской маски, отпечатавшейся въ лавѣ. Носъ, ротъ, отверстіе для глазъ, все тутъ! Какъ попалъ сюда этотъ отпечатокъ? Куда дѣвался тотъ, кто послалъ эту маску? Какъ онъ ее бросилъ тутъ? Какимъ образомъ нашли маску, а не человѣка? Все это загадки неразрѣшныя. Но глядя на отпечатокъ, я

былъ тронуть почти до слезъ, потому, что ясно вообразилъ горе, страхъ, жизнь и смерть, словомъ—человѣка! Слѣпокъ маски пережилъ на столько столѣтій человѣка!

Прежде чѣмъ стану описывать Помпею, куда отправился я изъ Геркуланскаго подземелья, хочу пересказать кратко исторію этого чудеснаго нынѣ города. Помпея находилась у берега моря (отъ котораго она теперь довольно далеко), при Кра-терскомъ заливѣ, составленномъ Мизенскимъ мысомъ и Аеенеумомъ. Роясь въ этомъ мѣстѣ, нашли еще раковины и береговой песокъ. Впрочемъ, даже читая Страбона, нельзя сомнѣваться, что этотъ городъ былъ пристанью, такъ-же какъ Стабія и Геркуланъ. Онъ былъ построенъ на отдѣльномъ холмѣ, составленномъ изъ лавы, и, вѣроятно, бывшемъ нѣкогда также кратеромъ волкана. 16 Февраля 63 года, сильное землетрясеніе разрушило часть Помпеи и сдѣлало много поврежденій въ Геркуланъ. Описываютъ, что стадо изъ 600 барановъ задохлось тогда, многія статуи разбились, и нѣкоторые жители лишились ума. На другой годъ, землетрясеніе возобновилось, въ то самое время, когда Неронъ пѣлъ на Неанолитан-

скомъ театрѣ, и сдѣла вышелъ изъ него, какъ все зданіе разрушилось. Наконецъ, 23 Августа 79 года, явились признаки ужаснаго изверженія, такъ краснорѣчиво описаннаго Плиніемъ Младшимъ. Онъ былъ въ Мизенѣ, гдѣ дѣла его командовалъ флотомъ. Въ часъ по полудни извѣстили Плинію Старшаго, что появилось облако, необыкновенной величины и фигуры; видъ его уподоблялся ели, высоко возросшей и распространяющей вѣтви свои, бѣлыя, черноватыя и разноцвѣтныя, далеко по пространству неба.

Плиній велѣлъ изготавить свою *либурну* (легкій корабль) и поплылъ къ явленію. Чѣмъ ближе подплавалъ онъ, тѣмъ гуще падалъ горячій пепелъ на корабль его. Наконецъ полетѣли раскаленные камни и упали вокругъ него. Море казалось убѣгающимъ отъ береговъ, гдѣ скопились горы каменьевъ, которые дѣлали самые берега неприступными. Плиній направилъ путь свой къ Стабіи, гдѣ былъ Помпоніанъ; но дворъ Помпоніановъ наполнялся цепломъ. Необходимо было удалиться въ поле. Дома какъ-бы срывались съ фундамента, качались съ стороны на сторону и потомъ опять становились на свои мѣста. Плиній и товарищи

его покрыли головы свои подушками, которые привязали платками, и вотъ единственная предосторожность, какую они приняли отъ падающихъ на нихъ камней. Вездѣ возобновился день; но вокругъ нихъ была глубокая темнота, едва освѣщаемая факелами и огнями, зажженными по ихъ приказанію. Они пытались снова приблизиться къ берегу, чтобъ найти какое нибудь средство для своего спасенія; но море бушевало ужасно, а берегъ отдалился и былъ покрытъ рыбою, оставшеюся на сухомъ пескѣ. Плиній и друзья его принуждены были безпрестанно вставать и отряхивать съ себя золу, покрывавшую ихъ платье. Скоро пламя усилилось и ужасный сѣрный запахъ распространился всюду. Плиній палъ мертвъ!

Къ девяти часамъ, землетрясеніе и работа волкана утихли; показался свѣтъ, и даже солнце, блѣдное, какъ во время затмѣнія. Помпея не была разрушена лавою: городъ стоялъ высоко; но его засыпало золою, пепломъ и пылью, которые легли слоями на 18 и болѣе футовъ вышины. Есть признаки, что нѣкоторые жители пытались въ слѣдствіи дорыться до своихъ жилищъ, но въ этомъ не успѣли. Съ тѣхъ поръ Помпея оставалась 1676

лѣтъ подѣ землею. Первые слѣды ея развалинѣ были открыты въ 1689 году, а отрывать ихъ начали только въ 1755-мѣ. Странно однакожъ, что это сдѣлалось не прежде, потому что , когда поручено было Доминику Фонтанѣ, въ 1592 году, провести воду изъ рѣки Сарно къ Торе де Ланунціата, онѣ принужденъ былъ прорыть для этого подѣ землею каналъ, который прошелъ сквозъ городъ, причемъ не рѣдко встрѣчались препятствія отъ попадавшихся на пути строеній.

По дорогѣ, ведущей изъ Неаполя въ Салерну, мы подъѣхали къ столбу, на которомъ написано: *Via di Pompei* (дорога въ Помпею). Сердце забилось, какъ будто я приближался къ какойнибудь святынѣ. Мы своротили съ большой дороги, влѣво, по проселочной дорожкѣ, переѣхавъ пригорокъ, и очутились у деревянной заставы : это былъ вѣздъ въ Помпею. Два сторожа ввели насъ въ городъ. Я глядѣлъ и сперва не понималъ своего разочарованія ; я представлялъ себѣ тутъ Везувій, огненные рѣки, молніи, потрясающія зданія, однимъ словомъ: Брюлова картину ; вмѣсто того увидѣлъ я широкую, пустую улицу, низенькія по обѣ стороны постройки, знойное солнце, и мно-

жество ящерицъ, ползающихъ по этимъ древнимъ стѣнамъ.

При первомъ взглядѣ ничего не видишь величественнаго , огромнаго : деревянная застава , два сторожа, улица широкая и свѣтлая , тутъ нѣтъ таинственности, нѣтъ поэзіи ; а между тѣмъ , все занимательно, все любопытно. Не доходя до городскихъ воротъ , мы уже были въ предмѣстіи , называемомъ *Augustus Felix*. Дорога , ведущая чрезъ него, есть гробный путь. Гробницы древнихъ, которыя ставились по обѣ стороны большой дороги, образуютъ что-то странное и вмѣстѣ величественное. Народы , проводившіе вѣкъ свой на площадяхъ , не хотѣли имѣть уединенныхъ кладбищъ : и для праха ихъ надобны были воздухъ и открытое небо ! Миѣ кажется высокою мысль : не раздѣлять живыхъ съ мертвыми ! Какое впечатлѣніе должно было тревожить бѣжавшихъ въ Римъ или Неаполь , когда они проѣзжали между рядами многихъ знаменитыхъ или драгоценныхъ сердцу ихъ людей ! Меня, совершенно чужаго имъ странника, обняла какая-то грусть , когда я, въ молчаніи , прочитывалъ нѣкоторые надписи надъ прахомъ угасшихъ и давно забытыхъ семей.

Когда разрывали эту улицу, нашли кости нѣсколькихъ жителей, которые, вѣроятно, во время гибели города, искали спасенія и умерли при гробахъ, можетъ статься друзей или ближнихъ своихъ. Три скелета принадлежали женщинамъ, которыя, видно, сидѣли прислонясь къ столбу одного портика, и тутъ задохлись отъ падающей зола. Нашли также остатки женщины, державшей на рукахъ младенца надъ колыбелью; двое дѣтей, побольше, лежали подлѣ нея. Кости ихъ, смѣшанныя вмѣстѣ, показывали, что это злополучное семейство, обнявшись, до послѣдняго издыханія оставалось неразлучно. Между костями ихъ были найдены три золотыя кольца и пара сережекъ, османныхъ жемчугомъ. Одно изъ колецъ было въ видѣ змѣи, обвившейся кольцомъ; другое, въ видѣ перстенька, съ гранатнымъ камешкомъ, на которомъ были вырѣзаны громовыя стрѣлы. Серьги имѣли фигуру вѣсковъ. Наконецъ нашли также остатки старика, крѣпко держащаго въ рукахъ мышечекъ съ золотомъ: онъ, кажется, очень дорожилъ своимъ сокровищемъ, которое было тщательно уверчено въ льняную холстину, оставшуюся невредимой; въ мышечкѣ было четыреста де-

сать монетъ. Изъ всѣхъ гробницъ, на этомъ пути, замѣчательнѣйшая: Неволежи-Тихе. Вотъ надпись на ней:

Неволежи-Тихе поставила сію гробницу себѣ и Каію Мукацію, заслужившему знакъ отличія Бесседіума; также и отпущеннымъ ею на волю слугамъ и служанкамъ своимъ. Этотъ памятникъ, изъ большаго куса мрамора, витесанъ продолговатымъ квадратомъ; на верхнихъ украшеніяхъ его замѣненъ бюстъ Неволежи; на сѣверной сторонѣ мраморнаго памятника изображена барка съ двумя мачтами, одною прямо, другою наклонно стоящими; многія дѣти натягиваютъ парусъ; одинъ изъ нихъ лѣзетъ по веревкѣ, прикрѣпленной мачту къ кормѣ. Ученые отгадывали въ этой морской картинѣ изображеніе бурь нашей жизни. Признаюсь, я этого не понялъ. Осмотрѣвъ гробницу снаружы, я вошелъ внутрь ея, въ низенькія двери; тамъ могильный склепъ съ квадратною саженью, и два ряда нишъ, или впадинъ. Въ самой большой изъ нихъ нашли глиняную амфору съ множествомъ пепла. Въ четырехъ другихъ урнахъ, обыкновенной работы, также найденъ пепелъ. При каждой поставлена была глиняная лам-

на и положены мѣдныя деньги, вѣроятно для Харона за перевозъ.—Очень любопытно открытіе трехъ стеклянныхъ сосудовъ, толстыхъ и круглыхъ, въ свинцовыхъ оболочкахъ. Одинъ былъ наполненъ водою и пережженными костями, другой жидкостью, составленною изъ воды, вина и масла. Въ двухъ изъ этихъ сосудовъ жидкость буровата, но въ последнемъ желта, масляна и прозрачна.

Вышедши изъ гробницы, я осмотрѣлъ тотъ домъ, о которомъ Цицеронъ такъ часто писалъ Аттику; видѣлъ портикъ, и въ немъ четверо каменныхъ кресель. Эти кресла и крыша даютъ поводъ думать, что здѣсь было мѣсто отдыха для жителей Помпеи, которые, можетъ статься, собирались тутъ бесѣдовать о новостяхъ. Я заключилъ мою прогулку, въ предмѣстіи *Augustus Felix*, обозрѣніемъ загороднаго дома *Марка Арія Діомиды*. Входятъ въ него по небольшой лѣстницѣ, обложенной кирпичемъ и украшенной двумя колоннами. Посреди зданія есть дворъ, который древніе называли *impluvium*; вокругъ двора устроенъ родъ галлерей, украшенной четырнадцатью кирпичными колоннами, оштукатуренными. Тутъ можно было прогуливаться укрываясь

отъ дождя. Отсюда входъ во всѣ отдѣленія дома. Свѣтъ въ комнаты проходилъ со двора. Я вошелъ въ первую залу, называемую *Exedra*, гдѣ древніе отдыхали послѣ обѣда; изъ нея въ галлерей, называемую *Basilica*: это родъ передней, и на концѣ ея открытая терраса, украшенная бѣлымъ мраморомъ, откуда видъ въ садъ и на море. Возвратясь во дворъ, я вошелъ, по правую руку, въ Нимфеумъ, или небольшую купальню, окруженную колоннами. Эта комната расписана желтой краской; въ ней полъ изъ прелестной мозаики: тутъ-же видна ванна, служившая для купанья, которую древніе называли *baptisterium*. Она сдѣлана изъ кирпича и обложена мраморомъ. Древніе не влѣзали въ свои купальни, а спускались по ступенькамъ. Я замѣтилъ въ стѣнѣ мѣсто трубъ, по которымъ втекала вода. Въ другой комнатѣ была печь, нагревавшая воду; тутъ же и *ipocaustum*, или топка печи съ своимъ *prefurnium*, или отверстіемъ. Три мѣдные котла, одинъ надъ другимъ поставленные, содержали въ себѣ воду, разной температуры, и посредствомъ крановъ доставляли ее въ купальню. Въ верхнемъ этажѣ, надъ самою печью нижняго, небольшая комнатка съ

нишемъ и съ окнами въ садъ; стѣны ея расписаны и украшены картинами. Эта комната была *Sulatorium*, то есть баня для поту. Она нагревалась снизу посредствомъ трубъ, проведенныхъ въ стѣнахъ. Изъ нея выходили въ другую, *inctuorium*, комнату умаченія, или окуренія духами. Всѣ принадлежности сохранились; ихъ можно видѣть въ Бурбонскомъ музеѣ. — Осмотрѣвши эту баню, я почти увѣрился, что нынѣшнія Турецкія бани то-же самое, что были онѣ у древнихъ; вѣроятно, Турки заняли ихъ у покоренныхъ ими Грековъ, и съ тѣхъ поръ сохраняютъ въ томъ-же видѣ и такъ-же употребляютъ. Часть дома, гдѣ были спальня, состоитъ изъ трехъ покоевъ. Древніе обыкновенно ставили кровати свои въ ниши, окружающей ихъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой стороны задерживалась занавѣсъ, привѣшенная кольцами на мѣдномъ или желѣзномъ прутѣ. Я нашелъ еще эти кольца; они были бронзовыя. (*)

(*) Недавно попала въ руки Французская книжка, гдѣ описаны Помпей и нѣкоторыя части Неаполя. Я очень удивлялся, найдши въ ней много сходнаго, даже буквально, съ помни

На лѣво отъ галлерей былъ входъ во внутреннiе и тайные покои : это *Гинсеумъ*, или женскiя комнаты; *Ценакулумъ*, или столовая; *Диспендиумъ*, казначейская, или расходная. Всѣ они запирались однимъ ключемъ. Я сошелъ по двумъ лѣстницамъ въ нижнiй этажъ, гдѣ было восемь комнатъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Онѣ со сводами; въ одной изъ нихъ находился фонтанъ, и вода вытекала оттуда въ рыбную сажалку, устроенную въ саду. Оттуда прошелъ я въ подземельные коридоры, или погреба, наполненные глиняными амфорами, для освѣженiя и сохраненiя вина. Въ этомъ погребѣ отрыли семнадцать скелетовъ. — Одинъ изъ нихъ принадлежалъ, вѣроятно, хозяйкѣ дома: ей носъ, лобъ и груди отпечатались въ пенелъ; атотъ странный слѣпокъ показывали мнѣ въ музей. Воротившись на верхъ, я вышелъ въ садъ; тамъ, у воротъ сада, ведущихъ въ поле,

описанiями; но это не мудрено, потому что молодой описатель тотъ самый путешественникъ, который посѣщалъ эти мѣста виѣстѣ со мною, следовательно видѣлъ то-же и можетъ снѣться такъ-же. Это Г-нъ Роже де Бовуаръ. Онъ имѣлъ записокъ не видѣлъ, а я до сего времени не читывалъ его журнала.

найдено тѣло хозяина дома, державшаго въ одной рукѣ ключи, въ другой золотыя цѣпи. За нимъ шелъ слуга и несъ серебряную посуду. — Осмотрѣвши подробно весь домъ, мы возвратились по Консульской дорогѣ къ воротамъ города.

Ходя тамъ по улицамъ, я замѣтилъ, что всѣ онѣ были съ названіями и нодъ нумерами, какъ у насъ; дома означались именами своихъ хозяевъ. Я разсматривалъ эти полуизглаженные надписи, сдѣланныя красною краскою: здѣсь жилъ Нуманій; тамъ Песценій.... люди, существовавшіе за тысячу восемь сотъ лѣтъ до меня! А мнѣ казалось, что я ихъ зналъ, и, читая имена, принималъ въ нихъ участіе. Не далеко отъ городскихъ воротъ, такими-же красными словами были двѣ надписи; на одной: *Pugna mala; V non april. Venatio*; на другой: *Glad. par. XX pugna non*. Вотъ смыслъ этихъ неполныхъ надписей — первой: бой и травля къ 5-му числу Апрѣля; второй: двадцать паръ гладіаторовъ будутъ биться (такое-то число). Это афински Помпей! Афински прошли сѣвось осмнадцать столѣтій; поглотившихъ столько великихъ людей и столько великихъ событій. Я вхо-

дилъ во многіе дома и вездѣ встрѣчалъ любопыт-
 ные предметы для размышленія. Тутъ былъ ка-
 бакъ; здѣсь телѣжная лавка; тутъ храмъ; тамъ
 кухня съ горшками, далѣе хирургическая школа,
 бани, распутные дома.... Вотъ пекарни, и жерно-
 ва, которые приводились въ движеніе ослиами;
 погребъ, гдѣ продавались ликеры, и на вывѣскѣ
 тамъ изображенъ Улиссъ, отвергающій Цирцеины
 напитки. Въ одной изъ публикацій сказано, что
 Юлія Феликсъ отдастъ въ наймы бани (Thermes)
 и девять сотъ лавокъ. Я видѣлъ также алтари до-
 машнихъ боговъ (*Dieux'Laes*), входилъ въ храмъ
 Весталокъ, и съ восхищеніемъ разсматривалъ
 Саллустіевъ домъ; но онъ ужъ столько разъ опи-
 санъ, что я не стану говорить о немъ. — Какъ
 можно выразить чувства свои, когда, можно ска-
 зать, въ нѣсколько минутъ, проходишь всю лѣ-
 стницу человѣческаго быта, видишь столько со-
 стояній, столько жертвъ, столько горестей, столь-
 ко удовольствій, столько пороковъ, и воображаешь
 всѣ эти угасшія существованія, разгадывая тай-
 ны ихъ внутренней жизни! Я съ какимъ-то стра-
 хомъ входилъ въ эти святилища и боялся засту-
 чать въ нихъ; блуждалъ молча по пространнмъ

заламъ, которыя покрываетъ теперь сводъ небесный. Меня особенно восхищали *фрески*. Картины эти по большей части въ садахъ, и въ такихъ покояхъ, гдѣ есть фонтаны. Онѣ напоминаютъ восточные дворцы, и часто представляютъ острова, морскія сраженія, неизвѣстные намъ музыкальные инструменты, *нимфы*, *нагихъ* и *достойныхъ* кисти Альбана: смотря на нихъ, забываешь неблагопрістойность ихъ положенія, особенно когда вглядѣшься въ совершенство рисунка, и въ колоритъ, до сихъ поръ оживляющій ихъ. Маленькіе Амуры и дѣти, играющіе, изображены въ маленькихъ картинкахъ, по стѣнамъ небогатыхъ домовъ, для того только, чтобы стѣны не оставались голыми. Слѣдовательно, у древнихъ художество было повсюду; и гдѣ-жъ это? — Въ Помпеѣ, въ небольшомъ городкѣ! А у насъ, и теперь, въ богатѣйшихъ столицахъ, едва-ли найдется художникъ, который сравнялся-бы искусствомъ съ этими древними живописцами маленькаго городка. Любопытенъ домъ Актеона, такъ названный потому, что на одной изъ внутреннихъ стѣнъ его написана картина, изображающая превращеніе этого несчастнаго охотника, подглядѣвшаго Діану, когда она

купалась съ своими нимфами. Тамъ-же нашли роскошную столовую залу, со всѣми принадлежностями для великолѣпнаго угощенія. Изидинъ храмъ, 84 футовъ въ длину, и 64 въ ширину, весь построенъ изъ кирпича, но оштукатуренъ, или лучше сказать обмазанъ самымъ твердымъ цементомъ. На возвышеніи, близъ алтаря, еще есть обломки идола Изиды; но я не смѣлъ тутъ останавливаться, потому что вблизи исходятъ вредные пары, производящіе головокруженіе. Крестьяне въ окрестностяхъ называютъ ихъ *Mopette*. Вѣроятно, эти самые пары производили конвульсіи въ пѣніяхъ, вздымали ихъ волосы, и заставляли въ изступленіи, и съ большимъ трудомъ произносить нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыя принимались за внушенія божественныя. Подъ самымъ идиоломъ есть маленькая каморка, въ которую, какъ видно, прятались жрецы, произносившіе оракульскіе приговоры, вмѣсто богини. — Я оставилъ этотъ храмъ, впрочемъ мало любопытный, и пошелъ въ театръ.

Я думалъ видѣть одинъ театръ, а нашелъ ихъ два. Первый, поменьше и покрасивѣе, былъ крытый; другой больше и убранъ великолѣпнѣе, но

на открытомъ воздухѣ. На маленькомъ играли комическія и сатирическія пьесы. Этотъ родъ театровъ назывался *Одеумъ*. Въ нихъ собирались слушать музыку, смотрѣть пантомимы, или присутствовать на преніяхъ поэтическихъ и философическихъ, гдѣ наградою побѣдителя всегда былъ треножникъ. И въ томъ и въ другомъ театрѣ находились мѣста высшихъ чиновниковъ. Для предупрежденія безпорядка при занятіи мѣстъ, *Децемвиры* (десятники) раздавали при входѣ *tessera theatralis*, или билетъ для входа, чтобы каждый могъ занять приличное или назначенное ему мѣсто. Билеты дѣлались изъ кости, и были круглыя, какъ монеты; на нихъ означали названіе театра, сторону, лавку, мѣсто, гдѣ садиться, и даже имя автора представляемой пьесы. Большой театръ поразилъ меня своею красотой; онъ такъ хорошо сохранился во всѣхъ частяхъ своихъ, что въ немъ можно забыться и подумать: рано пришелъ я, и зрителей еще мало собралось, однако скоро начнутъ представленіе. Ступеньки или лавки всѣ покрыты мраморомъ. Между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ, поставлены прекрасныя мраморныя-же статуи. Мѣста для жем-

щипъ отдѣлены. По правую и по лѣвую сторону оркестра двѣ ложи изъ волканическаго камня: одна, для префекта или децемвира, присутствовавшего при представленіи, которую называли *Rodium*; другая для Весталокъ. Сцена украшена фронтисписомъ. На ней три двери: средняя, изъ мрамора, называлась царскою, и въ нее выходили герои, цари, первые актеры; вторая, по правую сторону, для выхода лицъ второстепенныхъ, какъ-то стариковъ; почтенныхъ женщинъ, военачальниковъ; наконецъ третья дверь, съ лѣвой стороны, назначалась для слугъ, отпущенниковъ, *педагоговъ* (наставниковъ) и проч. Но излишне было-бы описывать всѣ подробности древняго театра. Желашіе узнать ихъ могутъ прочесть Витрувія, Ювенала, Плинія. Я былъ пораженъ сохранностью этого прекраснаго зданія: въ немъ ни что не повредилось, все цѣло! Оно, какъ золотая табакерка, бережно положенная въ футляръ, въ 1800 лѣтъ не потеряло даже блеску своего. Я ходилъ по всѣмъ мѣстамъ, садился въ ложи префекта, Весталокъ, на ступени амфитеатра, и замѣтилъ, что отовсюду можно было видѣть равно хорошо. Дама, бывшая съ нами, зашла на сценѣ арію

изъ Беллиніевой Нормы, и мы удостовѣрились, что такъ-же хорошо можно было и слышать. По благосклонности милой сопутницы напей, мы конечно были изъ первыхъ, для которыхъ раздался сценическій напѣвъ на этомъ театрѣ, безжолвномъ 4800 лѣтъ. Театръ Помпей навсегда останется въ моей памяти, и, вѣроятно, я никогда не увижу такого совершеннаго остатка древности.

Отсюда пошелъ я смотрѣть амфітеатръ, или циркъ, гдѣ происходили бои гладіаторовъ, и часто сраженіе ихъ съ дикими звѣрами. Надобно было выйти изъ города, и по Консульской дорогѣ повернуть къ востоку: тамъ нашелъ я циркъ.

Гладіаторы были въ самой глубокой древности, и первоначально въ той части Италіи, которую донинѣ именуютъ *Кампаніа*. Ихъ различали по фамиліямъ. Сохранились надписи, изъ которыхъ видно, что были фамиліи гладіаторовъ *Попидіа Руфа*, другая *Ампліатсва*. Изъ мщенія къ Самнитамъ, часто ихъ побѣждавшимъ, Кампанцы выводили въ амфітеатры бойцовъ или гладіаторовъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ на подобіе Самнитовъ, то есть, со щитами, по виду золотыми, съ обвернутыми ногами, и въ шипакахъ съ султаномъ.

Имъ весело было смотрѣть на падающихъ мнимыхъ Самнитовъ, какъ называли они побѣжденныхъ гладіаторовъ. Кампанцы были такъ страстны къ этимъ зрѣлищамъ, что богатые люди у нихъ не давали обѣда или праздника безъ боя нѣсколькихъ паръ гладіаторовъ. Силій пишетъ, что даже во время пышныхъ трапезъ своихъ, древніе вводили бойцовъ, и такимъ, часто кровопролитнымъ, зрѣлищемъ услаждали свои бесѣды. Иногда несчастные падали между пирующими, и обагрляли кровью яства и сосуды съ виномъ.

Не одни плѣнные или невольники сражались въ циркѣ, но и люди свободные, кавалеры, даже Сенаторы, называвшіеся въ такомъ случаѣ *Auctorati* (дѣйствующие), принимали участіе въ этихъ бояхъ, желая показать свое мужество, и получить награду, *Auctoramentum*. Въ амфитеатрахъ давались также представленія сраженій съ дикими звѣрыми. Арену усаживали деревьями, чтобы она имѣла видъ рощи, и тогда зрѣлище уподоблялось звѣриной охотѣ.

Амфитеатръ имѣетъ фигуру эллипсиса: съ одной стороны онъ упирается въ пригорокъ, по которому пролегли стѣны Помпея, съ другой оканчи-

вается аркадами и твердыми пиластрами. Въ него входили двумя большими портиками. Есть и третье отверстіе, съ западной стороны; но оно не велико и продѣлано въ парапетѣ, для тайнаго выхода; эти двери назывались *Libitinensis*, отъ слова *Libitine*, Богиня смерти, потому что въ нихъ вытаскивали крючьями умершихъ гладіаторовъ, до *Сполациума*, мѣста гдѣ ихъ раздѣвали. Эти-же двери назывались еще *Sandapilaria*. Съ арены, то есть мѣста боя, не было выхода къ мѣстамъ зрителей, защищенныхъ стѣнкой, совершенно отдѣляющей нижнія ступени отъ арены. Это предохраняло отъ дикихъ звѣрей, которые, въ раздраженіи, могли-бы взлѣзть въ амфитеатръ, испугать и даже умертвить присутствующихъ. По краямъ стѣнки еще видны дыры, гдѣ были укрѣплены желѣзныя рѣшетки, для возвышенія этой защиты, которыя не мѣшали зрителямъ хорошо видѣть. Плиній называлъ ихъ сѣтями, по сходству вида съ этимъ снарядомъ. Циркъ почти такъ-же хорошо сохранился, какъ театры, но я глядѣлъ на него равнодушно. Варварское увеселеніе, однимъ Римлянамъ свойственное, отвратительно человѣчеству; оно существовало только до

утвержденія христіанской вѣры. Иначе и быть не могло: законъ, предписывающій любовь къ ближнему, не могъ терпѣть подобныхъ зрѣлищъ; однако, много мучениковъ запечатлѣли своею кровію на этихъ аренахъ вѣрованіе во Іисуса. Сколько тысячъ Неронъ и Галерій потравили звѣрями и сожгли христіанъ въ этихъ амфитеатрахъ, забавляя себя и неистовую чернь! Такія воспоминанія заставили меня задуматься. Настала ночь; луна освѣщала умершую Помпею, въ которую я возвращался, и эта тишина, это безмолвіе, эта пустота, посреди зданій, храмовъ, улицъ, приводили меня въ какое-то невольное содроганіе. Мнѣ казалось, что жители, предупрежденные гласомъ свынне объ угрожающей имъ гибели, или предчувствуя ее сами, мгновенно удалились, и я остался одинъ. Я ускорилъ шаги.... и благополучно дошелъ до коляски, сѣлъ въ нее, и не оглядываясь велѣлъ везти себя обратно въ Резину. Всю дорогу размышлялъ я о Помпее, и увѣрился, что этого города описать невозможно: надобно въ немъ быть, надо читать исторію древности, чтобы чувствовать при входѣ въ Помпею все, что невольно наполнить душу и сердце путешественника!

Я разстался съ своими товарищами: они поѣхали прямо въ Неаполь, а я остался въ Резинѣ ночевать, для того чтобы рано поутру слазить на Везувій. Онъ былъ кротокъ, тихъ, даже не дымился и не могъ представить мнѣ тѣхъ величественныхъ и вмѣстѣ ужасныхъ картинъ, какія бывають на немъ во время его изверженій; но я всходилъ на Олимпъ, на Гаргаръ, на Иду, на царицу горъ Этнѹ, такъ не хочу обидѣть Везувія, и заброшу ему визитную карточку. Знаю, что застану его врасплохъ, безъ наряда и безъ убранства: онъ не ждалъ моего посѣщенія, и не приготовилъ для меня праздника; но, такъ и быть! Дождаться мнѣ нѣтъ времени; къ тому-же я знаю, что онъ капризенъ, и часто цѣлыя годы дремлетъ въ бездѣйствіи; слѣдовательно и надежды не было увидѣть его во всей красѣ.

ГЛАВА III.

НЕАПОЛЬ.

(Окончаніе).

На другой день, рано по утру, я нанялъ осла и провожатаго, запасся жареной курицей и бутылкою хорошаго вина, и отправился на гору. Съ часъ поднимался я между можжевельникомъ, по золѣ и по кочкамъ, составленнымъ остывшей лавой: это скучная пустыня, и не лѣзя представить себѣ, какую грусть наводитъ ея сѣрая почва. Тропинка, по которой я ѣхалъ, становилась узка, крута и шероховата; но оселъ мой, по привычкѣ къ этой дорогѣ, шелъ твердо, не спотыкаясь, хотя и дремалъ. Наконецъ доѣхали мы до площади, гдѣ домикъ двухъ пустынниковъ. Миѣ кажет-

ся, пустынниковъ тутъ никогда и не бывало: это просто два трактирщика, собирающіе дань съ посѣтителей Везувія. Я отдохнулъ у нихъ, купилъ двѣ бутылки лакрима-крести, и позавтракавши своей курицей, да изготовленной мнѣ яичницей, опять сѣлъ на осла и пустился далѣе. Черезъ четверть часа доѣхали мы до подошвы кснуса. Отсюда надо было идти пѣшкомъ; осла оставилъ я крестьянину, а провожатый мой взялъ факель; сверхъ того мы вооружились длинными палками и полѣзли вверхъ. День былъ жарокъ; изъ кратера не выходило ни малѣйшаго дыма. Когда я началъ подниматься, мнѣ казалось, что въ четверть часа я доберусь до верху; а молодой иностранецъ, бывшій со мной, пустился было туда бѣгомъ, но пробѣжавъ шаговъ десять сталъ. Вся эта гора составлена изъ самой мѣлкой и сыпучей зола; которая очень скользка, и къ тому въ нее влезнешь почти по колѣно; надобно идти три шага за одинъ. Я скоро запыхался, и разинулъ рсть, чтобы свободнѣе переводить духъ; но мѣлкая и сухая зола, набиваясь въ горло, не позволяла дышать. Съ отчаянія, я бросилъ палку, повалился на золу, придерживаясь за камень, и хо-

тѣмъ такимъ образомъ отдохнуть. Черезъ нѣсколь-
ко минутъ провожатый сказалъ мнѣ: Andiam,
signori, corragio! (пойдемъ, сударь, смѣйте!).
Я всталъ и пошелъ, но какъ? Провожатый под-
поясая длиннымъ краснымъ кушакомъ, и оста-
вилъ концы сзади; я схватился за нихъ, и онъ на-
чалъ меня за собой буксировать. Надо сказать,
что насъ здѣсь набралось уже много; тутъ были
Италіянцы, Англичане, Нѣмцы, Французы, были и
дамы; иной пѣлъ, иной клялъ свое предпріятіе,
другіе кричали, иныхъ несли на носилкахъ, а
большая часть, какъ и я, согнувшись вдвое, пол-
зли за своими провожатыми; иные падали, прочіе
надъ ними смѣялись. Сходившіе съ горы смотрѣ-
ли на насъ гордо. Наконецъ мы взобрались на
верхъ. Тамъ, на плоскомъ мѣстѣ, съ версту въ
поперечникъ, на самомъ краю возвышалась бер-
шина и жерло волкана. Чуть замѣтный дымокъ
выходилъ изъ него, но ни шуму, ни изверженія
не было, и я не чувствовалъ ни малѣйшаго по-
трясенія. Площадь, на которой мы стояли, была
вся изъ лавы; по ней множество трещинъ, и у
иныхъ нельзя было поставить ногъ: такъ онѣ бы-
ли горячи. Я старался воткнуть мою палку въ

одну изъ этихъ трещинъ, которая была не велика, однако палка моя загорѣлась. Отдохнувъ, и насладившись прекраснымъ видомъ съ высоты, я долженъ былъ сознаться, что это далеко не Этна : даже не лзя и сравнивать этихъ горъ. На обратномъ пути, тамъ, гдѣ подымаясь шелъ я съ трудомъ цѣлый часъ, я сбѣжалъ, ни разу не упавши, дошелъ до своей коляски, и возвратился въ Неаполь.

Мнѣ оставалось осмотрѣть въ Неаполѣ зданія и публичныя заведенія. Начну съ того, которое называютъ здѣсь *Reale Albergo*. Это обширный домъ, гдѣ помѣщены школа, мастерскія разныхъ ремеслъ, страннопріимный домъ, и институтъ глухо-нѣмыхъ.

Справедливо сказалъ, не помню кто-то, что Аббатъ де Лепе ошибся родясь въ Парижѣ. Ему надобно было родиться въ Неаполѣ, потому, что здѣсь Богъ знаетъ для чего у Неаполитанцевъ есть языкъ : они говорятъ лицомъ, всѣмъ тѣломъ, и такъ выразительно, что ихъ можно всѣхъ принять за глухо-нѣмыхъ. Движенія у нихъ весь языкъ ! Встрѣтите-ли нищаго ? Онъ умиленно укажетъ на вашъ карманъ, движеніемъ попросить

нить, другимъ попросить ѣсть, даже покажетъ, что хотѣлъ-бы поѣсть макаронъ. Однажды, иностранецъ въ Капо-ди-Монте спросилъ у Неаполитанца, гдѣ кофейная лавочка, которая была въ верхней части этой деревни. Въ отвѣтъ, тотъ поднялъ нижнюю губу вверхъ, и не сказалъ ни слова. Поймите, если можете! Одинъ здѣшній ученый каноникъ уже началъ сочиненіе, которое скоро выйдетъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Словарь гримасъ Неаполитанскаго народа, съ истолкованіемъ ихъ смысла и замѣчаніями на нихъ. Съ украшенными рисунками.* Сочиненіе будетъ огромное, и авторъ желаетъ учредить Академію, для сохраненія гримасъ во всей ихъ чистотѣ, какъ Французская Академія поддерживаетъ и сохраняетъ чистоту Французскаго языка.

Заведеніе Reale Albergo содержится очень хорошо, но мнѣ показалось, что оно не соответствуетъ своей цѣли. Дѣти, обучающіеся въ немъ, одѣты опрятно; комнаты у нихъ обширныя, пища здоровая; но ихъ очень мало, и, право, не стоило учреждать такого огромнаго заведенія для 35-ти или 40-ка ребятишекъ.

Я ненавижу печатные путеводители: они не-

вольно внушают ложныя понятія, заставляя видѣть предметы по-своему, и потому-то я поставилъ себѣ правиломъ, руководствоваться самимъ собою, и не составлять себѣ прежде-временно плановъ, приготовляясь осмотрѣть что-либо. Я поддаюсь произволу, и иду куда глаза глядятъ. Отъ того-то изъ Алберго Реале попалъ я, не знаю какъ, но совсѣмъ не по дорогѣ, въ церковь Св. Маріи *del Carmine*. Тамъ я пошелъ прямо къ алтарю, и за нимъ увидѣлъ горящую лампаду, которая освѣщала почти стертую надпись. Здѣсь-то покоятся бранныя остатки юнаго и несчастнаго Конрадина. Таинственность храма, темнота, воспоминаніе о убійствѣ Короля, невольно заставили меня содрогнуться. Конрадинъ на эшафотѣ произнесъ: «О, мать моя! какое горе доразить тебя, когда получишь ты извѣстіе о моей несчастной судьбѣ!» Мать эта, Императрица Маргарита, уже спѣшила изъ отдаленной Германіи на выкупъ его жизни: но она пріѣхала поздно, и употребила сумму, опредѣленную для искупленія его, на постройку монастыря *del Carmine*. Здѣсь можно видѣть статую, представляющую ее съ кошелькомъ въ рукахъ. Вблизи монастыря существо-

вала молитвенница, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ казнили молодаго Короля: она находилась у углового строенія; нынѣ тутъ кофейный домъ! Когда палачъ отрубилъ голову Конрадину, то человекъ, стоявшій позади палача, ударилъ его кинжаломъ, для того, говорить Біанкарди, *che vivo non rimanesse un vile ministro che aveva versato il sangue dun Re*, «чтобъ не остался въ живыхъ подлый человекъ, пролившій кровь Короля.» Въ церкви Де-ль Кармине выставляется, на другой день Рождества Христова, чудотворный крестъ, на которомъ изображенный Иисусъ будто-бы уклонилъ голову отъ пушечнаго ядра, во время осады города въ 1439 году. Это распятіе въ такомъ уваженіи у Неаполитанцевъ, что во второй день Рождества народъ толпами стремится къ нему, и всѣ чиновники городскіе, по старшинству, идутъ поклониться Иисусу. Любопытенъ также придѣлъ Св. Доминика, гдѣ стоятъ гробницы двѣнадцати Королей Аррагонскихъ. Надъ гробницей знаменитаго военачальника Пескера (Pescaire) поставленъ портретъ его, и при немъ изорванный значекъ и короткая шпага, просто обдѣланная желѣзомъ, по увѣренію надписи та самая, которую,

отдаваясь въ плѣнъ, вручилъ ему Францискъ 1-й. На портретъ храбрый воинъ изображенъ въ монашескомъ одѣяніи Францисканскаго ордена: это обыкновеніе, изображать свѣтскихъ людей монахами, заимствовано у Грековъ, какъ и множество другихъ, сохранившихся отъ нихъ въ полуденной Италіи. Архитектура церкви величественна; престолъ богато убранъ; впрочемъ, особенно достойнаго замѣчанія я не нашелъ ничего. Правда, со мною никого не было, и никто не указывалъ мнѣ, что еще могло тутъ быть замѣчательнаго.

Оттуда я пошелъ къ монастырю Св. Клары, но не могъ войти въ него, потому что въ женскіе монастыри мужчинъ не впускаютъ. Мнѣ позволили осмотрѣть одну изъ церквей, исключенную изъ этого запрещенія; за то монахини въ нее никогда и не входятъ. Въ лѣвой сторонѣ ея, гдѣ въ нашихъ церквахъ становится лѣвый клиросъ, есть окошко, съ твердою желѣзною рѣшеткой, въ которой можно видѣть и даже слышать служеніе въ женскомъ монастырѣ; но рѣшетка такъ сдѣлана, что прислониться къ ней не лзя: отъ нея торчатъ довольно острые прутья. Мнѣ сказали, что это сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ одинъ не-

скромный осмѣлился сквозь рѣшетку поцѣловать руку у монашенки или клирошанки. Въ церкви богатый плафонъ, расписанный отчасти Лукою Джіордано и отчасти Доминикомъ Прети. Еще одна изъ самыхъ богатыхъ живописью церквей въ Неаполѣ, такъ называемая *Jesus Nuovo*. Тамъ всѣ образа и весь плафонъ кисти Луки Джіордано; колоритъ ихъ такъ свѣжъ, и такъ блистателенъ, что можно подумать, будто они вчера только отдѣланы!

Прогулку этого дня заключилъ я обзорѣніемъ великолѣпнѣйшаго изъ всѣхъ монастырей: это Картезіанскій монастырь Св. Мартина. Вообразите огромное и старинное зданіе, на горѣ, съ которой Неаполь, гавань, море и окрестности разстилаются у ногъ вашихъ; крѣпость Сентъ-Эльмская возлѣ, и служить новымъ украшеніемъ для него. Къ монастырю подъѣзжаешь по новому шоссе, искусно и отлого выведенному по горамъ, усыпаннымъ садами и прекрасными загородными домами. Вошедши въ монастырь, я удивился его великолѣбію: обширные дворы вымощены лавными плитами; по угламъ мраморныя статуи святыхъ; колодцы также обдѣланы мраморомъ; всюду про-

ведена вода по галлереймъ, по коридорамъ; въ кельяхъ вездѣ гранитъ, вездѣ мраморъ. При Юсифѣ Бонапартѣ и Мюратѣ, этотъ монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ кавалерійскія казармы. Бѣдные Картезіанцы разошлись по всѣмъ странамъ: нѣкоторые въ Швейцарію, другіе въ сѣверную Италію и даже во Францію; но покойная супруга нынѣшняго Короля исходатайствовала у него, чтобы монастырь возвратили старымъ его жителямъ. Теперь онъ по прежнему занятъ монахами, но ихъ еще не много, потому что изъ прежнихъ большая часть померла, а новыя еще не успѣли поселиться. При мнѣ, кромѣ настоятеля, было только двѣнадцать братьевъ, и нѣсколько послушниковъ. Впрочемъ, уже все приведено было въ порядокъ: запущенныя и заглохшія сады расчищены, церкви поправлены и снова освящены. Главная изъ нихъ, церковь Св. Мартина, богата украшеніями: въ ней повсюду золото, серебро, порфиръ и яшма; около алтаря драгоцѣнныя картины лучшихъ мастеровъ. Но выше всего этого единственная картина: Святіе со креста Спасителя нашего, написанное Юсифомъ Риберою, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ *Эспаньолетта*. Я

не могъ довольно паглядѣться на нее. Всѣ фигуры почти въ ростъ человѣческій, и не лѣзя ничего видѣть умильтельнѣе и вмѣстѣ ближе къ натурѣ : эта картина живая ! Англичане давали за нее триста тысячъ рублей, но монахи не согласились продать ее , и хорошо сдѣлали. Если-бы нужда двела ихъ до того, то правительство вѣрно купило-бы ее для музея. Какъ можно выпустить изъ государства это неподражаемое произведеніе Эспаньолеттовой кисти ! Послѣ я видѣлъ много картинъ его въ Римѣ, во Флоренціи и въ Парижѣ; но ни одна съ этимъ Снятіемъ со креста сравниться не можетъ.

Я долго прогуливался по монастырю. Кажется, ни съ какого другаго мѣста въ Неаполѣ не лѣзя такъ хорошо обозрѣть положеніи города и его окрестностей. Неаполѣ, какъ сидящій великанъ, обнимаетъ море огромными своими руками, составляющими прелестный его заливъ : городъ можно назвать тогда туловищемъ его, берега Портучи, Помпеи и Сорренто лѣвою рукою, а правую берегъ Наузилиппо и Мизенскій мысъ. Сентъ-Эльмскія крѣпость и Картезіанскій монастырь голова этого великана.... Но собираюсь на обѣдъ къ

Княгинѣ д'Эболи, и на вечеръ, гдѣ Донизетти. долженъ былъ акомпанировать прелестной пѣвицѣ, прїѣхавшей вмѣстѣ со мной изъ Мальты, я поторопился домой, и съ сожалѣніемъ прекратилъ свою прогулку.

Надобно было явиться не запыленнымъ путешественникомъ, а свѣтскимъ человѣкомъ къ Княгинѣ д'Эболи, которая пригласила къ себѣ всѣхъ иностранныхъ министровъ и знатнѣйшія Неполитанскія фамиліи. Обѣдъ длился безконечно, и по моему былъ довольно скученъ. Впрочемъ, званные, большіе обѣды таковы-же въ Петербургѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, словомъ, вездѣ. Домъ Княгини д'Эболи прекрасный, на Къяъ, богато убранъ и украшенъ многими хорошими картинами. Послѣ обѣда скоро всѣ разъѣхались для *сіесты* (по нашему: *спать*), условясь опять съѣхаться на концертъ, послѣ спектакля. Вечеру почти то-же самое общество, которое обѣдало у Княгини д'Эболи, собралось на концертъ. Г-жа Ф*** пѣла превосходно. Многія дамы спрашивали меня о Русскихъ обычаяхъ, о Петербургскихъ модахъ, и съ сожалѣніемъ говорили, какъ тяжело должно быть нашимъ дамамъ въ шубахъ, и проч. Мнѣ

разъѣхались въ часъ по полуночи. Я не ложился спать, а только переодѣлся: два товарища, Англичане, ждали меня ѣхать въ Пестумъ. Лодка была готова, и мы, при благополучномъ вѣтеркѣ, отправились. Скоро проплыли мы мимо Кастель-Амаре и Сорренто. Весь этотъ берегъ прекрасенъ. Въ Сорренто показываютъ домъ, гдѣ родился Тассъ. Оттуда уже недалеко до Амальфи, и мы прибыли въ нее къ вечеру.

Амальфи, нѣкогда могущественная и воинственная республика, теперь не что иное какъ деревенька, замѣчательная живописнымъ мѣстоположеніемъ и своими превосходными макаронами. Одинъ остатокъ древняго величія въ ней, это соборъ, въ которомъ еще есть прекрасныя колонны изъ гранита, порфировая ваза, и двѣ гробницы, очень древнія. Народъ здѣсь крупенъ, красивъ; женщины вообще хорошенькія. Переночевавъ въ Амальфи, мы, въ четыре часа поутру, поплыли далѣе, вдоль береговъ. Очарованіе!... весь этотъ берегъ точно будто каменный. Это ландшафтъ Сальватора Розы: черныя, зеленныя, синія, сѣрыя скалы, какъ топоромъ грубо обтесанныя, и между ними дикія деревья, съ темной зеленью; въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ углубившіеся въ берега заливы, гдѣ уарываются одна, двѣ лодочки... Я велѣлъ остановиться въ Атрании. Это слобода, на два ружейные выстрѣла отъ Амальфи. Я взомель на пригорокъ и увидѣлъ на пескѣ, у моря, кучу нагихъ, загорѣлыхъ, почти черныхъ Ладзарони: они съ восторгомъ бросались въ море, кричали, пѣли, и потомъ растагивались недвижимо отдыхать на пескѣ; другіе катались по немъ, и вставали облепленные чернымъ иломъ или пескомъ. Надобно было видѣть это, чтобы понять, какъ они любятъ море. Море ихъ жизнь, ихъ божество, ихъ страсть! Какъ скоро Ладзарони добылъ грошъ, на день съ него довольно: онъ бѣжитъ купаться, и остается въ водѣ часовъ восемь, или десять, ѣсть, спать въ ней, живетъ!

Въ Атрании родился Мазаниелло. На здѣшнихъ берегахъ изобрѣтенъ компасъ, и найдены *Памдекты*. Въ самой слободѣ есть очень любопытный памятникъ: это бронзовыя барельефы церкви Санъ-Сальватора (Святаго Спасителя), съ надписью 1087 года, относящеюся къ времени могущества Амальфійской республики. Съ тѣхъ поръ какъ сгорѣла, въ 1823 году, въ Римѣ, церковь Апо-

стола Павла (что за стѣнами), гдѣ были бронзовыя-же врата, вылитыя въ Константинополѣ въ 4070 году, кажется, въ Италіи нѣтъ барельефовъ старѣе здѣшнихъ.

Мы продолжали путь нашъ моремъ верстѣ восемь, до Салерны. Въ Средне Вѣка городъ Салерна былъ знаменитъ тѣмъ, что Робертъ Гискаръ сдѣлалъ его своей столицей. Тамъ была славная школа медицины и правъ. Пристань города застроилъ начальникъ заговора, извѣстнаго подъ названіемъ Сицилійской Вечерни, Іоаннъ Прочида, дворянинъ и медикъ. Въ городѣ ничего нѣтъ древняго, кромѣ свода въ соборѣ, складеннаго изъ древнихъ остатковъ, да шести любопытныхъ Рымскихъ колоннъ, запрятанныхъ въ архіерейской конюшнѣ. Соборъ зданіе обширное. Онъ посвященъ Апостолу Маттею и построенъ Робертомъ Гискаромъ; для него употреблено множество барельефовъ и колоннъ, увезенныхъ изъ Пестумскихъ храмовъ. Здѣсь похороненъ славный Папа Григорій VII. Этотъ строптивый наслѣдникъ Св. Петра сочинилъ для себя надгробную надпись, довольно странную какою-то важною кротостью:

Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem; propterea morior in exilio.

Я любилъ истину, ненавиждѣлъ неправду, и за то умираю въ ссылкѣ.

Недалеко отъ придѣла, въ которомъ находится его статуя, поставлена гробница Кардинала Караффы, его приверженца.

Осмотрѣвъ го; одѣ, я нанялъ дрянную одноколку, и за нѣсколько копѣекъ отпавился, на разсвѣтъ, въ Пестумъ. Это путешествіе было необходимо: что сказали-бы любители древности, если-бъ узнали, что странникъ съ сѣвера былъ въ Неаполѣ, и не поѣхалъ восхищаться Пестумскими храмами? Варваръ! Я испугался этого и поѣхалъ. Послѣ семи часовъ тряской и безпокойной ѣзды, я добрался до мѣста. Термометръ показывалъ 33 градуса жару; но, чтобы не терять времени, я приказалъ везти себя къ храмамъ. Ихъ три.... Ни что въ свѣтъ не можетъ быть грустнѣе, и вмѣстѣ поразительнѣе, величественнѣе этого зрѣлища. Вообразите плоскую, безплодную, обожженную пустыню, на которой мѣстами прорастаетъ коротенькая и вялая травка; надъ головою вашею раскаленный сводъ небесъ, а въ двухъ стахъ шагахъ Средиземное

Часть II.

6

море, голубое и тихое. По срединѣ этой пустыни возвышаются одинокіе три храма, довольно удаленные одинъ отъ другаго, такъ что ихъ не лѣзя принять за одно строеніе, но притомъ и столько сближенные, что можно однимъ взглядомъ обозрѣть ихъ. Они стоятъ тутъ памятниками цѣлыхъ поколѣній, давно исчезнувшихъ съ лица земли; но ни дѣла, ни хижинки, ни даже развалины здѣсь нѣтъ: одни эти три храма! Ихъ крыши, ихъ стѣны сокрушены временемъ; остались однѣ колонны. Нельзя представить себѣ какъ прелестны онѣ, при освѣщеніи здѣшнимъ солнцемъ, вблизи моря, подъ Неаполитанскимъ небомъ! Стая вороновъ часто опускается на нихъ, какъ будто ищутъ пищи въ этихъ каменныхъ мертвецахъ! Есть еще одна колонна, отъ Нептунова храма, гдѣ видны слѣды громоваго удара, расколоваго ее. Чтобы совершенно постигнуть грустное впечатлѣніе, производимое этимъ мѣстомъ, надобно знать, что *la mal aria* (смертоносный воздухъ) царствуетъ здѣсь круглый годъ. Въ окрестности нѣтъ ни деревни, ни уголка обитаемаго; одна корча, въ которой живутъ проводники, показывающіе храмы. Ихъ блѣдныя лица, ихъ потухшіе глаза, ихъ

слабый голосъ, ихъ нищета, поражаютъ жалостью. Я однакожь довольно хорошо позавтракалъ у нихъ, и хотѣлъ отдохнуть; но эти бѣдные люди убѣрили меня, что отъ сна я неминуемо схвачу лихорадку. Они присовѣтовали мнѣ скорѣе удалиться. Эти несчастные едва добываютъ себѣ пропитаніе отъ путешественниковъ, и за то жертвуютъ здоровьемъ и часто жизнію. Если спросите у нихъ, какую прибыль получаютъ они, отвѣтомъ будетъ: *Si camp* (живешь).

Я подробно осмотрѣлъ великолѣпные остатки трехъ храмовъ, но не стану описывать ихъ: столько разъ ихъ рисовали, измѣряли, описывали, что это былъ-бы трудъ излишній. Я поѣхалъ въ прелестную долину *La Cava*. Она не далеко отъ Салерны: въ ней вы найдете дубы, каштановыя и оливныя деревья, водопадъ, пещеры. Здѣсь Филанджіери сочинилъ свою книгу о законодательствѣ; здѣсь Сальваторъ Роза написалъ превосходныя картины, внушенныя ему живописною природою окружающихъ мѣстъ. Долго гулялъ я по долинѣ, и вззошелъ на вершину горы Фенестра, гдѣ находится славный и любопытный Троицкій монастырь.

Въ Италіи монастыри занимають важное мѣсто. Англія хвалится своими церквами, Германія замками, а Италія монастырями. Монастыри долго были во всей Европѣ святилищемъ наукъ и горниломъ просвѣщенія. Протестантство и Французская революція разорили ихъ на сѣверѣ (вездѣ, кромѣ нашей благословенной Россіи); но въ Италіи они долго были разсадникомъ Папъ, и донинѣ сохраняютъ свое поэтическое величіе. Это хранилища мрамора, драгоценныхъ камней, единственныхъ картинъ, историческихъ и политическихъ сокровищъ. Монастыри Картезіанцевъ чудесны; Валомбревскій близъ Флоренціи восхитителенъ. Но одинъ изъ любопытнѣйшихъ, видѣнныхъ мною, безъ сомнѣнія, Троицкій монастырь Капуциновъ.

Знаете-ли, какое у нихъ кладбище? Это три длинныя часовни, имѣющія между собою сообщеніе и украшенныя *теловѣческими костями*! Изъ головъ составлены престолы, своды и ниши, или впадины, и въ нишахъ этихъ расположены скелеты монаховъ, одѣтые въ рясы: иной сидитъ, другой стоитъ на ногахъ или на колѣняхъ. Есть такіе, у которыхъ видна только голова подъ капишномъ, да руки, выходящія изъ рукавовъ и дер-

жація крестъ. Иные, съ разинутыми ртами, показываютъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Словомъ, они почти во всѣхъ положеніяхъ; но странно, что эти мертвыя головы не всѣ имѣютъ одинакую физиономію. Когда скелеты разрушаются и уже не могутъ составлять цѣлаго, то изъ кусковъ ихъ собираютъ лампы, свѣтильники, украшенія въ алтарь. Я видѣлъ по стѣнамъ руки, крестообразно прибитыя, и даже надписи, которыхъ каждая буква была изъ человѣческой кости. Когда спрашивали проводника, для чего всѣ эти скелеты въ разнообразныхъ положеніяхъ, онъ хладнокровно отвѣчалъ: *вѣдь надобна-же перемѣна!*

Въ монастырѣ сохраняется прекрасная, хотя не многочисленная, библіотека, особенно богатая изданіями Альдовъ, Юнтовъ, Грифіевъ и Стефановъ; есть двѣ или три драгоценныя Библіи VIII вѣка; одна изъ нихъ, въ четвертку, особенно замѣчательна бѣлизной и тонкостью пергамента, и тѣмъ еще, что писана разноцвѣтными красками и превосходнымъ почеркомъ. Самая-же величайшая рѣдкость библіотеки, это *Codex Legum Longobardorum*, 1004 года, одинъ изъ извѣстныхъ и рѣдчайшихъ экземпляровъ. Онъ содержитъ въ себѣ

законом Королей Италійскихъ до Лотарія II-го. Здѣсь хранятся также родословныя древнѣйшихъ семействъ въ Италіи.

Въ тотъ-же вечеръ воротился я въ Неаполь, торопясь проститься съ нимъ, вѣроятно, навѣкъ. Мнѣ уже пора было ѣхать въ Римъ, и я тотчасъ сталъ собираться въ дорогу. На другой день, распрощавшись съ моими знакомыми, поблагодаривъ Графа Матушевича за его благосклонный пріемъ, обнявъ въ послѣдній разъ моего соотечественника и спутника изъ Мальты, Г-на Ф****, и прелестную супругу его, я сѣлъ въ дилижансъ и поскакалъ въ Римъ.

Размышляя о Неаполитанскомъ государствѣ, легко можно удостовѣриться, что оно никогда не имѣло самобытности. Полагаютъ, что въ самой глубокой древности, т. е. въ баснословныя времена, населяли его Лестригоны; потомъ, во времена уже историческія, часть восточныхъ и западныхъ береговъ заселилась выходцами изъ Греціи, которые привезли съ собою обычаи, законы и даже языкъ свой. Когда Римляне стали усиливаться въ Италіи, мы видимъ ихъ воюющихъ съ Самнитами и овладѣвающихъ здѣшнею страню.

Вотъ первые жители этой прелестной страны, называвшейся то Апуліей, то Великой Греціей, и наконецъ Неаполемъ. Въ 568 году Лонгобарды исторгли часть Западной Имперіи у Императора Юстина II-го, а Авварисъ, третій ихъ царь, считая отъ Ардоина, прошелъ войною всю полуденную Италію, до Реджіо, и въѣхалъ на лошади въ море, гдѣ ударивъ копьемъ въ стоявшую въ волнахъ, близъ береговъ, колонну, вскричалъ: «Вотъ « одна граница, которую признаю для Лонгобардскаго царства.» Но Греческіе Императоры сохраняли еще тогда за собою Неаполь, и почти всю Калабрію, и Лонгобарды никогда не могли вполне завладѣть государствомъ. Мало по малу освободились другіе города и стали защищаться, каждый особо. Такое положеніе продолжалось до 830 года, съ разными перемѣнами. Въ 836 году, Сицилійскій Грекъ Евфимій, увезшій изъ монастыря монахиню, и преслѣдуемый за такое преступленіе, бѣжалъ въ Африку, и тамъ открылъ Сарацинамъ способъ овладѣть его отечествомъ. Дѣйствительно, въ началѣ IX-го столѣтія онъ обратился съ арміей Арвитанъ. Побѣдители многихъ народовъ, они не замедлили отнять Сицилію

у погруженныхъ въ роскошь и нѣгу Грековъ. Тогда-то Неаполь и другіе города призвали ихъ къ себѣ на помощь. Лонгобарды сдѣлали то-же. Варвары не замедлили явиться, вошли союзниками и остались властелинами; ограбили берега, побрали города, покорили и Лонгобардовъ и Неаполитанцевъ, и твердо поселились въ Кумъ и Мизенъ. Тогда все государство раздѣлилось на мѣлкіе участки; каждый городъ управлялся самъ по себѣ, воевалъ, защищался, хотѣлъ увеличить свое владѣніе. Амальфи отдѣлилась отъ Неаполя и образовала республику. Однимъ словомъ: составилось двадцать правленій. Бояре укрѣпили по горамъ свои замки и назвались правителями; каждая скала сдѣлалась крѣпостью, и каждый баронъ царькомъ.

Такимъ образомъ государство совсѣмъ истощилось и ослабѣло; перевороты слѣдовали одинъ за другимъ; безпрестанно мѣнялись властители и народы. Десять разъ возвращался одинъ и тотъ-же государь, и опять выходилъ изъ города, когда соперникъ его вступалъ въ другія ворота. А сколько слезъ, сколько крови пролито при этихъ безпрестанныхъ торжествахъ чужеземныхъ завое-

вателей, и что долженъ былъ претерпѣть туземный народъ? . . . Наконецъ, Норманны завоевали эту страну, подъ предводительствомъ Танкредовыхъ сыновъ, въ 1054 году; а въ 1193-мъ Танкредъ, послѣдній Король Норманнскаго племени, умеръ въ Реджіо, и царство перешло къ Нѣмецкимъ Князьямъ Швабскаго дома. Съ тѣхъ поръ начались безпрестанныя ссоры и войны съ Папами, до самой смерти несчастнаго Конрадина. Тутъ воцарились въ Неаполѣ Французскіе Князья. Въ 1282-мъ Испанцы изгнали ихъ и утвердили престолъ за Арагонскими Князьями; потомъ были Короли изъ Венгріи, и опять изъ Франціи, изъ Испаніи. Наконецъ, казалось, что Короли Бурбонскаго дома утвердились совершенно, когда настала Французская революція и возникла Республика. Наполеонъ сдѣлалъ Королемъ Неаполитанскимъ брата своего Іосифа, потомъ Іоахима Мюрата, послѣ котораго царствуютъ опять законные Короли Бурбонскаго племени. Не ясно-ли, что Неаполь никогда не имѣлъ ни собственныхъ Королей, ни собственныхъ законовъ, и вотъ, мнѣ кажется, причина непостоянства въ обычаяхъ, въ нравахъ, въ привычкахъ здѣшняго народа: онъ

сдѣлался совершенно равнодушенъ ко всѣмъ перемѣнамъ. Неаполитанецъ любитъ только свой климатъ, свои берега, свое море, свое солнце: они никогда не перемѣнялись, не измѣняли ему, всегда его лелѣли, и онъ живетъ безпечно, день за день, и останется такимъ, куда не удостоится, что правительство у него родное, что оно бережетъ его, заботится о немъ, думаетъ объ улучшеніи его состоянія, о его будущности. Такія разсужденія занимали меня дорогой изъ Неаполя до Капуи.

Теперь надобно сказать о товарищахъ моихъ въ дилижансѣ. Со мной сидѣли въ каретѣ два монаха Августинскаго ордена, да Швейцарскій аббатъ изъ Фрейбурга. Одинъ изъ монаховъ былъ довольно старъ; онъ казался человѣкомъ скромнымъ и вѣжливымъ, по большей части молчалъ, творилъ молитву, или читалъ правила; другой, румяный, молодой и жирный, безпрестанно разсказывалъ о своихъ намѣреніяхъ, о своихъ надеждахъ. Онъ имѣлъ у Двора Папскаго сильныхъ покровителей, и обѣщалъ познакомить съ ними своего товарища; часто подчивалъ меня табакомъ, изъ трехъ разныхъ табакерокъ; теръ свои виски

и лобъ одеколонею , говоря намъ , что все это дѣлаетъ для предохраненія себя отъ вреднаго воздуха ; убѣждалъ насъ не спать посреди Понтинскихъ болотъ , увѣряя , что это смертельно , и проч.. Онъ довольно забавлялъ меня , но наконецъ наскучилъ мнѣ , и я оставилъ его въ покоѣ. Фрейбургскій аббатъ , высокій и сухощавый мужчина , по большей части разговаривалъ со мною : онъ сидѣлъ впереди , супротивъ меня. Одно въ немъ не нравилось мнѣ : онъ былъ чрезвычайно сонливъ , протягивалъ ноги , и очень беспокоилъ меня ими ; къ тому еще карета наша была тѣсна , и онъ своею тростью теръ мнѣ ногу ; я будилъ его , онъ извинялся , но скоро опять засыпалъ , и опять беспокоилъ меня тростью. Это до того дошло , что я началъ чувствовать боль въ ногѣ , и рѣшился пересадить своего аббата на другое мѣсто ; онъ вѣжливо согласился и сѣлъ на мѣсто жирнаго монаха.

Мы пріѣхали въ Капуу. Нынѣшній городъ сдвинутъ съ мѣста стараго. Имя его невольно напоминаетъ Аннибалову армію , и роскошь древней Капуи ; здѣсь надобно переѣзжать рѣку Вултурнъ. Далѣе , Карильано , или древняя Минтурна. Въ

болотахъ, окружающихъ ее, скрывался нѣсколько времени Марій; здѣсь-же Гонзальвъ Кордуанскій разбилъ Лотрека, и тѣмъ освободилъ Италію отъ владчества Французовъ. Страна прекрасна, богата и плодородна до самой Террачины, гдѣ уже начинаются Папскія владѣнія. Тутъ рѣзкая перемена: все дико, пусто и принимаетъ видъ строгій. Начитавшись и наслышавшись о разбойникахъ, часто встречаемыхъ около Террачины, я безпрестанно выглядывалъ изъ кареты. Подозрительныя рожи проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо насъ крестьянъ, ихъ костюмы, напоминающіе рисунки Сальватора Розы и Роберта, придавали вѣроятіе неминуемой и скорой встрѣчѣ съ этими пріятелями. Дорога шла между горъ и часто по ущельямъ. Но, благодаря заведенному Королемъ Неаполитанскимъ порядку, и строгости его конныхъ разъѣздовъ, съ нами ничего не случилось, и мы хотя поздно вечеромъ, но благополучно пріѣхали въ Террачину.

Террачина (древній Ликсуръ) построена на горѣ. Черезъ нее пролегала дорога Аппіева (*Via appia*), уцѣлѣвшая до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ. Городъ расположенъ на известковой горѣ.

амфитеатромъ возвышающейся къ морю. Изъ всѣхъ древнихъ городовъ, Террачина, можетъ стать, одна представляетъ развалины строеній трехъ разныхъ эпохъ. Здѣсь на каждомъ шагѣ можно сказать съ Виргиліемъ: *pendent opera interrupta*, потому что онѣ никогда не были докончены. На вершинѣ горы виднѣнъ начатой дворецъ Феодорика, гдѣ еще много сводовъ, арокъ, составлявшихъ нижній этажъ; внизу развалины огромнаго замка феодальныхъ временъ; на послѣднемъ-же покатѣ горы и на плоскомъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ, обширные фундаменты, ожидающіе постройки Императорскихъ дворцовъ и палатъ Патриціевъ. Между ними нѣсколько публичныхъ зданій, едва оконченныхъ, какъ-то таможня, хлебныя магазины, трактиры и почтовой домъ. Судьба не велѣла Террачинѣ быть великолѣпнымъ городомъ. Въ обширномъ объемѣ заложенная нѣкогда, она теперь заключаетъ въ себѣ 4000 жителей: они бѣдны, и живутъ тѣсно, въ узкихъ улицахъ. Посреди грязныхъ хижинъ древняго Анксуръ, разбросанныхъ по крутымъ скаламъ, отличается еще фасадъ палатъ Браски, построенныхъ Папою Піемъ VI: онъ хотѣлъ здѣсь лично надзирать за

работами осушенія Понтинскихъ болотъ. Между древнимъ и новымъ городомъ возвышается, какъ посредница протекшихъ и нынѣшнихъ временъ, соборная колокольня, которой своды поддерживаются колоннами Аполлонова храма.

И такъ, этотъ городъ, процвѣтавшій гораздо прежде основанія Рима, и подчинившійся власти его черезъ три столѣтія, городъ, которому, казалось, суждено было сдѣлаться ключемъ полуденной Италіи, никогда не могъ, не смотря на всѣ усилія Цезарей и вотомъ Папъ, занять важной степени. Столько трудовъ, столько начатыхъ огромныхъ работъ, все было тщетно: онъ остается ничтожнымъ городишкомъ, гдѣ влечать бѣдную жизнь малочисленные граждане его. Съ нимъ граничатъ вредныя своими испареніями Понтинскія болота; но въ Террачинѣ воздухъ здоровъ, и природа расточаетъ всю роскошь и все плодородіе южныхъ странъ. Здѣсь не знаютъ зимы. Хлопчатая бумага, индиго, созрѣваютъ на поляхъ; повсюду пальмы распускаютъ свои красивыя вѣтви, надъ лимонными, померанцевыми и многими Африканскими растеніями. Эти выгоды, при счастливомъ мѣстоположеніи, подлѣ небольшой, но

спокойной пристани, на проѣзжей до изъ Рима въ Неаполь, должны были-бы, намъ ся, привлечь сюда изобиліе и заставить здѣ селиться. Но нѣтъ! шайки разбойниковъ, безпрестанно привлекаемыхъ сюда тѣми-же самыя выгодами, и притомъ удобствомъ спастись въ близкія сосѣднія государства и въ горы, удаляютъ отсюда мирныхъ поселеніиъ. Жители здѣшніе почти всѣ въ сношеніяхъ и дружбѣ съ разбойниками, которые съ ними дѣлятся.

Перевязавъ свою ногу, растертую аббатомъ, я выѣхалъ изъ Террачины уже ночью, и не смотря на убѣжденія молодого Августинца, который уговаривалъ меня не спать проѣзжая Понтискими болотами, крѣпко заснулъ. Молодой монахъ будилъ меня, подчивалъ табакомъ, подавалъ мнѣ стаканы, то съ крѣпкимъ уксусомъ, то съ карискою водою, но я поддавался сну, и до утра проспалъ благополучно. Мы нѣсколько разъ мѣняли лошадей, и по утру, около девяти часовъ, прибыли въ Велетри. Тутъ надо было пріостановиться: монахи наши непремѣнно хотѣли служить обѣдню. Ихъ почтительно ввели въ церковь, и я пошелъ за ними. Старшій священнодѣйствовалъ.

а младшій служилъ вмѣсто діакона. Собралось множество народа, видѣть заѣзжихъ священниковъ, служащихъ въ церкви. По окончаніи обѣдни мы позавтракали и поѣхали далѣе. Беле-три, древняя Велитра, городъ Вольсковъ, гдѣ родился Императоръ Августъ. Улицы въ этомъ городѣ кривыя и узкія, но мѣстоположеніе его прекрасно, и нѣкоторые зданія достойны особеннаго замѣчанія, какъ-то Ланцелотовы палаты и музей Борджіевъ. Жителсей здѣсь до 9000. Я очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности осмотрѣть знаменитыя Понтинскія болота (проѣхавъ ихъ ночью), и сличить работы, произведенныя по волѣ Піа VI-го, для осушенія ихъ, съ тѣми, которыя потомъ производилъ знаменитый инженеръ Прони, по повелѣнію Наполеона. Извѣстно, что въ древности эти мѣста были окружены прелестнѣйшими загородными дачами богатѣйшихъ Римскихъ вельможъ, и тогда даже слуху не бывало о болотахъ и смертоносномъ воздухѣ. Слѣдовательно, очень вѣроятно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что морской берегъ въ этомъ мѣстѣ отдалился и образовалъ болота. Какъ бы ни было, а огромныя работы, предпринятныя

Папою Піємъ VI-мъ, хотя и несовершенно исполнили его ожиданія, однако заслуживаютъ вѣчную благодарность потомства, и своею огромностію достойны древнихъ Римлянъ. Теперь уже большое пространство, прежде непроходимое, совершенно осушено: на немъ луга и богатая пастбища.

Мы приближались къ Риму по древней Аппіевой дорогѣ, которую только верстъ за тринадцать отъ города оставили въ лѣвой рукѣ, потому что теперь проложена новая дорога, гораздо больше спокойная. Здѣсь Римъ уже является во всемъ своемъ величій! Если кто рѣшится не глядѣть по сторонамъ, а устремить свои глаза только на городъ, передъ нимъ будетъ картина, совершенно похожая на Москву, когда въ нее въѣжаешь по Смоленской дорогѣ: такая-же обширная равнина застроена огромнымъ городомъ. Зданія еще не обозначаются отдѣльно и представляютъ громаду города, въ которой особенно замѣтны куполы съ золотыми верхами, множество церквей, кресты, колокольни. Но я сказалъ, что не надобно глядѣть по сторонамъ; иначе все приметъ другой видъ, ~~и следовало съ Москвой не~~ ~~сравнить~~. Передъ вами Сабинскія горы, великолѣп-

нѣйшіе водопроводы, отсюда протягивающіеся къ столицѣ міра, замки, загородные дома, живописныя мѣстоположенія, Альбано, Кастель-Гандольфо, Фраскати! Каждое мѣсто влечетъ за собой историческое воспоминаніе о какомъ нибудь событіи. По лѣвую руку остатки знаменитыхъ гробницъ: вотъ гробница Гораціевъ и Куріаціевъ, тутъ Сципіонова, тамъ Цециліи-Метеллы. Все напоминаетъ классическую землю Истріи въ близость владыки древняго міра. Самая природа здѣсь величественнѣе: кажется дышишь воздухомъ очарованія и невольно углубляешься въ размышленія, впадаешь въ какое-то грустное мечтаніе, теряешься въ прошедшемъ, забываешь откуда и съ кѣмъ идешь! Я, по истинѣ, началъ приходить въ себя тогда только, когда карета наша остановилась перемѣнять лошадей въ Альбано.

Вблизи отъ Альбано былъ еще недавно знаменитый и огромный дубъ, подъ которымъ, какъ утверждаетъ преданіе, часто отдыхалъ и писалъ свою Энеиду Виргилій. Мѣсто было избрано имъ хорошо. Сидя на землѣ Альбанцевъ, поэтъ пробѣгалъ взорами поля Рутуловъ и Латиновъ; за нимъ возвышалась, на 3000 футовъ надъ мо-

ремъ, гора Альбано, новая Ида, на вершинѣ которой онъ, по примѣру Омира, помѣщалъ божественныхъ свидѣтелей сраженій своего героя. Но я не засталъ въ живыхъ Виргиліева дуба. Очень недавно еще можно было видѣть его, почти изсохшій, но сохранившій хоть немного зеленыхъ вѣтвей; наконецъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ, точно отъ дряхлости, разрушился, и теперь не видно и слѣдовъ его. Недалеко отъ этого мѣста осматривалъ я остатки, гораздо древнѣйшіе: на полуразрушенномъ, кирпичномъ фундаментѣ, уцѣлѣло пять небольшихъ и не регулярныхъ конусовъ, которые, на зло Археологін, называются обыкновенно гробницею Гораціевъ и Куріаціевъ. Нѣкоторые ученые предполагали, Богъ вѣсть почему, что это Помпеевы трофеи. Это все равно, что въ неизвѣстномъ скелетѣ узнавать своего предка. Что до меня касается, признаюсь, что въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ, когда вѣрованье не противно здравому разуму, я всегда соглашаюсь съ большинствомъ. Сраженіе трехъ Гораціевъ съ тремя Куріаціями, давшее владычество Риму, по свидѣтельству историковъ было близъ Рима; такъ почему и не на этомъ мѣстѣ? и слѣ-

довательно, почему не быть этимъ конусамъ гробницей знаменитыхъ бойцовъ ?

Въ Альбано обыкновенно тысячи четыре жителей, но въ лѣтнее время это число удваивается, иностранцами и богатыми жителями Рима, которые уѣзжаютъ изъ столицы для избѣжанія отъ *mal aria*, обыкновенно въ это время господствующаго до осени, во многихъ частяхъ города. Окрестности Альбано прекрасны. Самое мѣстечко расположено на покатости возвышенія, гдѣ были прежде загородные дома Помпея, Клавдія и Домиціана. Они замѣнились теперь вилами Барберини, Корсини и Дорія, въ такомъ-же отношеніи къ древнимъ, въ какомъ находятся нынѣшніе Римляне къ современникамъ Помпея. Кто изъ путешественниковъ не знаетъ большихъ Барбериневыхъ садовъ, расположенныхъ въ маленькой части Домиціанова сада, и церкви, построенной въ уголкѣ его теплицъ ! Другая церковь помѣщена въ небольшомъ Минервинномъ храмѣ ! Кто не знаетъ также Преторіанскихъ казармъ, съ ихъ толстыми стѣнами, ихъ купелями, ихъ водоемами, и этого амфитеатра, этого музея, еще называемаго *Пикаковека*, и наконецъ этихъ остатковъ

огромной галлерей, которой половина подъ землею? Великолѣпные слѣды владыкъ міра! За то, съ какою силою оспариваетъ у нихъ природа удивленіе и признательность потомства! Кто насадилъ эти зеленые дубы виллы Памфили? Дорія или Домиціанъ? Многія изъ деревьевъ, нѣкогда посвященныя Юпитеру, имѣютъ до ста футовъ въ охватъ. Наши глаза долго не могутъ привыкнуть смотрѣть на эти чудеса древности, и видѣть простой домашній бытъ какого нибудь Цезаря, хозяина тысячи гостей, покровителя тысячей кліентовъ, окруженнаго сотнями рабовъ, охраняемаго тысячами солдатъ! Наконецъ, уставши отъ безпрестаннаго удивленія, при видѣ такого колоссальнаго величія, глаза хотятъ отдохнуть на красотахъ природы, которыя изумляютъ не меньше.

Вырвавшись изъ подъ императорскихъ сводовъ Домиціана, я ушелъ насладиться прохладною тѣнью въ сады Барберини, Дорія и Корсини. Кромѣ названныхъ мною богатыхъ виллъ, есть еще множество прекрасныхъ дачъ, наполненныхъ лучшими Римскими жителями, иностранными министрами, путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда насладиться благораствореніемъ возду-

ха и прелестными окрестностями. Къ вечеру всѣ разсыпаются по сторонамъ: одни подъ тѣнь аллей Кастель-Гандольфо, смиренное лѣтнее жилище Царя-Первосвященника, другіе по дорогѣ къ Ларраціи, иные къ Нимфеямъ, къ древнему пути торжествъ, наконецъ къ монастырю Пассіонистовъ, который, на вершинѣ горы Альбано (Monte Caro), замѣнилъ храмъ Юпитера Латіала, такъ-же какъ монастырь Палацуола построенъ на развалинахъ соперника Рима, Асканіева города, Альбы-Длинной, *Alba longa*, столицы Латинцевъ и отечества Куріаціевъ. Окрестности Альбано богаты воспоминаніями и средствами для наслажденія. При заходѣнн солнца, всѣ дороги, всѣ тропинки покрываются тамъ гуляющими, въ одноколкахъ (*caratelles*), пѣшкомъ, верхомъ; веселыя толпы молодыхъ Римлянъ, безпечныя пилигримы классической земли, и почитатели трехъ вѣковъ ихъ Исторіи, которую сотый едва знаетъ, разсѣиваются повсюду. Собравшись подъ Нимфеями, которыя омываютъ воды озера, они поютъ, подъ звуки гитары, и напоминаютъ любовныя приключенія нимфъ. Многія пещеры соединяются между собою тайными переходами, вырытыми въ горѣ, и показываютъ

формой и роскошью своих остатковъ , что онѣ некогда принадлежали къ купальнямъ сладострастныхъ Патриціевъ. Не вдалекѣ здѣсь-же славное подземелье, называемое *Эмиссаріо*; оно вырыто было въ 336 году Рима, чтобы удерживать воду озера 300-ми футами выше морскаго горизонта. Вотъ ужъ 2300 лѣтъ, какъ эта наомпь, истинный монолитъ на 4000 сажень въ длину, удерживаетъ, безъ малѣйшаго поврежденія, гору въ 350 футовъ перпендикулярной вышины. Подземельный каналъ служить для стока накапливающейся излишней воды озера, и сливаетъ ее въ Тибръ, шесть верстъ ниже Рима. Плотина поросла деревьями , подѣтъю которыхъ , какъ и въ подземельныхъ галереяхъ , собираются веселые и беззаботные жители Рима, поютъ , играютъ на разныхъ инструментахъ, пьютъ и ѣдятъ. Не подумайте однакожъ, что я все это осмотрѣлъ перемѣняя лошадей въ Альбано, на пути моемъ изъ Неаполя въ Римъ. Я нѣсколько разъ ѣздилъ послѣ въ Кастель-Гандольфо, во Фраскати.

Наконецъ пріѣхали мы къ заставѣ Рима. Намъ остановили у гауптвахты, осмотрѣли паспорта и пропустили. Я поворачивался на всѣ стороны, хо-

тѣмъ все вдругъ увидѣть; товарищи мои называли мнѣ предметы, мимо которыхъ мы быстро мчались. Вотъ соборъ Іоанна Крестителя, что въ Латранахъ; вотъ Святая Лѣстница; вотъ Колизей, Траянова колонна, триумфальныя ворота Константины, Янусовъ храмъ, множество водопроводовъ. Но у меня все это перемѣшалось въ головѣ и кружилось въ глазахъ. Дилижансъ остановился въ таможенной (это также древнее строеніе Марка Аврелія). Тамъ слегка осмотрѣли наши пожитки и очень вѣжливо пустили. Я съ нетерпѣніемъ вѣхалъ до квартиры: мнѣ нужно было отдохнуть и поуспокоиться. Я остановился на Испанской площади, въ гостиницѣ *Европа*, содержимой Франкомъ. Растертая дорогою моя нога стала разбаливаться; я раздѣлся и послалъ за докторомъ въ Русское Посольство.

ГЛАВА IV.

РИМЪ.

Ввечеру докторъ осмотрѣлъ мою ногу, и нашелъ, что воспаленіе сильно, можетъ быть даже опасно. Онъ прописалъ мнѣ примочку и запретилъ выѣзжать. Я обещалъ употребить его лекарство весь вечеръ и даже всю ночь; но сказалъ, что завтра непременно выѣду, потому что это будетъ Успеніевъ день, въ который Папа служить самъ въ соборѣ Свѣтыхъ Дѣвъ Маріи (Sta Maria maggiore), и что если я пропущу такой случай видѣть соборное его служеніе, то вѣроятно никогда его не увижу (*). И такъ, на

(*) Папа очень рѣдко служить публично: кромѣ Страстной недѣли, кажется, только два раза въ годъ.

другой день рано, я отправился въ соборъ. Я вошелъ въ него съ лѣвой стороны, и насилу могъ протѣсниться: народу была тма. Я не зналъ, гдѣ мнѣ стать, чтобъ спокойнѣе и лучше видѣть служеніе, которое еще не началось. Папы также еще не было. Я увидѣлъ наконецъ передъ собой, на правой сторонѣ церкви, группу чиновниковъ въ мундирахъ и въ лентахъ. Полагая, что это иностранные министры, я сталъ протѣсниться къ нимъ. Меня довольно вѣжливо пропускали, принимая, можетъ статься, за одного изъ посланниковъ, потому что и на мнѣ была звѣзда и орденскіе знаки. Съ какою-же радостію, подошедши ближе, я узналъ своего товарища въ дилижансѣ, того самого Фрейбургскаго аббата, который натеръ мнѣ ногу. Онъ бросился ко мнѣ, и тотчасъ предложилъ свои услуги. «Вы здѣсь худо увидите церемонію,» сказалъ онъ мнѣ. «Она вся будетъ совершаться въ алтарѣ. Подождите меня здѣсь: я пойду похлопотать о васъ.» Онъ скоро вышелъ, съ какимъ-то духовнымъ, у котораго на груди былъ наперсный крестъ, и на ногахъ фіолетовые чулки, что означало Епископа. Аббатъ представилъ меня ему, говоря, что я Русскій путеше-

ственникъ и никогда не видалъ Папскаго служенія. Епископъ (это былъ духовникъ Его Святѣйшества Папы) очень вѣжливо и благосклонно сказалъ мнѣ, что онъ сбережетъ для меня мѣсто возлѣ себя, на скамейкѣ за Кардиналами, и очень близко отъ горнаго мѣста, на которомъ будетъ сидѣть Папа; но что теперь онъ совѣтуетъ мнѣ остаться тутъ, гдѣ я увижу входъ Его Святѣйшества въ церковь. Приказавъ тутъ-же стоявшимъ Швейцарскимъ офицерамъ пропустить меня, когда я пожелаю идти въ алтарь, самъ онъ пошелъ обратно на свое мѣсто. Разсмотрѣвъ украшенія собора и его картины я не могъ, потому что для торжественнаго дня всѣ стѣны были обиты малиновымъ штофомъ; да за тѣсною и невозможно было переходить съ одного мѣста на другое. Скоро раздался колокольный звонъ, возвѣщавшій приближеніе Папы. Архіепископъ, два Епископа, шесть Канониковъ и Архидіаконы пошли, со крестомъ и святою водою, навстрѣчу. Скоро явился въ церковь и Его Святѣйшество, несомый въ креслахъ, шестью Швейцарами. Пѣвчіе пѣли; передъ нимъ несли крестъ; вокругъ него діаконы кадрили; Папа, казалось, молился: онъ сидѣлъ бла-

оговѣнно , не обращая взглядовъ ни на кого. На немъ была тіара (трехъ-коронная митра), ризы бѣлыя шалевыя, и омофоръ такой-же, вышитый золотомъ. Не доходя до престола, шествіе остановилось. Папа тихо сошелъ съ кресель; два Кардинала приняли его подъ руки; онъ обратился къ алтарю, поклонился въ землю , и потомъ , обратился къ народу , благословилъ на всѣ стороны. Лики запыли, и Первосвященникъ-Царь пошелъ въ алтарь. Мнѣ было свободно пройти туда-же, потому что, кромѣ небольшого числа духовенства, изъ свѣтскихъ никто не пошелъ за нимъ. Я отыскалъ тамъ духовника, и сѣлъ съ нимъ рядомъ. На горнемъ мѣстѣ былъ тронъ , съ тремя ступенями, на которомъ сидѣлъ Папа; по правую руку его, на табуретѣ, сѣлъ служившій съ нимъ Кардиналъ Фешъ, родной дядя Наполеона; за Папою стояли, по одну сторону Сенаторъ Рима , а по другую Прелатъ. Кардиналы сидѣли на скамьяхъ, одна противу другой поставленныхъ , отъ горняго мѣста къ престолу. Началась литургія. Служение Папское совершенно сходно съ Патріаршимъ въ Константинополѣ; только Папа перемѣняетъ митры три раза: при началѣ надѣваетъ Епископ-

скую, изъ бѣлаго глазета, потомъ золотую, и наконецъ тіару; снимаетъ и надѣваетъ омофоръ, какъ наши Архіереи; передъ чтеніемъ Апостола, Архидіаконъ приносить къ нему книгу, и онъ, благословивъ чтеца, отпускаетъ его. Тутъ его кадятъ три раза. Такъ-же приносятъ и Евангеліе, во время чтенія котораго онъ встаетъ и снимаетъ митру. Во время совершенія таинствъ, Папа сходитъ съ горняго мѣста, приближается къ престолу и становится на колѣна, оставаясь въ такомъ положеніи до самаго причащенія. Архіепископъ приноситъ къ нему тѣло и сосудъ съ кровію Христовой; Папа, снявъ омофоръ и корону, причащается самъ, потомъ причащаетъ сослужащаго Кардинала и Архіепископа. Хоръ пѣвчихъ, прославляемый всѣми путешественниками, не понравился мнѣ. Басы и теноры въ немъ хороши, но сопрано никуда не годятся: это старыя кастраты, которыхъ негдѣ замѣнить, потому что новыхъ уже нѣтъ, а дѣтей лѣтъ по десяти и по двѣнадцати достать трудно и почти невозможно. Отъ того, Папскіе пѣвчіе далеко не могутъ сравняться съ нашими пѣвчими придворной капеллы. По окончаніи обѣдни, Папа уже не проходитъ

черезъ церковь, а пошелъ прямо изъ алтари на верхнюю галерею, гдѣ устроенъ на площадь балконъ, съ котораго онъ, послѣ краткой литіи, благословилъ городъ и весь міръ, *Urbis et Orbis*. Въ эту минуту войско, стоявшее на площади, сдѣлало на караулъ, знамена преклонились. Народъ, покрывавшій площадь, сталъ на колѣна, пушечный громъ и звонъ колоколовъ раздался по всему городу. Эта минута была величественна и торжественна. Пользуясь покровительствомъ духовника, и я всходилъ на галерею, гдѣ стоялъ подлѣ самыхъ креселъ Его Святѣйшества. А какъ я былъ тутъ одинъ не изъ духовныхъ, то Папа замѣтилъ это и спросилъ обо мнѣ у Кардинала Феша. Это самое доставило мнѣ потомъ честь, безъ особеннаго представленія, быть у Его Святѣйшества и бесѣдовать съ нимъ.

Вышедши изъ церкви, я съ большимъ трудомъ отыскалъ своего лакея, и болѣе часа дожидаясь кареты, отъ чего ужасно усталъ, и нога моя опять поразболѣлась; но посидѣвъ сутки дома, я принялся за обозрѣніе Рима и достопамятнѣйшихъ его предметовъ. Ихъ много, а, по несчастію, времени у меня было мало. Мало года хороше-

ко изучить Римъ, а наскутить въ немъ, кажется, вѣкъ невозможно !

Посланника нашего, Графа Н. Д. Гурьева, не было въ Римѣ: должность его правилъ первый секретарь Посольства, Павелъ Ивановичъ Кривцовъ. У него, на другой день, я обѣдалъ и познакомился съ его товарищемъ, Графомъ Штакельбергомъ, сыномъ стараго моего пріятеля, Графа Густава Штакельберга, съ которымъ мы были вмѣстѣ въ Швецію, въ 1792 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, когда убитъ Король Густавъ III-й. Я былъ посланъ туда Императрицей Екатериной II-й. За обѣдомъ у Г-на Кривцова познакомился я еще съ Г-мъ Висконти, однимъ изъ Директоровъ Ватиканскаго музея. Мнѣ совѣтовали избрать его своимъ путешественникомъ по Риму, и я, впоследствии, былъ очень доволенъ этимъ знакомствомъ, потому что невозможно было-бы найти столько ученаго, снисходительнаго и пріятнаго чичероне, какимъ былъ для меня Г. Висконти. Мы съ нимъ условились начать на другой-же день наши обозрѣнія. Послѣ обѣда мы еще долго бесѣдовали, а вечеромъ я поѣхалъ, въ открытой коляскѣ, на гулянье по улицѣ Корсо, и оттуда въ Вилла Бор-

гезе. Я видѣлъ множество экипажей, таявшихся въ два ряда; но какъ я былъ одинъ, и никого еще въ Римѣ не зналъ, то мнѣ эта прогулка показалась очень скучною.

На другой день, рано по утру, отправился я къ своему банкиру, Г-ну Валентини, за деньгами. Домъ его на древнемъ Траяновомъ форумѣ, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ храмъ Траяну. Г-нъ Валентини строилъ что-то на своемъ дворѣ; рыли фундаментъ подь новое строеніе, и не было дня, чтобъ не отрывали какой нибудь древности: то статую, то барельефъ, то колонну; словомъ, дворъ его источникъ богатствъ въ этомъ родѣ. Онъ водилъ меня по всѣмъ комнатамъ, которыя наполнены рѣдкостями, какъ богатый музей, и показывалъ картины, въ числѣ которыхъ замѣчательна небольшая Гвидова, изображающая сраженіе двухъ Амуровъ. Другая прекрасная картинка у него: Богоматерь съ младенцемъ Исусомъ, Корреджіева. Она такъ хорошо сохранилась, и колоритъ на ней еще такъ свѣжъ, что, кажется, она только вчера докончена живописцемъ. Тутъ-же видѣлъ я, между прочимъ, картину Брюссельскаго Директора музея; она изобра-

жаетъ барельефъ , но съ такою подражательною точностью , что я , къ стыду своему , долженъ былъ ее оцупать , и тогда увѣрился , что это не мраморъ , и не истинный барельефъ , а картина. У Г-на Валентини, кажется въ первый разъ, увидѣлъ я работу знаменитаго Челлини , котораго произведеній нашелъ потомъ множество въ Ватиканскомъ музеѣ, еще больше во Флоренціи, и нѣсколько въ Парижѣ. Они вообще очень рѣдки и дорого цѣнятся. Большею частью они вычеканены или вылиты изъ серебра или бронзы. Валентини показалъ мнѣ серебряную группу , изображающую похищеніе Европы. Невозможно ничего видѣть совершеннѣе этой работы! Волъ, на которомъ сидитъ Европа, кажется, оживотворенъ! Въ немъ угадываешь Юпитера. Прелесть и точность рисунка и отдѣлка не оставляютъ ничего желать для совершенства этой работы. Вся группа не болѣе четверти аршина въ вышину. Другая, бронзовая, представляетъ Св. Георгія на конѣ, убивающаго копьемъ дракона; превосходна и эта, но, по мнѣнію моему, не равняется совершенствомъ съ первой.

Между множествомъ статуй , вазъ и барельефовъ.
Часть. II.

фовъ, почти ежедневно отрываемихъ Г-мъ Валентини, какъ во дворѣ своемъ въ Римѣ, такъ и на купленной имъ дачѣ близъ Остіи, любопытно открытіе, случившееся за недѣлю до моего пріѣзда. Стали рыть фундаментъ подъ строеніе новой конюшни, и вдругъ увидѣли колонну, огромнѣйшаго діаметра; обрыли небольшую часть ея, и удостоверились, что это нижняя часть колонны, которая, вѣроятно, цѣла, но лежитъ довольно глубоко въ землѣ, и, судя по направленію, внѣ дома Валентини, подъ большой улицей. Призвали комиссаровъ, и рѣшили, что хотя открытіе этого сокровища дѣйствительно принадлежитъ ему, но что оно находится на публичномъ мѣстѣ, и не можетъ быть его собственностію. Новое затрудненіе! Зарыть опять землю ему не позволяютъ, и начать фундаментъ на колоннѣ то-же, а поднять и вырыть колонну правительство не берется, потому что это будетъ стоять дорого. Къ тому-же, по улицѣ, и одной изъ самыхъ проѣзжихъ, на долго прервется всякое сообщеніе, что затруднитъ публику. А колонна заслуживаетъ вниманіе любителей древности и ученыхъ: она непременно одна изъ принадлежавшихъ Траянову храму, кото-

рыхъ цоколи открыты были во время Наполеоново, и казались такъ огромны, что многіе не вѣрили, точно-ли на нихъ были колонны такого необыкновеннаго размѣра. Нынѣшнее открытіе несомнѣнно рѣшитъ эту задачу; только скоро-ли? И когда можно будетъ воздвигнуть такого великана?

Возвратившись домой, я напелъ у себя Г-на Висконти. Онъ дожидался меня для первой прогулки нашей по Риму. Мы отправились въ Капитолій, съ котораго можно обозрѣть положеніе всего города и особенно семи холмовъ его. Подѣхавъ къ террасѣ, мы взошли по широкой лѣстницѣ. Первое, что возбуждаетъ тутъ любопытство путешественника, это Маріевы трофеи: они поставлены на самомъ краю террасы, при входѣ. Невольно остановишься передъ ними, и мысль обращается къ временамъ давно минувшимъ. Рядомъ съ трофеями Марія стоятъ двѣ прелестныя статуи: Кастора и Поллукса, съ конями ихъ. Когда взойдешь на лѣстницу, взглядъ поражаетъ бронзовая, колоссальная статуя Императора Марка Аврелія на конѣ. Она поставлена среди небольшой площадки, которой Микель-Анджело далъ

фигуру трапеции. Папа Павелъ III-й перенесъ сюда статую съ прежняго ея мѣста, близъ собора Св. Іоанна Латранскаго. Мнѣ кажется, древніе не оставили ни одной столь изящной, бронзовой конной статуи: чудесныя статуи Вальбусовъ въ Неаполѣ мраморныя. Статуи нашихъ временъ не имѣютъ ни такой выразительности, ни естественности; ~~даже прекрасный монументъ Петра Великаго, въ Петербургѣ~~, нравится мнѣ гораздо меньше: какъ-то странно видѣть лошадь, скачущую не подвигаясь съ мѣста. И куда Герой скачетъ? Кому, и что онъ указываетъ? Угадать трудно. На что Великому дана эта позиція? не постигаю. Генрихъ IV-й, на Новомъ мосту въ Парижѣ, кажется, единственно занять тѣмъ, какъ-бы удержаться на лошади. Скачущій Людовикъ XIV-й на площади побѣды (Place des Victoires) еще хуже. Напротивъ, Маркъ Аврелій спокоенъ; онъ сидитъ непринужденно; онъ ѣдетъ шагомъ и говоритъ своимъ солдатамъ. Видѣтъ характеръ повелителя, понятно его выраженіе. Небольшой холмъ Капитолійскій, бывшій въ древности центромъ Имперіи, нынѣ возвышается не больше какъ на 138 футовъ отъ уровня моря. Прежде было на немъ двѣ вершины:

одна на востокъ, другая къ Тибру; пространство между ними называлось *Intermontium*. Это нынѣ та самая площадка, на которой поставлена статуя Марка Аврелія; восточная вершина занята церковью *Ara Coeli*, гдѣ служатъ монахи Францисканскаго ордена, на самомъ мѣстѣ древняго Капитолія. На второй вершинѣ была цитадель, *Arx*. Въ древности Капитолійскій холмъ былъ окруженъ высокими стѣнами и доступенъ только съ восточной стороны, гдѣ былъ Форумъ. Капитолій ограничивалъ городъ къ западу и сѣверу. Вѣроятно, что съ высокихъ его стѣнъ и съ портика Юпитерова храма, былъ великолѣпный видъ на Марсово поле и на *Monte Mario*. Теперь на холмъ этотъ взѣзжаютъ съ запада и съ востока, а при Римлянахъ всходили на него тремя путями; это: *Clivus Sacer*, *Clivus Capitolinus* и *Centum gradus-Rupis Tarpeiae*.

Въ *Интермонціумѣ* Ромуль открылъ убѣжище для всѣхъ сосѣднихъ разбойниковъ. Эти смѣльчаки заняли потомъ отъ Этрусковъ, сосѣднего и уже просвѣщеннаго народа, всѣ художества и даже отчасти законы ихъ. Въ небольшихъ остаткахъ стѣнъ древней цитадели *Arx*, еще видѣнъ

образъ Этрусской постройки. Такіе остатки , драгоценныя для всякаго кто понимаетъ древній міръ , можно видѣть въ основаніи палаты Каффарелли , на *Монте Каприно*. Оно составлено изъ огромныхъ четверугольныхъ камней, кладенныхъ безъ цемента , но плотно притесанныхъ. Такой родъ камня называютъ здѣсь *пеперинъ* , не знаю почему. Въ центрѣ Рима конечно нѣтъ сажени земли , на которой не перебывало-бы пять или шесть построекъ, равно знаменитыхъ , и надобно имѣть всю увѣренность *угенаго*, чтобы съ точностію опредѣлить , какой остатокъ принадлежитъ вѣку Тарквиніевъ, и какой вѣку Гракховъ (*).

Храмъ *Юпитера Оптимуса Максимуса* существовалъ очень долго; его только перестроилъ Силла, въ 674 году Рима. Потомъ онъ былъ возобновленъ Веспасіаномъ и передѣланъ Домиціаномъ. Діонисій Галикарнассскій пишетъ , что послѣ перестройки его Силлою , онъ былъ въ 200 Римскихъ футовъ длины и 185 футовъ ширины; фасадъ храма былъ обращенъ на полдень , къ Тибру. Такое зданіе

(*) Въ описаніи Рима я заимствовалъ многія мѣста, почти буквально, изъ *Promenades dans Rome, par Stendhal*.

должно было казаться чрезвычайно огромнымъ Римлянамъ первыхъ вѣковъ, у которыхъ дома состояли изъ одной комнаты, освѣщаемой въ небольшое отверстіе, надъ дверью. Я еще нашелъ такіе дома на островѣ Искія, когда былъ тамъ. Какъ нынѣшніе Неаполитанцы, такъ точно древніе Римляне проводили жизнь свою на открытомъ воздухѣ. Храмъ Юпитера, вѣроятно, былъ окруженъ съ сѣвера и запада ровомъ, десяти или двѣнадцати саженъ глубины, слѣдовательно удобнымъ къ защищенію. Фасадъ представлялъ портикъ, въ три ряда колоннъ; такой-же портикъ, но съ двумя рядами колоннъ, былъ на трехъ прочихъ сторонахъ и служилъ убѣжищемъ отъ солнца и отъ дождя. Подъ ними собирались граждане и бесѣдовали между собою. Въ этомъ средоточіи закона и величія Римлянъ, военачальники, возвращавшіеся съ побѣдой, приносили жертвы.

Храмъ Юпитера былъ еще цѣлъ во времена Императора Гонорія, въ 400 году отъ Рождества Христова, уже послѣ многихъ Папъ. Что-же заставляло сохранять языческій храмъ, выше всѣхъ чтимый въ Италіи? Стилихонъ обобралъ большую часть его украшеній. Гензерикъ, въ 455 году,

увезъ половину бронзовыхъ позолоченныхъ листовъ его кровли; но знаменитый храмъ существовалъ и при Карлѣ Великомъ, около 800-го года. Вдругъ, въ XI-мъ столѣтіи, видимъ, что онъ раззоренъ до основанія. Какая сила сокрушила столько колоннъ? для чего не преобразовали этого храма въ Христіанскую церковь? Не отъ того-ли, что онъ былъ слишкомъ знаменитъ и любимъ народами?

Такъ разсматривая Капитолій древнихъ, я возвратился къ статуѣ Марка Аврелія. Изъ трехъ зданій, украшающихъ нынѣшній Капитолій, отовсюду видны палаты Римскаго Сенатора, построенныя въ 1390-мъ году, Папою Вонифатіемъ IX-мъ, на древнемъ фундаментѣ Катуллова Табуларіума. Большая зала, черезъ которую я проходилъ, кажется оставалась въ большомъ небреженіи; въ ней нѣтъ никакихъ украшеній; даже полъ изъ простыхъ сосновыхъ досокъ, худо сплоченныхъ; но достойна замѣчанія бронзовая волчица, выкармливающая Ромула и Рема: это изваяніе Этрусское. Нѣкогда громъ упалъ на него, и слѣды удара еще видны. Мы взошли на башню, съ которой весь Римъ съ его холмами видѣнъ какъ въ панорамахъ:

видъ очаровательный! Г-нъ Висконти велѣлъ приготовить тутъ завтракъ, что было очень кстати; я съ утра не ѣлъ; движеніе и свѣжесть воздуха возбудили во мнѣ аппетитъ.

Г-нъ Висконти указалъ мнѣ на холмъ Пала-тинскій: «Вотъ начало Рима,» сказалъ онъ. »Тутъ основалъ Ромулъ свою столицу, огородивши ее тыномъ. Посмотрите на долину, которая отдѣляетъ ее отъ этого другаго холма, называемаго Авентинскимъ: въ ней были похищены Сабинки. Авентинскій холмъ присоединилъ къ городу Анкъ Марцій. На право, за Тибромъ, земля принадлежала Этрускамъ: вотъ гдѣ стоялъ съ войскомъ Порцена, ихъ царь; вотъ мостъ, защищаемый Гораціями; вотъ мѣсто, гдѣ Клелія переплыла Тибръ.» Такимъ образомъ онъ указывалъ мнѣ постепенное расширеніе Рима, и я пробѣгалъ мысленно всю древнюю исторію этого чуднаго Города (Urbs). Всѣ начальныя войны его, всѣ побѣды совершились въ небольшомъ уголкѣ нынѣшней столицы. Съ высоты башни, на которой я стоялъ, мнѣ пояснились событія, которые казались прежде неясными. Я былъ чрезвычайно доволенъ своимъ обозрѣніемъ. Передо мною былъ Форумъ,

храмы: Фортуны, Юпитера Громовержца, триумфальные ворота Септимия-Севера; вдали виднѣлась Аппіева дорога, ворота Друзовы, гробница Цецилии Метеллы, жены Крассовой, новая гробница Сервилиевъ, недавно открытая Кановою. Голова у меня закружилась отъ всѣхъ этихъ различныхъ и достопамятныхъ предметовъ; мысли мѣшались одна съ другою, при соображеніи различныхъ временъ и эпохъ. Надобно было отдохнуть отъ столькихъ впечатлѣній. Я сошелъ съ башни, и мы пошли еще осмотрѣть въ Капитоліи два строенія: одно по правую, а другое по лѣвую сторону площади Марка-Аврелія. То, которое на право, называютъ Палатами *консерваторовъ* (сохранителей). Тутъ статуя Юлія Цезаря: ее почитаютъ единственнымъ въ Римѣ, точнымъ изображеніемъ этого великаго человека. Вблизи можно видѣть бюстъ славнаго композитѣра Чимарози, поставленный другимъ его Кардиналомъ Гонзальви. Въ этихъ палатахъ есть нѣсколько отличныхъ картинъ; между прочими Св. Петронилла, написанная Гверчиномъ. Я послѣ видѣлъ, въ церкви Св. Петра, копію съ нея, сдѣланную изъ мозаики. Въ строеніи по лѣвую сторону находится Капитолійскій музей.

Тутъ замѣчательны: Умирающій гладіаторъ, единственная красотою Венера Капитолійская, и бюстъ Брутовъ; но я разсматривалъ потомъ особенно оба эти музея, и буду говорить о нихъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь остается мнѣ сказать слова два о Форумѣ. На немъ учредили въ позднѣйшія времена бычачій рынокъ, и отъ того онъ донинѣ сохранилъ названіе *Campus Vaccinus*. Наполеонъ началъ разрывать его, для возстановленія на немъ древнихъ зданій. Этимъ окончилась наша первая поѣздка съ Г-мъ Висконти. Я торопился домой, переодѣться и ѣхать на обѣдъ къ Кардиналу Фешу, который пригласилъ меня.

Въ 6 часовъ явился я въ его палаты. Приглашенныхъ было очень мало: знаменитый Меццофанти, который нынѣ уже Кардиналъ, товарищъ мой Висконти; Роже де Бовуаръ, Французскій путешественникъ, и еще два духовныя лица, мнѣ неизвѣстныя.

Кардиналъ Фешъ гостепріименъ и любезенъ. Въ разговорахъ онъ уменъ, и былъ свидѣтелемъ столькихъ событій, былъ такъ близокъ съ Наполеономъ, о которомъ охотно говоритъ, что беседа его чрезвычайно занимательна. Онъ показывалъ

мнѣ свою картинную галлерей, одну изъ первыхъ въ Италіи. Какъ страстный охотникъ до живописи, онъ не щадитъ издержекъ на этотъ предметъ, и составилъ такимъ образомъ превосходную коллекцію. Онъ подарилъ мнѣ два прекрасные маленькіе пейзажа Сальватора Розы, прося меня сохранить ихъ на память нашего знакомства. Обѣдъ былъ не лакомый, но сытный и хорошо изготовленный; вина лучшія Французскія. Кардиналъ сказалъ, что никакъ не можетъ привыкнуть къ Италіанскимъ винамъ, для него вреднымъ. За столомъ Меццофанти говорилъ о Ватиканской библіотекѣ, гдѣ былъ онъ хранителемъ, и пригласилъ меня посѣтить ее. Бесѣда была вообще серьёзная, но занимательная, особенно относительно художествъ. Послѣ обѣда, когда я сталъ откланиваться Кардиналу, онъ сказалъ мнѣ, что Его Святейшество желаетъ меня видѣть, и поручилъ ему представить меня завтра въ 12 часовъ утра. Я обѣщалъ явиться, и Кардиналъ проводилъ меня до сѣней. Дома, я написалъ письма въ Россію и нѣсколько строкъ въ свой журналъ, а окончилъ день прогулкою на Корсо и въ Вилла-Боргезе. Но въ этотъ разъ я былъ съ Г-мъ Висконти, а

въ Вилла-Боргезе встрѣтился съ Г-мъ Валентини, и провелъ съ ними вечеръ чрезвычайно пріятно.

На другой день, по утру, я поѣхалъ сдѣлать визитъ Г-ну Мещофанти. Онъ жилъ въ Ватиканской библіотекѣ, какъ Директоръ ея, и я воспользовался случаемъ, осмотрѣть это знаменитое книгохранилище. Г-нъ Мещофанти скромный и тихій старичекъ. Онъ принялъ меня съ радушіемъ и самъ вызвался вести въ библіотеку. Я спросилъ его, правда-ли, что онъ говоритъ на сорока различныхъ языкахъ. Онъ улыбувшись отвѣчалъ: « Не говорю всѣми, но знаю ихъ. » Тогда я заговорилъ съ нимъ по-Русски. Онъ вслушался и пошелъ къ своему бюро, гдѣ сталъ писать; минутой черезъ три, онъ воротился ко мнѣ съ записочкой, на которой чисто и правильно написанъ былъ отвѣтъ на Русскомъ языкѣ. Я попросилъ его прочесть мнѣ написанное имъ; онъ это сдѣлалъ, произнося слова довольно хорошо, но совершенно по писаному, на о, и сбиваясь въ иныхъ мѣстахъ на Греческое произношеніе, т. е. худо выговаривая ж. Потомъ мы пошли въ пространныя залы книгохранилища. Я прежде не видывалъ такого огромнаго собранія книгъ и манускрип-

товъ; но очень трудно, не изучивши каталоговъ, дать отчетъ о библіотекѣ. Можно видѣть шкафы и стоящія въ нихъ книги; но можно-ли въ нѣсколько часовъ осмотрѣть ихъ и дать о нихъ отчетъ? Мнѣ показали манускриптъ Виргилія, четвертаго столѣтія, и Теренція, извѣстный кодексъ именемъ Ватиканскаго, очень древній и особенно замѣчательный и драгоценный картинками, по которымъ можно хорошо изучать древніе костюмы и сценическое расположеніе дѣйствующихъ лицъ. Въ этой библіотекѣ сохраняется также коллекція медалей, одна изъ многочисленнѣйшихъ.

Г-нъ Меццофанти показывалъ мнѣ множество вещей, найденныхъ въ подземельяхъ Рима, въ тѣхъ пещерахъ, гдѣ во время первыхъ гоненій скрывались христіане: это небогатые кресты, сосуды, мѣдные образа, четки и проч. Тутъ-же видѣлъ я изображенія всѣхъ годовыхъ праздниковъ, написанныя на кипарисныхъ дскахъ, Суздальскимъ письмомъ и съ Славянскими надписями: онъ сказалъ мнѣ, что ихъ получили уже давно, изъ Москвы. Обошедши всѣ огромныя залы библіотеки, и поблагодаря почтеннаго Меццофанти, я поѣхалъ къ Кардиналу Фешу, потому что назначенное

время для моего представленія Его Святѣйшеству приближалось. Г-нъ Меццофанти сказалъ мнѣ, что Папа приказалъ и ему быть при этомъ представленіи.

Когда я пріѣхалъ къ Кардиналу Фешу, то нашелъ его уже совсѣмъ готоваго: онъ меня дожидался. Мы сѣли въ его карету и отправились въ *Monte-Cavallo*, во дворецъ Его Святѣйшества. Тамъ, передъ фасадомъ, обширная и прекрасная площадь. У воротъ дворца сидѣло восемь или десять солдатъ Швейцарской гвардіи, которые составляютъ весь караулъ Папы. Влѣво крутой спускъ съ горы (*). На площади поставлены колоссальной величины кони, тѣ самые, которые Константинъ перевезъ сюда изъ Александріи. Они украшаютъ чудесный фонтанъ, воздвигнутый Піемъ VII-мъ. Конечно нѣтъ въ свѣтѣ города, гдѣ было бы столько фонтановъ: они здѣсь великолѣпны, и въ такомъ климатѣ, какъ Римскій, шумомъ сво-

(*) *Monte Cavallo* на самомъ краю Квиринальскаго холма, и высотою на равнѣ съ куполомъ Св. Петра. Оттуда видъ безподобный.

имъ и прохладою доставляютъ наслажденіе, ни съ чѣмъ несравнимое.

Комнаты дворца Его Святѣйшества убраны какъ не лзя проще; прислуга у него самая малочисленная, и состоятъ изъ пяти или шести немолдыхъ служителей, одѣтыхъ по духовному. Вѣроятно, насъ дожидались, потому что передъ нами вездѣ, безъ малѣйшей остановки, отпирали двери. Только передъ самымъ кабинетомъ Папы, чиновникъ, въ фіолетовыхъ чулкахъ, вошелъ къ нему прежде насъ; мы пріостановились, и не болѣе какъ черезъ минуту тотъ-же чиновникъ возвратился и сказалъ, отпирая дверь: «*Его Святѣйшество!*» Кардиналъ шелъ впереди, а я за нимъ. Папа сидѣлъ въ креслахъ. Онъ всталъ; Кардиналъ поцѣловалъ его руку и представилъ меня, сказывая чинъ и имя мое. Я почтительно поклонился Папѣ; онъ благословилъ меня, и я хотѣлъ было поцѣловать его руку, но онъ вѣжливо удалилъ ее. Онъ сѣлъ опять въ свои кресла: Вся одежда на Папѣ была бѣлаго цвѣта, шалевая, безъ малѣйшаго украшенія; даже наперснаго креста я не замѣтилъ. На головѣ его была скуфья, также бѣлая. Тутъ вошли Кардиналъ Джіустиніани и

Г-нъ Меццофанти. Поцмывая руку у Папы, они стали по сторонамъ. Тогда Его Святѣйшество пригласилъ насъ всѣхъ садиться. Папа спрашивалъ меня, давно-ли я въ Римѣ, откуда ѣду, долго-ли располагаюсь пробить въ Италіи, правится-ли мнѣ жизнь въ здѣшнемъ городѣ. Отвѣчая на всѣ эти вопросы, я сказалъ на послѣдній, что для меня Римъ очарованіе, и я только сожалею, что время не позволяетъ мнѣ долго оставаться въ немъ; что изучить Римъ, кажется, вѣка мало, и что ни одинъ городъ не поражалъ такъ моихъ чувствъ, и такъ не привлекалъ меня къ себѣ! «Вы знакомы съ Кардиналомъ Фешемъ—прервалъ Григорій XVI-й—и я поручилъ ему доставлять вамъ всѣ способы осмотрѣть все, что есть здѣсь любопытнаго. Мнѣ будетъ очень пріятно, если вы останетесь нами довольны.» Потомъ онъ началъ говорить о Константинополѣ, и сказалъ, что его сердце сокрушается, видя въ какомъ угнетеніи живутъ Христіане на востокѣ, особенно въ Іерусалимѣ. Я отвѣчалъ, что съ нѣкотораго времени Султанъ очень смягчился противъ Христіанъ, и даже пожаловалъ довольно значительную сумму на возобновленіе храма Богородицы, называемаго въ Балуклахъ: это

первый и еще неслыханный примѣръ у Магометанъ, чтобы Султанъ украшалъ христіанскую церковь. Я разсказалъ, какъ Махмудъ посѣтилъ этотъ святой храмъ, и велѣлъ поставить вмѣсто образа Богоматери образъ Іоанна Крестителя. Папа засмѣялся, и спросилъ: «Какая мысль заставила его сдѣлать это?» — Никто не знаетъ, Ваше Святѣйшество; но мнѣ скѣзывали, будто онъ чтитъ память Предтечи и сохраняетъ образъ его въ своихъ покояхъ. — «Судьбы Всевышняго неисповѣдимы!» сказалъ Папа. «Отъ малаго сѣмья возраждаются дубы! А давно-ли Султанъ благоволилъ къ Христіанамъ?» — Со времени послѣдней войны его съ нами, Ваше Святѣйшество, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ Государь нашъ такъ великодушно оказалъ ему помощь. — «Великъ вашъ Государь! Знаете-ли, что мы ежедневно молимся о соединеніи Церкви?» — И мы, Святѣйшій, за каждой обѣдней о томъ-же молимся. — «Усердныя молитвы непременно услышитъ Господь» — сказалъ Папа — и, рано или поздно, онъ исполнится. Счастливы будутъ настыри, во время которыхъ это случится.» Разговоръ сдѣлался общимъ, и скоро Его Святѣйшество всталъ. Мы от-

кланялись. Онъ опять благословилъ меня, и тутъ уже позволилъ поцѣловать свою руку. Онъ подарилъ мнѣ богатыя четки и отпустилъ съ миромъ.

Григорій XVI-й, изъ дому Капеллари, избранъ на Папскій престолъ въ 1831-мъ году. Ему 74 годъ, но онъ еще свѣжъ и здоровъ; наружность его простая и черты лица не выражаютъ ничего величаваго, но показываютъ много добродушія. Онъ вѣжливъ, снисходителенъ, говоритъ тихо, и всегда по-Итальянски, однако совершенно разумѣетъ Французскій языкъ, на которомъ я ему отвѣчалъ. Въ служеніи кротокъ и чрезвычайно набоженъ. Онъ всякой день прогуливается по Риму въ каретѣ и ѣздитъ довольно скоро. Мнѣ не понравилось одно: это, что каждый разъ сопровождаетъ его конвой кирасиръ. Мнѣ казалось-бы величественнѣе и даже приличнѣе Царю-Первосвященнику явиться передъ народомъ безъ солдатъ, съ большею довѣренностію и смиреніемъ. Можетъ статься, какія нибудь политическія обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, заставляютъ его принимать такія мѣры, которыя, судя по простотѣ его домашней жизни, привычкамъ и неприхотливости, должны быть и ему тягостны. Поблагодаривъ Карди-

нала, я разстался съ нимъ, а самъ отправился къ Г-ну Валентини, съ которымъ долженъ былъ посѣтить мастерскія стараго и славнаго живописца Камучини, и ваятеля Торвальдсена, а потомъ обѣдать у почтеннаго моего чичероне. Прїѣхавши на короткое время въ Римъ, и желая все видѣть, я не имѣлъ минуты свободной, и отъ того совершенно отказался отъ большаго общества, хотя не разъ приглашали меня на вечера, къ Князю Боргезе, къ банкиру Торлоніа, нынѣ Дюку Браччiano, къ иностраннымъ министрамъ, и проч. Для этого надобно было-бы остаться зимовать въ Римѣ.

Старикъ Камучини прїѣтливъ и довольно любезенъ. Его обширныя мастерскія почти всегда посѣщаются иностранными путешественниками. Я видѣлъ у него огромнѣйшія картины, его работы, какъ-то: Смерть Юлія Цезаря, Смерть Виргиніи, и многія другія, сажени по двѣ длины. Принято всѣмъ удивляться имъ и хвалить живописца; признаюсь, мнѣ не понравились его картины, можетъ статься и отъ того, что я еще наканунѣ восхищался Ватиканскими сокровищами живописи. Притомъ-же Камучини устарѣлъ, и едва можетъ продолжать заня-

тія своимъ художествомъ, въ чемъ и самъ сознает-
ся. Я нахожу однакожъ, что колоритъ его пріят-
нень и рисунокъ правиленъ. Італія вообще бѣд-
на теперь дарованіями, особенно по исторической
живописи. Пейзажисты еще есть хорошіе, но и
тѣхъ не много. Разговаривая съ старикомъ, я
спросилъ, кого онъ признаетъ лучшимъ совре-
меннымъ живописцемъ въ Італіи? — «Право не
знаю,» отвѣчалъ онъ. «Мы всѣ довольно посред-
«ственными: и не выдержимъ сравненія съ старыми
«нашими славами. Къ стыду Італіи, я нахожу,
«что теперь отняли первенство у насъ два ино-
«странца: одинъ Русскій (*), а другой Фран-
«цузъ. Картина Брюлова, изображающая послѣд-
«ній день Помпеи, превосходна; колоритъ Гора-
«ція Вернета неподражаемъ: онъ занялъ многое
«у меня, но я устарѣлъ, а онъ во всей силѣ сво-
«его генія и уйдетъ далеко.» Самъ кавалеръ Ка-
мучини всегда слылъ превосходнымъ копистомъ,
и его копія съ Рафаэля, и другихъ великихъ ма-
стеровъ, единственны; но онъ не любитъ зани-
маться этимъ.

(*) Говоря это, Камучини не зналъ, что я Русскій.

Торвальдсена я не засталъ, но видѣлъ его работы и восхищался его барельежами: они истинно какъ живые! Выраженіе фигуръ таково, что читаешь на нихъ все, что ваятель хотѣлъ изобразить. Напримѣръ, Улиссъ, принимающій стрѣлы отъ Филоктета, не оставляетъ ничего желать въ этомъ отношеніи. Вглядитесь въ болящаго героя: онъ еще огорченъ, озлобленъ неблагодарностью Грековъ, но краснорѣчіе Улиссово превозмогло; любовь къ отечеству преклопила сердце Филоктета къ прощенію; онъ отдаетъ стрѣлы, безъ которыхъ Трои не возьмутъ, и радость, разлившаяся на чертахъ Улисса, показываетъ полный успѣхъ, одержанный его краснорѣчіемъ и хитростью. Я долго разсматривалъ работы этого первокласснаго ваятеля, и не могъ на нихъ наглядѣться.

Въ этотъ день я очень пріятно отобѣдалъ у Г-на Валентини, а около вечера поѣхалъ за городъ. Мы осмотрѣли древнія стѣны, построенныя Велисаріемъ, проломанныя Тотилою, и поправленныя Нарсесомъ. Съ берега, къ Сабинскимъ горамъ, гдѣ виды самыя живописныя, я переѣхалъ по Номентинскому пути Нарсесовъ мостъ, видѣлъ священную гору, гробницы Мененія Агриппы и Анны Перенны, и доѣхалъ до

небольшой дачки, принадлежавшей некогда Фаону, отпущеннику Неронову. Здесь-то хотѣлъ укрыться въ хлѣвѣ Императоръ отъ убійцъ, преслѣдовавшихъ его, но, не видя къ тому возможности, умолялъ бывшаго раба своего вонзить въ него мечъ, чтобы не достаться живымъ на поруганіе народу. Остатки этого хлѣва еще видимы, глядя на нихъ, невольно содрогаемся при мысли, что владыка цѣлаго свѣта, богато одаренный природою и всѣмъ, что могло-бы доставить и ему и подданнымъ его счастье, дошелъ до крайней степени разврата, злодѣйства, и кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ хлѣвѣ раба своего; бѣжавъ съ пышнаго трона и изъ золотыхъ палатъ, на построеніе которыхъ истощилъ всѣ сокровища Рима! Подалѣ видны Албанскія горы и долина, на которой Аннибалъ построилъ свои войска, когда въ первый и въ послѣдній разъ увидѣлъ Римъ! Сколько воспоминаній, сколько размышленій пробуждало это небольшое пространство моеи вечерней прогулки! Я, въ молчаніи, но съ полнымъ сердцемъ возвратился домой, готовясь на новыя наслажденія завтра. Я надѣялся въ этотъ день видѣть церковь Св. Петра.

Довольно рано поутру, отправился я осмотрѣть это чудо искусства. Когда я перешагнулъ черезъ мостъ Сентъ-Анджело и повернулъ на лѣво, церковь уже стала видна, сквозь довольно длинную и узкую улицу, на площади *Рустикукки* (*Rusticucci*). На этой площади, нѣсколько сотъ лѣтъ, безпрестанно учатся Папскіе солдаты, и все еще не могутъ попасть въ шагъ. При самомъ началѣ площади огромная колоннада, образующая направо и на лѣво два полукружія, предвѣщаетъ великолѣпный храмъ христіанской религіи; направо у зрителя высокій дворецъ: это Ватиканъ.

Площадь, образуемая двумя полукруглыми колоннадами, по мнѣнію моему, есть лучшее произведеніе знаменитаго Бернини. Посрединѣ ея большой Египетскій обелискъ; по правую и по лѣвую сторону два фонтана, безпрестанно бьющіе водяными снопами, которые разливаются въ обширные бассейны (*). Ихъ непрерывный и спокойный шумъ, раздаваясь между обѣихъ колоннадъ, приводитъ въ задумчивость, и какъ-бы приготовляетъ къ высокимъ чувствамъ, которыя ожидаютъ

(*) Одинъ изъ двухъ бьетъ на 64 фута вышиною.

посѣтителя въ соборѣ Св. Петра. Ближе къ церкви есть еще площадка, почти четверугольная: она уже прикасается къ фасаду церкви.

Полукруглые портики Бернини составлены изъ 284-хъ толстыхъ колоннъ и 64-хъ пиластровъ. Колонны эти образуютъ три галлерей; въ торжественныхъ случаяхъ, кареты Кардиналовъ проезжаютъ по средней. Базисъ колоннъ Тосканскаго ордена, шаятъ Дорическаго, а капители Ионическаго. Онѣ въ $39\frac{1}{2}$ футовъ вышины. На балюстрадахъ, сверхъ галлерей, 92 статуй, каждая въ 42 футовъ вышины: онѣ придаютъ ей много красоты. Что-жъ касается до обелиска, то Плиній повѣствуетъ, что Египетскій Царь Нункорей воздвигъ его въ Геліополѣ, Калигула перевезъ въ Римъ, и потомъ помѣстили его въ Нероновъ циркъ. Константинъ построилъ соборъ Св. Петра, на нѣкоторой части того мѣста, гдѣ былъ этотъ циркъ; но до 4586-го года (чудное дѣло!) обелискъ устоялъ тамъ, гдѣ поставилъ его Калигула, т. е. гдѣ теперь ризница Св. Петра, построенная Пиемъ VI-мъ. Почти за сто лѣтъ до построенія колоннады, Сикстъ V-й приказалъ перенести обелискъ на то мѣсто, гдѣ онъ теперь:

эта работа стоила тогда 200 тысяч рублей , и произведена архитекторомъ Фонтаномъ. На обелискѣ нѣтъ гіероглифовъ , и онъ не изъ самыхъ большихъ въ Римѣ, но любопытнѣе всѣхъ потому, что одинъ простоялъ не опрокинутый со временъ Калигулы.

Вотъ происхожденіе церкви Св. Петра : точныя свѣдѣнія объ этомъ я получилъ въ Ватиканской библіотекѣ, отъ Г-на Меццофанти.

Она занимаетъ мѣсто того самаго цирка , гдѣ Неронъ проводилъ время въ любимомъ своемъ занятіи, ристаніи на колесницахъ. Много Христіанъ приняли тутъ мученическую смерть, какъ видимъ это въ Тацитѣ (*). Подъ Ватиканскою горою была пещера , въ которой первые Христіане хоронили ихъ остатки. Вскорѣ Петръ Апостоль былъ распятъ, и тѣло его перенесено въ это-же кладбище, однимъ изъ учениковъ его, Маркеломъ, въ 65-мъ году по Рождествѣ Христовѣ. Папа Анаклетъ приказалъ выстроить часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Апостоль.

(*) Ann. L. XV, 22.

Въ 306-мъ году, Императоръ Константинъ принялъ святое крещеніе, и воздвигъ церковь, довольно великолѣпную, во имя Петра Апостола. Этого древняго собора нѣтъ и остатковъ. Онъ простоялъ до 1440-го года, но пришелъ въ ветхость, и Папа Николай V-й началъ строить новый. Этотъ первосвященникъ былъ одаренъ истиннымъ гениемъ, и любилъ художества, даже болѣе чѣмъ Левъ X-й. По его повелѣнію разломали храмъ Проба Аникія, стоявшій почти рядомъ съ старымъ соборомъ, и заложили на мѣстѣ его фундаментъ новымъ *храмомъ*, внѣ старой церкви, до которой не прикасались. Росселини и Левъ Баптистъ Алберти были архитекторами у Николая V-го, но онъ умеръ въ 1455-мъ году, и постройка его, вышедшая только на 4 или на 5 футовъ изъ земли, была оставлена. Спустя нѣсколько лѣтъ, Павелъ II-й далъ пять тысячъ талеровъ на строеніе. Всѣ христіанскіе народы посылали дары церкви Апостола Петра въ Римъ. Суммы собирались столь большія, что на годовое содержаніе церковнаго причта достаточно было только той части ихъ, которая въ большіе праздники собиралась между часами и обѣднею другаго дня.

Наконецъ Папскій престолъ занялъ Юлій II-й, человекъ, одаренный гениемъ великихъ предпріятій. Онъ родился въ Савонѣ, и имя его было *Делла Роверъ* (Дубъ), отъ чего дубъ вошелъ въ его гербъ, и находится на множествѣ зданій Рима. Юлій рѣшился довершить соборъ Св. Петра. Умѣя избирать людей достойныхъ, онъ утвердилъ планы знаменитаго Браманте, сказавъ ему: «Старайся возвести превосходнѣйшее зданіе въ мірѣ, а о расходахъ не заботься.» Браманте всегда восхищался куполомъ Флорентинскаго собора, и хотѣлъ сдѣлать еще болѣе изящный. Онъ уже вывелъ до карниза четыре огромнѣйшіе столба, на которыхъ располагалъ утвердить куполь, но смерть остановила его работу: знаменитый архитекторъ умеръ въ 1514-мъ году. Левъ X-й, вступивъ на престолъ, опредѣлилъ къ строенію собора Юліана де Сонгалло и великаго Рафаэля. Они усилили и укрѣпили фундаментъ четырехъ столбовъ, полагая ихъ не довольно твердыми для сдержанія огромнаго купола. Рафаэль вздумалъ дать церкви видъ Латинскаго креста, какой она имѣетъ теперь. Послѣ смерти его, архитекторы, опредѣляемые многими Папами, часто перемѣняли

свои планы. Наконецъ Павелъ III-й поручилъ всю работу въ управленіе Микель Анджело (1546).

Этотъ великій человѣкъ рѣшился дать куполу Св. Петра форму купола Пантеона. Онъ составилъ модель, но, не приведя ничего въ исполненіе, умеръ. По счастью, велѣли держаться его плана, и исполнителемъ этого былъ *Яковъ Делла Порта*. Наружный сводъ былъ построенъ въ 22 мѣсяца, при Сикстѣ V-мъ. Павелъ V-й Боргезе удостоился славы довершить прекраснѣйшее зданіе въ свѣтѣ. Карлъ Модерна пристроилъ многіе придѣлы, украсилъ фасадъ и окончилъ совершенно строеніе въ 1612-мъ году.

Надъ входомъ въ храмъ, огромнѣйшими буквами написано: *Pavlus V Burghesius Romanus*, и проч. Въ 1784-мъ году, Пій VI-й построилъ ризницу; но ее мало видно за лѣвою стороною церкви. Наружность ея, по мнѣнію моему, портитъ архитектуру задняго фаса. По запискамъ архитектора Фонтаны видно, что расходы на строеніе Св. Петра доходили въ 1694-мъ году до 169 милліоновъ рублей по тогдашней цѣнѣ серебра; нынѣ-же эта сумма превзошла-бы 220 милліоновъ.

Фасадъ церкви Св. Петра, составленный весь

изъ небольшихъ частей , имѣетъ 457 римскихъ футовъ вышины и 366 ф. ширины; колонны 86 ф. длины и 8 діаметра; карнизъ 18 ф.; аттикъ 34 ф.; балюстрада $5\frac{1}{2}$; статуи 16 ф.; а всего въ вышину 457 футовъ. Если-бы соблюли планъ Микель-Анджело, то съ середины площади былъ-бы видѣнъ куполъ; теперь видѣнъ одинъ четвероугольный фасадъ, похожій съ перваго взгляда на фасадъ какого нибудь дворца. Я видѣлъ въ Ватиканской библіотекѣ модель, по плану Микель-Анджело, и мнѣ кажется, что оконченная по ней церковь была-бы великолѣпнѣе наружностью.

Крестъ, на верху собора, находится въ 432-хъ футахъ отъ земли. Каждый годъ, 28 и 29 Іюня, въ дни, посвященные памяти Св. Петра, фасадъ, три купола и колоннада освѣщаются 3800 фонарями и 690 свѣтильниками. Съ балкона, надъ главнымъ входомъ, въ Четвергъ Страстной недѣли и день Воскресенія Христова, Царь-Первосвященникъ благословляетъ *Urbi et Orbi* (городъ и міръ). Между колоннами, по правую и по лѣвую сторону, есть двѣ конныя статуи, довольно посредственныя, одна Константина Великаго, а другая Карла Великаго, благотворителей Папскаго престола.

Осмотрѣвъ наружность этого единственнаго храма, войдемъ во внутренность его. Толстая кожаная завѣса, закрывающая широкія двери, отдернута; и мы вступили въ церковь... Что въ свѣтъ сравнится съ внутренностью церкви Св. Петра? Тамъ можно всякой день проводить часа два, и никогда не наскучить этимъ. Всѣ путешественники раздѣляютъ то-же чувство, и не помню кто изъ нихъ сказалъ, что въ Римѣ можно соскучиться скоро по прїѣздѣ, или въ первыя недѣли, но никогда проживши тамъ нѣскольکو мѣсяцевъ. Если-же пробудешь годъ, то непременно захочешь вѣкъ въ немъ остаться. Эту мысль я понимаю, хотя и мѣсяца не жилъ въ Римѣ.

Хотите-ли узнать внутренніе размѣры церкви Св. Петра? Длина ея 575 футовъ, ширина 517-ть; она украшена огромными изображеніями Святыхъ, въ 13 футовъ вышины, и множествомъ мраморныхъ медальоновъ, изображающихъ Папъ: это великолѣпно на первый взглядъ, но дурно при разсмотрѣніи подробнѣйшемъ. Великость архитектуры, исполинскіе размѣры, изящество всѣхъ частей заставляютъ забыть эти мѣлочи, и предаться

одному, чистому созерцанію цілаго. Надобно однакожь указать на нѣкоторые подробности.

Проходя отъ дверей къ главному престолу (а это истинное путешествіе), вы увидите родъ ямы, убранной богатѣйшими мраморами и позолоченною бронзою; 96 небольшихъ лампадъ горятъ день и ночь вокругъ мраморной балюстрады, окружающей эту впадину. Тутъ почиваютъ останки Св. Апостола, и мѣсто это называютъ : *Исповѣдь* (мученикъ *исповѣдывалъ* вѣру, отдавъ кровь свою за нее). Здѣсь-же поставлена статуя Пія VI-го, скончавшагося, въ ссылкѣ, во Франціи. Онъ изображенъ на колѣнахъ, смиренно молящійся, при ракъ Св. Петра. Въ поднявшей головѣ его есть какая-то мягкость, непринужденность, показывающая превосходнаго художника : это изваяніе Кановы!... Увѣряютъ, что въ лицѣ и фигурѣ совершенное сходство съ Піемъ VI-мъ.

Большой, или главный престолъ устроенъ по образцу первобытныхъ церквей, то есть священнодѣйствующій долженъ стоять на немъ оборотясь лицомъ къ народу. Только Папа имѣетъ право служить на немъ обѣдню. Украшенія тутъ довольно просты. На верху бронзовый огромный

балдахинъ работы Бернини. Жаль только, что на него употреблена бронза, святая съ Пантеона. Повѣрять-ли, что этотъ балдахинъ гораздо выше нашего Зимняго дворца въ Петербургъ! Вершина его на 99 футовъ отъ помосту. Бронзы употреблено на него 4657 $\frac{1}{2}$ пудовъ.

Въ архитектурѣ храма, вообще, не замѣтно никакого усилія: все такъ просто, естественно и величественно! Присутствіе генія Браманте и Микель-Анджело чувствуется во всемъ; даже самыя несообразности не кажутся такими. Несправедливо было-бы не отдать справедливости и Бернини: его балдахинъ и колоннада заслуживаютъ справедливую похвалу.

Отъ большого престола можно видѣть куполь во всемъ его величіи. Мнѣ кажется, тутъ самый простой человѣкъ пойметъ геній Микель-Анджело, а кто хоть мало одаренъ священнымъ пламенемъ, тотъ непременно придетъ въ восхищеніе. Совѣтую каждому путешественнику, который будетъ здѣсь, сѣсть на скамейку и прислонить голову къ спинкѣ: онъ ощутитъ невыразимое впечатлѣніе при взглядѣ вверхъ, въ эту пространнѣйшую пустоту надъ его головою. Куполь начи-

нается на 163-мъ футъ вышины отъ помосту ; діаметръ его 130 футовъ. Вокругъ, по карнизу, написано мозаическими буквами , изъ которыхъ каждая въ $4\frac{1}{2}$ фута величины :

Tu es Petrus , et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam , et tibi dabo claves regni coelorum ()*

Не стану исчислять множества именъ художниковъ , наполнившихъ соборъ Св. Петра своими произведеніями : довольно назвать знаменитѣйшихъ. Человѣкъ съ чувствомъ непременно устанетъ , когда дойдетъ только до алтаря : душа его утомится при видѣ купола ; на остальное будетъ онъ смотрѣть съ какимъ-то равнодушіемъ , и потому-то я сказалъ , что церковь Св. Петра надобно посѣщать много разъ , а въ одинъ разъ ничего не увидишь : чувство теряется , не выдерживаетъ этого величія.

На горнемъ мѣстѣ должно замѣтить четырехъ бронзовыхъ великановъ : они поддерживаютъ , каждый однимъ пальцемъ , и очень манерно , брон-

(*) Ты еси Петръ , и на сѣмъ камени созижду церковь мою , и дамъ ти ключи царствія небеснаго .

зовныя-же кресла , служащія футляромъ простымъ деревяннымъ кресламъ , въ которыхъ саживались нѣкогда Апостоль Петръ и его первые преемники , во время богослуженія. Эффектъ, производимый этими колоссальными изваяніями, поставленными въ прекраснѣйшемъ зданіи цѣлаго свѣта , совершенно ничтоженъ, хотя они работы кавалера Бернини. Что произвелъ-бы для такого предмета Микель-Анджело изъ этой массы бронзы ! Какое чудо искусства создалъ-бы онъ , и какой эффектъ произвелъ-бы надъ зрителемъ, приготовленнымъ къ чудесному обозрѣнію колоннады , церкви и особенно купола !

Эти четыре колоссальныя фигуры изображаютъ четырехъ святителей церкви , двухъ Латинской , и двухъ Греческой : первой , Св. Амвросія и Св. Августина , другой , Св. Іоанна Златоуста и Св. Аѳанасія Александрійскаго. Бронзы употреблено тутъ сто шестнадцать тысячъ фунтовъ. Можно взойти по лѣсенкѣ и видѣть кресла Св. Петра : они деревянные, съ старинными украшеніями изъ слоновой кости и золота. По сторонамъ этой креслы поставлены два ангела , а надъ нею два младенца , несущіе митру и ключи первосвящен-

ника. Святой Духъ , въ видѣ голубя , парить въ вышинѣ. Налѣво отъ архипастырей стоитъ изящная гробница, гдѣ положенъ Павелъ III-й (Фарнези). Она работы *Джакомо Делла Порты* , который дѣлалъ ее подъ руководствомъ Микель-Анджело. Ниже ея славная мраморная статуя , изображающая Правосудіе. Она такъ хороша , что вынуждены были прикрыть ее бронзовой драпировкой. Въ ней съ рѣдкимъ искусствомъ выражена красота Римлянокъ. Эта статуя превосходна во всѣхъ частяхъ.

По правую сторону въ церкви , т. е. отъ трапезы къ западнымъ дверямъ, огромное бронзовое изображеніе сидящаго Св. Петра. Я совершенно согласенъ съ тѣми , которые утверждаютъ , что она изображала въ древности Юпитера: въ ней весь его характеръ , да и работа самая древняя. Мнѣ показали большой палецъ правой ноги Св. Петра , уже истертый отъ цѣлованія. Когда я въ первый разъ посѣщалъ соборъ , я нашелъ около изваянія Апостола множество крестьянъ и крестьянокъ , пришедшихъ изъ Сабинскихъ горъ. Для меня было замѣчательно видѣть , что они обуты въ суконныя онучи, такъ-же переплетенныя верев-

ками, какъ у нашихъ Русскихъ крестьянъ, когда они въ лаптяхъ.

Обращаясь опять къ куполу, исчисляю по порядку главные достопамятности церкви, начиная съ сѣверной ея стороны. Сводъ купола раздѣленъ на шестнадцать частей, украшенныхъ лѣпною позолоченною работою и изображеніями изъ мозаики, представляющими Іисуса Христа, Божию Матерь, Апостоловъ, Святыхъ и Ангеловъ. Есть еще четыре Евангелиста, также изъ мозаики. Все это исполнено хотя не первыми художниками, однако производитъ довольно хорошій эффектъ. Въ нишахъ, ниже купола, четыре фигуры изъ бѣлаго мрамора, по 15-ти футовъ вышины, изображаютъ Св. Веронику, Св. Елену, держащую крестъ, Св. Лонгина и Св. Андрея.

На сѣверной сторонѣ достоинъ замѣчанія мозаичный образъ Михаила Архангела: это копія славной Гвидовой картины, находящейся въ Капуцинскомъ монастырѣ на Барбериніевой площади. Спокойствіе и величіе въ лицѣ Архангела принадлежатъ явно Греческой природѣ. Возлѣ этого образа превосходнѣйшая мозаика во всемъ соборѣ, работы *кавалера Кристофори*, копія Св.

Петронины, живописца Гверчина, находящейся, какъ я уже сказалъ, въ Капитолѣ. Тутъ надобно пройти мимо гробницы Климента X-го, довольно посредственной; напротивъ, все превосходно и даже изящно въ гробницѣ Климента XIII-го (Редзоники), умершаго въ 1796-мъ году. Рѣзецъ Кановы достойно выразилъ себя здѣсь: колоссальная фигура Папы, молящагося на колѣняхъ, и кротость лица его, обращеннаго (какъ и вся фигура) къ большому престолу, удивительны. По одну сторону Вѣра держитъ крестъ, по другую Геній Смерти сидитъ погруженный въ печаль. Львы, по обѣимъ сторонамъ гробницы, предметъ удивленія всѣхъ художниковъ! Объ этой гробницѣ много писали, много дѣлали сравненій съ нею; я не хочу писать диссертаций, и оставляю себѣ воспоминаніе объ изяществѣ рѣзца Кановы. Недалеко отъ Редзоникиной гробницы стоятъ статуи Св. Бруно, Св. Іосифа Калазанскаго, Св. Каэтана и Св. Іеронима Эмилиана, всѣ четыре довольно посредственной работы; далѣе гробница Бенедикта XIV-го (Ламбертини), изваянная Петромъ Браччи. Но вотъ два превосходныя мозаичныя изображенія, поставленныя одно противъ

другаго : это копія Рафаэлева Преображенія, и Доменикино Причастіа умирающаго Іеронима. Мозаика работы Кристофори. Въ похвалу ихъ довольно сказать, что онѣ достойны живописныхъ своихъ оригиналовъ. Далѣе еще двѣ гробницы : первая мраморная, Григорія XIII-го (Буонкомпаньи). Я не остановился подлѣ нея : память Папы Григорія XIII-го прискорбна истинному Христіанину. Онъ до изступленія обрадовался, когда получилъ извѣстіе о избіеніи въ Парижѣ Гугенотовъ, въ ночь Св. Вореоломея. Другая гробница гипсовая, Григорія XIV-го. Близко отъ нея придѣлъ *Святыхъ Даровъ* (du St. Sacrement), отдѣленный желѣзною рѣшеткою и богато убранный лаписомъ и золотомъ ; за нимъ дверь, ведущая, черезъ коридоръ, въ Ватиканъ, или Папскій дворецъ ; подалѣ гробницы Иннокентія XI-го и Графини Матильды, знаменитой покровительницы Западной Церкви.

Въ придѣлѣ Св. Севастіана достойна замѣчанія Кристофорева мозаика съ Доменикиновой картины, представляющей мученіе этого Св. Архидіакона. Въ придѣлѣ Богоматери (della Pietà), на престолѣ, единственная красотою мраморная груп-

на Микель-Анджело, изображающая Богородицу, держащую на коленяхъ тѣло умершаго Иисуса. Ничто не можетъ быть разительнѣе и трогательнѣе этого произведенія Микель-Анджело : художникъ , кажется , превзошелъ себя въ немъ. Какая глубокая горестъ въ лицѣ Пресвятой Матери , лишившейся своего Божественнаго Сына !... Незыяснимо !... Съ этою горестью ничто не можетъ сравниться , и въ ней есть что-то божественное , чудесное : ее видишь , чувствуешь , раздѣляешь. Я не могъ отойти , не могъ наглядѣться на этотъ мраморъ , оживленный искусствомъ гениальнаго художника. Древняя урна , тутъ-же стоящая , принадлежала нѣкогда Римскому Префекту Аникію Пробу , умершему въ 395-мъ году : она служила для крещенія въ старомъ соборѣ.

Перейдемъ теперь на полуденную сторону церкви. Тутъ гробница Маріи Собіеской , Стюартъ , Королевы Англійской , скончавшейся въ Римѣ въ 1755-мъ году. Мысль : поставить мозаичскій портретъ этой королевы посреди разныхъ украшеній , мнѣ не понравилась. Ниже гробницы дверь къ лѣстницѣ , ведущей на куполь и на крышу церкви. Подалѣе еще одна прелестная рабо-

та безсмертнаго Кановы, гробница Іакова III-го, Англійскаго Короля, и двухъ сыновей его, Кардинала Іоркскаго и Претендента. Покойный Король Георгъ IV-й, по благородному чувству, воздвигъ этотъ памятникъ несчастнымъ принцамъ, которыхъ, вѣроятно, приговорилъ-бы къ смерти, если-бы они живые попались ему въ руки. Форма гробницы готическая; на плинтусѣ изображены бюсты трехъ Стuarтовъ полу-рельефомъ; подъ ними большой барельефъ, представляющій гробничную дверь, по бокамъ которой два ангела, неописуемаго совершенства. Нѣжная и невинная красота ихъ поразить путешественника, прежде нежели онъ пойметъ красоту Аполлона Бельведерскаго!

Повторяю, что долго было-бы описывать всѣ придѣлы, всѣ картины, мозаики, статуи: они, можно сказать, безчисленны. Я остановился подлѣ бронзовой гробницы Інноцентія VIII-го (Cibo), умершаго въ 1492-мъ году. Папа изображенъ на ней двойко: живымъ и мертвымъ. Насупротивъ ея двери на хоры, а надъ дверьми мѣсто, на которое всегда ставятъ тѣло послѣдняго умершаго Папы, которое и остается тамъ, покуда не смѣ-

нить его наследникъ; потомъ уже оно относится въ подземелье или пещеру Св. Петра, гдѣ хоронятъ ихъ всѣхъ. Въ бытность мою въ Римѣ, знаменитый ваятель Торвальдсенъ отдѣливалъ гробницу, или монументъ Пію VII-му, по заказу покойнаго Кардинала Гонзалви, не хотѣвшаго оставить благодѣтеля своего безъ памятника. Въ придѣлѣ, пристроенномъ Папою Павломъ V-мъ къ самому алтарю, всякой день служитъ обѣдню Кардиналъ съ Епископомъ, 30-ю канониками, 36-ю священниками и 26-ю причетниками. Этотъ придѣлъ величиною съ обыкновенную большую церковь, и отдѣляется загородкою со стеклами, для предохраненія служащихъ и присутствующихъ зимою отъ холоду. Плафонъ и стѣны въ немъ богато убраны позолотою и живописью. На гробницѣ Льва XI-го (Medicis) три статуи художника Альгарда. Придѣлъ Климента названъ такъ по имени Папы Климента VIII-го, построившаго его. Запрестольная мозаика, съ картины Андрея Сакки, представляетъ одно изъ чудотвореній Григорія Великаго, котораго тѣло положено вблизи. За другимъ престоломъ, полѣвѣе, любопытна картина Св. Валерія, приносящей главу свою Епис-

копу Св. Марціалу , служащему обѣдню. Тутъ-же мозаика съ Камучиніевой картины , изображающая Апостола Θому , осизающаго ребры Иисусовы. Далѣе увидите двери , всегда растворенныя: онѣ ведутъ въ ризницу , построенную Піемъ VI-мъ. Наконецъ я дошелъ до ужасной гробницы Александра VI-го (Chizi): огромнѣйшій , бронзовый , позолоченный скелетъ , приподымаетъ занавѣсъ изъ желтаго мрамора. Это послѣдняя работа кавалера Бернини. Папа изображенъ на колѣнахъ; его окружають четыре женскія фигуры , представляющія Правосудіе , Мудрость , Милосердіе , Истину ; послѣднюю ваятель осмѣлился представить во всей естественности; но ее покрыли бронзовою драпировкою. Когда ни пойдешь мимо этого памятника , всегда застанешь передъ нимъ кучу поселянъ съ разинутыми ртами: они со страхомъ разсматривають изображеніе смерти. Я увѣренъ , что насмотрѣвшись на огромный бронзовый скелетъ , Сабинскіе крестьяне возвращаются въ свою деревню , если не совсѣмъ исправленные , то , по крайней мѣрѣ , устрешенные и набожные. Въ придѣлѣ Льва Великаго , между двухъ колоннъ краснаго восточнаго гранита ,

есть берельеъ Альгарда, почитаемый лучшею его работою. Въ немъ изображенъ Св. Левъ, останавливающий Аттилу передъ Римомъ : онъ указываетъ ему на Апостоловъ Петра и Павла , раздраженныхъ за дерзкое предпріятіе завоевателя. Двѣ гробницы , Александра VIII-го (Ottoboni) и Павла III-го, оканчиваютъ кругъ , пройденный мною около стѣнъ.

Разсматривая мозаичныя изображенія въ церкви Св. Петра, я соображалъ, что если-бы ввели въ Россіи это художество , то выиграли-бы много прочности и красоты для святыхъ образовъ нашихъ церквей ; они не боялись-бы ни сырости , ни морозовъ , которые теперь повреждаютъ наши живописные образа: Зимой , во время служенія , отъ одного дыханія присутствующихъ стѣны отпачиваютъ, и на нихъ никакая живопись, ни какія краски не могутъ долго стоять безъ поврежденія. Мозаика не боится, напротивъ, никакой температуры, и, кажется, нигдѣ не могла-бы она приличіе быть употреблена , какъ у насъ ! Я видѣлъ въ сгорѣвшемъ соборѣ Апостола Павла образа , совершенно подобные нашимъ древнимъ иконамъ , сохранившіе послѣ огня всю

свѣжестъ красокъ ; они ни мало не повредились; а въ древнихъ Русскихъ церквахъ почти всѣ иконы уже нѣсколько разъ поновлены, или и совсѣмъ переписаны , потому что живопись истребляется отъ стужи и сырости.

Подробное описаніе церкви св. Петра можетъ составить нѣсколько томовъ. Но это не моя цѣль , да я и не имѣю для такого описанія достаточныхъ свѣдѣній въ искусствахъ. Ограничиваясь легкимъ очеркомъ, скажу, что я былъ изумленъ при разсматриваніи этого единственного красотою и величіемъ храма. Я спускался также въ подземелья его , гдѣ почиваютъ кости множества Христіанъ , убитыхъ во время гоненій на Церковь. Тамъ хоронятъ нынѣ Папъ и Кардиналовъ , и есть церковь , гдѣ бываетъ служеніе. Я не лазилъ въ шаръ подъ крестомъ собора ; но ни одинъ Англійскій путешественникъ не упуститъ этого , и большая часть тамъ-же на стѣнахъ записываютъ свое имя. А на что ? Для какой пользы ? Кому на память ? Не знаю ! Очень нужно потомству узнать , что тутъ былъ какойнибудь *Sir John Unknown* ! Впрочемъ , пусть тѣшатся, а я подражать имъ не стану.

Мнѣ остается сказать, что я чувствовалъ въ церкви Св. Петра, и что потомъ ощущалъ въ готическихъ церквахъ Франціи и Германіи. Въ великолѣпномъ, неподражаемомъ храмѣ Святаго Петра мной владѣлъ восторгъ; душа просилась въ небо! Это какое-то чувство благодарности, чистой, безпримѣсной. Въ готическихъ церквахъ, напримѣръ въ Парижскомъ соборѣ de Notre-Dame, въ Сенъ-Дени, въ Страсбургѣ, таинственная мрачность, тѣни, переливающіяся по огромнымъ сводамъ, все приводитъ въ какое-то уныніе, въ какую-то задумчивость. Тамъ чувствуешь свою ничтожность и падаешь долу передъ Господомъ! Это молитва о помилованіи, о прощеніи слабостей, чувство глубокаго смиренія. Изъ церкви выходишь спокойнѣе духомъ, и съ сердцемъ утѣшеннымъ. Не знаю, хорошо-ли объяснилъ я оба эти чувства. По крайней мѣрѣ я ощущалъ это очень хорошо.

Послѣ церкви Св. Петра нельзя было вдругъ перейти къ мѣлкимъ предметамъ. Чувства и воображеніе требовали опять какого нибудь grandioso, и я отправился, послѣ обѣда, въ Колизей.

Надобно видѣть это зданіе , чтобы понять все величіе его ! Въ тысячелѣтнихъ его развалинахъ , выше Титовыхъ теплицъ , сохранились невредимыми , съ одной стороны , четыре этажа , вѣнчающіе тройные своды галлерей . Колизей , исполнѣй архитектуры , хотя изувѣченный , остался побѣдителемъ , въ борьбѣ съ временемъ , съ людьми , съ стихіями , какъ безсмертный свидѣтель Рима и первыхъ вѣковъ христіанства . Съ сѣверной стороны , обращенной къ Эсквилинскому холму , этотъ Веспасіановъ амфитеатръ сохранилъ всю вышину свою : 157 футовъ . Наружная окружность его простирается на 285 ф. длины и 182 ф. ширины . Веспасіанъ , покоривъ Іудею , употребилъ 12,000 плѣнныхъ на построеніе Колизея ; но Титу , истребителю Іудеевъ , было предоставлено довершить его . Онъ посвятилъ это зданіе Римскому народу и открылъ его торжественными играми . Пять тысячъ львовъ , тигровъ и слововъ было выведено на арену , для забавы Цезаря и его народа ; три тысячи гладіаторовъ радостно проливали кровь свою и смѣшивали ее съ кровію звѣрей . Бой продолжался дней сто ! Діоклитіанъ также травилъ дикими звѣрями другихъ гладіа-

торовъ, и наконецъ кровь Христіанъ рѣкою полилась въ Колизей. Но и Діоклитіану, и Титу рукоплескали 120 тысячъ зрителей, и въ числѣ ихъ присутствовавшія Весталки! Какъ холодны и ничтожны должны были казаться потомъ, этимъ властителямъ міра, ристанія въ обыкновенныхъ циркахъ.

Въ 546-мъ году, Тотила, дикій завоеватель, разрушилъ часть амфитеатра, и это конечно меньше позабавило Римлянъ. Войны его вытаскивали мѣдныя скобы, связывавшія огромные камни зданія. Послѣ Тотилы Колизей сдѣлался крѣпостью; потомъ каменоломнею. То Франжипани, то Анибальди овладѣвали имъ и укрѣплялись въ немъ. Во время этихъ междоусобій, когда одна изъ большихъ фамилій Рима укрѣплялась въ гробницѣ Августовой, другая въ Адріановой, или Цециліи-Метеллы, мало устояло памятниковъ. Эпоха, сугубо варварская, доведшая Римъ до того, что въ немъ оставалось не болѣе 13-ти тысячъ жителей, и всѣ зданія были приведены въ совершенное раззореніе! Вотъ истинно желѣзный вѣкъ, гдѣ великимъ оставалось только бѣдствіе. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, Фарнези и Барберини,

племянники Папскіе, довершили раззореніе полу-денной части Колизея, употребляя матеріалы изъ него на постройку своихъ дворцовъ. Такимъ образомъ тысячу лѣтъ сряду люди разрушали это великолѣпное зданіе. Наконецъ, Климентъ X-й и потомъ Бенедиктъ XIV-й, построили вокругъ Подіума (Podium) Колизейскаго 14 небольшихъ часовенъ, для остановки церковныхъ ходовъ во время Страстной недѣли, а посреди арены возвели Голгофу съ крестомъ. Въ углу восточныхъ развалинъ есть также небольшая церковь, гдѣ ежедневно служатъ обѣдню. Эти бѣдныя постройки однакожь покровительствовали Колизею и защищали его развалины отъ хищничества вельможъ.

Подлѣ названной мною, небольшой церкви, есть дверь, ведущая во всѣ этажи Колизея. Для всхода туда построили деревянныя крыльца, въ угожденіе Испанскому Королю Карлу IV-му, также развалинъ царскаго величія, тогда жившему въ Римѣ. Пій VII-й оставилъ памятникъ своего благоразумнаго покровительства художествамъ, построивъ большой кирпичный контръ-форсъ, поддерживающій, отъ фундамента до са-

мой вершиной, северную арку Колизея. Безъ такой огромной опоры, вѣроятно, что остатки этого высокаго и ни чѣмъ не поддерживаемаго амфитеатра, не устояли-бы во время землетрясенія 1811-го года. Французы помогли сохраненію древняго памятника, скидавъ всѣ камни и землю, завалившіе верхній этажъ и галлерей его. Внутри также облегчили зданіе, и дорылись до настоящаго помоста, гдѣ нашли мраморныя ступени, по которымъ всходили Императоры и члены ихъ семействъ на принадлежавшія имъ мѣста. Наконецъ отыскали и очистили нижнія галлерей, пятнадцать вѣковъ погребенныя въ землѣ. Надобно было еще разгадать: откуда амфитеатръ наполнялся водой, потому что въ немъ не всегда бывали звѣриныя и людскія травли, но часто происходили и наумахія, то есть флотскія сраженія. При звѣриныхъ травляхъ, Императоры подвергались-бы опасности отъ звѣрей, а при наумахіяхъ могли-бы быть затоплены водой, если-бы мѣста ихъ были наравнѣ съ Подіумомъ, гдѣ гладіаторы сражались съ звѣрями, и гдѣ наливалась вода для наумахій. Но отыскали и этотъ механизмъ, добрались до впадины, или

бассейна, то есть настоящего внутреннего по-
прища, и нашли трубы, проводившія воду, кори-
доры, чрезъ которые впускались звѣри, простѣн-
ки, въ видѣ кулисъ, и даже родъ хлѣбовъ, съ
железными кольцами для звѣрей.

Колизей одно изъ огромнѣйшихъ зданій въ
мірѣ. Остатки его поражаютъ удивленіемъ, и
приводятъ въ ужасъ воспоминаніями. Чтобы ви-
дѣть его вполнѣ, лучше всего стать внутри, по-
срединѣ: тогда удивительную картину предста-
вляютъ огромныя развалины, и голубое небо,
видимое сквозь окошки. Но лучше всего видѣть
Колизей при лунномъ сіяніи, въ тишинѣ ночи,
когда въ немъ никого нѣтъ. Тогда воспоминанія
непремѣнно пробудятъ въ душѣ событія прошед-
шаго, и воображеніе представитъ Веспасіана,
милосердаго Тита, который травитъ звѣрями три
тысячи гладіаторовъ, Діоклитіана, терзающаго
Христіанъ, и св. Апостола Павла, принимающаго
мученическій вѣнецъ. За ними возстаютъ великаны
Среднихъ Вѣковъ...

Изъ Колизея поѣхалъ я въ Латранскій соборъ
Іоанна Крестителя. Онъ знаменитъ, во-первыхъ,
тѣмъ, что считается старшею церковью всего

Христіанства; во-вторыхъ, онъ кафедральный Папскій соборъ, и по этимъ двумъ причинамъ называется *Ecclesiarum urbis et orbis mater et caput*. Въ немъ принялъ святое крещеніе Императоръ Константинъ, и опъ того самая церковь была создана во имя св. Іоанна Крестителя (*). Прежде тутъ былъ Императорскій дворецъ, гдѣ жилъ Маркъ-Аврелій и многіе другіе государи. Константинъ построилъ въ немъ церковь, въ 324 году, и уступилъ ее, вмѣстѣ съ дворцомъ, первосвященникамъ христіанской вѣры. Папы всегда жили тутъ, до Григорія XI-го (1370). Этотъ великолѣпный храмъ, такъ-же какъ и всѣ перво-классныя церкви въ Римѣ, болѣе похожъ на царскіе чертоги, чѣмъ на молитвенное зданіе. Обширность его, богатые украшенія, пиластры и колонны изъ рѣдкаго камня и даже изъ зеленой яшмы, огромныя изваянія, изображающія двѣнадцать Апостоловъ, мозаичные образа, живопись знаменитыхъ художниковъ того времени, какъ-то: Прокачини, Конка, Бенедіаля, дѣлають

(*) Некоторые историки утверждаютъ, что Константинъ крестился передъ самою смертію своею; но многія обстоятельства его жизни показываютъ противное.

этотъ храмъ однимъ изъ первѣйшихъ въ свѣтѣ. Здѣсь также находятся бронзовыя врата, древней Римской работы, взятые изъ церкви св. Адріана, что на Форумѣ, и поставленные Папою Александромъ VII-мъ. Они остались единственными изъ тѣхъ, которыя назывались въ древности *quadrifores*. Въ портикѣ находится статуя Императора Константина, долго остававшаяся въ грудѣ развалинъ, послѣ пожаровъ и множества бѣдствій, претерпѣнныхъ Римомъ, но наконецъ найденная въ теплицахъ на Квиринальскомъ холмѣ.

Первый придѣлъ, отъ входа въ церковь по лѣвую руку, прекраснѣйшее произведеніе новой архитектуры, называется Корсиніевымъ. Онъ Коринтскаго ордена, построенъ Климентом XII-мъ (Корсини), въ 1735-мъ году, по рисункамъ Флорентинскаго архитектора Галилея, и весь убранъ драгоценнымъ мраморомъ. Въ немъ мозаичная копія Гвидовой картины заслуживаетъ особенное вниманіе: она представляетъ св. Андрея Корсини; оригиналъ ея находится въ Барбериніевыхъ палатахъ. Въ самомъ придѣлѣ, на лѣво, стоитъ гробница Климента XII-го, котораго прахъ положенъ въ драгоценную порфировую урну, оставленную

подъ портикомъ Пантеона, и потому-то многіе антикваріи принимали ее за ту, въ которой былъ положенъ пепелъ Агриппы. Въ соборѣ Іоанна Латранскаго есть гробницы многихъ Папъ. Престолъ въ немъ украшенъ готическимъ балдахиномъ. Тамъ, между многими мощами, сохраняются, какъ утверждаютъ католики, главы Апостоловъ Петра и Павла. Надъ небольшимъ престоломъ, у окошка, есть четыре бронзовыя позлащенные колонны, съ прямыми выемками въ длину (*cannelées*). говорятъ, онѣ принадлежали къ храму Юпитера Капитолійскаго, и были сдѣланы по приказанію Императора Августа, изъ бронзы съ Египетскихъ кораблей, взятыхъ имъ въ Акціумскомъ сраженіи. Здѣсь находится также статуя Французскаго Короля Генриха IV-го, причтеннаго Папою къ числу наслѣдственныхъ канониковъ собора.

На площади передъ церковью поставленъ огромный изъ всѣхъ Египетскихъ обелисковъ: онъ 99-ти футовъ въ вышину, не считая базиса и пьедестала. Февтмозисъ (то-же что Меридъ), Царь Египетскій, воздвигъ его въ Фивахъ и посвятилъ Солнцу. Константинъ положилъ его на корабль, а сынъ его Констанцій перевезъ изъ Александріи

въ Римъ. Онъ былъ поставленъ сперва посрединъ большого цирка ; но Сикстъ V-й, послѣ пожара, отъ котораго сгорѣлъ Латранскій дворецъ, приказалъ знаменитому архитектору Фонтанѣ поставить его здѣсь. Обелискъ, уже разбитый на три куска, лежалъ посреди развалинъ древняго цирка. Аммианъ Марцелинъ упоминаетъ о немъ въ своей исторіи. Героглифы уцѣлѣли ; они превосходной отдѣлки.

Я входилъ потомъ въ крещатикъ Царя Константина. Онъ построенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ боковаго фасада Латранскаго собора. Это небольшая осьми-угольная церковь, которой построение, въ 324-мъ году, приписываютъ Константину. Въ купѣль, гдѣ крестился Императоръ, сходятъ по тремъ ступенямъ : она вся сдѣлана изъ базальта, въ видѣ урны. На стѣнахъ два барельефа : одинъ представляетъ крещеніе Господа нашего Иисуса Христа, а другой Константиново, Папою св. Сильвестромъ. Невольно вздохнешь, видя такое сближеніе ! Рядомъ съ крещатикомъ придѣлъ во имя Іоанна Крестителя. Это былъ, говорятъ, кабинетъ, или комната отдохновенія Константина.

Знаменитая *Scala Santa* (святая лѣстница) находится вблизи. Она состоитъ изъ 28 ступеней, бѣлаго мрамора. Католики говорятъ, что она вела въ Пилатовъ дворецъ въ Іерусалимѣ, и по ней неоднократно всходилъ Іисусъ Христосъ. Ступеньки нынѣ покрыты, сверхъ мрамора, досками, и во всякое время можно видѣть всходящихъ по ней богомольцевъ, на колѣнахъ. На площадкѣ, вверху, Сикстъ V-й велѣлъ построить домовую Папскую церковь, находившуюся прежде въ Латранскомъ дворцѣ. Я замѣтилъ, что если глядѣть съ этой площадки по направленію большой Неапольской дороги, то видъ прелестный, достойный Пуссеновой кисти. Тутъ-же показываютъ мозаику, временъ Льва III-го; но я не нашелъ въ ней ничего отличнаго.

Отсюда поѣхалъ я осмотрѣть церковь Св. Маріи (Ste.-Marie-Majeur), ту самую, въ которой уже былъ во время Папскаго служенія. Она соперница Латранскаго собора въ красотѣ, въ святости и богатствѣ, и такъ-же какъ онъ числится Папскою. Ее основалъ Папа Либерій, въ царствованіе другаго Константина. Причиной основанія ея, въ 352-мъ году, полагають чудо,

совершившееся въ этотъ годъ , въ ночи съ 4-го на 5-е Августа : сперва явился Папѣ Либерію и Іоанну Патрікію , богатому гражданину Рима , огненный крестъ на небѣ ; на завтра , среди дня , выпалъ глубокій снѣгъ , покрывшій однакожь только то пространство , на которомъ Папа предположилъ построить соборъ въ память чуда , и назвать его именемъ Пресвятыя Богородицы. Потому , въ началѣ назывался онъ соборомъ Св. Маріи *на снѣгу* , потомъ Либеріевымъ , и наконецъ , донынѣ , церковью Св. Маріи *старшей* (*Maieure*) , потому что изъ 26-ти церквей , посвященныхъ въ Римѣ Богородицѣ , эта самая огромная и старшая. Въ 432-мъ году , Сикстъ III-й , другъ Св. Августина , перестроилъ ее , увеличилъ и украсилъ мозаичными картинами , изображающими предметы изъ Ветхаго Завѣта. Здѣсь находятся великолѣпныя гробницы Сикста V-го и Павла V-го. Въ богатствѣ украшеній , изобиліи золота , дорогихъ камней и мраморовъ , этотъ соборъ не уступаетъ никакому другому въ Римѣ. Платонъ его утвержденъ на 36-ти Іоническихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора , принадлежащихъ древности и взятыхъ изъ храма Юноны. Балдахинъ надъ престолъ

ломъ поддерживается четырьмя порфировыми колоннами , а вмѣсто престола служитъ огромный-шая чаша, бывшая гробницей того самаго Іоанна Патрикія , который съ Папою Либеріемъ видѣлъ явленіе огненнаго креста. Придѣлъ, гдѣ покоятся остатки Павла V-го , не уступаетъ убранствомъ и красотой Корсиніеву придѣлу въ Латранскомъ храмѣ. Здѣсь также много изящныхъ картинъ, барельефовъ и рѣдкихъ мраморовъ. На алтарѣ придѣла показываютъ образъ Богородицы, писанный будто-бы евангелистомъ Лукою: онъ на лаписъ-лазуревомъ грунтѣ, въ рамѣ, осыпанной брилліантами, и поддерживается четырьмя ангелами изъ позлащенной бронзы. Стѣнная живопись здѣсь особенно любопытна , во-первыхъ потому, что она Гвидо-Реніева, а во-вторыхъ, что изображаетъ святыхъ Греческой Восточной церкви, и царицъ, причисленныхъ Православною Церковью къ лику святыхъ. Подлѣ гробницы Пія V-го, на алтарѣ, утвержденъ на четырехъ бронзовыхъ позлащенныхъ ангелахъ ковчегъ, въ которомъ свято хранятъ часть колыбели Господа нашего Іисуса Христа.

Соборъ Св. Маріи построенъ съ двумя фасада-

им: передъ каждымъ изъ нихъ воздвигнуть памят-
никъ. На площади передъ сѣвернымъ фасадомъ
стоитъ обелискъ изъ краснаго гранита, безъ гіе-
роглифовъ, въ 60 футовъ вышины. Онъ открытъ
при Сикстѣ V-мъ, у Августовой гробницы, вмѣстѣ
съ тѣмъ, который теперь на Монте-Кавалло. Про-
тивъ полуденнаго фасада стройная и прекрасная
колонна, изъ бѣлаго мрамора, одна оставшаяся
въ цѣлости на развалинахъ храма Мира. Я не
стану сравнивать соборовъ Латранскаго и Св.
Маріи. Скажу только, что послѣ Св. Петра, пер-
ваго въ свѣтѣ огромностью и красотой, это двѣ
огромнѣйшія церкви, какія я знаю.

На другой день прогулка моя въ Римѣ была
посвящена обозрѣнію нѣкоторыхъ древностей. На-
до было отдохнуть отъ безпрестаннаго разсма-
триванія пышности и богатства здѣшнихъ церквей.
Я поѣхалъ къ заставѣ Св. Павла. Тамъ Г-нъ Ви-
сконти показалъ мнѣ двѣ рѣдкости: это *Testaccio*
(*Testaccio*,) и пирамида Каія Цестія (*C. Cestius*).
Извѣстно, что Тестачіо есть холмъ, составившій-
ся изъ черепковъ посуды, выбрасываемыхъ въ Ри-
мѣ въ одно мѣсто. Цестіева пирамида гораздо
любопытнѣе. Не знатный и ничѣмъ непрославив-

шійся Римлянинъ, завѣщалъ поставить послѣ смерти своей, на память себѣ, эту Египетскую гробницу. Онъ конечно могъ-бы велѣть сдѣлать надпись, подобную тѣмъ, какія и у насъ безпрестанно встрѣчаются на кладбищахъ, надъ гробами самихъ обыкновенныхъ людей, то есть, что онъ былъ добрый семьянинъ, нѣжный супругъ, хороший гражданинъ, и проч.; однако потомство должно, по крайней мѣрѣ, поблагодарить К. Цестія, что онъ одинъ въ Римѣ вздумалъ соорудить себѣ такой Египетскій памятникъ, какого еще не было, т. е. пирамиду. Нынѣ подлѣ нея отвели кладбище для протестантовъ. Въ небольшомъ разстояніи отсюда, я нашелъ памятникъ соотечественницы своей, Штатсъ-Дамы Графини Екатерины Петровны Шуваловой, скончавшейся въ Римѣ. Я зналъ ее при Дворѣ Великой Екатерины, цѣнившей умъ и любезность этой дочери Фельдмаршала Графа П. С. Салтыкова. Упомянувъ о холмикѣ Тестачіо, я забылъ сказать, что вышина его 130 футовъ, и что въ немъ сдѣланы погреба, сохраняющіе вина въ удивительной свѣжести. Термометръ, въ самые большіе жары, опускается въ Тестачіо до пяти и шести градусовъ надъ точкою замерзанія.

Вокругъ тутъ множество остерій : это родъ питейныхъ домовъ , куда безпрестанно , особливо осенью, собирается гуляющая чернь , и группами садится вокругъ пригорка : ѣдятъ , пьютъ , веселятся, поютъ и пляшутъ салтареллу. Салтарелла національная пляска , совершенно драматическая. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на танцующихъ ; они выражаютъ любовную драму : сначала объясненіе въ любви , потомъ интригу , хитрости , безпокойство, надежды, ревность, а въ окончаніи всегда счастливый успѣхъ. Мы возвратились чрезъ *Piazza Navona* (Навонская площадь), или древній циркъ Императора Александра Севера.

Площадь сохранила старую форму цирка, и даже отчасти древнее свое названіе ; только вмѣсто ристанія на колесницахъ , нынѣ, по Субботамъ и Воскресеньямъ, разъѣзжаютъ по ней, и стараются опередить другъ друга, кареты въ водѣ. Всю недѣлю здѣсь рынокъ; но въ Субботу и Воскресенье запрутъ трубы, которыми стекаетъ излишняя вода изъ четырехъ фонтановъ, и площадь тотчасъ наполнится водой, на аршинъ и болѣе глубины. Тутъ заиграютъ въ трубы, ударятъ въ барабаны, и кареты знатнѣйшихъ баръ , и всѣ лучшіе эки-

пажи пустятся по площади. Зрители, кругомъ по улицамъ, и изъ окошекъ въ домахъ на площади, бьютъ въ ладоши и принимаютъ живѣйшее участіе въ этой забавѣ. Кучеръ мой завезъ и меня въ это озеро, въ коляскѣ; но я не радъ былъ празднику, гдѣ, кромѣ того, что всего забрызгаютъ, да того и гляди, что опрокинуть: подъ водою не видны забытыя по неосторожности разныя вещи, на которыя можно наѣхать колесомъ и повалить экипажъ. Къ вечеру подземныя трубы отпираютъ, и вымытая площадь мгновенно осушается. Римляне и теперь пародируютъ своихъ предковъ: не подражаютъ имъ, а пародируютъ ихъ. Напримѣръ, они называли именемъ портнаго, извѣстнаго колкаго шута на сосѣдней площади, обломокъ прекрасной Греческой статуи, и Гомерическій Менелай, защищающій тѣло Патрокла, сдѣлался шутъ *Пасквино*, который забавлялся на счетъ ближняго, Римской знати, и даже самаго правительства. Ему всегда отвѣтствовалъ такими-же ѣдкими шутками, эпиграммами и сатирами, кумъ его Марфоріо. Правительство и Папы терпѣли это, и будучи сами Италіянцами, забавлялись; но теперь эта перестрѣлка прекрати-

лась. Я нашелъ Марфоріо отдыхающаго на боку, подъ одною изъ галлерей Ватиканскаго музеума; Пасквино тоже прибрали къ мѣсту.

Навонская площадь одна изъ прекраснѣйшихъ въ Римѣ. По срединѣ ея, огромный гранитный обелискъ возвышается изъ группы четырехъ колоссальныхъ статуй, образующихъ фонтанъ; статуи представляютъ четыре славныя рѣки: Нилъ, Гангесъ, Ла-Плату и Дунай. Палаты Панфили, Массими и Браски, церковь Св. Агнесы, съ ея куполомъ и двумя колокольнями, украшаютъ площадь Навонскую, истинно великолѣпную. Къ вечеру сюда собираются шарлатаны, фокусники; тутъ-же рынокъ, толпы народа, и все вмѣстѣ это представляетъ нѣчто живописное, грандіозо, что врядъ-ли гдѣ сыщется. Позднѣе, лучшее общество съѣзжается туда, ѣсть фиги, арбузы, кучами наставленные, и мороженое, которое подаютъ въ кареты. Я любилъ прогуливаться на этой площади, гдѣ все мнѣ казалось оригинально, и гдѣ Римъ совсѣмъ не похожъ на другіе города.

Соборъ Апостола Павла, что за стѣнами города, сгорѣлъ въ 1823-мъ году, отъ неосторожности кровельщика, павшаго свинцовыя трубы. По-

лагаютъ, что Императоръ Константинъ построилъ эту церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ, послѣ мученія Св. Апостола, схоронили его кости. Въ 386-мъ году, Императоры Валентиніанъ и Θεодосій перестроили храмъ въ большемъ размѣрѣ; совершенно-же окончилъ его Императоръ Гонорій. Ни одинъ изъ Римскихъ соборовъ не былъ великолѣпнѣе. Множество древнихъ языческихъ храмовъ были пожертвованы для наполненія его драгоценными колоннами, и всѣ эти сокровища сдѣлались жертвою пламени. Я думаю, казна всѣхъ царей въ Европѣ будетъ недостаточна для приведенія его въ первобытную красоту; да и живемъ мы не въ такомъ вѣкѣ, чтобы предприняли это! Еще если-бы дѣло шло о желѣзной дорогѣ, о паровыхъ машинахъ, о пароходахъ, нашлись-бы акціонеры: тамъ прибыль. Однако и тутъ работы начаты, хоть мнѣ кажется, что долго еще, а можетъ статься и никогда, не окончатъ ихъ. При самомъ входѣ въ церковь была мозаика, съ фигурами исполинскаго размѣра; она уцѣлѣла почти совершенно, и напомнила мнѣ Греческую иконописъ: въ ней изображенъ Іисусъ Христосъ, между Апостолами Петромъ и Павломъ, и двадцать че-

тыре старца, упоминаемые въ Апокалипсисѣ, Мозаика эта 440-го года: она истинное сокровище! Глядя на величественныя развалины собора Св. Павла, не лѣзя не сокрушаться.

Отъ нихъ поѣхали мы къ цирку Императора Каракаллы. Послѣ театра въ Помпей, я не видалъ древняго зданія, такъ хорошо сохранившагося: ступени зрителей, мѣсто Императора, ворота, откуда выѣзжали колесницы, все цѣло, и можно кажется начать ристанія. Только два Египетскіе обелиска, стоявшіе по концамъ средней линіи (*Spina*), гдѣ оборачивались ристающіе, перевезены въ Римъ. Это зданіе чудесное, и конечно одно изъ любопытнѣйшихъ, оставленныхъ намъ древностью. По дорогѣ осмотрѣли мы Сципіонову и Сервилиеву гробницы: послѣдняя недавно открыта Кановою. Гробница Цециліи — Метеллы, супруги Крассовой, находится не подалеку. Это огромное, красивое и великолѣпное зданіе уже столько разъ было описано, срисовано, и такъ всѣмъ извѣстно, что я излишнимъ почитаю о немъ упоминать.

ГЛАВА V.

РИМЪ.

(Продолженіе).

Я нарочно пришелъ на древній Форумъ въ день продажи скота. Какая унижительная превратность! Огромная площадь, на которую отовсюду стекались побѣдители міра, гдѣ гремѣлъ голосъ Циперона, гдѣ торговались на престолахъ царствъ Азіійскихъ, нынѣ служитъ для продажи быковъ! Но не это и привлекаетъ на нее; для насъ драгоцѣнны древніе остатки, сохранившіеся вокругъ, и мы взглянемъ на самые достопамятныя изъ нихъ. Между Капитоліемъ, Священнымъ Путемъ и Палатинскимъ холмомъ, самое ближайшее зданіе къ стѣнѣ Капитолія храмъ Юпитера Громовержца.

Отъ него осталось только три колонны. Императоръ Августъ, путешествуя въ Испаніи, ночью былъ застигнутъ грозой, и громъ убилъ невольника, который несъ передъ нимъ факелъ. Въ память этого событія Августъ воздвигнулъ храмъ. Надписи говорятъ, что Императоры Септимій-Северъ и Каракала возобновляли его. Три ложчатныя колонны, принадлежавшія къ портику, уцѣлили вмѣстѣ съ кускомъ архитрава. Онъ Коринтскаго ордена, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора; діаметръ ихъ 4 фута и 2 дюйма, а вышина 46 футовъ. На фризѣ есть еще остатки барельефовъ, гдѣ видны разныя орудія жертвоприношеній. Все это превосходной красоты. Французы отрыли передъ храмомъ мостовую древней улицы, очень узкой; но въ жаркомъ климатѣ, и когда еще не было выѣзжихъ экипажей, узкія улицы были удобны своею тѣнью. Я какъ ребенокъ радовался, что ступаю по мостовой, по которой ходили Цезарь и Брутъ!

Близко этихъ остатковъ видны еще восемь колоннъ, извѣстныя подъ именемъ храма Фортуны. Пожаръ разрушилъ это зданіе при Императорѣ Максенціи, но Сенатъ возобновилъ его. Видно,

художества были уже въ упадкѣ около 310-го года : колонны портика всѣ разнаго діаметра , что ясно показываетъ или небреженіе , или неискучство возобновителей. Все , что принадлежитъ къ старому храму , прекрасной отделки , а то , что сдѣлано при возобновленіи , грубой и гадкой работы.

Далѣе по Форуму возвышается одинокая колонна, воздвигнутая Смарагдомъ, Экзархомъ Италіи въ честь Императора Фоки, въ 608-мъ году. На ней была лъстивая надпись этому злодѣю , и бронзовая позолоченная статуя его. По низверженіи тирана , надпись стерли , но теперь она опять вырѣзана. Работа показываетъ , что колонна была взята Смарагдомъ изъ какого нибудь зданія временъ Антониновъ. До открытія базиса ея, гдѣ нашли надпись , всѣ ученые приписывали эту колонну то одному , то другому зданію , и никому въ голову не приходило , что она принадлежала Фокѣ. Одинъ путешникъ написалъ стихи , гдѣ говорилъ ученымъ , что напрасно они измарали своимъ враньемъ столько фоліантовъ , изъ которыхъ можно было-бы слѣпить такой-же величины колонну ; взяли-бы они заступъ , да по-

рылись вокругъ , и это избавило-бы ихъ труда издавать въ свѣтъ тму глупыхъ догадокъ , никому и ни къ чему не послужившихъ.

Три великолѣпныя колонны , которыя назывались прежде храмомъ Юпитера Статора , а нынѣ переименованы учеными въ *Грекостазисъ* (Богъ знаетъ почему !) , служатъ предметомъ удивленія для знатоковъ. Зданіе, къ которому онѣ принадлежали , должно было равняться величиной съ храмомъ Антонина Благочестиваго или Пантеономъ. Всякой разъ , проходя здѣсь , я восхищался ими! Прямо противъ нихъ храмъ Антонина и Фаустины. Онъ находился на Священномъ Пути, который начинался у Колизея и оканчивался у Капитолія, улицей Кливусъ-Капитолинувъ. Храмъ, посвященный Фаустинѣ, прекрасный остатокъ древности. Портикъ его составляютъ десять цѣльныхъ колоннъ Циполинскаго мрамора, 14-ти футовъ въ окружности и 43-хъ футовъ вышины. Это зданіе можетъ служить образцомъ древняго великолѣпія и богатства Рима. Циполинскій мраморъ былъ всегда рѣдокъ : древніе называли его *Lapis Carystius*. Еще драгоцѣннѣе этотъ храмъ для занимающихся изученіемъ древностей, потому, что обѣ боковыя стѣны

цалы, или алтаря, сохранились въ немъ совершенно. Къ портику вела лѣстница, съ 22-ми ступенями. Барберини, или другіе Царскіе родственники, не взяли отсюда колоннъ конечно только по той причинѣ, что храмъ былъ обращенъ въ церковь, посвященную Св. Лавренцію.

Ничего не можетъ быть почтеннѣе, по высокой древности, храма Ромула и Рема, вблизи стоящаго. Тутъ начался Римъ! Кажется, это зданіе возобновлялъ Константинъ; нынѣ же въ немъ церковь Козьмы и Даміана. Въ 15-мъ вѣкѣ нашли тутъ большія мраморныя плиты, съ вырѣзанными на нихъ планомъ Рима: ихъ можно видѣть и теперь, въ стѣнѣ Капитолійскаго Музея. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, по направленію къ Колизею, путешественникъ замѣчаетъ три высокіе кирпичные свода: полагаютъ, что это остатки *Базилики* Константина Великаго. Еще недавно называли ихъ остатками храма Мира; но судя по рѣзбѣ на нѣкоторыхъ обломкахъ, должно отнести постройку этого зданія къ временамъ Діоклитіана. Это, кажется, то самое зданіе, которое построилъ Максенцій, и которому Константинъ, побѣдитель Максенція, далъ свое имя. Впослѣд-

ствѣи тутъ была церковь ; видно , были и колонны. По приказанію Наполеона разрыли внутреннюю часть зданія , и нанли помѣсть изъ желтаго драгоцѣннаго мрамора. По остаткамъ всего ясно, что это была одна изъ огромнѣйшихъ построекъ въ Римѣ. Осмотрѣвъ еще прекрасныя остатки храма Венеры и Рима, я окончилъ мою прогулку по Форуму.

Я много разъ упоминалъ о теплицахъ древнихъ. Чтобы дать о нихъ лучшее понятіе, я опишу развалины теплицъ Каракаллы, которыя осматривалъ довольно подробно. Отъ нихъ остались огромныя куски стѣнъ , иѣкогда великолѣпно украшенныхъ. Внутри было 1600 мраморныхъ креселъ, или сидѣлокъ ; 2300 человекъ могли купаться въ одно время и не видѣть другъ друга. Извѣстно, что Римляне страстно любили употребленіе бань , и расточали всю роскошь для полноты этого рода наслажденія : тутъ допускались даже гимнастическія игры. Желая видѣть основаніе всей окружности, мы , при свѣтѣ факела , спустились довольно глубоко ; но тамъ невозможно хорошенько осмотрѣться , или , лучше сказать , вообразить цѣлаго зданія. Я распозналъ однако, по остаткамъ стѣнъ,

что онѣ составляли четыре огромныя залы. Теперь все это такъ разрушено, что почти никакихъ подробностей узнать не лѣзя. Въ этихъ теплицахъ не было колоннъ, и отъ того онѣ похожи на восточныя развалины, какія встрѣчалъ и въ Малой Азіи. Меня поразила овѣжестъ зеленѣющихъ растеній, выросшихъ на этомъ строеніи. Увѣряютъ, что большая часть изъ нихъ ядовиты; но мнѣ нѣкогда было увѣриться въ истинѣ такого замѣчанія.

Теплицы Діоклитіановы, на Квиринальскомъ холму, были огромнѣе этихъ; но Титовы и Нероновы превосходили ихъ красотою и убранствомъ.

Къ числу значительнѣйшихъ предметовъ древней архитектуры принадлежатъ также триумфальныя арки, или ворота. Я упомяну о самыхъ достопамятныхъ. Врата Септимія Севера построены по волѣ Сената и Римскаго народа, въ 205-мъ году отъ Р. Х., въ честь Императора Септимія Севера и сыновей его, Каракаллы и Геты, за побѣды ихъ надъ Парянами и другими восточными народами. Эти ворота изъ Пантелическаго

мрамора, съ тремя арками. Они украшены восьмью ложчатыми колоннами сложнаго ордена (сопро-
siti); но барельефы показываютъ уже упадокъ
искуства. Замѣчательна длинная надпись, должен-
ствовавшая передать самому позднему потомству
память о подвигахъ Септимія Севера; но скоро
послѣ смерти его, извергъ Каракалла умертвилъ
брата своего Гету, и приказалъ сгладить тѣ сло-
ва надписи, въ которыхъ о немъ упоминалось:
ихъ замѣнили другими, безъ всякой связи съ
смысломъ первыхъ. Небольшая мраморная лѣстни-
ца, въ стѣнѣ, ведетъ на платформу, гдѣ была
бронзовая колесница, и въ ней статуя импера-
тора, сидящаго съ сыновьями. Колесница была
запряжена четырьмя конями врьдъ; ее окружали
четыре воина, два конные и два пѣшіе. Въ 1803-мъ
году, Папа Пій VII-й отрылъ отъ воротъ землю,
почти до половины закрывавшую ихъ, и теперь
ихъ можно видѣть во всей красотѣ.

Титовы врата не велики, но прекрасны. Ихъ
воздвигли въ честь Тита, сына Императора Вес-
насіана, чтобы передать безсмертную славу за-
воеванія Іерусалима. Эти врата съ одною аркою,
и, послѣ Друзовыхъ воротъ, древнѣйшія въ Римѣ.

мѣ. Ихъ недавно починили, и , по моему, испортили, тѣмъ, что ввели въ нихъ новые камни, вычистили, и сгладили отпечатокъ древности, который придавалъ имъ много цѣны. Теперь они кажутся копіей древней постройки. Барельефы Титовыхъ воротъ превосходной работы. Одинъ изъ нихъ представляетъ Тита въ торжественной колесницѣ , запряженной четырьмя конями врозь ; онъ посреди своихъ ликторовъ , и за нимъ слѣдуетъ его войско; геній Сената покровительствуетъ ему. За Императоромъ видна Побѣда , которая правою рукою налагаетъ на него вѣнецъ , а въ лѣвой держитъ пальмовую вѣтвь : знакъ побѣды надъ Іудеею! Въ барельефѣ насупротивъ этого изображены трофеи , пріобрѣтенные въ Іерусалимѣ , и несомые въ торжествѣ: золотой подсвѣчникъ съ семью вѣтвями, ящикъ, въ которомъ хранились священныя книги , золотой столъ, и проч. Оба фасада воротъ были украшены, каждый четырьмя колоннами сложнаго ордена. Многіе думаютъ , что этотъ великолѣпный памятникъ воздвигнутъ Титу Императоромъ Траяномъ , который, съ свойственною ему скромностію, не упоминалъ о себѣ въ надписи, и повинъ существую-

щей на аттикѣ зданія. Вотъ она, во всей своей простотѣ и краткости:

S. P. Q. R.

Divo Tito Divi Vespasiani F.

Vespasiano Augusto.

т. е. Сенатъ и народъ Римскій, Божественному Титу, Божественнаго Веспасіана сыну, Веспасіану Августу.

Наименованіе *Божественнымъ* ясно показывается, что памятникъ воздвигнутъ Титу послѣ его смерти. По срединѣ свода воротъ видно изображеніе этого великаго человѣка, одѣтаго въ тогу (*), и сидящаго на орлѣ. Вышина воротъ не болѣе 25-ти футовъ, ширина 24 футъ, толщина 14 футовъ. Они обложены были Пантелическими мраморомъ, а въ построеніе ихъ вошелъ Тиволійскій камень.

Подальше, на правой сторонѣ, врата Константиновы. Видъ ихъ величественъ; они какъ Септиміевы, съ тремя арками. Оба фасада украшены

(*) Тога была принадлежностью верховныхъ лицъ Республики.

четырьмя ложчатыми колоннами, Коринтского ордена, изъ древняго желтаго мрамора. Ясно видно, что Константинъ присвоилъ себѣ триумфальныя ворота Императора Траяна, и потому красота главной постройки отличается отъ скудости и безвкусія многихъ подробностей и украшеній, показывающихъ вѣкъ упадка искусствъ. Ворота эти были сооружены въ 326-мъ году: надпись показываетъ, что хотѣли торжествовать Константинову побѣду надъ Максенціемъ. Статуи осьми плѣнныхъ предводителей варваровъ, стоящія на верху, были обезглавлены въ одну ночь Лаврентіемъ Медичи. Во время Папы Климента XII-го придѣланы къ нимъ новыя головы, и довольно хорошо. Всѣ барельефы на аттикѣ и восемь медальоновъ надъ воротами, превосходной работы и рѣдкой красоты: они изображаютъ войны, звѣринныя травли и разныя подвиги Траяновы. Прочія украшенія на Константиновыхъ воротахъ принадлежатъ его времени. Они представляютъ Константина, берущаго приступомъ Верону, побѣду его надъ Максенціемъ и его торжество.

Близъ древнихъ Капенскихъ воротъ, на Ап-

пиевой дорогѣ, есть остатки триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ Сенатомъ въ честь Клавдія Друза, въ 745-мъ году отъ созданія Рима. На нихъ были поставлены трофеи, завоеванные Друзомъ у Германскихъ народовъ. Каракалла провель черезъ эти ворота воду съ горы Алгиды.

Осмотрѣвъ всѣ главные триумфальныя ворота, мы отправились къ Траяновой колоннѣ.

Она была воздвигнута и посвящена Сенатомъ Траяну, въ 99-мъ году отъ Р. Х., когда онъ воевалъ въ Дакии. Траянъ умеръ въ Сиріи, и даже не видалъ своего памятника оконченнымъ. Историкъ Діонъ Кассій повѣствуетъ, что Императоръ желалъ быть похороненъ подъ этимъ столбомъ, а Кассіодоръ утверждаетъ, что кости Траяновы, собранныя въ золотой ковчегъ, дѣйствительно положены подъ колонну, называемую его именемъ. Достойно замѣчанія, что Траянъ, изъ всѣхъ Римлянъ, первый похороненъ въ городѣ.

Въ колоннѣ его 132 фута вышины, отъ основанія ея до верху статуи, на ней поставленной. Вся колонна составлена изъ 134-хъ кусковъ бѣлаго мрамора, связанныхъ между собою бронзо-

выми скобами. Нижний діаметръ ея 11 футовъ и 2 дюйма, но къ капители она суживается на 10 футовъ. Въ пьедесталѣ 14 футовъ; въ цоколѣ 3 фута; въ базисѣ и капители 90 футовъ; въ пьедесталѣ подь статуей 14, и наконецъ въ статуй 11 футовъ. Колонна эта на полтора фута выше Маркъ-Авреліевой, и верхъ ея наравнѣ съ вершиною Квиринальскаго холма. Внутри есть лѣстница, винтомъ, вытесанная въ самомъ мраморѣ, и по ней ведутъ вверхъ 182 ступени, каждая въ 2 фута и 2 дюйма длинны. Внутренность освѣщается 43-мя небольшими отверстіями.

Папа Сикстъ V-й поставилъ на мѣсто Траяновой статуй, сдѣланной изъ позолоченой бронзы, такую-же Св. Петра, довольно посредственной работы *Тома Делла Порты*. Всѣмъ извѣстно, что колонна обвита спирально барельефомъ, который 23 раза окружаетъ ее. На немъ изображены подвиги Траяна во время двухъ походовъ противу Даковъ. Тутъ видимъ: шествіе войска, сраженія, лагеря, переходы черезъ рѣки, и проч. Фигуры вообще въ два фута величины; ихъ насчитываютъ до 2500. Любимый Императоромъ художникъ, Аполлодоръ Дамасскій, отличный архитекторъ,

сооружалъ этотъ памятникъ; вѣроятно, онъ-же дѣлалъ и барельефы, которые остаются несравненными; развѣ оставшіеся на Аеннскомъ Пареенонѣ могутъ соперничать съ ними. Они служатъ совершеннымъ образцомъ этого рода скульптуры: въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, и ничто не упущено; Римляне не могли оставить намъ лучшихъ портретовъ съ себя.

Во время управленія Французовъ въ Римѣ, Наполеонъ приказалъ очистить Траяновъ форумъ отъ наростшей на немъ земли; тогда отрыли и колонны великолѣпной базилики, на полуденной сторонѣ Траянова столба. Я сошелъ въ углубленіе, сдѣланное отрытіемъ: оно десятью футами ниже теперешней почвы города; слѣдовательно я пошпиралъ настоящій Траяновъ форумъ.

На другой день мы отправились осматривать Ватиканъ. Онъ соединяется съ церковью Св. Петра посредствомъ галлерей, или лучше сказать колоннады, въ концѣ которой есть двери. Тутъ стоятъ въ караулѣ Швейцары, съ бердышами, въ пестромъ, древнемъ одѣяніи своего народа: совершенно бубновые валеты. Дверь ведетъ на темное, но великолѣпное крыльцо, называемое Коро-

левскимъ: *La Scala Regia*, потому что съ него вхоть въ *Sala Reale* (Королевскую залу). Если соборъ Св. Петра прекраснѣйшее зданіе, посвященнос Богу, то Ватиканскій дворець безъ сомнѣнія великолѣпнѣйшее зданіе, воздвигнутое для славы челоуѣка. Въ немъ одиннадцать тысячъ комнать, 8 большихъ крылецъ и двѣсти маленькихъ. Въ портикахъ и галлерейхъ его собраны превосходившійся художественныя произведенія всѣхъ вѣковъ, богатѣйшая библіотека, всѣ сокровища искусства и науки. Внутри есть обширныя дворы и сады. Этотъ дворець строился пять вѣковъ, и безпрестанно расширялся. Если построеніе церкви Св. Петра стоило 220 милліоновъ, то чего-же стоилъ Ватиканъ, до временъ Піа VII-го, пристроившаго къ нему новое отдѣленіе? Наконецъ, чего стоятъ сокровища, въ немъ хранящіяся? Современный намъ писатель уподобляетъ его древнему Египетскому лабиринту, также Царями-Первосвященниками построенному. Но кто царствуетъ въ Ватиканѣ? Царь-Первосвященникъ? Нѣтъ, въ немъ царствуетъ Рафаэль? Здѣсь живутъ залогъ безсмертія этого гениа живописи. Если-бы въ Ватиканѣ были только: *Страшный Судъ* Ми-

кель-Анджело и *Преображеніе Рафаэлево*—эти двѣ первыя въ мірѣ картины—и тогда онъ привлекалъ-бы путешественниковъ изъ всѣхъ странъ міра; но въ одной залѣ съ *Преображеніемъ* вы увидите пятьдесятъ картинъ, не равныхъ съ названными мной, но соединяющихъ въ себѣ изысканныя красоты живописи! Тутъ видѣлъ я Рафаэлеву Богоматерь (*Au donataire*), его-же Преніе о святыхъ тайнахъ, Аѳинскую школу, удивительныя Ложи, составляющія тройной рядъ отъ портика, фрески, или комнаты въ Ватиканѣ, залу *des Arassi*, обои, тканья съ рисунковъ этого-же единственнаго художника. Словомъ, здѣсь господствуетъ безсмертная слава Рафаэля и Италіи. По моему мнѣнію, лучшія отдѣленія Ватикана, это музеи, называемые *Pio Clementino*, по именамъ Папъ Климентовъ XIII-го, XIV-го и Пія VI-го (*Braschi*), да музей *Chiaramonti*, извѣстный подъ именемъ *Braccio Nuovo* (новое отдѣленіе), построенный Піемъ VII-мъ. Тутъ безчисленное собраніе древнихъ статуй, бюстовъ, вазъ, гробницъ, надписей! Желаящіе получить ясное и подробное понятіе обо всемъ этомъ, пусть прочтутъ описаніе знаменитаго Висконти. Мнѣ сказывали, что

не лѣзя ничего сравнить съ эффектомъ, какой производятъ эти статуи при свѣтѣ факеловъ: онѣ будто оживаютъ ; переходящая тѣнь придаетъ имъ движеніе: Дафна дѣйствительно побѣжитъ отъ преслѣдующаго ее Аполлона, Цицеронъ подниметъ руку , требуя молчанія отъ народа при началѣ своей рѣчи, Аспазія накинеть покрывало, увидѣвъ Алкивіада или Сократа! А все это производитъ переходящій факель, который освѣщаетъ предметы съ разныхъ точекъ. Жалѣю, что мнѣ не удалось видѣть этого. Но Г-нъ Висконти, и многіе другіе счастливыцъ, такъ живо описали мнѣ это чудное зрѣлище, что я совершенно понялъ его.

Кромѣ множества другихъ картинъ, меня поразила чудесною красотою своею картина: Причащеніе умирающаго Іеронима, Доменикино. Не упоминаю о несравненныхъ статуяхъ Аполлона Бельведерскаго , Лаокоона , Меркурія , Венеры, Старога Августа, и проч. Надобно написать нѣсколько книгъ, чтобы все исчислить. Скажу только , что послѣ Римскихъ музеевъ и Флорентинскихъ галлерей , долго не лѣзя смотрѣть ни на какія собранія этого рода. Въ Парижѣ, я доволь-

но хладнокровно смотрѣлъ на богатую Луврскую галерею. Судите, что-же значать прочія!

Не могу не разсказать анекдота, видѣннаго мной въ дѣйствиі. Проходя мимо картины Преображенія, я замѣтилъ молодаго человѣка, стоящаго на подмосткахъ и копирующаго ее. Г-нъ Висконти сказалъ мнѣ, что это богатый и знатный Англичанинъ, занимающійся живописью, но не довольно искусный въ ней. Онъ ѣхалъ въ Неаполь, для своего здоровья, и предполагалъ пробыть въ Римѣ только три дня, но зашелъ въ Ватиканъ, и такъ восхитился Рафаэлевой картиной, что рѣшился списать ее. Получивъ на то дозволеніе, онъ подмостился и началъ свою работу. Уже три года, какъ онъ безуспѣшно трудился; нѣсколько разъ стиралъ свою картину, и начиналъ ее снова. Судя по видѣнному мнѣ, онъ проживетъ здѣсь еще лѣтъ десять. Странное упрямство, и виной его конечно самолюбіе: Англичанинъ не хочетъ сознаться, что предпринималъ трудъ выше силъ своихъ. А въ этомъ легко могъ-бы онъ удостовѣриться, видя рядомъ съ собой трудящагося Нѣмецкаго живописца, списывающаго ту-же самую картину по порученію

Пруссакаго Короля, но съ такимъ успѣхомъ, что лучше его копіи и желать невозможно.

Описывать всѣ сокровища, видѣнныя мной въ Ватиканѣ, невозможно, да это и не входитъ въ планъ путевыхъ записокъ моихъ; нельзя однако не упомянуть о рѣзныхъ драгоценныхъ камняхъ: ихъ огромное собраніе. Но ни здѣсь, ни во Флоренціи, ни въ Парижѣ, нѣтъ ни одного, который могъ-бы сравниться величиной и красотою самого камня и работы, съ подареннымъ нашему Императору Александру Императрицей Жозефиной въ Парижѣ. Этотъ камень конечно должно почесть первымъ въ свѣтѣ.

Мнѣ оставалось еще видѣть Пантеонъ и замокъ Святаго Ангела.

Императоръ Адріанъ былъ охотникъ строиться. Зная, что въ мавзолеѣ Августовомъ уже нѣтъ больше мѣста для погребенія Императоровъ, этотъ страстный любитель архитектуры рѣшился заложить новую гробницу, которая сдѣлалась чудомъ зданій своего рода. Видѣнныя Адріаномъ Египетскія пирамиды (также гробницы), заставили его постараться превзойти ихъ своею постройкою. Для нея онъ избралъ часть пространныхъ садовъ

Домиции, не вдалекъ отъ берега Тибра. Тамъ, на квадратномъ основаніи, въ 250 футовъ съ каждаго фаса, возвысилась круглая пирамида мавзолея, отъ котораго осталось теперь только то, чего не могли разрушить. Мраморная обкладка, чудесные карнизы, украшенія всякаго рода, разломаны, и нѣтъ даже слѣда ихъ. Извѣстно однакожъ, что остатки четверугольнаго фундамента существовали до VIII-го вѣка. Огромная круглая башня, видимая донинѣ, была какъ-бы сердцемъ всего зданія. Вокругъ нея шелъ корридоръ, и другая стѣна, служившая фасадомъ. Это все исчезло! Надъ круглою частію строенія были огромныя ступени, а выше ихъ великолѣпный, и также круглый, храмъ. 24 колонны, фіолетоваго мрамора, составляли портикъ вокругъ храма; наконецъ, на самой маковкѣ купола, поставлена была колоссальная гробница, въ видѣ сосновой шишки, которую я видѣлъ въ садахъ Ватикана. Въ этой-то бронзовой гробницѣ сохранялся пепелъ одного изъ благоразумнѣйшихъ влaстителей, когда-либо занимавшихъ царственный престолъ. Онъ думалъ, бывши въ Египтѣ, что гробница его, видѣнная мною въ обезображенныхъ остаткахъ, будетъ кра-

сѣте и великолѣпнѣ пирамидъ; но пирамиды и понынѣ существуютъ, тогда какъ все соединилось къ искаженію прекраснѣйшаго зданія въ мірѣ, называемаго нынѣ крѣпостію Святаго Ангела, или *Mole Adriana*. Посреди нѣсколькихъ низкихъ бастіоновъ возвышается тамъ круглая громада, въ 515 футовъ въ окружности, повершенная довольно неправильными надстройками и оканчивающаяся бронзовою статуею въ 40 футовъ.

Когда Авреліанъ заключилъ Марсово поле въ стѣны Рима, онъ сдѣлалъ изъ Адріанова мавзолея, на правомъ берегу Тибра, родъ защиты, называемой нами *tête de pont*, и пробилъ ворота Корнелія, закладенныя при Папѣ Павлѣ III-мъ. Прокопій, какъ самовидѣцъ, оставилъ намъ описаніе Адріановой гробницы; но въ его время, на верхней части строенія уже не было колоннъ: по водвореніи Христіанства перенесли ихъ въ соборъ Св. Павла, что за стѣнами Рима. Но онъ еще видѣлъ мраморную оболочку и рѣзныя украшенія, которыми были убраны остальныя части гробницы.

Въ 537-мъ году, Готы внезапно напали на ворота Корнелія. Затворившіеся въ ближайшемъ

укрѣпленіи, Велизаріевы войны разбили мраморныя украшенія, и метали ихъ въ осаждающихъ. Съ тѣхъ поръ Адріанова гробница нѣсколько разъ перемѣнила названіе. Въ XII-мъ столѣтіи ее называли замкомъ Святаго Ангела, вѣроятно потому, что на самомъ верху ея была небольшая церковь во имя Архангела Михаила. Въ 1493-мъ году взорвало, отъ удара молніи, нѣсколько хранивагося въ ней пороху. Папа Александръ VI-й исправилъ поврежденія, къ счастью своему, потому что во время нашествія на Римъ Короля Французскаго Карла VIII-го, онъ укрылся въ замкѣ (*). Черезъ 30 лѣтъ, крѣпость Св. Ангела оказала ту-же услугу Клименту VII-му. Павелъ III-й украсилъ ее, и наконецъ кавалеръ Бернини, котораго нинѣ встрѣчается въ Римѣ повсюду, довелъ наружныя укрѣпленія до того состоянія, въ какомъ они теперь находятся. Замокъ Св. Ангела служитъ нинѣ мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. Главный смотритель показывалъ мнѣ много узкихъ переходовъ, сдѣланныхъ въ самой стѣнѣ этой огромной круглой башни. У древнихъ

(*) Тогда гробница была уже крѣпостью, или замкомъ.

тутъ помѣщались гробницы, или были сдѣланы сообщенія между разными этажами. Отсюду взята порфирная урна, въ которой Иннокентій XI-й похороненъ въ соборѣ Св. Іоанна Латранскаго. Павелъ III-й, желая оправдать имъ крѣпости, поставилъ на самомъ верху ея мраморную статую, изображающую Ангела, держащаго въ рукѣ обнаженный мечъ. При Венедиктѣ XIV-мъ замѣнили ее бронзовою статуей, которая дала поводъ осажденному въ этой крѣпости, Французскому начальнику, отвѣчать на требованіе непріятелей, что онъ сдастся тогда только, когда бронзовый Ангелъ вложитъ мечъ свой въ ножны. Каждый годъ, въ день Петра и Павла, сжигаютъ на самомъ верху этого замка великолѣпный фейерверкъ: снопъ составляется изъ 4500 ракетъ. Я воображаю, что на такой высотѣ, эффектъ огня долженъ быть чрезвычайный. Въ праздничные дни выставляются на стѣнахъ Св. Ангела разноцвѣтные флаги, которые, развѣваясь, также составляютъ прекрасный видъ. Меня увѣрили, что въ замкѣ не было почти ни одного преступника во время моего посѣщенія; оно можетъ быть и такъ, но правду узнать тутъ очень трудно. Впрочемъ, кромѣ лихорадки, часто

посѣщающей содержимыхъ въ этой крѣпости, заключенникамъ жить въ ней не худо. Мнѣ сказывали, что они почти всѣ дѣлаются чрезвычайно набожны. Видѣ изъ верхнихъ тюремъ прекрасенъ, но долженъ наводить грусть и даже горестъ, когда взглядъ носится по всему этому гробничному городу. Тотъ-же смотритель показалъ мнѣ корридоръ, которымъ замокъ Св. Ангела сообщается съ Ватиканомъ. Въ немъ хорошо прочесть реляцію о взятіи Рима Коннетаблемъ Бурбономъ, 5-го Мая 1527-го года.

Пантеонъ конечно изящѣйшій остатокъ Римской древности. Онъ такъ мало потерпѣлъ отъ времени, что мы видимъ его почти такимъ-же, какъ былъ онъ при древнихъ Римлянахъ. Причиной этого было счастливое обстоятельство, что его обратили въ Христіанскую церковь съ 608-го года, когда Императоръ Фока подарилъ Пантеонъ Папѣ Вонифатію IV-му. Стендаль справедливо замѣчаетъ, что если-бы въ то время Христіанство присвоило себѣ всѣ языческіе храмы, то лучшія зданія древняго Рима сохранились-бы для насъ въ первобытной своей красотѣ. Маркусъ Агриппа, зять и другъ Императора Августа, по-

строилъ Пантеонъ во время третьяго своего консульства, за 26 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно 1864 года назадъ. На фризѣ портика написано :

M. Agrippa L. F. Cos. Tertium. Fecit.

Потомъ возобновляли Пантеонъ Императоры Адрианъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ, Антонинъ и Каракала. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что на архитравѣ читаете слѣдующую надпись :

Imp. Caesar. Lucius. Septimius. Severus. Pius.
Pertinax.

Arabic. Adiabenic. Parthic. Max. Trib. Pot.
XI Cos. III. PP. Procos. E. imp. Caes. Marcus.
Avrelius pius. Felix. aug. Trib. Pot. V. Cos.
procos. Pantheum. Vetustate. Corruptum. Cum.
Omni. Cultu. Restituerunt.

Агриппа посвятилъ этотъ храмъ *Юпитеру мстителю*, въ память славной побѣды, одержанной тестемъ его при Акціумѣ, надъ Антоніемъ и Клеопатрою. Статуи Марса, покровителя Рима, и Венеры, покровительницы Юліанской фамилии, находились въ храмѣ.

Портикъ Пантеона, безъ сомнѣнія прекрасный-

шій изъ всѣхъ въ Италіи , простирается на 44 футъ въ ширину и на 103 въ длину. Его составляютъ 46 Коринѣскихъ колоннъ. Лицевыя восемь цѣльныя, изъ восточнаго гранита, бѣлаго съ чернымъ. Діаметръ ихъ 4 фута 4 дюйма , вышина 38 футовъ 10 дюймовъ, кромѣ базиса и капители.

Діонъ пишетъ , что въ стѣнахъ , между портикомъ и храмомъ, стояли статуи Августа и Агриппы. Нынѣшнія бронзовыя двери въ Пантеонѣ нѣтъ, которыя поставлены были Агриппой: ихъ похитилъ Гензерикъ, предводитель Вандаловъ. Въ стѣнѣ, по правую сторону, сдѣлана лѣстница со 190 ступенями : по ней всходятъ на куполь. Такая-же была и по лѣвую сторону, но ее уничтожили.

Внутренность Пантеона , которую древніе называли *Cella*, составляетъ совершенный кругъ въ 133 фута діаметра. Оконъ въ стѣнахъ нѣтъ, и свѣтъ входитъ сверху купола, въ срединѣ котораго есть круглое отверстіе въ 27 футовъ діаметра, такъ что сквозь него дождь проникаетъ въ храмъ. Ни въ одной изъ христіанскихъ церквей нѣтъ подобнаго остатка древности. Въ Римскихъ храмахъ такіа отверстія были необходимы , по-

тому что въ нихъ улеталъ дымъ и смрадъ отъ сожженія жертвъ. Во всю вышину свою (133 фута) Пантеонъ раздѣляется на двѣ равныя части : верхняя половина составляетъ дугу большаго свода; нижняя раздѣлена на пять частей : три первыя, съ помосту, заняты колоннами Коринтскаго ордена, точно такими какъ въ портикѣ; въ двухъ остальныхъ аттикѣ и карнизѣ. Септимій Северъ помѣстилъ тутъ небольшія пиластры изъ разноцвѣтнаго мрамора; въ 1750-мъ году ихъ замѣнили новымъ украшеніемъ, но оно еще хуже Септиміева и портитъ общій характеръ храма. Большая часть колоннъ по стѣнѣ 27-ми футовъ вышины, цѣльныя. 8 изъ нихъ желтаго мрамора, прочія 6 изъ *ravonnazetto*. Позади каждой пиластръ такого-же мрамора. Въ стѣнѣ, которой толщина 19 футовъ, есть двѣ впадины, или ниши, полукруглыя, и четыре четвероугольныя : теперь въ нихъ устроены придѣлы. Въ седьмомъ простѣнкѣ находятся двери, а въ томъ, который противъ нихъ, каеэдра. Тутъ-то Адріанъ, любитель изящной архитектуры, ставилъ свои кресла, и, окруженный нѣсколькими чиновниками, принималъ просьбы и судилъ дѣла. Пантеонъ, совершенный-

ный памятникъ Римской архитектуры! Его можно назвать образцомъ древняго искусства, какъ церковь Св. Петра есть изящѣйшій памятникъ искусства временъ новыхъ. Величіе и смѣлость его размѣровъ, простота и вмѣстѣ изящество украшеній достойны великаго Рима, города, обладавшаго міромъ.

Мнѣ остается назвать еще нѣкоторые достопамятные предметы, видѣнные мной въ Римѣ, къ сожалѣнію, мимоходомъ, потому что я не имѣлъ времени осмотрѣть ихъ, какъ они заслуживаютъ и какъ-бы мнѣ хотѣлось. Но я означу ихъ для моихъ соотечественниковъ, которые поѣдутъ въ Римъ, и будутъ такъ счастливы, что останутся тамъ сколько пожелаютъ.

Приготовляясь къ отъѣзду, я не могъ не заѣхать въ церковь Св. Петра in Vincoli: въ ней надобно видѣть превосходную статую Микель-Анджело. Эта колоссальная статуя, при гробницѣ Папы Юлія II-го, изображаетъ сидящаго Моисея: тутъ художникъ достоинъ великаго человѣка, имъ изображеннаго. Новые скульпторы стараются въ своихъ произведеніяхъ подражать Аполлону Бельведерскому; но смѣло можно сказать, что ни

одинъ изъ нихъ не умѣлъ выразить такого величія, какое поражаетъ въ этомъ сидящемъ Моисей.

Въ Римѣ есть много частныхъ людей, обладающихъ богатыми галереями, для которыхъ выстроены пышныя помѣщенія. Я былъ почти во всѣхъ лучшихъ, посѣщая дворцы такихъ вельможъ и богачей какъ Боргезе, Торлонія, и проч. Безъ знакомства, надобно имѣть особое позволеніе для входа. Но большая часть этихъ палатъ пусты, и, за самую бездѣлицу, данную при входѣ дворнику, или старой ключницѣ, вы можете войти и прогуливаться сколько вамъ угодно. Мнѣ случалось находить, что какая нибудь запачканная старуха жарить на сковородѣ картофель съ лукомъ, среди сѣней, расписанныхъ богатѣйшимъ фреско! Придверники всегда рады посѣтелямъ, и тотчасъ поведутъ васъ по комнатамъ. Тутъ вы найдете огромныя и нѣкогда великолѣпныя залы, убранныя запыленными картинами; мебель въ иныхъ была обита бархатомъ и даже парчею: это свидѣтельствуютъ полинялыя лоскутья, висящія коягдѣ; но тутъ-же найдете древнія статуи, достойныя вниманія, или богатые плафоны, и почти во всѣхъ по нѣскольку драгоценныхъ картинъ ве-

ликихъ живописцевъ Италіи. Часто владѣлецъ та-кого дворца живетъ самъ въ двухъ , трехъ ком-наткахъ третьяго или четвертаго этажа , безъ слугъ и едва не въ нищетѣ , но картинъ не про-даетъ : онѣ приносятъ ему доходъ отъ посѣтите-лей. Возьмите изъ такой галлерей Гвидову , или Доменикинову картину, по которой она извѣстна, и никто больше туда не заглянетъ : тогда про-палъ доходъ бѣднаго владѣльца. Меня удивляли придверники и кухарки, провожающіе по заламъ : они уже такъ затвердили имена художниковъ , что между двумя и тремястами картинъ рѣдко ошибутся въ названіи мастеровъ. Для руковод-ства и любопытства путешественниковъ , я означу здѣсь тѣ Римскія палаты, которыя достойны по-сѣщенія, и назову самые замѣчательные предметы въ нихъ. Необходимо упомянуть и объ описан-ныхъ мной выше. Вотъ имена ихъ, безъ система-тическаго порядка. 1. Ватиканскій дворецъ. 2. Квиринальскій, или Монте-Кавалло. 3. Канцеля-рія. 4. Палаты Роспильоза (здѣсь Гвидова Авро-ра). 5. Фарнезскія палаты. 6. Фарнезина (Рафа-элева Психея). 7 и 8. Боргезе и Доріа Памфилі (богатѣйшія галлерей). 10 и 11. Корсини и Гига

(нѣсколько хорошихъ картинъ). 12. Вилла Медичи, гдѣ Французская живописная Академія. 13. Палаты Барберини (тутъ портреты Ченчи и Фонарины, также смерть Германика, Пуссена).

Вотъ еще 25 другихъ галлерей, хотя онѣ меньше достойны замѣчанія: *Алтарь*, *Колонна*, *Консерваторія* (гдѣ статуя Цезарева), *Консульта*, *Катагуги* (здѣсь Доменикиновы и Гверчинновы фрески), *Фалконьеры* (хорошія картины), *Русполы*, *Гиро*, *Джустиніани* (много статуй), *Массими* (на развалинахъ Марцеллова театра), *Одескаки* (фасады этихъ палатъ Берниніевъ), *Маттеи* (художественные предметы), палаты *Иеронима Бонапарте*, палаты *Князя Піо* (построенныя на развалинахъ Помпеева театра), *Сальвиотти*, палаты *Венеціанскія*, *Скіора* (прекрасная коллекція картинъ), *Сенаторскія*, въ Капитоліи (гдѣ Этрусская волчица), *Спада* (Помпеева статуя), *Стопани* (построенныя по рисункамъ Рафаэля), *Вераспи* (сводъ, расписанный Альбаномъ), *Торлоніевы* (богато убранныя хозяиномъ банкиромъ).

ГЛАВА VI.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА.

Не только самый Римъ, но и окрестности его достопамятны. Я обозрѣлъ нѣкоторые изъ нихъ, и дамъ отчетъ въ моихъ замѣчаніяхъ и впечатлѣніяхъ.

Въ которую сторону ни выѣдете изъ Рима, вездѣ уныніе и запустѣніе: къ сѣверу, отъ Радикопани до Аквапенденте, голая Тосканская степь; къ сѣверо-востоку дикая и негостепріимная страна Абруцци и опасный путь къ Террачинѣ; на югъ и западъ море съ своими бурями и морскими разбойниками; наконецъ *malagia* (*) Понтий-

(*) Можно сказать, что это техническое слово, известное только въ Римѣ. Я уже объяснялъ его.

скихъ болотъ убійственнѣ всѣхъ бурь и разбойниковъ морскихъ: она царствуетъ повсюду вокругъ Рима. Вотъ тѣмъ окружена теперь столица Консуловъ, Цезарей, Папъ, нѣкогда царица міра.

Эта нагая и необработанная степь пересѣкается кое-гдѣ древними водопроводами, которые со всѣхъ сторонъ доставляли въ Римъ воду. Изрѣдка увидишь башню, или остатокъ стѣны какого нибудь строенія, бывшаго, можетъ статься, нѣкогда великолѣпнымъ загороднымъ домомъ Цезаря, или Лукулла. Пастухъ, единственный обитатель этихъ пустынь, неподвижно сидитъ на своемъ конѣ; одна или двѣ собаки его съ яростію бросаются на проходящаго, но смиренно бѣгутъ назадъ, къ стремени пастуха, при малѣйшемъ звукѣ голоса его, и только издали косятся на дерзкаго странника, посягателя ихъ пустыни. На пастухѣ высокая шляпа, съ большими полями, и короткая смурая епанечка; длинное копье въ рукахъ его, и онъ управляетъ самовластно — стадомъ быковъ, порученныхъ ему. Онъ по большей части одержимъ лихорадкой, единственною владычицею окрестностей Рима.

Вѣрно три четверти земель вокругъ города остаются впустѣ. Всѣ онѣ принадлежать вельможамъ или монастырямъ. Одна четверть земель обрабатывается такимъ образомъ, что владѣльцы ихъ, т. е. вельможи и монастыри, имѣютъ посреди каждаго помѣстья ферму, или хозяйство, просто сказать огромные сараи, для приходящихъ работниковъ, для храненія запасовъ, нужныхъ во время работъ, и, наконецъ, для складки убранныго хлѣба или сѣна; тутъ-же есть риги и домики для эконома и писаря.

Когда наступаетъ время пахать нивы, цѣлыя арміи работниковъ выступаютъ изъ Аппенинскихъ и Сабинскихъ горъ, и изъ ближайшихъ городовъ. Они раздѣляются на корпуса, на отряды, и идутъ каждый въ извѣстную уже ему ферму. Тутъ, въ нѣсколько часовъ, они условливаются въ цѣнѣ съ прикащикомъ, а писарь записываетъ имя каждаго, и на другой-же день сто, а иногда и больше плуговъ, запряженныхъ волами попарно, становятся рядомъ. Священникъ (*) служитъ молебень, и работа начинается. Не лѣзя вообразить,

(*) При каждомъ отрядѣ непременно есть священникъ.

сколько ѣдят эти Неаполитанскіе и Римскіе поденщики! Ни одинъ изъ нихъ не выйдетъ на работу не позавтракавши мягкой и даже горячею пшеничною булкою; если она сколько нибудь черства или не тепла, онъ бросаетъ ее съ гнѣвомъ прикащику и работать не станетъ. При завтракѣ каждый выпиваетъ стаканъ вина. Обѣдаютъ въ сараѣ, и за обѣдомъ непременно бываетъ у нихъ похлебка съ вермишелью или макароны, или добрый бульонъ съ пшеничными сухарями, жареная баранина, и часто пироги; за тѣмъ всѣ пьютъ вино, и ложатся спать (*la siesta*); на работу выезжаютъ опять гораздо послѣ полудня; возвращаются въ сарай поздно; поутру выезжаютъ на работу рано.

Сѣнокосъ и жатва производится такимъ-же образомъ, съ тою разницею, что армія рабочихъ составляется изъ равнаго числа женщинъ и мужчинъ. По вечерамъ бываетъ у нихъ музыка: поютъ и пляшутъ. Въ продолженіе рабочей поры, навѣрное шестая часть работниковъ занемогаетъ лихорадкой: ихъ расчитываютъ и отсылаютъ домой; иные тутъ-же умираютъ. Когда хлѣбъ убранъ въ сараи и всѣ работы кончены, арміи

тѣмъ-же порядкомъ идутъ въ свои горы и города, а на поляхъ водворяются, по прежнему, пустота и безмолвіе до слѣдующаго года. Кто не бывалъ здѣсь, тотъ не можетъ вообразить, что такое эта пустыня! У насъ, въ степяхъ Россіи, вы безпрестанно встрѣчаете звѣрей, птицъ: тутъ кричатъ перепела, драхвы, утки, поютъ жаворонки; тамъ заяцъ или дикая коза перебѣгаютъ дорогу; даже ночью воесть волкъ, или шакалъ; около Рима нѣтъ никакого голоса; развѣ стрекозы и кое-гдѣ по болотамъ лягушки нарушаютъ безмолвіе. Земледѣіе въ совершенномъ младенествѣ: какъ пахали Ромулъ и Цинциннатъ, такъ и теперь пашетъ Римлянинъ; земледѣльческія орудія у него не улучшились; плуги тяжелые, которые болѣе роютъ, чѣмъ пахутъ; быки тянутъ рогами, и валятъ пласть вершковъ пять глубины, не болѣе; прибавьте, что земля почти никогда не удобряется, и вообще выпажана. Но природа въ Италіи такъ милосерда, климатъ такъ хорошъ и благопріятенъ для произрастанія, что за всѣмъ этимъ хлѣбъ родится довольно хорошо, и бываетъ вообще самъ-шесть, и даже самъ-восемь.

Римскій народъ дикъ, не просвѣщенъ, а уди-

вительнѣ всего, что онъ не имѣетъ никакого истиннаго понятія о религіи. Правда, каждый мужикъ соблюдаетъ посты, снимаетъ шляпу и крестится, проходя мимо креста или образа Богородицы, находящихся на каждомъ перекресткѣ; но если встрѣтится съ человѣкомъ, къ которому питаетъ злобу, и увѣренъ, что никто не видитъ, то ударить его ножомъ, убиваетъ, и потомъ хладнокровно идетъ своимъ путемъ. Ему необходимо послѣ этого встрѣтить священника, которому онъ сѣѣшитъ исповѣдаться; попъ выслушиваетъ исповѣдь, налагаетъ эпитимію, по большей части плату на выкупъ душъ изъ чистилища, или велитъ идти въ какой нибудь монастырь, отслужить молебенъ, и потомъ беретъ съ него обѣщаніе, впередъ удерживаться отъ грѣха, давая вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніе. И вотъ, мужикъ чистъ, свободенъ, и совершенно спокоенъ до новаго преступленія. Для Италіянца одна бѣда: умереть безъ очищенія; но какъ поны у нихъ на каждомъ шагу, и должны исповѣдывать желающихъ безъ отлагательства, то жители съ этой стороны совершенно обезпечены, и попускаютъ себя на всякой грѣхъ, предполагая, что съ нихъ

выпцется только то , чего не отпустить имъ дуконникъ. Итальянецъ не боится правительства, зная, что оно слабо, и что съ полиціей и судьей легко сладить деньгами , или страхомъ мотильныхъ родимыхъ и покровителей. Разбойникъ идетъ здѣсь грабить , какъ ремесленникъ на работу: и то и другое у нихъ промыселъ , ремесло ; одно другого опаснѣе, но легче и прибыльнѣе. Не лзя сказать, чтобы и нашъ народъ былъ просвѣщенъ; но Русскій мужикъ боится грѣха , и когда молятся въ церкви , то молятся усердно , объ отпущеніи грѣха, вольнаго или невольнаго. Римлянинъ , напротивъ , часто молится о доставленіи поскорѣ случая мстить, и ругаетъ своего покровителя святаго за то , что онъ медлитъ исполнить его мольбу. Здѣсь вообще можно сказать, что народъ дикъ и въ совершенномъ невѣжествѣ. Среднее сословіе попросвѣщеннѣе , но угнетено. Знатные, и вообще все богатое дворянство, весьма мало просвѣщены: они утопаютъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ и ни о чемъ не думаютъ.

Выѣхавъ изъ города для обозрѣнія окрестностей его , я отправился во *Фраскати*. Кастель-Гондолфо 'остался у меня въ правой рукѣ , и я

увидѣть пригорокъ , покрытый развалинами : это *Тускулумъ* ! Всякой день открываютъ остатки этого города , и всякой день время пожираетъ то , что земля столько вѣковъ хранила въ своихъ нѣдрахъ. На крутой скалѣ стояла цитадель *Тускулума*. Вотъ еще театръ его , о семи ступеняхъ ; городскія стѣны изъ огромныхъ камней ; водоемъ , водопроводъ ; вокругъ тѣснятся развалины *виллъ* (загородныхъ домовъ) Римлянъ , самыхъ роскошныхъ , богатыхъ ; знаменитыхъ. Тутъ жили *Лукуллъ*, *Помпоній-Аттикъ*, *Гортензій*. На самомъ томъ мѣстѣ , гдѣ теперь *Руфинелла* (прекрасная дача , настоящій *Элизій* этого *santo древности*), *Цицеронъ* писалъ свои *Тускуланы* ! Она принадлежитъ Князю Канино , Люсьену Бонапарту , воскрешавшему здѣсь *Тускулумъ* въ то время , когда брать его разрушалъ царства. *Тускулумъ* славенъ также тѣмъ , что въ немъ родился Катонъ Цензоръ. Городъ существовалъ до 4191-го года , когда жители Рима раззорили его. Несчастные жители укрывались нѣсколько времени въ шалашахъ изъ вѣтвей (*frasche*) , отъ чего произошло варварское имя *Frascatum* , означающее нѣмѣ очаровательный *Фраскати*.

Альбано и Фраскати главные *вилладжіатуры* около Рима, то есть въ нихъ сѣзжаются на лѣто почти всѣ знатныя и богатыя семейства города, и живущіе здѣсь иностранцы. Въ виллѣ *Альдобрандини* роскошь архитектуры не уступаетъ роскоши природы. Тутъ цѣлыя водопады льются съ горъ въ мраморныя бассейны. Мраморные боги полей и садовъ грустно обитаютъ въ этой княжеской пустынѣ, покинутой на раззореніе времени и воздуху. Теперь врагами природы въ садахъ *Альдобрандини* остались только ножницы садовниковъ, которые немилосердно уродуютъ деревья, и не понимаютъ, что искажая природу, они не придаютъ ей ни малѣйшаго украшенія.

Семейства *Конти*, *Буанкомпани* и *Мондрагоне* также имѣютъ лѣтніе дворцы во Фраскати; но истинные любители природы, сельской жизни и удовольствій нанимаютъ маленькіе домики (*casipoli*), прилѣпленные, какъ ласточкины гнѣзды, по покатостямъ Фраскати, вблизи его водопадовъ, или въ тѣни рощъ. Въ Римѣ не разводять, а *стролятъ* сады: они почти всѣ мраморныя, и устроены ихъ долженъ быть больше архитекторъ чѣмъ садовникъ. Я не могу растолковать

себѣ этого страннаго противорѣчія : у насъ , на сѣверѣ , гдѣ солнце такой рѣдкій и добрый гость , ищутъ въ садахъ тѣни и устрояютъ рои ; здѣсь-же , гдѣ тѣнь необходима , ее истребляютъ совершенно и прогуливаются по стриженнымъ аллеямъ , между мраморныхъ статуй , на открытомъ солнцѣ !

Въ Тиволи вѣхалъ я черезъ Палестрину. Вездѣ , гдѣ грунтъ земли вулканической , растенія и деревья поднимаются вдругъ , и составляютъ эти чудесныя рамы для Римскихъ ландшафтовъ. Издали , города кажутся потонувшими въ зелени , которая своевольно слѣдуетъ по волнообразнымъ холмамъ. И все это живетъ и будто качается , движется вмѣстѣ съ колыбаньемъ листьевъ. Красная земля , и бурия , фіолетовыя скалы , носятъ на себѣ отпечатокъ огня , который нѣкогда пожиралъ ихъ , и далъ имъ плодородіе. Надъ ними , густо-зеленныя дубовыя лѣса раскидываютъ свою драпировку , и ахонтовое небо вѣнчаетъ всю эту пленительную картину , облитую яркими лучами солнца.

Благородная и могущественная природа вдругъ измѣняетъ видъ свой у дороги въ Пренесту , гдѣ

еще видны слѣды древнихъ Римскихъ колесницъ. Эта дорога раздѣляетъ два явленія природы, какъ черта между двухъ государствъ. За величественною и некрутою покатостью Альбанскихъ горъ, вдругъ слѣдуютъ дикіе и утѣсистые обрывы, глубокіе и крутые овраги, сѣрыя скалы: это первое и грустное предвѣстіе Аппенинскихъ горъ. вмѣсто высокихъ растений вулканической земли, видны бѣдный верескъ и ароматическія травы. Нѣсколько оливныхъ деревьевъ кажутся слабымъ и послѣднимъ усиліемъ изнемогающей природы: они, брошенные кое-гдѣ, на нижнихъ покатостяхъ, нарушаютъ единообразный видъ горъ, и своимъ болѣзненнымъ видомъ еще болѣе показываютъ изнеможеніе земли. Посреди этихъ мѣловыхъ ширмъ, на большой высотѣ, прислоняется къ горѣ пирамидальный округъ новыхъ построекъ и древнихъ развалинъ. Онъ обкладенъ огромными камнями, составляющими толстыя стѣны, идущія внизъ отъ цитадели, построенной на вершинѣ треугольника. Это древняя Пренеста, нынѣшняя Палестрина, древній оплотъ Латинскаго союза, существовавшего семь вѣковъ до основанія Рима. Съ этой-то цитадели Пирръ, какъ

Аннибалъ со скалъ Рока ди Папа, хотѣлъ увидѣть Римъ, куда не суждено было ему войти. Во время войны противъ Маріа, Силла овладѣлъ городомъ, и хладнокровно велѣлъ умертвить 42 тысячъ его жителей! Безчеловѣчіе Диктатора показываетъ однакожь, каково было населеніе этого могущественнаго города. Въ Средніе Вѣка Пренеста стала называться Палестриною, и, будто предназначенная быть жертвою междоусобій, попеременно служила крѣпостью то Колоннамъ, то Барбериніямъ.

Посреди этого акрополя находился славный храмъ Фортуны, обширнѣйшій и великолѣпнѣйшій въ древности. Весь нынѣшній городъ, населенный 4000-ми жителей, помѣщается на его фундаментѣ, а въ самомъ святилищѣ построенъ замокъ Барберини. Въ одной изъ его залъ сохраняется величайшая и превосходнѣйшая мозаика, какая только извѣстна до сихъ поръ. Она составляла часть помоста или пола въ храмѣ. Лучшія статуи найдены въ развалинахъ Преспесты, напри- мѣръ Антиной и другія. Извѣстно, что Августъ имѣлъ здѣсь дворецъ. Видъ Палестрины, безъ со-

мнѣнія, самый живописный изъ всѣхъ въ окрестности Рима.

Въ пяти верстахъ отъ Палестрины, старый оливный лѣсъ вѣнчаетъ вершину и покрываетъ бока горы. Онъ издали показываетъ опять богатую растительность. Зеленѣющая гора возвышается, какъ огромная аванъ-сцена двойного театра, этого знаменитаго Тиволи, съ храмами его, будто висющими на воздухѣ, и Адриановой виллою, которой развалины находятся внизу.

Просвѣщенный любитель искусствъ, Императоръ Адрианъ, имѣлъ и исполнилъ великую мысль: собрать въ садахъ своихъ памятники, и даже образцы разныхъ мѣстъ, которые особенно поразили его во время долгихъ путешествій. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ загороднаго дворца своего микрокосмъ всей Римской Имперіи. Мысль, достойная великаго Государа: украсить мѣсто своего уединенія благороднѣйшими трофеями славы своего народа, и сдѣлать тамъ убѣжище наукъ и художествъ! Императоръ самъ назначилъ обширное мѣсто, гдѣ Греція, Египетъ и Италия соединять своихъ Музъ и своихъ боговъ вокругъ его дворца. Природа взяла на себя все остальное:

она принесла ему въ даръ свои воды, свою мѣстность, свои тѣни, свои благоухающіе растенія. Долина вокругъ получила образъ и усладительное имя Темней; новый Пеней оросилъ ее своими струями, *Аомы* перенеслись на берега *Аміо*. Академія, Лицей, Пританей, Пекмль, Библіотека, театры, храмы перенесли сюда свои портики, свои галлерей. Герои, мудрецы, боги Греціи, нашли здѣсь второе отечество, а ея живописцы, ваятели, музыканты, архитекторы, поэты явились за ними въ убижище Адріаново. Въсѣхъ этихъ чудесъ начиналось внутреннее жилище владыки міра. Тутъ теплицы, цирки, наумахія; здѣсь казармы Преторіанцевъ, амфитеатръ, строенія для слугъ и невольниковъ, для отпущенниковъ, кліентовъ, для гостей; наконецъ Императорскій дворецъ, со всею своею роскошью, довершалъ этотъ музей вселенной. Только четыре столѣтія уцѣлѣла Адріанова вила. Тотила, съ Готами своими, раззорилъ и сокрушилъ все до основанія. Здѣсь даже нѣтъ развалинъ строеній, занимавшихъ нѣкогда шесть верстъ вокругъ. Теперь дикія травы, плющъ, мхи, цвѣтушія ліаны, свободно развѣшиваются свои гирлянды по изувѣчен-

нимъ аркамъ , по обнаженнымъ пиластрамъ , и какъ-бы въ насмѣшку увѣнчиваютъ голыя и обломанныя ихъ капители. Ивы, кипарисы, зеленый дубъ пустили корни въ своды, и вѣтвями проникаютъ сквозь ниши, карнизы, розеты, еще кой-гдѣ позлащенные; довершая разрушеніе, они украшаютъ эту грустную картину. Остатки колоннъ мѣшаютъ ходить между обломками статуй, полу-зарытыхъ и заростшихъ густою травою, мѣстами благовонною, мѣстами ядовитою: тутъ услышишь шипѣнье змѣи и воркованье горлицы. Словомъ: это мѣсто побѣды времени, которое окончательно разрушаетъ остатки, послѣ человеческого раззоренія. Не лѣзя узнать обширности древнихъ садовъ, потому что они давно раздѣлены на фермы и мѣлкія помѣстья. Но земля здѣсь такъ глубоко насыщена древнимъ раззореніемъ, что и нынѣ искры сыплются изъ подъ сохи, безпрестанно натыкающейся на куски мозаики и разноцвѣтные мраморы, на этотъ прахъ Греческихъ, Египетскихъ и Римскихъ художествъ. Лихорадка еще болѣе умножаетъ запустѣніе этой Римской Оиванды, гдѣ ни одинъ пустынный не смѣетъ жать. Выходи изъ нея,

путешественникъ оставивъ въѣздъ на берегу Анію, пойдя воротами изъ бѣлаго мрамора, украшенными до сихъ поръ барельефами. Величественный входъ въ поэтическій Адріановъ Элизій! Его стерегли Аполлонъ-Музагетъ и девять Музъ, украшающіе нынѣ Ватиканъ.

Въ древнія времена, рѣка, и даже ручеекъ, часто служили границею. Такъ Тибръ раздѣлялъ земли Этрусковъ отъ земель Латиновъ и Рутуловъ; Анію, нынѣшняя *Теввероне*, отдѣляла *Эскою* отъ *Сабинновъ* и *Марсовъ*. Она, какъ и нынѣ, струилась по долину; но далѣе, стѣсненная известковыми скалами, между которыхъ прорылась нѣкогда лава (тайное порожденіе неизвѣстнаго волкана), вдругъ обрывалась въ пропасть. Насупротивъ этой тайны природы, есть другая тайна Исторіи, не меньше любопытная: гробница *Снеаксова*. Памятникъ волкана и памятникъ Африканскаго царя приводятъ въ отчаяніе испытателей природы и археологовъ; но преданія природы не сомнительны. Безплодіе и дикость этой долины рѣзко отличаютъ ее отъ покрытыхъ лѣсомъ, веселыхъ покатостей поэтической горы *Лукретиллы*, нынѣ *Дженаро*, которой вершина,

къ сѣверу , слинкомъ на 4 тысячи футовъ выше главной сцены Тиволи. Горы Катилусъ и Аніанусъ вдругъ сжимають долину , заключившую , какъ въ природный водоемъ , воды , проведенныя Римлянами изъ дальнихъ горъ. Огромные остатки и еще цѣлыя аркады четырехъ водопроводовъ , сохранили имена *Старой Аніо* , *Новой Аніо* , *Аквы Марціа* и *Аквы Клавдіа*. Они воздушными своими каналами доставляли воду въ фонтаны , дворцы , бани и наумахіи города Цезарей.

Лѣвѣ этихъ водопроводовъ , Аніо течетъ по веселой и плодородной долинѣ , до того мѣста , гдѣ мѣстность , вдругъ составляя утесистый обрывъ , принуждаетъ ее шумно падать съ скалы на скалу , покуда она опять не достигаетъ до ровной почвы. На этомъ-то неприступномъ съ трехъ сторонъ мѣстѣ былъ древній Тибуръ , основанный Сикулами , заселенный Эвизьянами , долго бывший соперникомъ Рима и наконецъ завоеванный имъ , а потомъ на вѣки прославленный именами Брута , Кассія , Августа , Мецената , Горация , Катулла , Вописка и Варуса , имѣвшихъ здѣсь загородные дома. Провожая васъ посреди обломковъ , чичероне никогда не пропуститъ случая

Часть II.

45

восклицаютъ: «*O, Варусъ, отдай мнѣ мои легионы!*» Тогда вы узнаете, кому принадлежали эти развалины. Но историческія и поэтическія воспоминанія замѣнены теперь неминуемымъ наслѣдникомъ всякаго Римскаго величія, Архіепiscopствомъ. На мѣстѣ Гораціева Сабинскаго дома находится Капуцинская пустыня!... Въ кривыхъ улицахъ городишка Тиволи, очень худо построеннаго, есть однакожъ тысячъ пять жителей. Не важныя палаты Браски и Санта-Кроче нѣсколько украшаютъ окрестности.

Я не стану говорить о славной, нѣкогда, террасами, статуями и садами своими *Виллѣ Эсте*: она въ совершенномъ упадкѣ съ тѣхъ поръ, какъ досталась Австрійцамъ, про которыхъ Итальянцы говорятъ, что имъ отъ царя Тотили перешло право раззорять памятники Италіи. И такъ въ Тиволи, для любопытства и удивленія, остались одни творенія природы и древнихъ Римлянъ. Аніо вѣчный геній, который пережилъ владыку міра языческаго и христіанскаго: онъ даетъ жизнь древнимъ развалинамъ, и рощамъ, подъ которыми укрывалось столько знаменитыхъ Римлянъ. Два отводные канала, проведенные для потребностей города

и дѣйствія фабрикъ , раздѣляютъ теченіе, Аніо
 выше водопада. Вся оставшая, огромная масса
 воды , съ шумомъ обрушивается , на сорока фу-
 тахъ вышины, въ узкую и глубокую долину, усѣ-
 янную разбитыми скалами, которыя разрыла она,
 и теперь убѣляетъ ихъ своею дѣною. Высоко надъ
 водопадомъ группируются, не равными этажами,
 развалины, фабрики, жилища, сады: это первый
 водопадъ. Худой деревянный мостъ, перекинутый
 съ берега на берегъ , которые здѣсь сближаются
 и образуютъ глубокія пропасти, едва показываетъ
 шумное и безпорядочное теченіе *Аніо*. Миновавъ
 его, она мгновенно исчезаетъ , съ ужаснымъ шу-
 момъ, подъ огромнѣйшимъ сводомъ дикихъ скалъ.
 Пѣвныя, скрытыя въ безвѣстной безднѣ воды ея
 издають глухой стонъ, и дальнѣйшія паденія ихъ
 означаются не ясными отголосками: это образъ
 мученій въ подземномъ Эревѣ, или могуществен-
 ный отрывокъ Дантевой поэмы! Но въ концѣ пе-
 щеры видите вы красивыя гирлянды плюща, хмѣ-
 дя, веселую зелень, цвѣты, кустарники, гдѣ гнѣз-
 дится безчисленное множество птицъ , и , такимъ
 образомъ, въ маленькой, но оживленной картинѣ,
 передъ вами и Тартаръ и Элизій.

Съ вѣщпины этой огромной арки съ удивленіемъ виднѣнь вдали Анію, освобожденную отъ подземныхъ мученій и мрака, Анію, спокойно текущую посреди прелестныхъ луговъ къ Римской долины, гдѣ, пробѣжавъ подъ Луканскій мостъ, она сливается чистыя и прозрачныя воды свои съ желтоватыми и мутными водами Тибра.

Громада скалъ, подъ которою исчезаетъ Анію, кончается къ западу почти перпендикулярнымъ обрывомъ въ 200 футовъ вышины, а къ югудню, поднимаясь стѣною на 600 футовъ выше уровня морскаго, какъ-бы возносить къ небесамъ небольшой круглый храмъ Весты, и четвероугольный алтарь Сивиллы Альбунейской. Послѣдній, преобразованный въ часовню, есть конечно древнѣйшій изъ всѣхъ Христіанскихъ храмовъ въ мірѣ, потому что онъ, по преданіямъ, старѣе храма Весты, котораго построеніе приписываютъ основателямъ Тибура, конечно Эвванамъ, давшимъ ему эти щеголеватые размѣры Коринскаго ордена, и эти красивыя и священныя формы, какія употребляли Греки для своихъ храмовъ.

У подошвы древнихъ памятниковъ соединяются опять оба рукава Анію, раздѣленные до ея паде-

нія. Одинъ изъ нихъ низвергается потомъ съ лѣваго берега водоема, сквозь Нептунову пещеру, болѣе чѣмъ на 80 футовъ вышины, превращаясь въ водяную пыль; другой падаетъ перпендикулярно, съ праваго и болѣе высокаго берега. Увлеченные оба, по покатости въ 150 футовъ, усталанной зеленью, какъ блестящимъ ковромъ, они отдымаются нѣсколько въ тихомъ бассейнѣ, гдѣ соединяются ихъ воды, и вивсъ бѣгутъ въ пещеру Сирены. Въ этой новой пропасти, воды ихъ снова раздѣляются: одна часть исчезаетъ подъ городомъ и выходитъ къ холмамъ сельскою Наядой, то dribbling на серебристые ручейки, то прыгая по ошеленнымъ ступенямъ виноградниковъ и садовъ. Другой рукавъ Аніо, осужденный на большіе труды, приводитъ въ движеніе Вулкановы молоты въ Меценатовыхъ палатахъ, наводняетъ портики ихъ, катится по пространнымъ аркадамъ, кидается кипящею массою на крутые бока горы, и отряхивая въ себѣ лучи блестящаго солнца, достигаетъ наконецъ, какъ и братъ его, общаго русла. Эти малыя и большія каскадныя довершаютъ великое гидравлическое твореніе Тиволи, одного изъ очаровательнѣйшихъ чудесъ природы. Ни жи-

вопись, ни поэзія никогда не могли изобразить этого зрѣлища; его даже не лзя обозрѣть вдругъ, ни оставить въ памяти всѣхъ красоть его, какъ слухъ не можетъ сохранить въ себѣ раскатовъ грома.

Чего могъ я еще желать послѣ такого зрѣлища? Я сѣлъ въ коляску, зажмурился, и велѣлъ везти себя въ Римъ.

Дома я узналъ, что Кардиналь Фешъ присылалъ за мной и желалъ меня видѣть. Я поспѣшилъ, на другой день, рано, еще до обѣдни, явиться къ нему. Кардиналь сказалъ мнѣ, что зная мое намѣреніе ѣхать во Флоренцію, онъ хотѣлъ предупредить меня, чтобы я не ѣздилъ на Витербу: только дни два назадъ разбойники ограбили и зарѣзали подъ этимъ городомъ Папскаго курьера. Я поблагодарилъ Кардинала за милостивое попеченіе обо мнѣ и, подумавъ немного, сказалъ, что это самое обстоятельство рѣшаетъ меня ѣхать именно по Витербской дорогѣ. «Вы меня удивляете,» возразилъ Кардиналь. «Развѣ вы, какъ Геркулесь, или Тезей, хотите очищать дороги и сражаться съ разбойниками?» — Нѣтъ, но я полагаю, что правительство пошлетъ отыс-

живать ихъ , и производить слѣдствіе по этому дѣлу. — «Ужъ и послали команду съ чиновникомъ.» — Слѣдовательно, разбойники это знаютъ, и вѣрно удалились, или такъ притихли, что нѣсколько времени о нихъ вы и не услышите. — «Вы правы,» сказалъ мнѣ Кардиналь, «и, кажется, избрали вѣрнѣйшій способъ спокойно доѣхать до Флоренціи. Примите, по крайней мѣрѣ, совѣтъ мой, какъ знакъ сердечнаго моего участія къ вамъ!» — Мы распрощались; онъ дружески обнялъ меня, пожелалъ счастливаго пути, и тутъ-то подарилъ мнѣ два прекрасные пейзажа Сальватора-Розы, прося принять ихъ въ память его дружбы. Я благодарилъ, и былъ до глубины сердца растроганъ такимъ дружескимъ расположеніемъ человека знаменитаго и вѣстнаго.

Въ тотъ-же день распрощался я съ немногими своими знакомыми въ Римѣ, зашелъ еще разъ въ соборъ Св. Петра, взялъ паспорта, и на прокатъ до Флоренціи прекрасную Англійскую коляску, изготовился совершенно, и на другой день рано по утру выѣхалъ изъ Рима.

ГЛАВА VII.

ТОСКАНА, ФЛОРЕНЦІЯ, ЛИВОРНО, КОРСИКА.

И такъ, въ Понедѣльникъ 10-го числа Августа, въ 5 часовъ утра, я катился по Витербской дорогѣ. Время было прекрасное, и я доѣхалъ до Витербы благополучно. Въ гостинницѣ, гдѣ я остановился обѣдать, всѣ толковали о разбойникахъ, объ убійствѣ курьера. Папская команда разъѣзжала повсюду, но ничего не находила. Я хорошо пообедалъ, купилъ на дорогу двѣ бутылки бѣлаго Орвіетскаго вина, которое мнѣ понравилось, и успѣлъ разсмотрѣть, что городъ довольно великъ, окрестности его живописны, жители бѣдны, и что нищихъ въ немъ множество. Около Больсени

мѣстоположеніе прекрасно. Нѣтъ города, нѣтъ деревеньки по этой дорогѣ, которые не принимали-бы историческаго событія. Большенское озеро напомнило мнѣ печальную исторію царицы Амазонды, единственной дочери царя Теодорика, сосланной сюда вторымъ мужемъ ея Теодотомъ. Но я скакалъ по почтѣ, и торопился, скорѣе ѣхать: не время было заниматься историческими изслѣдованіями. Поздно пріѣхалъ я въ Аквапенденте, и остановился тутъ ночевать. Нищія выводили изъ терпѣнія! Народъ здѣсь грубъ, черенъ, въ лохмотьяхъ. Къ счастью, въ *osterin* (трактиръ) я нашелъ постель мягкую и довольно чистую, тотчасъ легъ спать, и на другой день всталъ не рано. Въ Радикотани я вступилъ во владѣнія Тосканскія. Переходъ отъ Альпійскихъ ледяныхъ горъ къ долинамъ Ломбардіи, отъ Албановой къ Сальваторовой картинѣ, отъ Аполлона Бельведерскаго къ Калабрійскому капуцину, отъ Маймиста къ Преображенскому гренадеру, не можетъ быть разительнѣе того, какой испыталъ я, перѣѣхавъ изъ Римскихъ владѣній въ счастливую Тоскану. Точно будто волшебство перебрасываетъ тутъ въ другую часть свѣта! Изъ дикой, запус-

тѣмъ, нагогою странѣ , вдругъ вступаешь въ земной рай ! Здѣсь все улыбается : природа , населеніе , изобиліе , богатство ! Не увидишь болѣе ни одного нищаго ; крестьяне и крестьянки хорошо, даже щеголевато одѣты ; женщины красивы, всѣ въ соломенныхъ шляпкахъ, убранныхъ лентами. Онѣ пріятливы и уживчивы , говорятъ непринужденно, весело. Спросите хлѣба, вамъ подадутъ мягкій, бѣлый. Вездѣ найдете свѣжее мясо, благоуханное молоко, хорошія вина, лучшіе фрукты. И все это подаютъ молодыя дѣвушки, съ заплетенными косами, въ шляпкахъ, чисто одѣтыя, прекрасно обутыя. Это не въ городахъ, не въ трактирахъ, а въ каждой деревушкѣ. Вездѣ свирѣли, пѣсни, пляска; поля всѣ обработаны, и нѣтъ впустѣ лежащихъ земель. Повсюду сады, виноградники; по краямъ дороги каштановыя и грушевыя деревья. Какая разница въ Римскихъ владѣніяхъ ! Если тамъ подойдетъ крестьянинъ, то надобно взяться за пистолетъ, и угадать, не разбойникъ-ли это ? Черное его лицо и смуглыя руки, впалые большіе глаза, оборванная одежда не предвѣщаютъ ничего добраго ; здѣсь, напротивъ: чисто одѣтый, веселый поселеникъ, приглашаетъ къ себѣ

отдохнуть безъ всякаго вида користи; приносить молока или вина, и удивляется, когда хотятъ платить; но не смѣя оскорбить отказомъ, онъ снимаетъ шляпу и благодаритъ, довольствуясь тѣмъ, что даютъ. Я изумился, но вспомнилъ, что отеческое правленіе Леопольда, бывшаго потомъ Императоромъ, произвело это чудо; что наследники постоянно слѣдуютъ его примѣру, и что слѣдственно это плоды благотворнаго и справедливаго ихъ правленія. Народъ счастливъ! О Леопольдъ! Благословляю твое имя! Тутъ не мечтательныя теоріи, а отеческое попеченіе о подданныхъ, умѣренность въ желаніяхъ владыки, и справедливость, одинакая для всѣхъ и каждаго. Я такъ развеселился глядя на эту картину счастья, что во всю дорогу до Сіенны пѣлъ. Прибавьте къ удовольствію путешественника, что нигдѣ не спрашивали у меня паспорта, и нигдѣ таможенные чиновники не лазили въ мои чемоданы. Да здравствуетъ Великій Герцогъ Тосканскій, котораго я не имѣю чести знать и никогда не видывалъ!

Въ похвалахъ моихъ нѣтъ преувеличенія; но въ Тосканскихъ владѣніяхъ меня поразила рѣзкая противоположность съ Римскими землями; къ то-

ну-же, я проѣзжалъ одною изъ лучшихъ частей Тосканы. Впрочемъ, и здѣсь есть земли, по Аппенинскимъ горамъ, которыя едва вознаграждаютъ труды орака; есть большія болота, около Сиенны, гдѣ грунтъ тяжелъ и дуренъ; однако они доставляютъ хорошій кормъ для скота. Тамъ держатъ много мериносовъ и буйволовъ; свиньи кормятся въ лѣсахъ жолудями. Около Пизы разведено довольно верблюдовъ, которые перевезены изъ Африки, хорошо прижились, и употребляются для перевозки товаровъ. Вообще земледѣіе въ Тосканѣ хорошо, и зерновые посѣвы, какъ-то: пшеница, просо, рожь, овесъ, ямень избыточны. Виноградники, оливныя лѣса, шелковичныя деревья разведены съ успѣхомъ, и присмотръ за ними хорошъ. Овощи всякіе здѣсь превосходны. Помѣстья обыкновенно отдають фермарямъ, изъ половины дохода, вычитая однакожъ часть на первое устройство. Всего удивительнѣе прибыль, какую приносить здѣсь пшеничная солома, употребляемая на шляпы, которыхъ требуется множество во всѣхъ странах, и это невѣроятно какъ возвышаетъ цѣну соломы. Но здѣсь, какъ почти во всей Италіи, слишкомъ полагаются на благотворность земли и

климата, и потому-то мало заботятся объ улучшеніи почвы. Это особенно относится къ винограду. Вообще винодѣліе, можно сказать, оставлено произволу; за всѣмъ тѣмъ, есть вина отличныя, хотя и мало требуемы за границу; таковы: *Монтепульчано* и многія другія. Тосканское оливковое масло справедливо славится, Лукское мало уступаетъ Прованскому. Шелкъ составляетъ важную отрасль торговли. Соль, сіра, мраморъ, алебастръ, здѣсь въ изобиліи.

Въ Сіенну прибылъ я утромъ въ 11 часовъ, и остановился въ трактирѣ, у содержателя Француза, подѣ вывѣскою Англійскаго герба (обстоятельство довольно странное). Городъ расположенъ по покатости довольно высокой горы, которая по мнѣнію натуралистовъ была нѣкогда огнедышащею. Это подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ фигура ея, почва, частыя землетрясенія. Сіенна стоитъ отчасти на пещерахъ, природныхъ, или изрытыхъ людьми, въ военные времена. Возвышенное мѣстоположеніе города причиной, что улицы въ немъ не прямы и не ровны; за то воздухъ чистъ и здоровъ. Жителей считается до 46-ти тысячъ душъ. Окружность города четыре

версты, Сады, перемежающіе дома, придаютъ ему издали прелестный видъ.

Сіенна, основанная Галлами, сдѣлалась Римскимъ поселеніемъ въ царствованіе Августа. Её называли Сена-Юлія, въ память Юлія Цезаря. При упадкѣ Имперіи, подвергнувшись многимъ переломамъ, она успѣла однакожь, около XII-го вѣка, сдѣлаться вольною и независимою Республикою. Но, какъ всѣ республики въ Италіи, безпрестанно раздраемая междоусобіями, она пала наконецъ подъ власть Флоренціи. Посланый оттуда правитель, Пандольфо Петруччи, хитрый деспотъ, обременилъ ее нестерпимымъ игомъ самовластия. Смерть этого злодѣя была сигналомъ возстанія. Сіенцы изгнали своихъ угнетателей, но не умѣли управляться сами съ собою, и несогласія подчинили ихъ новымъ владыкамъ: ими завладѣли сперва Французы, потомъ Испанцы. Наконецъ, Филиппъ II-й уступилъ Сіенну Великому Герцогу Космѣ 4-му.

Въ Сіени архитектура (какъ я замѣтилъ потомъ и во Флоренціи) рѣзко выражаетъ смутную исторію прошедшихъ временъ: старинные дома съ зубцами, дворянскія жилища съ башнями;

большая площадь, *Piazza del campo*, овальная, вырытая въ видѣ лахани; будто приготовленная для наумакин, окружена старыми укрѣпленными зданіями, которыми отъ времени почернѣли, и приняли видъ еще болѣе угрюмый. Г-жа Сталь сказала гдѣ-то: «Можно подумать, что Флоренція построена для междуусобныхъ распрей.» Это замѣчаніе можно приложить къ Сіеннѣ. Здѣсь площадь, на которой собирався народъ, и балконъ, съ котораго Городской Глава обращалъ рѣчи, поражаютъ всякаго путешественника: видно что тутъ существовало демократическое правленіе.

Я расположился обѣдать въ Сіеннѣ и успѣлъ осмотрѣть прекраснѣйшее, можно сказать, единственное ея зданіе, достойное замѣчанія: это соборъ. Снаружи и внутри онъ обложенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ, горизонтальными полосами: хорошо, но какъ-то странно и пестритъ въ глазахъ. Надъ главными дверями, при входѣ, поставлено множество статуй святыхъ и Папъ, уроженцевъ здѣшняго города; есть и другія украшенія. Входъ возвышенъ нѣсколькими ступенями, окружающими церковь съ трехъ сторонъ, отъ преддверія и по бокамъ. Внутри главная цер-

ковъ и куполъ довольно величественны. Вокругъ стѣнъ, надъ галлереею, поставленъ длинный рядъ крашенныхъ бюстовъ 470-ти Папъ: ихъ нагнуты въ церковь головы дѣлають ихъ похожими на людей, смотрящихъ въ окошко. Сводъ потолка, изображающій небо, расписанъ грубою краской и усыянъ золотыми звѣздами. Но что истинно прекрасно, это мозаичный полъ, гдѣ представлены различные предметы изъ Св. Писанія. Есть еще придѣлъ, убранный Гиджіевою фамиліею, по которой онъ и называется: тамъ все блеститъ ланісъ-лазурью и бронзою; онъ построенъ по рисункамъ кавалера Бернини. Живопись въ Сіенскомъ соборѣ также заслуживаетъ вниманіе: тутъ найдете картины Перуджина, Калабреза, Тревизана, Салимбенія, Карла Моратте; но находящіеся въ ризницѣ еще любопытнѣе; ихъ приписывали Рафаэлю и послѣ удостовѣрились, что эти фрески, такъ прекрасно сохранившіяся, писаны Пантурихиємъ, а Рафаэль только поправлялъ ихъ. Однакомъ одна изъ картинъ можетъ быть точно Рафаэлевой кисти: она отличается отъ прочихъ.

По срединѣ ризницы, которую называютъ *Libreria* (книжница), потому что въ ней хранится

собраніе древнихъ служебниковъ, стоятъ на pedestаль, группа *мраза Грацій*, древней и очень хорошей скульптуры, хотя не совсемъ оконченная. Довольно странно видѣть Грацій въ томъ мѣстѣ, гдѣ священники готовятся къ богослуженію!

Въ Сіеннѣ родился Св. Екатерина Сіеннская, славный Папа Григорій VI-й, и Александръ III-й.

Не смотря на взаимную зависть, существующую между городами Италіи, всѣ признаются, что жизнь въ Сіеннѣ спокойна и пріятна, климатъ здоровъ, страна плодородна и изобильна, жители гостепріимны, умны, любятъ искусства и особенно поэзію; женщины любезны и прекрасны. Но путешественники (кроме нѣкоторыхъ Англичанъ) мало здѣсь останавливаются: проѣзжающіе изъ Флоренціи торопятся въ Римъ, въ Неаполь, а ѣдущіе оттуда спѣшатъ во Флоренцію, въ Болонью, въ Миланъ. Такъ случилось и со мною: пообедавъ здѣсь, я поѣхалъ дальше. Въ тотъ-же день я могъ-бы легко доѣхать до Флоренціи, но не захотѣлъ чтобы ночью остановили меня у заставы таможенныхъ приставы, осматривающіе паспортовъ, и рѣшился ночевать въ Поджибонзо. И такъ

и только 12-го числа, въ одиннадцать часовъ утра, прїѣхалъ во Флоренцію.

Флоренція имѣла много историковъ, и слѣдовательно о ней много писано; однако нѣтъ вѣрныхъ свидѣній о старинномъ бытѣ Тосканской земли, древней Этруріи. Болѣе или менѣе вѣроятныя догадки Археологій не Исторіи. Неизвѣстно въ точности даже время построенія Флоренціи. Если вѣрить Макиавелю, то она не что иное какъ продолженіе Фіеволе, городка, живописно расположеннаго на сосѣдственной горѣ. Что-жъ касается названія: *Флоренція*, по-Латини *Florentia*, а по новому Италіянскому произношенію *Firenze*, оно неперемѣнно происходитъ отъ предѣстнаго мѣстоположенія города, въ цвѣтущей, здоровой и богато одаренной природою долины Арно.

На ряду съ другими Тосканскими городами, Флоренція установила у себя, въ XII-мъ столѣтіи, республиканское правленіе. Это была республика аристо-демократическая, въ которой власть аристократовъ и народа боролись, попеременно господствовали, и отъ того междоусобная война не переставала въ Средніе Вѣка терзати этотъ

прекрасный городъ. Тогда-то явились двѣ партіи, извѣстныя въ Исторіи Италіи подъ названіемъ *Гвельфовъ* и *Гибеллиновъ*, *Бѣлые* и *Черные*. Гвельфы означали приверженцевъ народной стороны, а Гибеллины представляли аристократію; Бѣлые присоединились къ Гибеллинамъ, а Черные къ Гвельфамъ. Впрочемъ, нѣтъ вѣрныхъ извѣстій, отъ чего произошли эти названія.

Неслыханные безпорядки, при такомъ положеніи дѣлъ, заставили Флорентинцевъ избрать, въ 1292-мъ году, верховнаго начальника, подъ названіемъ *Гонфалоньера*, *Gonfaloniere di giustizia*. Ему было дано право собирать народъ подъ свое знамя, и, когда мирныя средства недостаточны, укрощать безпорядки силою. Впрочемъ, не смотря на междоусобія, Флоренція богатѣла торговлею и становилась сильна своимъ богатствомъ. Мало по малу, она подчинила себѣ большую часть вольныхъ городовъ Тосканы, и даже Пизу, которую завоевала. Одна небольшая Лукская республика уцѣлѣла и Флорентинцы не могли покорить ея.

Исторія Флоренціи тѣсно связана съ исторіей Медичисовъ, которые 360 лѣтъ имѣли большое

вліяніе на ея правленіе. Еще въ XIV-мъ столѣтіи эта знаменитая фамилія, во время цвѣтущаго состоянія Тосканской торговли, особенно шерстью, приобрѣла несмѣтныя богатства, и тѣмъ родъ первенства между согражданами. Съ 1378-го по 1530-й годъ, Медичисы почти непрерывно были Гонфалоньерами. Первый Козьма получилъ, если не заслужилъ, двойное прозваніе *Великаго* и *Отца отечества*. Лаврентій Великолѣпный, по справедливости названный покровителемъ наукъ и искусствъ, получилъ титулъ Князя Республики. Іоаннъ Медичи былъ возведенъ на Папскій престолъ, подъ именемъ, навсегда безсмертнымъ, Льва X-го. До XVI-го вѣка, власть этой фамиліи ни по чему не могла назваться насильственной, и хотя они давно пользовались ею, однако не называли ея собственностію. Республиканское правленіе поддерживалось до 1534-го года, когда Медичисы рѣшительно захватили власть, при покровительствѣ Императора Карла Пятаго. Происки завистниковъ не разъ удаляли ихъ въ ссылку; но Карлъ V-й сдѣлался покровителемъ ихъ, и даже объявилъ одного Медичи (Александра) Герцогомъ Флорентинскимъ. Полагали, что Алек-

сандръ былъ побочный сынъ Климента VII-го: ненавидимый за жестокость, онъ былъ убитъ въ 1537-мъ году. Ему наследовалъ Козьма I-й, получившій въ 1569-мъ году, отъ Папы Пія IV-го, титулъ Герцога, со всѣми царскими почестями. Императоръ Максимилианъ пожаловалъ это названіе, въ 1576-мъ году, Франциску Медичи, наследнику Козьмы, съ тѣмъ, чтобы онъ призналъ его жалованіемъ Императорскимъ, а не Римскаго Двора. Этотъ Францискъ, второй Герцогъ Флорентинскій, былъ отецъ Маріи Медичи, супруги Генрига IV-го, Короля Французскаго. Домъ Медичисовъ погасъ съ Іоанномъ Гастономъ, умершимъ въ 1737-мъ году. Тогда Герцогство Тосканское перешло въ домъ Лотарингскій, подъ власть Франциска, бывшаго потомъ Императоромъ Германскимъ, въ 1745-мъ году.

Въ 1765-мъ году является на Герцогскомъ престолѣ Леопольдъ, благотворитель Тосканы. Онъ управлялъ 15 лѣтъ, отечески и благоразумно; но Германія похитила его у Италіи, возведя на Императорскій престолъ. Фердинандъ II-й, сынъ его, былъ изгнанъ въ 1801-мъ году, Наполеономъ, но

опять воцарился въ 1814-мъ , и скончался въ 1821-мъ году.

Нынѣ царствующій Великій Герцогъ, Леопольдъ II-й, сынъ Фердинанда III-го, родился въ 1797-мъ году. Про него можно смѣло сказать, что ния дѣдовское ему не въ тягость. Если онъ и не равенъ съ намъ въ наукѣ правленія, то вѣрно не уступаетъ ему желаніемъ добра. Онъ простъ въ обхожденіи, благосклоненъ ко всѣмъ, не любитъ ни вышности, ни этикета, и въ этомъ подражаетъ Висконскому двору. Во время управленія Медичисовъ, и долго потомъ, Флоренція наслаждалась спокойствіемъ, которое кажется предназначено ей природою. Тосканцами легко и управлять: они теперь столько-же кротки и смиренны, сколько прежде бывали непокойны и непослушны. Въ Тосканѣ революція была-бы совершеннымъ безуміемъ.

При въѣздѣ во Флоренцію, тамошніе пристава даже не остановили меня, и очень вѣжливо сказали, что я не подлежу осмотру. Я остановился близъ рѣки Арно, въ прекрасной гостиницѣ Г-жи Гомбергъ, въ комнатахъ, обитыхъ штофомъ и богато мебелированныхъ: въ гостиной да-

же былъ Вѣнскій рояль. Смыъ хозяйки тотчасъ представилъ мнѣ слугу, который долженъ былъ служить мнѣ и вмѣсто чичероне. За вѣрность его ручались. И такъ, устроившись, я тотчасъ переехалъ, взявъ съ собою Натолію, новаго своего чичероне, и отправился на первую рекогносцировку города.

Я поставилъ себѣ правиломъ — которому впрочемъ слѣдуютъ многіе опытные путешественники — по прїѣздѣ въ городъ, еще неизвѣстный, всходить на башню, или на сосѣдственную гору, откуда можно было-бы получить первое и общее понятіе о мѣстности, и потомъ уже нуститься по площадямъ и улицамъ, для наблюденій частныхъ. Такая рекогносцировка хорошо приготовляетъ къ подробному разсмотрѣнію. И такъ я взобрался на гору *san Miniato al monte*, владѣющую Флоренціей: съ нея можно вдругъ увидѣть всю долину Арно, гдѣ благородная столица, съ строгими красотами своими, отдыхаетъ на коврѣ зелени и смотрится въ тихія воды своей рѣки.

Множество прекрасныхъ казино, разбросанныхъ по пригоркамъ, и справедливо называемыхъ увеселительными домами, составляютъ какъ-бы

цвѣтникъ вокругъ Флоренціи, красавицы! Они окружаютъ и продолжаютъ ее, перемеживаясь съ садами, гдѣ растутъ вмѣстѣ деревья шелковичныя, оливныя, померанцевыя, миртовыя, алоэ, вѣчно зеленѣющій, и тысячи растений, цвѣтовъ благословеннаго юга. Эта пѣвнтельная долина Арно всегда наполнена благоуханіемъ, и мнѣ, право, мечтается, что Флоренція имѣла когда нибудь въ гербѣ своемъ лилію, которая покоится на розахъ.

Берега Арно украшены набережными и великолѣпными палатами. Черезъ рѣку перекинута три моста: первый *della Caraja*, соединяетъ часть города, называемую *Святого Духа*, съ предмѣстіемъ *Онъисанти* (*Ognissanti*). Второй мостъ, Трошкій, весь изъ бѣлаго мрамора; третій, *Ponte Vecchio* (старый мостъ) крытый, удивительно живописенъ. За первымъ мостомъ, на правомъ берегу рѣки, зеленый лугъ *Cascine*, прелестное и любимое гулянье Флорентинцевъ.

Городъ весь вымощенъ широкими плитами и окруженъ зубчатыми стѣнами темнаго цвѣта; впрочемъ, это цвѣтъ всѣхъ строеній Среднихъ Вѣковъ. Одни ворота поновѣе: *Санъ-Гальскія*

(San-Gallo), ведущія на Болонскую дорожку. Они имѣютъ видъ триумфальныхъ воротъ.

Во внутренности города, почти овальной, возвышаются колокольни и куполы церквей, и множество высокихъ палатъ, которыхъ важная архитектура прекрасна.

Надобно прежде всего сказать, что я прїѣхалъ во Флоренцію въ самое неблагопріятное время для путешественника. Великій Герцогъ и весь дворъ уѣхали тогда въ Ливорну, на закладку новаго собора; опера и большая часть дворянства нослѣдовали за дворомъ. Русскаго посольства здѣсь нѣтъ; иностранцы и путешественники, которыхъ обыкновенно во Флоренціи много, находились также въ Ливорнѣ, а иные въ Пизѣ. Слѣдовательно городъ былъ довольно пустъ, и мнѣ въ утѣшеніе осталась полная свобода гулять по немъ, осматривать его, не развлекаясь визитами, зваными обѣдами и вечерами, какъ то было въ другихъ городахъ. Признаюсь, что располагая быть здѣсь не долго, я мало тужилъ объ обществѣ.

Въ первый день обѣдалъ я дома, за общимъ столомъ, и познакомился тутъ съ двумя наканунѣ

пріѣхавшими Бельгійцами, людьми хорошо образованными, которые путешествовали, какъ и я, для своего удовольствія. Мы уговорились послѣ обѣда ѣхать вмѣстѣ прогуливаться въ Кашине (Cassine); а какъ у меня еще не было экипажа, то они предложили мнѣ свою коляску. Вообразите мое удивленіе, когда я, садясь въ нее, узналъ ту самую, которую взял на прокатъ въ Римѣ, и слѣдовательно — только вчера пріѣхалъ въ ней! Я отыскалъ даже, въ углу, подъ подушкой, забыты мною перчатки, чему всѣ мы смѣялись. Хозяева сказали мнѣ, что они точно оставили ее въ Римѣ, и только сего дня получили, черезъ пріѣзжаго оттуда путешественника, но не воображали, что это былъ я.

Кашине, куда мы пріѣхали, прекрасное гульбище: тутъ лужайки, рощи, и вездѣ множество фазановъ, которые смирно прогуливаются между экипажами, перелетаютъ по произволу и никого не боятся, какъ у насъ въ Москвѣ голуби при верныхъ лавкахъ. На лужайкахъ, посреди этой сельской и щеголеватой природы, живописно отдыхаютъ или пасутся коровы. Прекрасный домикъ, построенный Герцогомъ, служитъ для

охотничьяго привалу. По мѣстамъ широкіе проспекты, гдѣ Флорентинскіе счастливыцы собираются верхами и въ нарядныхъ экипажахъ, щеголять другъ передъ другомъ; подалѣе, въ тѣни, уединенныя мѣста для скромнаго пѣшехода, удаляющагося отъ толпы. Красивая Арно, текущая тихо, будто не хотѣла оставлять эти прелестныя мѣста, истинныя Елисейскія поля! Мнѣ показали здѣсь Жерома Бонапарте и Князей Понятовскихъ, давно живущихъ въ Италіи. Я видѣлъ множество экипажей, богатыхъ ливренъ, прекрасныхъ женщинъ. Въ позднія сумерки оставили мы гулянье и поѣхали къ Троицкому мосту, въ кофейную *Bottegone*, куда въ это время съѣзжается лучшее общество. Большая часть Итальянцевъ не заняты ничѣмъ: они, какъ говорятъ, убиваютъ время, покуда оно не убьетъ ихъ. Конечно есть исключенія... да, впрочемъ, не вездѣ-ли почти тоже? Не вездѣ-ли существуетъ родъ людей, подражающихъ одинъ другому и похожихъ другъ на друга, праздныхъ, или занимающихся бездѣлицами? Но у Итальянцевъ вообще устранены дѣла и серьезныя размышленія. Земля чувственная, гдѣ главное дѣло покоряться закону благосостоянія!

Ни съ кѣмъ не бывши знакомъ , мы слушали, глядѣли, ѣли мороженое, и наконецъ отправились домой. Мнѣ надобно было писать много писемъ, и я прописалъ ихъ до полуночи.

Флорентинцы обѣдаютъ рано; а ужинаютъ очень поздно, часто за полночь, послѣ спектакля, и отъ того у мужчинъ и даже нѣкоторыхъ женщинъ вошло въ привычку, возвращаясь съ гулянья, заѣзжать въ кофейный домъ.

На другой день, рано, я пустился осматривать Флоренцію. Начнемъ съ дворцовъ или палатъ.

Palazzo Vecchio (Древнія палаты). При исчисленіи главныхъ палатъ, или дворцовъ, украшающихъ Флоренцію, конечно въ первомъ ряду должно назвать *Palazzo Vecchio*. Встарину жили тутъ правители города, потомъ помѣщался Городовой Совѣтъ. Предъ дворцомъ площадь и прекрасный портикъ Орканья: это форумъ Флорентинской республики. Прикасаясь также къ галлерей Медичи, онъ справедливо можетъ почитаться сердцемъ Флорентинской исторіи и художественной славы города.

Palazzo Vecchio обширное четвероугольное зданіе, съ зубчатыми стѣнами. Простота стили и

огромность размеров придаютъ ему видъ величественный. Онъ почти безъ всякихъ наружныхъ украшеній: только высокая башня, смѣло построенная, поражаетъ своею странною архитектурою, при самомъ входѣ во дворъ. Тутъ увидите много хорошихъ украшеній, рѣзныхъ и живописныхъ; но они уже слишкомъ многочисленны. Прекрасный фонтанъ, изъ порфира, съ бронзовой фигурой ребенка, произведение *Вероккйо*. Зала совѣта, *Sala grande* (большая зала), гдѣ могла помѣщаться тысяча гражданъ, замѣчательна своею обширностію и убранствомъ, изваяніями Баччіо-Бандинелли и историческими фресками *Джіорджіо Васа*ри. Въ другой залѣ хранилась собственная казна начальниковъ республики. Туда любилъ уединяться Козьма 1-й, и тамъ устроилъ онъ лабораторію. Бывши любителемъ древностей и медалей, онъ, съ помощію Бенвенуто Челлини, возстановлялъ древнія заржавѣлыя фигурки изъ бронзы.

Построенныя архитекторомъ *Арнольфо ди Лапо*, тѣмъ-же, который выстроилъ соборъ и церковь *Santa Croce* (Святаго креста), Древнія Палаты существуютъ уже 500 лѣтъ, и время, наложивъ

на нихъ свою печать, будто не прикоснулось къ нимъ. Вблизи этихъ палатъ, такъ называемая *Loggia de Lanzi*, или *Orcagna*, по имени ея архитектора, построена въ 1355-мъ году. Микель-Анджело предлагалъ продолжить этотъ красивый портикъ, состоящій теперь изъ трехъ аркадъ, такъ чтобъ онъ окружилъ всю площадь: тогда великолѣпіе ея было-бы несравненно; но слишкомъ большія издержки, какихъ потребовало-бы это, не позволили исполнить проекта его. Въ теперешнемъ своемъ состояніи, Лоджіа д' Орканья отличается величіемъ размѣровъ. Тутъ, вѣроятно, прежде собирались старшины Совѣта, и обсуживались государственныя дѣла въ присутствіи народа; потомъ служила она балдахиномъ Князьямъ, во время празднествъ; а нынѣ — *proh pudor!* — разыгрывается въ ней лоттерея!...

Площадь передъ Древними Палатами и Лоджіа, украшена бронзовыми и мраморными статуями, и отъ того походитъ на музей ваянія. Все вмѣстѣ это представляетъ что-то монументальное, чего нѣтъ нигдѣ. Тутъ Юдичъ Донателли, Персей Бенвенуто Челлини, группа *Похищеніе Сабинокъ*, Нептуновъ фонтанъ, конная статуя Козьмы 4-го, Іоанна

Болоньскаго, и наконецъ *Давидъ Микель-Анджело*, и *Геркулесъ*, *Бачіо Бандинелли*, два мраморные великана. Конечно не всѣ эти изваянія совершенны, но многія изъ нихъ превосходны, и имена мастеровъ ихъ принадлежатъ безсмертію.

Зданіе галлерей Медичи соединено съ Древними Палатами. Построенное около половины XVI-го столѣтія архитекторомъ Васари, оно занимаетъ три стороны параллелограмма. Въ одной части, выше, помѣщены казначейство, архивы и богатая бібліотека; въ другой лавки и родъ базара, совсѣмъ тутъ неумѣстнаго. Первый этажъ весь занятъ богатѣйшею коллекціею, начатою Медичисами и умноженною ихъ наслѣдниками. Два параллельные коридора тянутся на 430 футовъ въ длину, а соединяющій ихъ на 100 футовъ; но и такое пространство еще не было достаточно для помѣщенія всѣхъ сокровищъ, постепенно скопившихся, и потому принуждены были устроить боковыя залы (*Stanze*), отдѣленные отъ сосѣдственныхъ домовъ. Это-то соединеніе коридоровъ и залъ обыкновенно называютъ галлерей.

Я ходилъ въ ней такъ долго, что наконецъ почувствовалъ ногу; отдыхалъ, и опять шелъ

далѣе. Здѣсь-то можно сказать : *не насытитъ око зрѣніемъ!*

Толстая книга составила-бы изъ однихъ названій предметовъ , собранныхъ здѣсь и методически размѣщенныхъ и классифицированныхъ. Я не займусь этимъ скучнымъ каталогомъ. Кромѣ не-сметнато множества группъ , барельефовъ, статуй и бюстовъ, составляющихъ цѣлое населеніе, бронзовое и мраморное , кромѣ неподражаемой Венеры Медичисской и трогательной трагедіи Нюббы, кромѣ тысячъ картинъ , различныхъ школъ, начиная съ Флорентинской , народной здѣсь , и до Французской, помѣщенной кажется только для счету , вы увидите въ этой галлерей чудесныя собранія Этрускскихъ и Римскихъ древностей, медалей, камеевъ, мозаикъ и драгоценныхъ камней. Можно встрѣтить много прекраснаго и въ другихъ музеяхъ Европы , но все несравненно меньше. Флоренція можетъ по справедливости гордиться также собраніемъ портретовъ великихъ художниковъ , въ числѣ которыхъ болѣе двухъ сотъ писаны ими самими.

Славная *Stanza* (комната) *della Tribuna*, построенная въ видѣ осьмѣугольника, художникомъ

Буонталенти, прикасается къ большому лѣвому коридору. Ясно видно намѣреніе учредителей, собрать только самыя превосходныя работы въ это святилище, расположенное и освѣщенное съ большимъ искусствомъ. Посрединѣ владычествуетъ, какъ древнее божество, изящная Венера; самыя рѣдкія сокровища, какія только произвели рѣзецъ и кисть, окружаютъ ее будто рабочій дворъ.

Другія, особенно увлекательныя изваянія здѣсь: *Аполлонъ*, про котораго замысловато сказано, что «если-бъ статуи могли вступать въ бракъ, то не лѣзя было-бы найти лучшаго жениха «Венерѣ;» *Тогильщикъ* (l'argotino), предметъ столькихъ диссертацій; *группа борцовъ*, приписываемая Кефисодору, и *Фавнъ*, играющій на *Scabillum*, или *Crotale*. Въ живописи блистаютъ славныя имена Рафаэля, Микель-Анджело, Леонарда да Винчи, Тиціана, Корреджіо, Альбана, Андрея дель Сарте, Аннибала Караччи, Гверчини, Гвидо-Рени. Въ этой комнатѣ собрано все, что есть превосходнаго въ художествахъ, и, я думаю, за нее легко было-бы купить государство больше обширное, нежели вся Тоскана.

Палаты Питти. Лука Питти былъ , какъ и Медичиси , Флорентинскій купецъ , не меньше богатый и во многихъ случаяхъ ихъ соперникъ. Онъ началъ строить это зданіе около половины XV-го вѣка , въ такомъ размѣрѣ , что не могъ продолжить его. Можетъ быть , что и богатство его разстроилось. Боле счастливый его , Козьма 1-й купилъ , въ 1549-мъ году , у наследниковъ своего соперника Питтиевъ домъ (Casa Pitti), увеличилъ , украсилъ его , и привелъ въ настоящее состояніе. Онъ соединилъ его , посредствомъ коридора въ 250 сажень , проведеннаго чрезъ рѣку Арно , возлѣ Ponte-Vecchio (Стараго моста), съ *Древними палатами* , почти такъ-же какъ Папы Римскіе соединили Ватиканъ съ замкомъ Сентъ-Анджело. Съ тѣхъ поръ палаты Питти сдѣлались дворцомъ и всегдашнимъ жилищемъ Тосканскихъ государей. Главный фасадъ , произведеніе Брунелески , занимаетъ 90 сажень по площади: онъ съ выступами и переломами. Вообще , это зданіе строгаго стиля и величественной простоты , настоящій образъ Тосканской архитектуры ; видно даже , что оно служило образцомъ другимъ палатамъ своего времени. Внутренній

дворъ не довольно широкъ. Вокругъ него галлерей, съ колоннами, приставленными къ стѣнѣ: онѣ всѣхъ трехъ Греческихъ орденовъ. Галлерей Питти, даже во Флоренціи можетъ похвастаться соперницей галлерей Медичисовъ. Не равняясь съ нею числомъ предметовъ, она ни какъ не уступаетъ ей выборомъ и достоинствомъ ихъ. Рафаэль, въ удивительномъ портретѣ Юлія II-го, и особенно въ неподобной картинѣ своей *Богоматери* (*Madonna della seggiola*); Микель-Анжело, въ картинѣ *Три Парки*, Фра-Бартоломео, въ своемъ *Апостолѣ Маркѣ*; Сальваторъ Роза въ *Капличкиномъ заговорѣ*; Тиціанъ, Караваджіо, Андрей дель Сарте, Карло Дольче, Аллори, Гверчино, Санъ-Пьетро, ди Кортонъ въ своихъ плафонахъ, и множество другихъ, достойны того, чтобы по нимъ изучались художники въ этой превосходной галлерей. И здѣсь Венера! Рѣзецъ Кановы осмѣлился на это предпріятіе, дерзкое потому, что хотѣли замѣнить Венеру Медичисовъ, которую, казалось, могъ похитить развѣ Юпитеръ, но въ самомъ дѣлѣ похитилъ смертный, и очень прозаически перевезъ въ Парижъ! Это воспоминаніе вредитъ произведенію

Кановы, которое часто критиковали строго и даже несправедливо. По крайней мѣрѣ можно сказать, что если древняя Венера божество, то Венера Кановы болѣе чѣмъ смертная.

Библіотека Питтіева дворца размѣщена довольно плохо, въ верхнемъ этажѣ. Въ ней считается до 45,000 томовъ. Въ числѣ рукописей находится собраніе сонетовъ и *Canzoni* Тассовыхъ, любопытное своеручными поправками автора. Тутъ же видѣлъ я многія рукописи Макиавеля, подлинныя письма Галилея, и другихъ знаменитыхъ людей.

Обширные сады этого дворца извѣстны подъ именемъ *Боболи*. Они въ родѣ тѣхъ, которые мы называемъ Французскими, хотя во Францію они перешли изъ Италіи: самый Версальскій садъ устроенъ Ленотромъ по рисункамъ Буонталенти, учредителя садовъ Боболи. Я много разъ, и съ удовольствіемъ гулялъ въ нихъ по вечерамъ. Тутъ множество амфітеатровъ, террасъ съ ступенями и балюстрадами, обелисковъ, статуй, вазъ; много искусства, но оно часто искажаетъ природу, особенно строгою симметріей и стрижкой нѣкоторыхъ аллей. За то здѣсь нѣтъ зимы: вѣчная

зелень! Лимонныя, померанцевыя деревья, пирамидальный тополь, лавръ, миртъ, лиственница, кедръ прекрасно рисуются на голубомъ небѣ Италіи; фонтаны освѣжаютъ воздухъ, и гулянье въ садахъ Боболи прелестно

Casa Medici, или *Riccardi*, *Casa Strozzi*, и проч. Домъ Медичи, первое жилище Медичисовъ, построень въ 1430-мъ году, архитекторомъ Микелоцо-Микелоцци, и купленъ въ 1659-мъ фамиліей Пикарди. Онъ одного стиля съ домомъ Строцци. Это замѣчательнѣйшія изъ укрѣпленныхъ зданій Флоренціи, квадратныя и съ дворомъ посрединѣ: они похожи на монастыри. Весь нижній этажъ въ нихъ изъ огромныхъ толстыхъ камней; потомъ два этажа, съ нѣсколькими окнами. Это образуетъ зданіе строгой, но благородной архитектуры, живо напоминающее смутные годы Среднихъ Вѣковъ, и твердые, предпріимчивые характеры людей тогдашней Флоренціи. Есть и другіе такіе-же дома, какъ-то: *Русселян*, *Никколини*, *Арнольди*, *Гвадальди*, *Буондельмонте*, *Бартолини*. Внизу и по угламъ этихъ домовъ, до сихъ поръ видны твердыя бронзовыя кольца и большіе чеканенные фонари. Достоверно

не знаютъ, къ чему служили кольца, но известно, что фонари были принадлежностью дворянства, которое одно имѣло право освѣщать такимъ образомъ свои дома въ праздничные дни.

Не лѣзя пропустить безъ замѣчанія палатъ Капони и Корсини. Онѣ построены въ новѣйшемъ вкусѣ, однако прекрасны, особенно Корсиниѣвы, мѣстоположеніемъ своимъ на набережной рѣки Арно, великолѣпнѣмъ внутренняго убранства и своими галереями.

Осмотрѣвъ жилища могущества, я осмотрѣлъ и смиренныя убѣжища, прославленныя именами, драгоценными художествамъ и литературѣ. И какой путешественникъ, понимающій истинную славу, не посѣтилъ дома Данте (*casa di Dante*), дома Микель-Анджело, *casa Buonarroti*, домовъ Макіавеля, Боккачіо?

Въ Сѣверной Италіи, и даже въ Тосканѣ, всѣ соборныя церкви называются *Дуомо*, *Duomo* (*). *Santa Maria del Fiore*, Флорентинскій соборъ,

(*) Это названіе усвоено и въ Германіи (*Dom*) главнымъ и соборнымъ церквамъ, отъ особеннаго устройства круглыхъ ихъ куполовъ.

или Дуото, одинъ изъ самыхъ величественныхъ и обширныхъ христіанскихъ храмовъ. Величайшіе архитекторы: Арнольфо ди Лапо, Джіото, Брунелески, Микель-Анджело, Орканья, Тадео-Гадди, употребляли поочередно свои могущественныя дарованія на постройку его. Лапо началъ этотъ соборъ въ концѣ XIII-го вѣка, съ помощію Чинабуа, своего мастера; Брунелески застроилъ и довершилъ куполь: дерзкое и вмѣстѣ изящное предпріятіе, внушенное Римскимъ Пантеономъ, и давшее потомъ Микель-Анджело мысль произвести куполь Св. Петра! Джіото воздвигъ колокольню, столь стройную, и такъ богато украшенную рѣзбою и различнымъ мраморомъ, что Карлъ V-й, увидѣвъ ее, сказалъ: «Флорентинцы должны держать ее въ футлярѣ, и только разъ въ годъ показывать.» — Внутренность церкви поражаетъ тѣмъ болѣе, что множество украшеній ни сколько не умаляютъ пространства ея. Ни что не портитъ здѣсь благородной простоты, которая въ архитектурѣ всегда близка къ истинному величію.

Крещатику и колокольня совершенно отдѣльны отъ собора (въ Италіи много примѣровъ такого раздѣленія). Первый, основанный во имя Св. Іо-

анна, составляет особую церковь. Въ него входятъ три бронзовыя рѣзные двери, которыя совершенное чудо искусства, и дѣйствительно достойны служить входомъ въ царство небесное, какъ сказалъ Микель-Анджело (*). Изящнѣйшія изъ нихъ тѣ, которыя противъ собора: онѣ работы *Лоренца Гиберти*, и безъ сомнѣнія должны почитаться превосходнѣйшею работою того времени, когда былъ золотой вѣкъ этого искусства.

Церковь *Санта Кроче* (Святаго Креста), можетъ назваться Флорентинскимъ Пантеономъ. Всѣ любители словесности и художествъ должны поклониться въ ней гробницамъ *Гаммеля, Микеланджело, Леонарда Бруни, Аретини, Альфьери, Феликки*, и другихъ безсмертныхъ покойниковъ. Байронъ называлъ ее Меккою Италіи. Съ сожалѣніемъ не находимъ здѣсь гробницъ *Данте, Петрарки* и *Боккаціо*, этого тріумвирата Итальянской поэзіи. Неблагодарная Флоренція удалила ихъ, а теперь завидуетъ мѣстамъ, упо-

(*) Точныя копія съ нихъ находятся въ С. Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

хонившимъ бранные ихъ остатки. Желательно было бы читать на здѣшнихъ мраморахъ также достойныя имена славныхъ живописцевъ, *Леонарда да Винчи, Варезоломел де Санмарко, Даніэля Волтерре, Джорджіо Васари, Антоніа Темпеста, Чиголли, Аллоріа, Гирландаіо*, скульпторовъ: *Бенвенуто Челлини, Донателли, Бандинелли*, архитекторовъ: *Льва Баптиста Альберти, Брунелески, Сервандони*, стихотворца *Пульчи*, историковъ: *Генсардини, Павла Жови*, музыканта *Лулли*, учениго *Акурсія*, Папы *Льва X-го*, и еще многихъ знаменитыхъ людей, урожденцевъ прекрасной Тосканы, нѣкогда столько-же обильной геніями, какъ нынѣ она изобильна цвѣтами и плодами. За всѣмъ тѣмъ, Коринна справедливо сказала, что «церковь «Санта-Кроче заключаетъ въ себѣ блистательнѣе собраніе мертвыхъ, какое только есть въ «Европѣ.» Прибавимъ, что она какъ будто и создана для нихъ, прилична имъ, нѣсколько мрачнымъ великолѣпіемъ зданія, и особеннымъ изяществомъ большей части гробницъ. Микель-Анджело замѣчательна тремя статуями, изображающими живописца, скульптуру и архитектуру; Альфріева принадлежитъ рѣзцу Кановы. Здѣсь го-

ворятъ про этотъ памятникъ : « Вотъ гробница
« Софоклова, изваянная Фидіемъ. »

Отсюда я перешелъ въ церковь *Санъ-Лоренцо*.
И здѣсь гробницы , но совершенно въ другомъ
родѣ: онѣ лашмовыя , порфировыя , гранитныя ;
тутъ ланисъ, золото и бронза, со всею роскошью
надшней. Тамъ имена , прославившіяся высокими
мыслями, гениемъ, дарованіемъ ; здѣсь Князья, до-
стигшіе славы могуществомъ. Но славы, сокры-
тыя въ Санта-Кроче, прочіе гранитовъ и порфи-
ра Санъ-Лоренцо. Великолѣпіе , всюду блестящее
въ могильной палатѣ Медичисовъ (*capella de de-
positi*), неизобразимо : что-бы ни сказалъ я, все
это не выразитъ существенности и дастъ не пол-
ное о ней понятіе. Впрочемъ, мнѣ кажется, мно-
гое тамъ сдѣлано безъ вкуса , или, по крайней
мѣрѣ , не соответствуетъ этому богатству и ве-
ликолѣпію.

Гораздо любопытнѣе остановиться передъ гроб-
ницами, поставленными въ ризницѣй той-же церк-
ви, потому что искусство драгоцѣннѣе матеріаловъ,
а это искусство Микель-Анджелово. Неподражае-
мый художникъ показалъ свое мастерство и на
этихъ двухъ гробницахъ Медичисовъ. Одна, Юліа-

на, родного брата Льва X-го, другая Лаврентія, Герцога Урбинскаго, отца Французской Королевы Екатерины. Надъ первою изъ нихъ двѣ статуи, представляющія День и Ночь : первая истинно одушевлена выраженіемъ жизни ! Ночь дремлетъ , и кажется дышитъ въ усыпленіи : боишься разбудить ее ! *Destala, se nol credi, e parlaratti*, сказалъ современникъ Микель-Анджело. « Сонъ ей сладокъ — отвѣчалъ ваятель : — не « видать, не слышать, не чувствовать для нея благо ; и такъ молчи ; не буди ее ! »

Non veder, non sentir, e gran ventura ; però non la destar, deh ! parla basso.

На другой гробницѣ статуя Лаврентіева , съ двумя эмблематическими фигурами утренней и вечерней зари. Лаврентій изображенъ въ военномъ одѣяніи, въ шлемѣ ; онъ сидитъ въ размышленіи. Эта фигура такъ естественна, что ее можно принять за живую. Передъ нею невольно стоишь молча, потому что, кажется, она подниметъ голову , если пробудишь ее отъ размышленія. Изящно, велико художество, дающее такимъ образомъ мысль камню.

Лаврентіанская бібліотека пользуется заслуженною славой. Она очень богата рукописями, изъ числа которыхъ не только ученыхъ, но и любопытный чловѣкъ велитъ себѣ показать славные Амальфійскіе *пандекты*, рукописи Плутарха и Тацита, очень древнія, Цицероновы письма, списанныя рукою Петрарки, древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ Виргилія, жизнь Бенвенуто Челлини, писанную самимъ этимъ страннымъ художникомъ, трагедіи Альфieri, и проч. Самое помѣщеніе бібліотеки прекрасно изящною простотою и какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ; цвѣтными стеклами, готическіе стулья, и дубовые рѣзные напольныя, все это совершенно прилично пожелтѣвшимъ пергаментамъ и мѣднымъ застѣжкамъ книгъ. Тутъ царствуетъ спокойствіе и тишина, невольно погружающія въ мысли....

Любопытно также зайти въ церковь Святаго Духа. Красота зданія, и Коринтскія колонны ея заслуживаютъ вниманіе; но для любителей живописи еще драгоцѣннѣе картины *Джіотти*, *Мазаччо*, *Чимабуэ* и *Перуджинна*, всѣ той славной школы, которая предшествовала Рафаэлю. Я только наименую церкви *Санъ-Марко* (Св. Марка), въ

которой гробницы *Ангела Полиціана* и *Пика де Мирандола*, монастырь *della Maddalena de pazzi, del Carmine*; но не лѣзя не упомянуть нѣсколько подробнѣе о церкви Благовѣщенія (*L'Annunziata*). Всякой любитель живописи остановится тамъ въ восхищеніи, при видѣ живописныхъ работъ *Андреа дель Сарте*, и впадетъ въ сладостную, глубокую задумчивость. Почти всѣ эти произведенія *al fresco*; тѣ, которыя внутри, сохранили всю свѣжесть красокъ, но, къ сожалѣнію, находящіеся въ наружныхъ галлерейхъ подвержены вліянію воздуха и сырости: они начинаютъ нѣсколько портиться. Въ числѣ ихъ находится превосходное и неподражаемое изображеніе Богоматери, извѣстное подъ именемъ *Madona del Sacco* (Богоматерь съ мѣшкомъ). Простота этого изображенія и вмѣстѣ поэтическая роскошь дѣлають, нѣкоторымъ образомъ, превосходное произведеніе *Андреа дель Сарте* народнымъ, хотя оно неподражаемо силою фигуръ и отдѣлкою всѣхъ подробностей.

Я не буду говорить о нравахъ и обществѣ Флорентинскомъ, потому что слишкомъ мало видѣлъ ихъ, и вообще мало оставался въ столицѣ

Тосканы; пишу, что знаю, и упоминаю только о томъ, что видѣлъ.

На другой день своего прїѣзда былъ я у Сардинскаго Министра, Графа Бролио, желая узнать, могу-ли я ѣхать черезъ Генуу на Туринъ. Намѣреніе мое: ѣхать чрезъ Болонью, Миланъ и Смп-лонъ, не состоялось, отъ того что по всей Сѣверной Италіи были учреждены холерные карантинны, и я хотѣлъ попытаться, не ускользну-ли отъ нихъ другимъ путемъ. Графъ Бролио принялъ меня очень вѣжливо, и сказалъ, что ѣхать на Генуу нѣтъ никакого препятствія, но что онъ еще не знаетъ навѣрно, есть, или нѣтъ карантинъ между Генуей и Туриномъ. Послѣ такого неопредѣлительнаго отвѣта, я побоялся снова попасться на мѣсяць въ какую нибудь лачугу, и рѣшился ѣхать въ Ливорно, а тамъ сѣсть на корабль. И такъ, взявъ у своего банкира, Г-на Бори, нѣсколько денегъ, осмотрѣвъ еще мозаичную мануфактуру, и распрощавшись съ товарищами своими Бельгійцами, я нанялъ извозчика (voiturino) за пять піастровъ, и въ 8 часовъ вечера отправился, въ спокойной каретѣ, по дорогѣ въ Ливорно.

Въ каретѣ сидѣло насъ четверо : со мною рядомъ Ливорнскій купецъ , который во все время спалъ и не говорилъ ни слова, а впереди камердинеръ мой и какой-то старичекъ , называвшійся Графомъ. Послѣдній безпрестанно ворочался , говорилъ , величалъ меня *Святлостью* , почиталъ себя обязаннымъ въ присутствіи моемъ хвалить Россію и Русскихъ , звалъ къ себѣ въ гости , рассказывая , что онъ ѣдетъ въ деревню , гдѣ у него прекрасный домъ , въ который много разъ заѣзжали Русскіе путешественники , называлъ мнѣ нашихъ Графовъ , Князей , сдѣлавшихъ ему эту честь , и проч. Почти при каждомъ моемъ словѣ онъ приподнимался съ мѣста и снималъ шляпу. Я начиналъ уставать отъ такой чрезмѣрной вѣжливости ; но , на второй станціи , по счастью , старичекъ насъ оставилъ , потому что въ замокъ Его Сіятельства надо было своротить влѣво , и какъ оставалось съ полмили и уже начинало разсвѣтать , то онъ отправился домой пѣшкомъ. Счастливыи путь!

Хотя мы выѣхали изъ Флоренціи ночью , но при лунномъ свѣтѣ можно было хорошо видѣть окружное мѣстоположеніе. Мы почти все ѣхали по берегамъ Арно ; деревни не перемѣкались и каза-

лись сплошными ; во многих мѣстахъ виды были живописны и достойны ночной Гакертовой или Фанъ-деръ-Нотовой картины. На одной станціи (не помню ужъ которой) прислуживалъ въ кофейной карло : подобнаго я никогда не видывалъ ! Онъ былъ очень малъ , широкъ въ плечахъ и съ преогромной головой ; съ виду казался силенъ и здоровъ, черенъ лицомъ , и , что рѣдкость въ карлѣ, у него была длинная , окладистая , черная борода: словомъ это — какъ называется въ Русскихъ сказкахъ:—*былъ мужикъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ !* Онъ служилъ проворно и вездѣ поспѣвалъ, хотя прихрамывалъ. Узнавъ, что онъ получаетъ самое скудное жалованье и съ трудомъ содержится, я далъ ему два піастра и предложилъ пойти ко мнѣ въ службу ; онъ спросилъ меня, куда я его повезу, и когда я сказалъ ему: въ Россію, онъ покачалъ головой , вздрогнулъ и отвѣчалъ мнѣ : — Холодно ! —

Скоро разсвѣло. Мѣстоположеніе измѣнилось : я видѣлъ довольно обширныя поля, засѣянныя пшеницей; деревни также были близко одна отъ другой. Мы покинули Арно, и въ 6 часовъ утра, въ Воскресенье, пріѣхали въ Ливорно.

Описывать здѣсь, по истинѣ, почти нечего. Городъ можно назвать новымъ, и слѣдственно въ немъ нѣтъ никакихъ древнихъ памятниковъ. Только съ XIII-го вѣка, послѣ упадка Пизы, Ливорно начала процвѣтать и пристань ея стала извѣстною и богатою. Въ этомъ можно сравнить ее съ нашею Одессою.

Теперь Ливорно большой городъ, богатая торговая пристань, и въ числѣ 50 тысячъ жителей ея конечно десятая часть Жиды. Городъ прекрасно отстроенъ. Большая продолговатая площадь занимаетъ средину его. Улицы прямы и широки. Та, которую называютъ *Фердинандовою*, лучше всѣхъ: въ ней сосредоточивается почти вся торговля, и народу на ней всегда множество; въ лавкахъ ея увидите самые блестящіе и богатые товары. Одна часть города, пересѣкаемая множествомъ каналовъ, по которымъ товары подвозятся къ самымъ магазинамъ, называется Новой Венеціей. Изъ публичныхъ зданій, можно замѣтить театръ и Жидовскую синагогу. Воздухъ здѣсь сырой и почитается нездоровымъ, отъ стоячихъ водъ. Въ городъ трудно сыскать хорошей воды для питья; жить

дорого, особенно для иностранца, которого безсовѣстно обирають.

Въ Ливорно свободный портъ (porto franco). Гавань защищена цитаделью, хорошо укрѣпленною, безопасна для кораблей, но не глубока, и заносится пескомъ. Маякъ отнесенъ далеко въ море; три лазарета, для карантина, также построены довольно далеко. Въ Тосканскихъ владѣнiяхъ Ливорно можетъ похвастаться единственною пристанью, потому что на островѣ Эльбѣ пристань очень мала; а Піомбинская и Орбительская едва достойны назваться второстепенными.

Протестантское кладбище, за городомъ, служить здѣсь гуляньемъ для публики. Всѣ гробницы—и ихъ много—сдѣланы изъ бѣлаго мрамора; на большей части изъ нихъ хорошія статуи и другія украшенія, довольно изящныя; иныя просто богаты. Это погребальное мѣсто, при морѣ, эта долина успокоенія, близъ безпрестанной тревоги волеи, столько различныхъ людей, издалика приплывшихъ сюда лечь вмѣстѣ, и общее кораблекрушеніе ихъ жизни на чуждой землѣ, все это навѣяло тягостныя мысли на мою душу.

На другой день, рано, я послалъ къ Россій-

скому Консулу, спросить, когда могу видѣть его; онъ отвѣчалъ, что явится ко мнѣ, самъ тотчасъ, и дѣйствительно пришелъ еще въ девятомъ часу. Я удивился и обрадовался, когда узналъ въ немъ стараго и добраго знакомаго. Г-нъ Энгельбахъ имѣлъ нѣкогда въ Москвѣ Французскую книжную лавку, и я у него часто покупалъ книги. Мы возобновили знакомство, и онъ пригласилъ меня въ тотъ-же день къ себѣ обѣдать, предупредивши, что самъ онъ проведетъ утро во дворцѣ Великаго Герцога, куда приглашенъ весь дипломатическій корпусъ на церемонію, но что Г-жа Энгельбахъ, также моя знакомая, будетъ очень рада принять меня, а къ обѣду онъ непременно воротится домой. Г-нъ Энгельбахъ сказалъ мнѣ также, что на улицѣ, гдѣ онъ живетъ, будетъ очень тѣсно, потому что крестный ходъ, войска и вся процессія пойдутъ мимо его окошекъ, и совѣтовалъ, избѣгая тѣсноты, и если я любопытенъ видѣть церемонію, пріѣхать къ нему пораньше. Поблагодаривъ его за приглашеніе и за совѣтъ, я и тѣмъ и другимъ воспользовался. Въ часъ отправился я къ Консулу, и далеко не доѣзжая до его дома увидѣлъ уже большія приготовленія: окна

всѣхъ домовъ были убраны коврами, и шелковыми и парчевыми тканями. У посольскихъ и консульскихъ домовъ развѣвались флаги ихъ государствъ. По двуглавному, побѣдоносному орлу Россіи узналъ я домъ нашего Консула, вышелъ изъ коляски и пошелъ прогуливаться по улицѣ. Меня веселила эта пестрота, это разнообразіе костюмовъ: тутъ были народы изъ всѣхъ частей свѣта, и много хорошихъ женщинъ. Между прочимъ, двѣ Алжирскія Жидовки обращали на себя вниманіе страннымъ своимъ нарядомъ: у нихъ на головахъ были какіе-то флагранные золотые конусы, съ плоскимъ верхомъ, но слишкомъ въ полъ-аршина вышины. Сами онѣ были молоды, хороши, и потому, можетъ статься, нарядъ казался не безобразенъ. Я долго шелъ за ними и любовался.

Въ два часа явился я къ Г-жѣ Энгельбахъ. Хорошая и привѣтливая Московская знакомка моя, кажется, была очень рада видѣть земляка. Мы разговаривали о Москвѣ, о родныхъ ея, и она, не взирая на блестящее положеніе мужа своего, съ умиленіемъ говорила о родинѣ и кажется почлабы счастьемъ воротиться туда. Стали пріѣзжать гости, и я очень обрадовался, увидѣвъ Григорья

Федоровича Орлова, супругу его и дочь. Мы еще мало были знакомы: онъ гораздо моложе меня; но довольно было вспомнить намъ о нашихъ отцахъ, чтобы тотчасъ сблизиться и быть друзьями. Онъ представилъ меня своему семейству и пригласилъ къ себѣ. Г. Ф. пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и Великій Герцогъ къ нему особенно внимателенъ. Съ какою радостью встрѣтилъ я тутъ же невѣстку его, супругу брата его М. Ф.! Екатерина Николаевна принадлежитъ къ небольшому числу дамъ, умѣющихъ соединить очарованіе любезности съ необыкновеннымъ умомъ и познаніями! Отецъ ея долго былъ моимъ товарищемъ въ счастья и въ несчастіи.... Онъ справедливо почитался однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ, и въ полной мѣрѣ заслужилъ это названіе. По кончину свою остался онъ мнѣ хорошимъ пріателемъ. Здѣсь-же увидѣлъ я Штатсъ-Даму, Княгиню Софью Григорьевну Волконскую, только накануне прибывшую изъ Пизы, гдѣ она пользовалась водами. Пріятно увидѣть, вдали отъ отечества, земляковъ, особенно такихъ, которые дѣлаютъ ему честь, какъ это случилось со мною у Г-на Энгельбаха: за то какъ грустно встрѣтиться съ

такими, отъ которыхъ и дома отворотился-бы; но я былъ такъ счастливъ, что во всю бытность свою на чужой сторонѣ не испыталъ этого.

Въ четыре часа усыпали улицу лавровыми вѣтвями, и началась церемонія, возвышенная пушечнымъ выстрѣломъ. Сперва шли жандармы, и кажется кирасиры, по полувзводно; потомъ нѣскольکو пѣхоты, съ знаменами. Войско, хорошо выстроенное и хорошо одѣтое, маршировало стройно; музыка и барабаны гремѣли. Далѣе шли гражданскіе чиновники, по два въ рядъ, большая часть въ мантияхъ на горностаевомъ мѣху. Затѣмъ проходило духовенство, во всемъ облаченіи, съ хоругвями и крестами, также по два въ рядъ, Архіепископъ, Епископы, каноники, и передъ ними пѣвчіе, сопровождали шествіе. Тотчасъ за духовенствомъ шелъ Великій Герцогъ, окруженный своими министрами и всѣмъ дворомъ; потомъ, еще два взвода кавалеріи, народъ, экипажи, и проч. и проч. Молодыя дѣвицы, въ бѣлыхъ платьяхъ, кидали изъ корзинокъ цвѣты передъ Герцогомъ. Все это было довольно хорошо, нарядно, но обыкновенно. Я уже столько видывалъ подоб-

нихъ процессій, что эта не представила мнѣ ничего новаго.

Когда возвратился нашъ Консулъ, мы съѣли обѣдать, и провели день очень пріятно. Супруга Г. Θ. Орлова пригласила меня ѣхать съ нею гулять; я съ благодарностью согласился на это, и мы долго разъѣзжали, въ ея коляскѣ, по улицамъ. Ёхать въ театръ было еще рано, и мы заѣзжали къ нимъ на дачу, гдѣ прохладились мороженымъ и лимонадомъ. Гостепріимство и ласки Г. Θ., и необыкновенная любезность и умъ прекрасной его супруги, привязали меня къ нимъ. Дочь ихъ не красавица, но стройна, благовоспитанна и умна, какъ родители ея. Безъ нихъ въ Ливорно я провель-бы время очень скучно.

Театръ здѣсь не малъ и хорошо устроенъ. Въ этотъ день давали Беллиніеву Соннанбулу. Я былъ очень доволенъ, и оркестромъ и пѣвцами. Впрочемъ, это была не Ливориская труппа, а пріѣхавшая съ дворомъ Флорентинская. Г-жа Таки-нардни произвела въ зрителяхъ неизмовѣрный восторгъ! И я отдаю ей полную справедливость: это была первая пѣвица, слышанная мною въ Италіи, которая совершенно заслуживаетъ похвалу.

Я слышалъ ее еще въ неблагопріятное для нея время: она черезъ нѣсколько недѣль должна была родить, и напряженіе голоса было для нея очень тягостно. *Ронconi*, прекрасный баритонъ. Нѣкогда слушали мы съ восхищеніемъ отца его, въ Петербургѣ: тотъ былъ превосходный, и можно даже сказать единственный теноръ. За оперою слѣдовалъ балетъ, гдѣ я увидѣлъ Г-жу Бруньоли. Она почитается первою танцовщицею въ Италіи. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее, но вѣроятно отъ того, что еще не видалъ дѣвицъ Эльслеръ, Нобле и Таліони въ Парижѣ. Великій Герцогъ и супруга его находились въ театрѣ.

На другой день, я опять обѣдалъ у Орловыхъ, и снова перемѣнилъ планъ своего путешествія: я узналъ отъ Сардинскаго министра, что въ Генуѣ точно учрежденъ карантинъ; между тѣмъ, наканунѣ прибылъ изъ Чивита-Веккіо Французскій пароходъ *Наполеонъ*, и отплывалъ на другой день въ Марсель; онъ долженъ былъ однако побывать въ Бастіи, на островѣ Корсикѣ, и я тотчасъ рѣшился отправиться на немъ.

Вечеромъ я гулялъ по пристани, и вспомнилъ славныя для Россіи времена Великой Екатерины,

когда здѣсь стоялъ побѣдоносный Ея флотъ, подъ начальствомъ Графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Недоброжелательный намъ Французскій министръ Герцогъ Шуазель, узнавъ, что Екатерина отправляетъ флотъ въ Средиземное море, сказалъ : «Отправить флотъ ! но сперва надобно имѣть его; а развѣ *флотъ* восемь или десять старыхъ, гнилыхъ кораблей! Если ихъ и отсравятъ, то мы скоро увидимъ щепы этихъ гнилушекъ, а не корабли, плывущіе черезъ Гибралтарскій проливъ.»—Но гнилушки вычинились въ Англіи, и слишкомъ двадцать, большихъ и малыхъ, военныхъ кораблей, благополучно проплыли Средиземнымъ моремъ, мимо Французскихъ береговъ, истребили въ Чесмѣ Турецкій флотъ, и Г-нъ Шуазель, на перекоръ своему предсказанію, долженъ былъ возвѣстить о знаменитой Чесменской побѣдѣ государю своему Людовику XV-му. Здѣсь же, въ Ливорно, послѣ побѣды зимовалъ нашъ флотъ, и когда, знаменитый въ то время, живописецъ Гакертъ просилъ у начальника нашего дозволенія написать четыре картины, представляющія его пбѣду, то Графъ Алексѣй Григорьевичъ купилъ нѣсколько судовъ, положилъ въ нѣкоторыя

довольно пороку, и приказалъ зажечь ихъ передъ живописцемъ, чтобы дать ему ясное понятіе о взрывѣ кораблей. Воля ваша, а это что-то необыкновенное, гигантское, напоминающее Римлянъ! Эти прекрасныя картины видать я въ Петергофѣ.

Я распрощался съ любезнымъ семействомъ Г. О. Орлова, съ добрыми Ангельбахами, и на другой день, 19 числа, въ 7 часовъ вечера, сѣлъ на корабль. Прости прелестная Италія, земля исполненная великихъ воспоминаній и представляющая столько наслажденій человѣку образованному! Жаль мнѣ было расстаться съ нею, не видавъ сѣверной ея части, Венеціи, Болоньи, Милана, особенно Генуи! Я старъ; не смѣю думать о возвращеніи сюда, когда уже пора приготовляться къ дальнему и послѣдному путешествію...

Вѣтеръ былъ благопріятенъ. Вдали видѣлся островъ *Эльба*.... Сколько размышленій стѣснилось въ головѣ моей, при видѣ этихъ береговъ, откуда, какъ внезапная гроза, снова явился на твердой землѣ великій полководецъ!... На другой день, въ пять часовъ утра, мы бросили якорь въ Корсикѣ, посреди самой гавани города Бастіи.

Я вышелъ на берегъ, гулялъ по городу, и

осматривалъ его окрестности. Городъ не великъ; окруженъ горами; строеніе въ немъ изрядное. Я, и нѣсколько товарищей съ корабля, очень хорошо отобѣдали въ кофейномъ домѣ, близъ пристани. Послѣ обѣда мы услышали выстрѣлы, и я спросилъ, что такое? — Мнѣ сказали, что на Марсовомъ полѣ учатъ рекрутъ. Идемъ туда! Училилось нѣсколько взводовъ, каждый особенно, и большая часть безъ ружей. Я узналъ, что эти люди только за нѣсколько дней прибыли изъ депо. Не лъзя сказать, чтобы они были отлично выправлены, но вообще стояли и маршировали хорошо, безъ малѣйшаго принужденія, и видно было, что понимаютъ команду. Почти всѣ молодые ребята, не очень рослые, но здоровые. Тутъ случилось мнѣ говорить съ Генераломъ Себастіани, командующимъ войсками на островѣ (*). Онъ увѣрялъ меня, что, въ теченіе года, ни одинъ изъ солдатъ его не былъ наказанъ; немногіе только сидѣли подъ арестомъ, и то за неважныя вины. Генераль благосклонно пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать; но какъ не отъ меня зависѣло оста-

(*) Родной братъ того, который теперь посломъ въ Англію.

новить пароходъ, который уже размѣнился депешами и готовился къ отплытію, то я могъ только благодарить, и, къ сожалѣнію, долженъ былъ отказать. Вечеромъ воротился я на корабль. Мы поплыли въ ночь, быстро летѣли къ берегамъ Франціи, и увидѣли ихъ рано поутру. Въ Субботу, 22 числа, мы плыли между берегомъ и Гіерскими островами, и утромъ-же вступили въ Марсельскую гавань.

ГЛАВА VIII.

МАРСЕЛЬ, АВИНЬОНЪ, ВАЛАНСЪ, ЛОНЪ.

Марсель, въ древности знаменитая Массилія, городъ основанный Греками изъ Фокиды, долго былъ самобытною республикою, но покоренный, какъ вся Галлія, Римлянами, оставался въ ихъ владѣніи до самаго вторженія варваровъ въ Имперію. Теперь онъ считается первою торговою пристанью Франціи. Портъ его обширенъ, спокоенъ и огражденъ отъ всѣхъ вѣтровъ; но какъ изъ моря входятъ въ него крутымъ заворотомъ, то волны морскія почти не заливаются туда, и слѣдовательно не могутъ очищать его; отъ того въ немъ много плу, и вода, не имѣя свободнаго обра-

щенія, сдыхается и воняетъ. Когда мы вступили въ портъ, въ немъ уже стояло такъ много кораблей, что нашъ пароходъ принужденъ былъ бросить якорь у самаго входа, и я, на лодочкѣ, съ трудомъ пробрался до набережной, къ самой таможенѣ.

Въ таможенѣ, сначала все шло для меня благопріятно; чемоданы мои едва раскрыли, и очень вѣжливо сказали, что нечего смотрѣть, и что я могу взять ихъ обратно; но, вдругъ, жестяная, довольно широкая трубка, въ которой у меня были планы и рисунки, обратила на себя вниманіе зрителей. «Это что такое?» — Трубка съ рисунками. — «Нѣтъ-ли между ними гравированныхъ эстамповъ, или картинъ?» — Портретъ Папы, кажется, одинъ гравированный — отвѣчалъ я. — «Такъ благоволите идти къ оцѣнщику, куда мы сей часъ отошлемъ трубку; онъ оцѣнитъ ее, возьметъ пошлины, и тотчасъ возвратитъ ее вамъ.» — Дѣлать было нечего! Сторожъ взялъ мою трубку, и я пошелъ за нимъ къ оцѣнщику, котораго каморка находилась въ концѣ двора. Онъ развернулъ всѣ рисунки, долго смотрѣлъ, и наконецъ спросилъ меня, который-же гравированный? Я разсмѣялся,

и указалъ ему портретъ. Онъ написалъ что-то на бумажкѣ, и сказалъ мнѣ: «Съ этимъ извольте идти въ присутствіе»—А гдѣ это? — «Здѣсь-же, въ верхнемъ этажѣ.» Я пошелъ туда, и бумага моя пропутешествовала тамъ черезъ шесть столовъ: въ каждомъ что-то написали, отиѣтили, нумеровали, и продержали меня часъ! Наконецъ, опять: «Извольте съ этимъ идти внизъ, откуда пришли.» Непонятная скрибоманія! Я опять пришелъ къ оцѣнщику, отдалъ бумагу, и онъ, смотря на нее, сказалъ мнѣ:—Съ васъ, сударь, слѣдуетъ получить три франка и пятьдесятъ сантимовъ.—У меня не было мѣлкихъ денегъ, и я подалъ ему пятифранковую монету. — Нѣтъ сдачи, сударь!—«Не стоитъ и думать о ней; только отпустите меня скорѣе.» — За кого вы, сударь, меня принимаете? Мы взятковъ не беремъ!—«Дѣло не о взяткахъ, а о томъ, что я съ утра не ѣлъ, часа четыре на ногахъ, и до смерти усталъ! Сжальтесь надо мной и отпустите меня скорѣй; я кланяюсь вамъ и Папскимъ портретомъ, лишь-бы скорѣе съ вами раздѣлаться. Если у васъ нѣтъ сдачи, то развѣ не можете вы, слѣдующіе мнѣ одинъ франкъ и 50 сантимовъ, во имя Его Святѣйшества, по-

дать нищему.» Наконецъ мой офицеръ улыбнулся , положилъ въ карманъ монету и возвратилъ мнѣ трубку съ рисунками. Я побѣжалъ въ таможеню, гдѣ остались мои чемоданы.... Новая досада!... Ни слуги , ни чемодановъ моихъ уже не было , чиновники разошлись, и я не зналъ , что дѣлать? Какой-то сторожъ сказался надо мной , и сказалъ , что слуга мой взялъ носильщика и отправился съ пожитками моими въ трактиръ , вѣроятно въ тотъ, который насупротивъ, на самой набережной. Дѣйствительно, я тамъ все отыскалъ.— Можетъ быть слишкомъ много распространился я о такомъ обстоятельстве , которое мало занимательно; но я сдѣлалъ это для людей, безпрестанно охуждающихъ наши формы, обряды и промедленія. Могу ихъ увѣрить , что , ни въ одной изъ нашихъ Русскихъ таможенъ, не станутъ держать проѣзжающаго два часа , не станутъ писать въ шести столахъ о такомъ предметѣ, который стоитъ $3\frac{1}{2}$ франка; дѣло кончится въ пять минутъ, и съ такою-же вѣжливостію.

Я остановился въ гостиницѣ Бово (Hôtel de Beauvaux). Здѣсь мнѣ объявили , что я долженъ самъ идти въ префектуру, за своимъ паспортомъ.

Посмотримъ! легче-ли здѣсь получить паспортъ, чѣмъ провезти портретъ Папы. Я одѣлся, зашелъ въ контору дилижансовъ, взялъ билетъ для отъѣзда на другой день, и явился въ префектуру. Меня привела въ комнату, гдѣ сидѣли два человека за письменными столами. Одинъ изъ нихъ взялъ мой паспортъ, разсматривалъ его долго, и наконецъ сказалъ мнѣ: «Онъ въ порядкѣ. Сей часъ заготовлю вамъ годовое дозволеніе жить во Франціи, а паспортъ вашъ отошлется отъ насъ прямо въ Парижъ, гдѣ его выдадутъ вамъ обратно, когда вы вздумаете оттуда ѣхать.» Онъ вынулъ изъ ящика печатный листъ, что-то писалъ на немъ, продержалъ меня конечно съ полчаса, и наконецъ объявилъ, чтобы я пришелъ послѣ-завтра, потому что Градоначальникъ (Maire) теперь изъ присутствія вышелъ, а завтра Воскресенье, слѣдовательно присутствія не будетъ. Я тщетно говорилъ ему, что уже взялъ мѣсто въ дилижансѣ, который ни ждать меня не станетъ, ни денегъ моихъ не возвратитъ.—Какъ вамъ угодно! Я не виновать, что вы поздно пришли; у насъ присутствіе кончилось.—Я увидѣлъ, что съ нимъ дѣлать нечего, и хотѣлъ уже идти къ Меру, но, не зная

его квартиры, рѣшился зайти сперва домой, чтобъ узнать гдѣ онъ живетъ. Судите о моей досадѣ, когда лакей мой сказалъ, что секретарь обманулъ меня и что Меръ еще и не думалъ выходить изъ присутствія. Я тотчасъ написалъ къ нему письмо, гдѣ объяснилъ свое затрудненіе, и просилъ совѣта, чтѣ мнѣ дѣлать? Меръ (*) сказалъ моему слугѣ, что паспортъ будетъ въ минуту готовъ, но чтобъ я благоволимъ воротиться въ префектуру, гдѣ мое присутствіе необходимо, для того, что въ паспортѣ надобно означить примѣты. Между тѣмъ, при слугѣ-же моемъ, онъ призвалъ секретаря, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ за ложь и невѣжливость, и велѣлъ въ одну минуту удовлетворить меня. Обрадованный явился я въ префектуру. Меръ встрѣтилъ меня, извиняясь за своего секретаря, опять призвалъ его, опять, уже при мнѣ, бранилъ, и прибавилъ, что впредь за такой поступокъ онъ можетъ лишиться должности. Я пошелъ за секретаремъ, который, кажется, очень гнѣвался на меня, и возвратившись

(*) Г-нъ Консолатъ, бывшій С. Петербургскій негоціантъ, умный и вѣжливый человекъ.

въ свое отдѣленіе началъ бранить моего лакея ,
 зачѣмъ онъ осмѣлился сказать , что Меръ еще
 былъ въ присутствіи. «Вы напрасно горячитесь ,»
 сказалъ я ему. «Слуга мой исполнилъ свою долж-
 ность , и если-бъ давеча вы были немножко поснис-
 ходительнѣе , то избавились-бы отъ непріятно-
 сти , и , вмѣсто четверти часа , не просидѣли-бы
 двухъ часовъ въ присутствіи , какъ теперь.» — Не
 подумайте , сударь—отвѣчалъ онъ—что паспортъ
 вашъ изготавляю я потому , что вы генералъ ! У
 насъ это совсѣмъ не уважается ; но я повинуюсь
 начальству. — «Сожалѣю , сударь , что у васъ это
 не уважается ; но если-бъ вы исполнили свою обя-
 занность , не взирая на лицо , то не получили-бы
 очень непріятнаго выговора , и не заставили-бы
 меня ходить два раза въ префектуру , а себя про-
 сидѣть въ ней два часа лишннихъ.—Онъ сталъ пи-
 сать мои примѣты , и , вѣроятно , съ досады на
 меня , написалъ , между прочимъ : *носъ толстый* ,
 хотя носъ у меня совсѣмъ не толстъ , а можетъ
 статся съ горбомъ. Какъ-бы ни было , а онъ
 кончилъ , и сказалъ мнѣ , чтобы я подождалъ , по-
 куда онъ понесетъ бумагу къ Меру , для подпи-
 санія. «Напротивъ , сударь , я пойду съ вами , по-

тому что считаю себя обязаннымъ благодарить
вашего начальника за вѣжливость и снисхожденіе.»
Шалунъ мой , вѣроятно , еще что нибудь пропу-
стилъ, желая имѣть случай опять позадержать ме-
ня, воротился, написалъ еще слова два , и мы по-
шли вмѣстѣ въ присутствіе. Меръ подписалъ и вру-
чилъ мнѣ паспортъ , снова извиняясь. Онъ изъя-
вилъ особенное сожалѣніе , что краткость моего
пробыванія въ Марсели лишаетъ его чести уго-
стить Русскаго путешественника въ своемъ домѣ...
Это приключеніе удостовѣрило меня, что приказ-
ные вездѣ одинаковы, разумѣется, вездѣ съ исклю-
ченіями....

Мнѣ оставалось до отъѣзда изъ Марсели пол-
торы сутки , и я употребилъ ихъ на обозрѣніе
города , а вечеромъ былъ въ театрѣ, гдѣ давали
Влюбленнаго Шекспира , и для меня еще новую
пьесу : *Le Gamin de Paris*. Актеры не дурны;
оркестръ прекрасный : въ этотъ вечеръ играли
увертюру изъ *Вильгельма Телла*. На другой день,
въ Воскресенье, я осматривалъ прекрасную залу
Ратуши , гдѣ есть славная картина, изображаю-
щая чуму 1720 года , писанная Серомъ , учени-
комъ Пюже. Меня усладилъ видъ изъ крѣпостцы,

называемой *Notre-Dame de la Garde*: оттуда, весь городъ, окрестности его, и море до самыхъ Гіерскихъ острововъ, видны какъ въ паноромѣ. Я посѣтилъ также Миланскія аллеи, гдѣ лучшая Марсельская публика ежедневно собирается гулять, и былъ въ госпиталяхъ: тамъ пять прекрасныхъ картинъ, относящихся къ печальнымъ событіямъ прежняго времени. Одна картина, *Давидова*, представляетъ три періода чумы; другая, *Жерарова*, изображаетъ чуму 1720 года: въ ней видѣнъ почтенный Архіепископъ Бельзѣнскъ, раздающій бѣднымъ хлѣбъ. Я почитаю эту картину однимъ изъ лучшихъ произведеній знаменитаго художника. Третья, *Павла Герена*, представляетъ Барселонскую желтую лихорадку; четвертая, *Виншонова*, опять Марсельскую чуму. Наконецъ, пятая, *Горациа Вернета*: тутъ видѣнъ фрегатъ *Мельпомена*, на которомъ свирѣпствуетъ холера. Превосходный барельефъ изъ бѣлаго мрамора, работы Пюже, представляетъ ту-же Марсельскую чуму; въ немъ замѣчательна фигура Св. Карла Борромео.

На другой день, въ 5 часовъ утра, я пошелъ въ контору дилижансовъ. Дождь лилъ ливнемъ, и темнота была такъ велика, что если-бъ не безпре-

рывная молнія, то я не могъ-бы идти по улицѣ. Кое-какъ добравшись до дилижанса, я занялъ въ немъ свое мѣсто, напередѣ (въ соупр), и благополучно пустился въ путь. Со мной сидѣли, рядомъ, Марсельскій негоціантъ, и морской офицеръ Г-нъ де Коедикъ, молодой, любезный, и очень образованный человекъ.

Около Марсели сторона, можно сказать, грустная. До самаго дня выѣзда нашего стояла засуха: трава выгорѣла, луга помертвѣли; поля, усаженные оливковыми деревьями, не придавали живости картинѣ, отъ того что зелень на нихъ была блѣдная. Въ Эсѣ (Aix), хорошенькомъ городкѣ, на берегу быстрой рѣки Аркъ, я замѣтилъ, что дилижансъ нашъ везла одна пара лошадей; а ѣхали мы безпрестанно большой рысью. Лошади были двѣ кобылицы, вершковъ по 6-ти, широкія, плоскокрупныя, и по росту довольно чистыя. Сила и рысь ихъ такъ прельстила меня, что я спросилъ у кондуктора, откуда они достаютъ этихъ лошадей? Онъ сказалъ мнѣ, что ихъ покупаютъ въ Швейцаріи, и что онѣ обходятся имъ по 800 франковъ. Я подумалъ было купить пару, но размыслилъ, что проводъ въ Россію обойдется во

столько-же. Да и кому поручить ихъ дорогой? Все это меня остановило, и я съ сожалѣніемъ покинулъ свое намѣреніе, хотя увѣренъ, что могъ-бы вывести отъ нихъ рысаковъ и упряжныхъ лошадей, гораздо превосходяще тѣхъ, которыхъ намъ приводятъ изъ Голландіи и Фрисланда. Оргоны, на Дюрансѣ, небольшой городокъ, окруженный богатыми насажденіями оливковыхъ деревьевъ; но мѣстоположеніе его скучно. На окрестныхъ горахъ почти совсѣмъ не видно зелени, а которая и есть, то была совершенно покрыта пылью; дождь однакожъ немного омылъ и освѣжилъ землю. Берега Дюрансы живописны; они напоминаютъ трубадуровъ и добраго короля Рене. Отъ Оргона къ Авиньону природа перемѣняется; все принимаетъ другой видъ: это страна прекрасная и богатая; повсюду видно изобиліе; крестьяне зажиточны и довольны. Кромѣ оливковыхъ деревьевъ, тутъ уже есть шелковица и виноградъ. Жители веселы, и на лицахъ ихъ видна увѣренность, какую всегда даетъ изобиліе и довольство.

Едва въѣхали мы въ Авиньонъ, какъ у нашей кареты изломалось колесо: надо было остановиться и нѣсколько времени простоять. Я не жалѣлъ

объ этомъ: городокъ понравился мнѣ своимъ видомъ, и задержка наша давала мнѣ возможность разсмотрѣть его. Онъ обнесенъ вокругъ каменными зубчатыми стѣнами. Внутри города прекрасный бульваръ, усаженный огромными каштановыми и другими деревьями: это невольно напомнило мнѣ комедію: *Глухой, или полный трактиръ*, въ которой я нѣкогда такъ хохоталъ, глядя на *Даньера*. Рѣка Рона протекаетъ въ городѣ, гдѣ есть черезъ нее мостъ; она не широка, но удивительно быстра. Мы обѣдали въ гостинницѣ, подъ выѣскою *Пале-Рояля*. Народъ въ Авиньонѣ грубъ и дерзокъ; не удивительно, что Маршалъ Брюнъ сдѣлался жертвой его неистовства, въ 1815 году. Въ этомъ городѣ чужеземецъ долженъ вести себя очень осторожно. Храбрый Маршалъ былъ убитъ въ томъ самомъ трактирѣ, гдѣ мы остановились, но я не похваляюсь, какъ многіе другіе путешественники, что ночевалъ именно въ той комнатѣ, гдѣ совершилось убійство. Въ стѣнахъ ея еще замѣтны слѣды пули!—Молодая и прекрасная хозяйка дома живетъ въ этой комнатѣ.

Я ходилъ смотрѣть бывший Папскій дворецъ, обширное, неправильное зданіе XIV-го вѣка,

офланкированное высокими укрѣпленіями. Оно оканчивается вверху домовою церковью, прекраснаго Италіянскаго вкуса, украшенною живописью знаменитаго художника Мемміа. Я разсмѣлся, прочитавъ надъ дверями церкви надпись : *Памятникъ древній и любопытный*. Для кого это извѣщеніе? Хорошо, что не только глупо, но и смѣшно. Внутренность церкви украшена пиластрами. Въ ней хоры, съ прекрасною рѣзбою, и два придѣла: въ одномъ изъ нихъ гробница Папы Іоанна XXII-го. Придѣлы эти истинное сокровище архитектуры: одинъ конца XIV-го вѣка, а другой начала XIII-го. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ это тяжелое, но важное строеніе, я лазилъ на близстоящую скалу *Des dols* (*даровъ*), откуда наслаждался прелестною панорамой. Супротивъ меня была высокая гора *Ventoux* (*Ванту*), покрытая снѣгомъ, и цѣпь Альпійскихъ горъ, совершенно синихъ и занимающихъ большое пространство; передо мною развивалась длинная долина, которую роетъ теченіемъ своимъ Рона, усыпанная множествомъ зеленыхъ острововъ. Черезъ рѣку перекинуть древній Римскій мостъ Св. Венезета, полузатопленный и защищенный посредию зубчатыми

воротами. На востокъ видѣлся старый городъ , съ многочисленными своими колокольнями , а на полдень, на противоположномъ покатѣ, были замѣчательныя башни новаго города, *Ville-Neuve-les-Avignon*.

Видъ Авиньона чрезвычайно любопытенъ. На всякомъ шагу встрѣчаются дома , которыхъ стѣны покрыты арабесками, великолѣпныя палаты съ рѣзными украшеніями и маскаронами , во вкусѣ Микель-Анджело. Я смотрѣлъ также расхваленныя мнѣ фрески Городовой ратуши, но они очень дурны, даже скверны.

Въ Авиньонѣ есть музей , довольно богатый Римскими древностями. Я замѣтилъ въ немъ прекрасную картину очаровательнаго Альбана, Караваджіеву, блистающую колоритомъ , хорошаго Теньера, и Мазепу Горація Вернета.

Въ этомъ городѣ не видно ничего Французскаго. Видъ его напоминаетъ цвѣтуція времена исторіи Испанскихъ или Сицилійскихъ Мавровъ ; а нравственное состояніе такое-же какъ въ Италіи время Петронія , или постыдной эпохи Борджіевъ: алмазь снаружи, навозъ внутри.—Улицы въ городѣ узки, кривы , вымощены острыми кремня-

ми. Въ окошкахъ видно множество женскихъ фигуръ, манящихъ къ себѣ прохожихъ.

Исторія Авиньона чрезвычайно любопытна, но я не могу распространяться о ней. Извѣстно, что Папы, во время продолжительнаго своего пребыванія въ Авиньонѣ, чрезвычайно украсили его: построили множество церквей, монастырей, замковъ, и привлекали къ себѣ великихъ художниковъ и стихотворцевъ. Они владѣли этимъ городомъ по 1791-й годъ.

На другой день, рано, дилижансъ нашъ былъ готовъ, и мы пустились далѣе по Парижской дорогѣ. Скоро доѣхали мы до Оранжа. Этотъ городъ не великъ, но красивъ и извѣстенъ тѣмъ, что нѣкогда былъ столицею княжества своего имени: по немъ называлась знаменитая фамилія Оранжскаго или Оранскаго дома изъ которой явилось столько великихъ людей, Статгалтеровъ, а нынѣ Королей Нидерландскихъ. Людовикъ XIV-й приказалъ взять Оранжъ и все княжество присоединилъ къ Французскому королевству. Мы видимъ изъ писемъ Маркизы Севинье, что экспедиція эта была поручена зятю ея, Графу Гриньяну, и потому она описываетъ ее такъ подробно и красно-

рѣчиво, какъ будто дѣло идетъ о Троѣ. Король приказалъ, въ 1673-мъ году, срыть замокъ и укрѣпленія Оранжа. Этотъ городъ построенъ въ обширной долинѣ, при двухъ рѣчкахъ, Оранжъ и Эгъ. Оранжъ былъ извѣстенъ въ самой глубокой древности: его именовали *Arausio Cavaarum*. Плиній называетъ его *Colonia secundanorum*. По паденіи Римской Имперіи онъ достался Готамъ и Бургиньонамъ; потомъ уже Франкамъ Меровесвымъ и Карла Великаго, наконецъ Герцогамъ Бургонскимъ и Арльскимъ, отъ которыхъ перешелъ къ Нѣмецкимъ Императорамъ. Не вдалекѣ отъ городской заставы видѣнъ древній Римскій памятникъ: это триумфальныя ворота; но ученые изслѣдователи не могутъ согласиться, въ какое время и по какому случаю они воздвигнуты. Даже порядочнаго рисунка имъ я не могъ найти въ самомъ Парижѣ, гдѣ старался отыскать его; есть одинъ, въ *Шпоновомъ* путешествіи; но самый лучший, кажется, въ собраніи Бернарда де Монфокона, хотя и тотъ представляетъ одну полуденную ихъ сторону. Ворота эти составляютъ три арки: средняя больше, а двѣ боковыя меньше, и равны одна съ другою; онѣ Коринѣскаго ор-

дена и построены изъ огромныхъ тесаныхъ каменныхъ. Рѣзба, на корнизлахъ, на архивольтахъ и по сводамъ, хорошаго вкуса; на каждомъ фасѣ видны фигуры барельефовъ; но нигдѣ нѣтъ надписи, по которой-бы можно было разгадать, кѣмъ и для чего воздвигнуты эти ворота.

Теперь замѣчательнаго въ Оранжѣ только ситцевыя фабрики, которыя пользуются нѣкоторою извѣстностью.

Во Вторникъ, 25-го числа, прибылъ я въ Монтелимаръ. Я забылъ сказать, что, не доѣзжая этого города, морской офицеръ оставилъ дилижансъ, а на его мѣсто сѣла съ нами мамзель Манеш^{***}, дѣвица очень любезная, лѣтъ 25-ти. Она была сестра богатаго фабриканта въ Ліонѣ, и, погостивши у родственниковъ своихъ въ Марсели, возвращалась къ брату въ Ліонъ. Она была причиною, что я, худо спавши первую ночь, слѣдующую совсѣмъ не могъ заснуть. Милая сосѣдка выпросила у меня дорожную мою, сафьянную подушечку, а я, какъ вѣжливый кавалеръ, не смѣлъ отказать, и она, положивши ее мнѣ на плечо, преспокойно изволила почивать во всю ночь. боясь потревожить ее, смиренно прижался я къ уго-

ку и всю ночь прозѣвалъ въ окошко. Я всегда дивился, съ какою свободою и какъ скоро Французенки знакомятъ : прекрасная спутница моя очень пріятно болтала во всю дорогу, и дѣйствовала съ своей батареею то на право, то на лѣво; но Марсельскій купецъ едва удостоивалъ ее отвѣтомъ: онъ лучше любилъ спать. И такъ, мнѣ одному пришлось отстрѣливаться! Я хоть и сѣверный житель, но начиналъ уже таять отъ пламенныхъ ея полуденныхъ взоровъ и пріветливыхъ рѣчей; къ счастью, мы на другой день, довольно рано поутру, пріѣхали въ Ліонъ: братъ дожидался ея въ конторѣ дилижансовъ, и мы вѣжливо раскланились. Она разсталась со мною, какъ съ человекомъ, съ которымъ никогда не говаривала, и котораго даже никогда не видывала.... Однакожь этотъ эпизодъ заставилъ меня прервать свое путевое описаніе : возвратимся опять въ Монтельмаръ. Этотъ небольшой городокъ принадлежитъ уже къ Дофинѣ. Онъ въ плодородной, изобильной сторонѣ; оливныхъ деревьевъ уже нигдѣ не видно, а произрастаютъ шелковица, виноградъ, прекрасные яворы. Городокъ построенъ при соединеніи двухъ небольшихъ рѣчекъ: *Piubiont* и *Явронъ*, въ

двухъ милахъ отъ Роны. Онъ основанъ знатною фамиліею Графовъ Адемаровъ. На возвышеніи еще видна полураззоренная крѣпость, выдержавшая нѣсколько осадъ, между прочимъ отъ славнаго Адмирала Колинни и не менѣ знаменитаго Коннетабля Ледигера. Мнѣ сказывала милая сосѣдка, и сквозъ зубы подтвердилъ сонный Марсельскій товарищъ, что Монтелимарское вино славится.

Валансъ, довольно значительный городъ, обнесенный стѣнами, также одинъ изъ древнѣйшихъ во Франціи. Во время Плинія Старшаго онъ уже былъ Римскою колоніею. Онъ построенъ на лѣвомъ берегу Роны. Мы только перемѣнили въ немъ лошадей. Я слышалъ, что въ Валансъ производится значительный торгъ кожами и шерстью. Не доѣзжая до него около мили, мы переехали рѣку Дромъ, а подальше быстрый Изеръ, воспѣтый нѣкогда трубадурами. Лошадей перемѣнили въ мѣстечкѣ *Тень (Tain)*, также на лѣвомъ берегу Роны: оно знаменито своимъ виномъ *Эрмитажъ*. Довольно поздно ночью прибыли мы въ Віень. Я очень жалѣлъ, что не могъ порядочно рассмотреть этого города, который при Римлянахъ почитался

столицею почти весь Галлія: замѣтилъ только то, что онъ расположенъ по холмамъ, что въ немъ улицы кривыя, а строенія старинныя. Здѣсь, въ 1311-мъ году, Папа Климентъ V-й созвалъ соборъ, на которомъ находилось 300 Архіепископовъ и Епископовъ, Патріархи Александрійскій и Антиохійскій, Король Французскій Филиппъ Красивый (Philippe le Bel), братъ его и три сына, изъ которыхъ старшій былъ тогда Королемъ Наваррскимъ. На этомъ соборѣ уничтожили навсегда орденъ Кавалеровъ Храма (des Templiers). Вблизи города есть любопытный остатокъ древности: это пирамида, воздвигнутая на четвероугольномъ базисѣ, изъ огромныхъ дикихъ камней, кладенныхъ безъ извести и всякаго цемента. Къ сожалѣнію, за темнотою я не могъ рассмотреть его хорошенько. Отъ Віена до Ліона, куда мы пріѣхали 26-го числа въ 7 часовъ утра, дорога шла все по берегу Роны.

Ліонъ, послѣ Парижа важнѣйшій и многолюднѣйшій городъ Франціи. Во время революціи, осада, истребленіе жителей террористами, и бѣгство многихъ гражданъ, привели-было его въ самое жалкое положеніе, и убавили больше половины жите-

лей, которыхъ считалось до 160-т. человекъ; но въ правленіе Наполеоново городъ быстро обновился: торговля и мануфактуры его процвѣли снова, разрушенныя зданія поправлены, многія построены вновь, и теперь Ліонъ опять можетъ почитаться однимъ изъ первыхъ городовъ, не только во Франціи, но и въ Европѣ.

Онъ первоначально основанъ, въ 712-мъ году Рима, Луціемъ Мунаціемъ Планкомъ, бывшимъ въ этотъ годъ Консуломъ, вмѣстѣ съ Эмилиемъ Лепидомъ. Городъ былъ застроенъ на горѣ и на берегу Саоны, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ Рону. Но имя городу дано не Латинское, а туземное Галльское: его называли *Лугдуніа*, что значило *Ворокова гора*. Онъ скоро расширился, протянулся по холмамъ береговъ Саоны, и сталъ большимъ торговымъ городомъ. Императоръ Августъ сдѣлалъ его столицей. Кельтики, которая съ того времени называлась Лугдунскою областью. Изъ Ліона, главной западной крѣпости Римлянъ, Агриппа началъ всюду военныя дороги Галліи, какъ потому, что здѣсь сливались двѣ большія рѣки, Рона и Саона,

такъ и по удобству сообщенія со всѣми частями Галліи. Ничего не могло быть величественнѣе храма, воздвигнутаго тутъ Августу, шестьюдесятью народами Галліи: каждый изъ нихъ поставилъ статую для украшенія жертвенника ему. Послѣ истребившаго городъ пожара, Неронъ не только возобновилъ его, но увеличилъ и болѣе прежняго украсилъ. Теперь здѣсь мало остатковъ древности: отъ древняго водопровода остается одинъ резервуаръ, отъ развалинъ театра, на горѣ Сентъ-Жюсть, нѣсколько сводовъ и кучи камней. Дворецъ Императоровъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ былъ Визитандинскій монастырь. Когда въ V-мъ столѣтіи Галлія подверглась набѣгу и завоеванію варваровъ, Ліонъ былъ взятъ Бургонцами. Потомъ часто перемѣнялись владѣтели страны. Епископы Ліонскіе усилились и стали оспаривать власть у государей. Наконецъ жители принудили своихъ прелатовъ прибѣгнуть къ покровительству Королей Французскихъ и подчиниться ихъ власти. Но и донынѣ Архіепископъ Ліонскій пользуется большими отличіями: онъ называется Примасомъ всей Галліи. Ему подчинялись, кромѣ Ліонской епархіи,

Турская, Сенская и Парижская. Прежде онъ получалъ до 150 т. франковъ годового дохода.

Лионъ, по мѣстоположенію своему, имѣетъ преимущество передъ большею частью другихъ городовъ Франціи. Онъ на двухъ судоходныхъ рѣкахъ, близко отъ границъ Нѣмецкой земли, Швейцаріи, Италіи, и пользуется этимъ для сбыта своихъ мануфактурныхъ издѣлій, особливо съ тѣхъ поръ какъ ихъ освободили отъ всякой вывозной пошлины. Главная его промышленность: шелковыя ткани всякаго рода. Лионскія фабрики употребляютъ по большей части туземный шелкъ. Красильни здѣшнія доведены до высшей степени совершенства. Узорами для ткачей занимаются особые художники, и безпрестанно изобрѣтаютъ новые рисунки. Сверхъ того, въ Лионѣ ни одинъ фабрикантъ не смѣетъ уменьшить доброты своихъ издѣлій: тамъ положено, сколько вѣсу должно быть въ кускѣ атласа, тафты, золотой или серебряной парчи, и проч. За этимъ строго смотрятъ, и отъ того Лионскія издѣлія всегда лучше и дороже другихъ. Англія не можетъ въ этомъ соперничать съ Франціею, потому что у Англичанъ нѣтъ своего собственнаго шелка: они дол-

жны выписывать его изъ другихъ государствъ, и продавать товаръ свой дороже, или работать его въ ниспей добротѣ. Конечно, и Ліонскіе фабриканты употребляютъ Персидскій, Индійскій и Италіанскій шелки, но перемѣшивая со своимъ, и то въ маломъ количествѣ. Притомъ, Италіанскій шелкъ, по сосѣдству, обходится имъ дешевле чѣмъ Англичанамъ. Главные предметы, выработываемые въ Ліонѣ: парчи разнаго рода, галуны, золотыя кружева, ленты, всякаго рода шелковыя матеріи, бархаты, штофы, брокатели, атласы, тафты и проч. Въ городѣ есть и другаго рода фабрики: шляпныя, суконныя, ножевыя, оружейныя, мыловарни и проч. Типографіи въ Ліонѣ также занимаются дѣятельно печатаніемъ дешевыхъ изданій.

Я имѣлъ случай осматривать двѣ знаменитѣйшія изъ здѣшнихъ фабрикъ, и восхищался совершенствомъ машинъ и всего производства. Вообще промышленность и торговля здѣсь такъ значительны, что поддерживаютъ и даже обогащаютъ всю страну; небольшіе сосѣдніе города и селенія участвуютъ въ этомъ. Въ иномъ мѣстѣ разматываютъ шелкъ, въ другомъ прядутъ шерсть;

тамъ слесарныя заведенія для Ліонскихъ машинъ, здѣсь огороды для снабженія мастеровыхъ овощами: однимъ словомъ, Ліонъ обогащаетъ всю сосѣдственную страну. Берега Саоны славятся своими виноградинами и винами; каштаны здѣшняго уѣзда развозятъ всюду, и даже снабжаютъ ими столицу. Овощи Ліонскіе, особенно дыни, славны по всей Франціи.

Я остановился въ Миланскомъ трактирѣ, на площади *Теро* (Place des Terreaux), и нанялъ криваго лонъ-лакея *Бажоле*. Ему было 70 лѣтъ, но онъ отличался расторопностью, зналъ всѣхъ и все, и безпрестанно рассказывалъ что мнѣ было надобно.

Не смыкавши глазъ двѣ ночи, я былъ радъ, прежде всего, уснуть, и проспалъ до вечера. Потомъ, одѣвшись, бродилъ по улицамъ и зашелъ въ театръ (Théâtre du Gymnase). И тутъ неудача! Шумъ и крикъ не давали ничего слышать: иной свищетъ въ какой-то свистокъ, другой ругаетъ его, тамъ хлопаютъ, тутъ шикаютъ!... Я не понималъ о чемъ идетъ дѣло, и чего они хотятъ? По несчастью, я сидѣлъ въ ложѣ одинъ, и спросить было не у кого. Вторая пьеса совер-

шенно упала: ея не дали доиграть. Это такъ мнѣ надоѣло, что я рѣшился уйдти; мнѣ-же надобно было писать въ Парижъ и въ Россію, и я возвратился домой.

На другой день, рано, я нанялъ открытое ландо, и отправился съ кривымъ своимъ чичероне осматривать городъ. Строенія вообще хороши, дома почти всё въ три, четыре этажа, не считая нижняго, гдѣ лавки и магазины, богато снабженные товарами и красиво убранные, а по вечерамъ хорошо освѣщенные, что составляетъ прекрасный видъ. Магазины здѣшніе богатствомъ мало уступаютъ Парижскимъ. Улицы въ Ліонѣ не широки и вымощены мѣлкимъ камешникомъ, очень безпокойнымъ для ходьбы. Въ городѣ есть двѣ обширныя и прекрасныя площади. Первая Белькурская, или Людовика Великаго, гдѣ воздвигнуть бронзовый монументъ Людовику XIV-му. По сторонамъ площади находились прежде еще двѣ, также бронзовыя статуи, изображающія, одна рѣку Рону, а другая Саону. Теперь онѣ сняты съ своихъ мѣстъ и поставлены въ сѣняхъ Городовой ратуши, гдѣ я ихъ и видѣлъ.

Вторая площадь, *de Terreaux*, на которой я

жилъ, очень пространна: она имѣетъ фигуру правильного параллелограма. Главнымъ украшеніемъ ея служитъ великолѣпное зданіе Городовой ратуши. Набережная *Рецова* (de Retz) достойна особеннаго замѣчанія. Тамъ видно все великолѣпіе Ліона. Кромѣ огромныхъ и прекрасныхъ домовъ, украшающихъ ее, одинъ госпиталь, *Hôtel-Dieu* , можетъ служить образцомъ богатства и величія новой архитектуры.

Любопытный путешественникъ долженъ также осмотрѣть молебную (chapelle) Гонзалоуэровъ (гдѣ я нашелъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ), и городовую библіотеку, замѣчательную по множеству и хорошему выбору книгъ, такъ-же какъ по обширности самаго строенія. Театръ Ліонскій одинъ изъ прекраснѣйшихъ во Франціи. Академія здѣшняя , составленная , по примѣру Французской, изъ 40 непремѣнныхъ членовъ, занимается тѣми-же предметами какъ и Парижская. Въ Ліонѣ родились многіе , знаменитые въ разныхъ родахъ люди ; таковы , на примѣръ, Императоръ Клавдій, сынъ Друзовъ, Сидоній Аполлинарій, славный Епископъ и писатель V-го вѣка; изъ новѣйшихъ : Терасонъ, Де Бозъ, Спонъ и многіе

другіе ученые люди. Славные художники, ваятели два брата *Кусту* и *Кузевосъ*, живописцы *Стелла* и *Вивіенъ*, всѣ уроженцы Ліонскіе.

Въ этотъ-же день, послѣ обѣда, ѣздилъ я смотреть желѣзную дорогу, ведущую изъ Ліона въ Сентъ-Этьенъ. Ее устроило частное общество, на акціяхъ. Предпріятіе это непременно имѣло-бы успѣхъ, и доставило-бы значительные барыши обществу, если-бы дорога была сдѣлана тщательно и благоразумнѣе. Разстояніе между Ліономъ и Сентъ-Этьенемъ 48 верстъ, по прямой-же линіи, гдѣ проложена желѣзная дорога, гораздо меньше. Для этого во многихъ мѣстахъ прорыли горы и провели дорогу сквозь подземныя галлерей. Главный предметъ перевоза : каменный уголь, который вырываютъ въ Сентъ-Этьенскихъ пріискахъ, и въ которомъ всегда необходимая надобность на Ліонскихъ мануфактурахъ. Первое общество, устроившее дорогу, обанкрутилось, и продало свою привиллегію другому, которое исправило поврежденія во многихъ мѣстахъ и продолжаетъ перевозку угля; но и теперь часто бываетъ остановка, отъ неисправности дороги. Тщательно разсматривая это обстоятельство, и проѣхавъ самъ

по дорогѣ, я легко догадался, что общество, волею или неволею придерживаясь бережливости, не сдѣлало твердаго фундамента подѣ желѣзные рельсы, по которымъ идутъ колеса, отъ чего они во многихъ мѣстахъ искривились, а въ другихъ дѣлаютъ упоръ колесу; и часто опрокидываютъ коляски. Кромѣ того, желѣзо рельсовъ ломко и не довольно толсто. Дорога эта не прочна, и, по мнѣнію моему, должна быть снова передѣлана.

Возвращаясь, я переѣхалъ черезъ Лафайетовѣ мость, и хотѣлъ-было гулять по прекрасной чинаровой аллеѣ; но проливной дождь принудилъ меня укрыться въ карету. Я отправился въ Большой театръ. Зала прекрасная; бѣнуаръ и три этажа лож не уступаютъ обширностью и убранствомъ лучшимъ Парижскимъ театрамъ. Мнѣ сказали, что въ этотъ день я увижу зрѣлище необыкновенное: давали жизнь Наполеона въ картинахъ. Декораціи для этого представленія подвижны; онѣ долго восхищали Парижскую публику, и когда очень приглядѣлись тамъ, то были проданы за большую цѣну Ліонскому директору театра. Но здѣсь онѣ еще въ полной мѣрѣ восхищаютъ публику и даютъ много денегъ. Когда

поднимается занавѣсъ, вы видите отрядъ Французскаго войска, на бивакѣ посреди Пиемонтскихъ горъ. Бонапарте принялъ начальство надъ Итальянскою арміею. Онъ является передъ отрядъ; но его почти совсѣмъ не знаютъ. Меня поразило сходство актера, въ поступи, въ ухваткахъ и костюмѣ, съ Наполеономъ. Живопись на декорациіи превосходная: горы и пейзажъ точно какъ въ природѣ. Генералъ дѣлаетъ свои распоряженія; адъютанты скачутъ съ приказаніями; войска выстраиваются въ колонны и уходятъ со сцены. Скоро вы слышите выстрѣлы; завязывается жаркое дѣло; Французы ретируются, за ними едутъ Сардинцы; сраженіе продолжается на самой сценѣ. Вдругъ скачетъ Наполеонъ, за нимъ адъютанты, отрядъ кавалеріи: они опрокидываютъ, гонятъ непріятеля. Стукъ отъ скачущихъ по сценѣ лошадей, крикъ солдатъ при появленіи начальника, ужасная стрѣльба, пороховой дымъ, вдругъ наполнившій залу, рукоплесканія зрителей, совершенно меня оуманили. Но сцены и декорациіи безпрестанно перемѣняются, и вы видите постепенно всѣ главныя эпохи Наполеоновой жизни! Вы переноситесь въ Египетъ, видите пирамиды, Каиръ,

тамошніе костюмы , засѣданіе дивана , и все это выражено съ строгою точностію. Я упомяну только о нѣкоторыхъ главныхъ картинахъ , достойныхъ особаго замѣчанія. Напримѣръ свиданіе Императора Александра съ Наполеономъ на Нѣманѣ. Павильонъ среди рѣки , сближеніе двухъ Государей , ихъ свита , все изображено и представлено съ историческою точностію. Странно, однако это истина , что и нашъ Государь былъ сходенъ: актеръ, представлявшій его , былъ того самаго роста, такой-же цвѣтомъ волосъ и лицомъ; прибавьте тотъ-же костюмъ, и вы сознаетесь, что въ нѣкоторомъ разстояніи обольщеніе совершенно. Признаюсь , я восхищался , и переходилъ мысленно къ временамъ и событіямъ минувшихъ лѣтъ. . . . Но обратимся къ самой удивительной картинѣ : это коронація Наполеонова въ Парижѣ. Вы видите Императора и Императрицу , сходящихъ съ крыльца Городовой ратуши и сажащихся въ карету, запряженную въ восемь прекрасныхъ лошадей. Карета, шоры, костюмы кучера и лакеевъ , соблюдены въ точности ; свита, дворъ, войско, народъ, все тутъ. Крики: Да здравствуетъ Императоръ ! оглушаютъ. Но вотъ чудо: кучеръ

хлопнулъ бичемъ , и карета , кажется , тронулась съ мѣста , лошади идутъ , или пѣфируютъ ; вы слѣдуете глазами за экипажемъ ; онъ вѣзжаетъ въ другую улицу.... Тутъ уже новые предметы: другіе дома, другое войско , которое стоитъ по обѣ стороны улицы , другія украшенія. Шествіе продолжается , и вы проходите съ нимъ , такимъ образомъ , отъ Городовой ратуши до соборной церкви , гдѣ должна происходить коронація : не забудьте , что это версты полторы разстоянія , что декораций , кажется , не мѣняли , что карета безпрестанно ѣхала въ глазахъ вашихъ , и свита , конная и пѣшая , слѣдовала за нею , а театръ обыкновенный. Какъ-же это дѣлалось?... Декорации , почти невидимо и нечувствительно , развивались , а зрителямъ казалось , что процессія переходила на другія мѣста. Выразить и описать это очень трудно ; но это . восхитительно и очаровательно. Картина смерти Наполеоновой на островѣ св. Елены , трогательна. Далѣе видите его похороны ; наконецъ , онъ въ Елисейскихъ поляхъ , окруженъ своими сподвижниками. Тутъ также скала и море ; вдругъ появляется челнокъ : на немъ несется молодой Герцогъ Рейхштатскій ; онъ простираетъ руки

къ отцу ; Наполеонъ стремится принять его въ объятія, и занавѣсь упадаетъ !

На другой день , въ Субботу 29 числа , въ шесть часовъ утра , я сѣлъ въ дилижансъ и по-скакалъ въ Парижъ.

Первое нѣсколько замѣчательное мѣстечко по дорогѣ, *Тараръ* , на рѣкѣ Тардивѣ. Оно построено у подошвы высокой горы , чрезъ которую идетъ дорога. Теперь гору срыли , такъ , что она довольно поката. Далѣе проѣзжали мы чрезъ *Роанъ* (Roanne), небольшой, но очень древній городокъ на рѣкѣ Луарѣ, которая только здѣсь дѣлается судоходною. Городъ довольно населенъ и хорошо выстроенъ ; торговля въ немъ значительна, потому что здѣсь грузятся всѣ товары, приходящіе изъ Ліона , Лангедока , Прованса, и даже съ Востока. Отсюда, Бріарскимъ каналомъ, спускаются они въ Парижъ. Чрезъ *Лапалмъ* (La Palisse), маленькое мѣстечко на рѣкѣ Безбре , гдѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго , проѣхали мы въ *Муленъ* (Moulins). Это городъ не древній, но обширный и хорошо выстроенный; улицы въ немъ широкія и прекрасно вымощены. Полагаютъ , что онъ названъ отъ большаго числа

находящихся въ немъ мѣльницъ (moulins). Въ немъ протекаетъ рѣка *Алле* (l'Allier), чрезъ которую перекинутъ великолѣпный мостъ въ 13 арокъ. По берегу рѣки устроено прекрасное гулянье (sours). Ножевыя фабрики города Мулена извѣстны во всей Европѣ. Въ окрестностяхъ города находятся ключи минеральной воды. Вся эта сторона изобильна и прекрасна. Городъ Муленъ, находясь почти въ средоточіи государства, пользуется выгодною торговлею.

Неверъ, гдѣ считаютъ до 8000 жителей, хорошенькій городъ, построенный амфитеатромъ на берегу Луары, чрезъ которую построенъ каменный мостъ. Онъ славится своими фарфоровыми фабриками. Изъ Невера приѣхали мы въ *Монтаржисъ*, принадлежность или удѣлъ Орлеанской фамиліи. Людовикъ XIV-й отдалъ его со всѣмъ округомъ брату своему Филиппу. Городъ лежитъ на рѣкѣ *Луанъ* (Loing), и воды ея поддерживаютъ Монтаржискій каналъ, составляющій продолженіе Бриарскаго, который соединяетъ Сену съ Луарой. Этотъ знаменитый каналъ былъ начатъ стараніями Сюлли; но работы прерывались нѣсколько разъ, и наконецъ совершенно окончены только

въ 1720-мъ году. Нынѣ въ Монтаржисѣ 8000 жителей, хотя прежде ихъ было вдвое больше. Знаменитая госпожа Гіонъ урожденка здѣшняго города. Она извѣстна своею набожностію, своими сочиненіями и несчастіями. Ея сочиненія поссорили двухъ великихъ людей вѣка Людовика XIV-го: Боссюэта и Фенелона. Послѣдній даже претерпѣлъ изгнаніе и королевскую немилость, вступаясь за мнѣнія Г-жи Гіонъ.

Черезъ Немуръ, древній, но небольшой городъ, пріѣхали мы въ два часа обѣдать въ Фонтенбло. Городокъ этотъ самъ собою ничего не значитъ; вокругъ него поля устланы черными камнями, грунтъ повсюду песчаный, и горы, почти голыя; но онъ важенъ своимъ лѣсомъ, подъ которымъ 27 тысячъ Французскихъ десятинъ (arpens). Лѣсъ пересѣкается множествомъ аллей, и посреди него есть поля. Все это приспособлено для королевскихъ охотъ, псовой, соколиной, и проч. Французскіе Короли, начиная съ Франциска 1-го, пріѣзжали сюда, со всѣмъ дворомъ своимъ, обыкновенно осенью, для охоты. Вотъ почему великолѣпный и можно сказать единственный въ своемъ родѣ здѣшній дворецъ, былъ начатъ еще при

Людовикъ VII-мъ , въ 1169-мъ году , и потомъ
 безпрестанно увеличиваемъ его преемниками, Ген-
 рихомъ IV-мъ, Людовикомъ XIII, XIV и XV-мъ,
 которые всѣ украшали и распространяли его ,
 такъ что теперь въ немъ считается 900 комнатъ:
 онѣ заключаются въ четырехъ корпусахъ , соста-
 вляющихъ каждый какъ-бы отдѣльный дворецъ. Я
 не могу описывать расположенія и великолѣпнаго
 убранства комнатъ ; не лѣзя однакожь не упомя-
 нуть объ Оленьей залѣ : она болѣе чѣмъ на сто
 шаговъ въ длину, и прекрасно расписана лучши-
 ми мастерами. Картины представляютъ главные
 дворцы или загородные дома Королей Француз-
 скихъ, и охоты Генриха IV-го. Тутъ на каждомъ
 оленѣ, или дикой козѣ, придѣланы, съ большимъ
 искусствомъ, настоящія ихъ рога , а подъ карти-
 ной подписано, гдѣ была охота, и какимъ Коро-
 лемъ убитъ изображенный звѣрь. Фонтенблоскій
 дворецъ замѣчателенъ еще по многимъ историче-
 скимъ воспоминаніямъ. Въ немъ родились Короли
 Филиппъ Красивый (Philippe Le Bel) и Генрихъ
 III-й. Въ описанной мною Оленьей залѣ , Швед-
 ская Королева Христина, въ 1654-мъ году, прика-
 зала заколоть Шталмейстера своего Мональдески.

Въ 1762-мъ году подписанъ въ Фонтенбло миръ между Франціей и Англіей. Но самое важное событіе: это отрѣженіе отъ престола, подписанное здѣсь Наполеономъ, послѣ взятія Императоромъ Александромъ Парижа, въ 1814-мъ году. Одинъ кабинетъ Наполеона, гдѣ совершилось это великое событіе, заслуживаетъ, чтобы путешественникъ остановился здѣсь: онъ не станетъ смотрѣть на убранство комнатъ, на богатство украшеній, не помыслить о Людовикахъ XIV-мъ и XV-мъ, о роскоши ихъ и любимицахъ, прославляемыхъ въ современныхъ запискахъ. Онъ задумается и принужденъ будетъ сказать: *Sic transit gloria mundi*.

Послѣдній городокъ къ Парижу Корбель (Corbeil). Онъ только въ 28-ми верстахъ отъ столицы, на рѣкѣ Сенѣ, при впаденіи въ нее рѣки Эссонны (Essonne). Корбель мѣстечко небольшое, но знаменитое выдержанными имъ осадами. Въ 1418-мъ году, тщетно Герцогъ Бургонскій старался взять его; Кальвинисты также безуспѣшно осаждали его въ 1568-мъ году. Но Герцогъ Пармскій овладѣлъ имъ въ 1590-мъ году. Дорога отсюда къ Парижу прекрасная; но я не могъ хорошенько

видѣть окрестностей Парижа съ этой стороны, потому что вскорѣ совершенно смерклося, и я въѣхалъ въ столицу Франціи ровно въ полночь, во Вторникъ 4-го Сентября. Контора дилижансовъ была въ улицѣ *Notre-Dame des Victoires*, противъ самой гостиницы, въ которую я тотчасъ и отправился ночевать, не желая тревожить, въ такую пору, давно ожидавшихъ меня жену и родныхъ моихъ.

ГЛАВА IX.

ПАРИЖЪ.

На другой день , рано поутру , я отправился къ своимъ: они жили въ улицѣ Faubourg St-Honoré ; но я засталъ тамъ только одного Г-на Жюльвекура. Онъ сказалъ мнѣ, что жена моя живетъ вмѣстѣ съ его женою на дачѣ , верстахъ въ 42-ти отъ Парижа. Мы позавтракали и отправились къ нимъ , въ *Шато дю Марс* (принадлежащій Графу Рессегье), на рѣкѣ Сенъ , между Аржентелемъ и Безономъ. Проѣзжать надобно было черезъ Нёли, гдѣ жилъ тогда Король Людовикъ-Филиппъ : мѣстоположеніе пріятное , но вообще плоское, которое, признаюсь , я худо и разсмо-

трѣлъ въ этотъ разъ, волнуемый нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть и обнять жену и дочь. Меня въ этотъ день еще не ждали. . . Взаимную радость нашу, послѣ долгой разлуки, я не стану описывать. Вскорѣ начались распросы о моихъ походахъ, и отвѣты не успѣвали за ними: Какъ жилъ? что видѣлъ въ Константинополѣ? въ Азіи, въ Греціи, въ Африкѣ, въ Италіи? Всего лучше то, что я нашелъ своихъ совершенно здоровыми, тогда какъ оставилъ жену въ Москвѣ больную, зная, что и дочь наша была больна. Тутъ пошли уже ихъ рассказы о многихъ безуспѣшныхъ леченіяхъ, и наконецъ о чудѣ, произведенномъ надъ ними гомеопатіею, объ искуствѣ доктора Виденгорна, и проч.

Мы очень пріятно прожили въ Шато дю Маре недѣлю; ѣзжали въ Парижъ, и каждый разъ возвращались ночевать на дачу; иногда посѣщали въ Аржантёлѣ сельскіе праздники, которые простою своею и непринужденною веселостію мнѣ нравились. Вообще Французы страстные танцовщики; на примѣръ, тутъ кадрили и вальсы составлялись изъ солдатъ, ремесленниковъ и молодыхъ крестьянъ; Аржантёльскія дѣвушки, молодыя

ремесленницы и сосѣднія ихъ подруги, вообще чисто одѣтыя и прекрасно обутыя, танцовали съ ними. Я замѣтилъ, что наша кухарка отличалась тутъ-же, а больше всего удивило меня, что три горничныя дѣвушки наши, Русскія, никогда не учась, порядочно танцовали, и уже болтали кое-что по-Французски. Онѣ были не дурны собой, и Французы увивались около нихъ, называя ихъ *les demoiselles Russes*. Праздники эти шумны, но благопристойны, и если когда бываетъ на нихъ ссора, то всегда за неучтивость (часто неумышленную) противъ дамъ: кавалеръ непременно вступится, и дѣло доходитъ иногда до драки. Между солдатами бываютъ и дуэли, но очень рѣдко: почти всегда старики вмѣшиваются и примиряютъ. Я самъ попался-было здѣсь въ бѣду, хоть не на балѣ. Вотъ какимъ образомъ.

Съ женою моею пріѣхала лечиться въ Парижъ родственница наша, Русская дѣвица В. И. К. . . Хотя гомеопатія почти совершенно вылечила ее, но у нея еще оставалась нервическая слабость, и чудесный нашъ докторъ Виденгорнъ предписывалъ ей умѣренное движеніе и совершенное спо-

койствіе духа. Однажды , когда жена моя , дочь и зять уѣхали въ Парижъ , она рѣшилась гулять пѣшкомъ , и я пошелъ съ нею. Мы уже возвращались домой , по берегу Сены , какъ она сказала мнѣ , что хочетъ пить. Мы были въ виду нашего дома , и я уговаривалъ ее потерпѣть; но она сказала , что сорветъ одну кисточку винограда. Я не предвидѣлъ въ этомъ ни малѣйшей бѣды , тѣмъ болѣе , что , когда мы хаживали передъ виноградникомъ , крестьянки сами подчивали насъ , и просили рвать винограду сколько угодно. Но едва спутница моя сорвала кисточку , конечно ягодъ въ десять , не больше , какъ вдругъ выскочилъ откуда-то сторожъ , въ красномъ калпакѣ , съ копьемъ въ рукахъ , и схватилъ мою дѣвицу , говоря: «Ступай за мной къ Меру.» Надобно знать , что Меръ деревушки этой былъ Маршалъ Викторъ , Герцогъ Беллунскій. Я долженъ былъ вступить за преступницу , и сказалъ сторожу , что онъ неѣжа , что съ дамами такъ не обходятся. На это онъ мнѣ отвѣчалъ : Кто воруетъ виноградъ , дама или мужчина , все равно , а онъ представленъ сторожемъ , присягалъ вѣрно стеречь , и отведетъ ее подъ караулъ. Тутъ подоспѣлъ

другой сторожъ , въ такомъ-же костюмѣ ; этотъ кричалъ еще громче перваго. По несчастію , со мной не было ни гроша денегъ. Я рѣшился твердо отвѣчать имъ , что не допущу ихъ до насилія , и они должны тотчасъ отпустить мою спутницу ; что виноградъ сорвалъ я , и иду съ ними куда хотятъ , но что лучше всего дойти со мной до замка *Du Marais* , гдѣ я живу ; что замокъ этотъ въ виду , и тамъ я ихъ удовлетворю , какъ имъ угодно. Они , спросивши еще точно-ли я тамъ живу , наконецъ согласились провожать меня до воротъ. Во все время этой непріятной сцены , В. И. К. . . . не говорила ни слова , и я замѣтилъ , что она была жестоко поражена такимъ нечаяннымъ происшествіемъ , однако шла со мной довольно твердо. Проводя насъ до воротъ , красивые калпаки пошли назадъ ; я просилъ ихъ остаться и расцѣлиться со мною , но они сказали : Дѣло не въ деньгахъ ; а завтра Меръ непременно вытребуешь меня къ суду. — Явлюсь , безъ сомнѣнія ; а вы убирайтесь ! — Они пошли. Я , между тѣмъ , послалъ въ Парижъ за докторомъ , потому что бѣдная преступница моя занемогла серьезно , и докторъ , увидя ее , сказалъ намъ :

« Все леченіе пошло на вѣтеръ ! Надо начинать снова мѣсяца на два. »

На другой день я получилъ отъ Маршала Виктора письмо, гдѣ онъ очень вѣжливо совѣтовалъ мнѣ, для избѣжанія непріятностей, сдѣлаться съ сторожами, которые уже готовы на то. И такъ дѣло кончилось, безъ торгу, на 40-ка копѣйкахъ, что составитъ нашихъ два рубля. По совѣсти, я не могу обвинить сторожей: если сами хозяева насъ подчивали, въ этомъ была ихъ воля; но когда настало время снятія винограда, то сторожа бдительно берегутъ его. Слѣдовательно, они исполнили въ точности свою обязанность. Кто скажетъ, что сорвано было только десять ягодокъ, тому можно отвѣчать, что по десяти ягодокъ скоро опустошатъ и весь виноградникъ, если только допустить это. Однакожь происшествіе для меня было тѣмъ непріятнѣе, что бѣдная родственница моя опять надолго захворала.

Дача, на которой мы жили, была недалеко отъ Сенъ-Клу. Узнавши, что по Воскресеньямъ бываетъ тамъ ярмарка и гулянье, мы всей семьей отправились туда. Сенъ-Клу небольшое мѣстечко, или городокъ, въ 8-ми верстахъ отъ Парижа,

на берегу Сены. Въ немъ прекрасный Королевскій дворецъ, сначала принадлежавшій Парижскимъ Архіепископамъ, а у нихъ купленный, и увеличенный, украшенный Людовикомъ XIV-мъ, для роднаго брата его, Филиппа, Герцога Орлеанскаго. Тамъ замѣчательны обширные сады, огромный искусственный водопадъ, и фонтанъ, бьющій слишкомъ на сто футовъ въ вышину. Въ Сентъ-Клу Бонапартъ разогналъ Пяти-Сотный Совѣтъ, и потомъ учредилъ Консульское правленіе. Бывшій Императоромъ, Наполеонъ часто живалъ здѣсь. Людовикъ XVIII-й, по возвращеніи своемъ, проводилъ каждое лѣто въ Сентъ-Клудскомъ дворцѣ. Здѣсь-же подписалъ отреченіе отъ престола злополучный Карлъ X-й, за себя и за своего сына. Нынѣшній Король пріѣзжаетъ иногда сюда; но лѣтомъ онъ почти всегда живетъ въ Нёльи.

Мы пріѣхали рано. Народу уже было много, но праздникъ еще не начинался. Осмотрѣвъ дворецъ, сады, оранжереи, мы пошли обѣдать въ трактиръ, заняли тамъ особую комнату, отдохнули отъ прогулки, хорошо поѣли, и видя, что толпятся уже множество гуляющихъ, отправились опять въ садъ. Вода была пущена, и фонтаны ве-

личественно были вверхъ. По обѣ стороны дороги играли разные комедіанты : тутъ ходили по веревкамъ, тамъ фокусники удивляли зѣвакъ своимъ проворствомъ ; вездѣ красовались лавки съ мѣлочными товарами , сладостями , плодами и напитками.

Не лѣзя исчислить всѣхъ средствъ , изобрѣтенныхъ при этомъ для увеселенія посѣтителей, и для пріобрѣтенія отъ нихъ денегъ. Правда, все это дешево ; но тѣмъ больше находится охотниковъ. Народу собралось конечно тысячъ до ста ! Повсюду раздавалась музыка. Прекрасно одѣтыя дамы, мужчины, иностранные путешественники всѣхъ состояній, гуляли, сидѣли на скамейкахъ, на травѣ. Разнообразіе предметовъ было очень занимательно. Вечеромъ садъ освѣтился площадками, и начались на открытомъ воздухѣ танцы. Я замѣтилъ на небольшомъ пространствѣ четыре разныхъ собранія. Любопытствуя узнать, изъ кого они составлены, я подходилъ ко всѣмъ. Въ одномъ (и это былъ самый низкій разрядъ) танцовали солдаты, мѣщане, а дамами ихъ были работницы , кухарки, служанки и нѣсколько мѣщанокъ. Въ другомъ собраніи наряды были ужъ гораздо щеголе-

ватѣ: его составляли, по большей части, студенты Медицинской Академіи, Правъ, и гражданскіе молодые чиновники. Между ними замѣтилъ я и нѣсколько военныхъ, но уже не солдатъ, а офицеровъ. Дамами ихъ были дѣвушки изъ модныхъ лавокъ, швей, гризетки (*des grisettes*), красавицы, живущія подъ покровительствомъ какого нибудь пріятеля, и проч. Въ третьемъ кругу, еще степени выше, собрались зажиточные граждане изъ Парижа, съ своими женами, дочерьми, пріятелями. Тутъ уже было замѣтно хорошее обхожденіе. Хотя вообще вездѣ соблюдалась величайшая благопристойность, но здѣсь она была гораздо строже, подъ наблюденіемъ отцовъ и матерей. Всякаго рода прохладительныя, мороженое, конфекты, разносили безпрестанно, а главное, усердно танцовали, и, какъ мнѣ казалось, чрезвычайно веселились! Надобно замѣтить, что нигдѣ не видно было ни малѣйшаго принужденія, и даже не было ни одного изъ полицейскихъ чиновниковъ, которые во Франціи мундировъ не носятъ, и отнюдь не смѣютъ мѣшаться ни въ какое распоряженіе, кромѣ разъѣзда экипажей, для чего приставлены жандармы. Такая народная и непринужденная вс-

селость казалась мнѣ необыкновенною , и я провелъ очень пріятно весь вечеръ, почти до одиннадцати часовъ. Когда мы поѣхали домой , то объѣзжали множество людей, такъ-же какъ и мы возвращавшихся, но по большей части пѣшкомъ. Въ нихъ не было замѣтно ни малѣйшей усталости ; напротивъ, они смѣялись и пѣли , хотя большая часть должны были идти такимъ образомъ до Парижа , а иные еще и черезъ весь городъ , до своихъ квартиръ. Народъ беззаботный, веселый, особенно въ провинціяхъ, гдѣ онъ также довольно гостепріименъ и вѣжливъ. Парижане , ниспихъ классовъ, грубы, самонадѣянны и надменны ; они почитаютъ себя выше всѣхъ въ мірѣ ! Говорятъ, что черный народъ въ Парижѣ почти весь умѣетъ читать и писать ; но что онъ читаетъ ? Дешевые журналы ; а они всѣ пишутся для его развращенія, всѣ льстятъ его чванству и ведутъ къ безначалію. Рѣдкій житель Парижа бывалъ далѣе 40-ти верстъ за городомъ , а осуждаетъ всѣ народы, какъ варваровъ и невѣждъ, и не можетъ понять, чтобы могло быть что нибудь хорошее внѣ Парижа. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ, живучи почти годъ въ этомъ городѣ , что столь безразсудное пона-

тіе раздѣляютъ и нѣкоторые изъ людей высшихъ классовъ, разумѣется также худо образованные, и ничего не выдавшіе кромѣ Парижа.

Послѣ пріятнаго житія на дачѣ; я переѣхалъ въ шумный Парижъ, гдѣ нанялъ-было очень хорошенькую квартирку, на большой улицѣ Кастильонъ; но домашніе мои нашли, что окошки наши были подъ аркадами, и отъ того мало свѣту въ комнатахъ. И такъ мы переѣхали на другую квартиру, въ прекраснѣйшую часть города, близъ новаго храма Св. Маріи Магдалины, въ Королевской улицѣ (rue Royale), близъ бульвара, Тюилерійскаго дворца и площади Людовика XV-го, нынѣ Площади Согласія (Place de la Concorde).

Первый визитъ мой въ Парижъ былъ, разумѣется, къ нашему Послу, Графу П. П. Фонъ-дербъ-Палену. Я служилъ нѣкогда подъ командою отца его. Посолъ человекъ умный, вѣжливый. Онъ принялъ меня чрезвычайно благосклонно, и пригласилъ къ себѣ, за-просто, на все время моего пребыванія въ Парижѣ. Я увидѣлъ послѣ, что онъ пользуется личнымъ уваженіемъ не только здѣшняго Двора, но и дипломатическаго корпуса. Графъ Паленъ

въ обхожденіи простъ, но серьёзенъ, и слово его вѣрно, потому что оно обдуманно и непремѣнимо.

Русскихъ въ это время въ Парижѣ было много. Я отыскалъ старыхъ знакомыхъ и товарищей по службѣ, въ числѣ которыхъ были: почтенный Н. С. Свѣчинъ, бывшій С. Петербургскій Военный Губернаторъ, Графъ П. О. Стакельбергъ, служившій Посломъ нашимъ при Вѣнскомъ Дворѣ, и потомъ въ Неаполѣ, К. Друцкой-Любецкій, Членъ Государственнаго Совѣта, К. Тюфякинъ. Изъ числа знакомыхъ моихъ были Князя Голицыны, Г. Мейендорфъ, Сенаторъ В. И. Каблуковъ, Графъ Завадовскій, Князь Салтыковъ, Гг. Ермоловы, и множество другихъ, такъ, что если-бы я захотѣлъ ограничиться обществомъ Русскихъ, то нашелъ-бы почти столько-же пріятельскихъ домовъ, сколько имѣю ихъ въ Петербургѣ и Москвѣ; но я пріѣхалъ узнавать Парижъ, его жителей, а не Русскихъ. Слѣдовательно, я составилъ себѣ совсѣмъ иной планъ.

Посолъ нашъ, на другой-же день, отдалъ мнѣ визитъ. Онъ благосклонно вызвался познакомить меня съ главными лицами дипломатическаго корпуса, и мы поѣхали, въ его каретѣ, къ Австрійскому

Послу (*), къ Англійскому (**), и къ Прусскому министру (***). Г. Стакельбергъ познакомилъ меня съ знатными лицами Сень-Жерменскаго предмѣстія. Многихъ изъ нихъ я зналъ еще въ Россіи, гдѣ они служили, какъ-то: Г.-на Кенсона, Барона Дамаса, и проч. Г. Мейендорфъ ввелъ меня въ общество ученыхъ, и Гг. Карлъ Дюпенъ, Араго, Ларрей, Жозефа Сентъ-Илеръ пригласили меня къ засѣданіямъ Академіи Наукъ. Но самое лестное знакомство пріобрѣлъ я самъ собою: это съ Виконтомъ Шатобріаномъ. Я перевелъ нѣкогда Путевыя Записки его изъ Парижа въ Іерусалимъ, и теперь послалъ ему при письмѣ экземпляръ моего перевода, почтительно выражая желаніе представиться ему. Онъ тотчасъ пріѣхалъ самъ ко мнѣ, благодарилъ за вѣжливость мою, и просилъ посѣщать его во всякое время и сколько мнѣ угодно. Разумѣется, я воспользовался этимъ въ полной мѣрѣ, только не обременяя его собою. Когда стану я говорить о здѣшнихъ гостиницахъ (les salons), то опять упомяну о знаменитомъ авторѣ

(*) Гр. Аппони.

(**) Лордъ Грамвиль.

(***) Баронъ Вертеръ.

Аталы, котораго я потомъ часто встрѣчалъ у Г-жи Рекамье. Съ молодыми писателями познакомилъ меня зять мой, Г. Жюльвекуръ. У него собиралось также самое пріятное общество, принадлежащее къ лежитамистской партіи. Онъ ввелъ меня въ домъ перваго Французскаго оратора нашего времени, Г-на Беррье, гдѣ узналъ я Герцога Дрё-Брезе. У нашего Посла видѣлъ я Гг. Моле, Гизо. Однимъ словомъ, кругъ моего знакомства быстро и пріятно распространился. Это было необходимо для основательнаго изученія Парижа, и я расположилъ своимъ временемъ такъ, что утро посвящалъ обзорѣнію зданій, общественныхъ заведеній, рѣдкостей, обѣдывалъ въ гостяхъ, иногда въ славныхъ гастрономическимъ искусствомъ трактирахъ, или дома, съ семействомъ. Вечера были посвящены театрамъ и обществамъ. Я не упомянулъ еще о знаменитыхъ художникахъ, которыхъ здѣсь много; съ иными изъ нихъ я также познакомился; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА X.

Кажется, не нужно излагать здѣсь исторію Парижа. Кто пожелаетъ узнать ее, тѣ пусть читаютъ Морери, Соваля, Леграна, и сотню другихъ писателей, которые дадутъ имъ полныя свѣдѣнія. Скажу однакожь, что до Юлія Цезаря о Парижѣ не упоминаетъ никто; что сначала городъ этотъ назывался *Лутеція*, къ чему прибавили: *Паризо-румъ*, для означенія народа, въ немъ жившаго. Имя Французовъ тогда не существовало. Весь городъ Лутеція, даже когда въ немъ жилъ Императоръ Юліанъ, ограничивался островкомъ, нынѣ называемымъ Св. Людовика. Теперь Парижъ одинъ

изъ обширнѣйшихъ городовъ въ Европѣ : въ немъ болѣе 800 тысячъ жителей, и нѣкоторыя части его великолѣпно отстроены ; но онъ еще болѣе заслуживаетъ вниманія по многимъ событіямъ, въ немъ происходившимъ , по огромному числу достопамятныхъ предметовъ, находящихся въ немъ, и потому, что въ стѣнахъ его всегда живутъ замѣчательные и даже великіе люди. Сдѣлавшись столицею государства, Парижъ почти всегда былъ резиденціею Французскихъ Королей , и постепенно увеличивался. Его окружали стѣнами, въ которыхъ были ворота, имѣвшія свои названія ; теперь нѣтъ ни стѣнъ, ни воротъ , но названія ихъ сохранились, на тѣхъ мѣстахъ , гдѣ они существовали, точно какъ у насъ въ Москвѣ сохраняются въ названіяхъ Тверскія, Арбатскія, Пречистенскія ворота, хотя ихъ нѣтъ и слѣда. Здѣсь это ворота Св. Антонія, Шальо и другія. Остались только двое воротъ : Св. Діонисія и Св. Мартина, потому что ихъ обратили въ триумфальныя проѣзды, перестроили и украсили трофеями въ царствованіе Людовика XIV-го.

Я думаю, нѣтъ въ свѣтѣ города , гдѣ-бы такъ высоко строили дома, какъ въ Парижѣ : въ 6, 7,

8 этажей, и это почти обыкновенно. Забудьте еще, что напѣ первый этаж называютъ здѣсь *rez-de-chaussée*, а первымъ называется бель-этажъ. Мы случилось, около улицы Св. Антонія, насчитать въ одномъ домѣ 12 этажей! Это чрезвычайно неудобно для бѣдныхъ людей, живущихъ обыкновенно въ самомъ верху, гдѣ квартиры дешевле. За водою и дровами они должны нѣсколько разъ въ день взлѣзать на 200 и 300 ступеней. Каково-же это старикамъ и слабымъ женщинамъ? Къ тому, улицы вообще узки, и солнце никогда не проникаетъ въ нихъ, отъ этихъ колоссальныхъ домовъ, слѣдственно и грязь вѣчная.

Я имѣлъ случай получить изъ здѣшней полиціи свѣдѣнія о числѣ ежегодно убиваемаго скота, для продовольствія жителей Парижа. Тамъ показано : 420,500 быковъ, 27,000 телятъ, 500,000 барановъ, 44,686 свиней. Въ это исчисленіе не включены агнята, поросята, куры, цыплята и проч. Я хотѣлъ также узнать, откуда получаютъ жители воду, потому что рѣка Сена, раздѣляющая городъ на двѣ, почти равныя части, вполонину уже Невы въ Петербургѣ, и хотя довольно быстра, но вода въ ней всегда цвѣта желтоватаго, и ея мало употре-

бляють для пиття и даже для варенія пищи. Множество нечистоты, безпрестанно стекающей съ улицъ, съ фабрикъ, съ боевъ, и по подземнымъ истокамъ, дѣлають Сенскую воду совершенно негодною; но жители не нуждаются въ свѣжей и здоровой водѣ: она во всѣхъ частяхъ города находится въ большомъ изобиліи, въ фонтанахъ. Въ числѣ ихъ есть великолѣпные и богато украшенные, какъ напримѣръ *Фонтанъ невинныхъ* (Fontaine des innocens), близъ воротъ Св. Діонисія. Есть множество другихъ, и я упомянулъ объ этомъ одномъ потому, что кромѣ изобилія воды, онъ отличается красотою архитектуры и богатствомъ своихъ украшеній. Въ Парижѣ много площадей, и онѣ почти всѣ украшены великолѣпными памятниками; но я предоставляю себѣ говорить о нихъ въ особенной статьѣ; теперь расскажу, какъ производилъ я свои каждодневныя обозрѣнія.

По счастью, я нашелъ здѣсь себѣ хорошаго товарища и чичероне. Г-нъ Ж....., долго жившій въ Москвѣ, страстный путешественникъ и любопытный человекъ; притомъ, онъ знаетъ Парижъ въ совершенствѣ. Я любилъ и уважалъ его за благородныя чувства, а онъ во всякомъ случаѣ

изъявлялъ мнѣ и всему семейству моему преданнѣйшую дружбу. Первая поѣздка наша была въ ново-учреждаемый *Музей художествъ*, который помѣщается въ бывшемъ монастырѣ des petits-Augustins. Онъ еще не отдѣланъ, но мы нашли въ немъ уже много сокровищъ архитектуры, живописи, ваянія, и проч. Мнѣ особенно понравилась, и, признаюсь, даже удивила меня, прекрасная мысль: собрать здѣсь цѣлыя части древнихъ зданій. Нашли средство перенести ихъ и поставить, точно какъ будто они здѣсь были построены, и составляли часть монастыря. Мы видѣли самыя точныя и вѣрныя модели почти всѣхъ главныхъ архитектурныхъ памятниковъ: тутъ Египетскія пирамиды, остатки Бальбека и Пальмиры; тутъ-же и памятники среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ. Молодые архитекторы могутъ сравнивать ихъ, измѣрять, изучаться надъ ними, не совершая дальнихъ путешествій, и даже не оставляя своего города. То-же самое сдѣлано для живописи: картины лучшихъ мастеровъ, всѣхъ извѣстныхъ школъ, рисунки, эстампы будутъ разставлены по порядку; наконецъ, славнѣйшія статуи, барельефы, бюсты, торсы, изъ алебаstra, вылитыя въ формы, снятыя съ самихъ орг-

гиналовъ , не оставить ничего желать молодымъ ваятелямъ. Это заведеніе достойно особеннаго замѣчанія путешественниковъ , и со временемъ будетъ очень полезно художникамъ.

Отсюда поѣхали мы во *Дворецъ Правосудія*, Palais de justice, часто называемый просто *Дворецъ*, отъ того, что нѣкогда жили здѣсь Короли Французскіе. Его если не основалъ, то отдѣлялъ и увеличилъ жившій въ немъ Людовикъ Святой. Между прочимъ, онъ пристроилъ комнату, и понынѣ известную подъ его именемъ , ту самую , которую называли потомъ *Большой Палатой* (*La Grande Chambre*), и церковь (*La Sainte Chapelle*) (*). Филиппъ Красивый такъ распространилъ это зданіе, что почти всѣ историки ему одному при-

(*) Въ церкви достойны особеннаго замѣчанія живописныя стекла: они очень древни, однако на нихъ сохранилась вся живость красокъ, и правильность рисунка. Вставленныя въ окна, они изображаютъ различныя событія изъ Св. Писанія. Здѣсь-же хранились до революціи мощи, между прочимъ, голова Св. Людовика, вложенная сыномъ его, для сохраненія, въ золотую статую; терновый вѣнецъ Господа нашего Іисуса Христа, желѣзо съ копія, и проч. Нынѣ , кажется , ничего не осталось.

писываютъ честь возобновленія, оконченнаго имъ въ 1313-мъ году. Людовикъ X-й приказалъ Парламенту имѣть здѣсь свои собранія, и Судамъ здѣсь рѣшить дѣла. Когда Карлъ V-й перѣхалъ изъ него въ Палаты Св. Павла, *Hôtel de St-Paul*, въ 1364-мъ году, то зданіе это было не что иное какъ куча толстыхъ башенъ, сообщавшихся между собою галлереями. Карлъ VI-й жилъ въ немъ еще въ 1383-мъ году, а Францискъ I-й въ 1534-мъ, въ большой залъ дворца. Короли обыкновенно здѣсь принимали иностранныхъ пословъ; тутъ-же давались церемоніальные обѣды, и праздновались свадьбы Принцевъ и Принцессъ Королевской фамиліи. Зала была украшена статуями Королей Французскихъ, начиная съ Фарамонда; подъ каждою находилась надпись, съ именемъ Короля, съ означеніемъ лѣтъ его царствованія и кончины. Въ концѣ былъ большой мраморный столъ, за который могли садиться только Императоры, Короли, Принцы крови, Перы Франціи и ихъ жены. Для другихъ особъ ставились въ томъ-же покоѣ особые столы. Излишне было-бы входить здѣсь въ исчисленіе всѣхъ перемѣнъ въ этомъ строеніи, тогда истинномъ лабиринтѣ, отъ котораго оста-

лось немногое. Пожаръ 1618-го года такъ иска-
зиль все, что едва можно распознать первобыт-
ный планъ зданія.

Большую залу поручили, въ 1622-мъ году, пе-
рестроить славному архитектору Деброссу. Она
существуетъ и теперь. Потолокъ ея со сводами
изъ дикаго камня; она необыкновенной длины, и
освѣщена только съ боковыхъ сторонъ, сквозь ар-
ки. Недостаточное освѣщеніе, особенно посреди-
нѣ, придаетъ ей что-то величественное и таинст-
венное. Нынѣ называютъ ее *La salle des pas
perdus*, потому, можетъ статься, что челобитчики,
и служащіе въ присутственныхъ мѣстахъ, непре-
станно по ней расхаживаютъ и *теряютъ* напрасно
свое время. Изъ нея входы во всѣ судебныя палаты.
Эти занимаютъ разныя построенія, слѣпленные
между собою безъ всякаго порядка, что старались
скрыть какимъ-то фасадомъ, не заслуживающимъ
ни малѣйшаго вниманія. Замѣчательно, что съ бо-
ку, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ садъ,
когда жили здѣсь Короли, нынѣ устроена
знаменитая тюрьма, извѣстная подъ названіемъ
La Conciergerie. Тутъ въ революцію погибло
много невинныхъ; тутъ содержалась и несчаст-

ная Марія Антуанетта , дочь Императрицы Маріи Терезіи, сестра двухъ Императоровъ и супруга Людовика XVI-го ! Сидя въ тюрьмѣ на соломенномъ матрацѣ , она принуждена была сама заштопывать чужды свои, и тщетно просила бѣлья, котораго нѣсколько недѣль , до самаго дня казни, не могла переменить. Дикіе звѣри, управлявшіе тогда Франціей , Марать , Робеспьеръ , Фуке-Тенвиль, отказали ей и въ этой просьбѣ. Въ дни Террора перерѣзано здѣсь множество невинныхъ жертвъ. Есть и нынѣ арестанты, но мало. Я добился позволенія войти въ комнаты, и не могъ безъ ужаса и содроганія взглянуть на сырой и тѣсный чуланъ, въ которомъ содержалась несчастная Королева.

Странно видѣть , что во *Дворцѣ Правосудія*, какъ называется онъ, весь нижній этажъ составляютъ довольно худо освѣщенные галлерей, наполненные башмачными лавками. На чердакѣ устроенъ архивъ, спасшійся отъ пожара; въ немъ хранятся сокровища древнихъ документовъ. Я и туда лазилъ, но не для бумагъ : мнѣ сказали, и я въ самомъ дѣлѣ удостовѣрился, что своды архива выведены изъ кирпича, пустаго внутри. Это

изобрѣтеніе Г'-на Антуана прекрасно тѣмъ , что облегчаетъ стѣны и самыя своды, которые предохраняютъ отъ огня не хуже каменныхъ, самыхъ толстыхъ.

Возвратившись домой , я нашелъ приглашеніе къ обѣду въ Клубъ Иностранцевъ (Salon des étrangers), и еще письмо отъ какой-то Госпожи Л. Ф., которая просила меня по Четвергамъ на вечеринки, упоминая, что у нея бываютъ и танцы , подъ музыку фортепіано. Кто она такая? Почему зоветъ? Вѣрно она не знаетъ меня; иначе не стала-бы приглашать на пляску шестидесяти-лѣтняго старика. Но и тотъ и другой зовъ дѣло промышленности! Здѣсь промышленность во всемъ, подъ разными вывѣсками и личинами. Мудрено то, какъ они тотчасъ узнаютъ о прибытіи въ Парижъ иностранца? Кто-бы онъ ни былъ, откуда-бы ни пріѣхалъ, но если можетъ издержать нѣсколько наполеоновъ, то добро пожаловать! У этихъ людей сношенія съ полиціей , а туда приносятся паспорта пріѣзжихъ.

Клубъ Иностранцевъ однакожь стоить посѣщенія : тутъ , на званыхъ обѣдахъ , довольно чистыхъ , на балахъ и концертахъ , также иногда

бывающихъ, можно найти самое лучшее общество, и особенно путешественниковъ. Домъ прекрасно убранъ; услуга богатая; столъ лакомый; въ концертахъ участвуютъ лучшіе артисты. Здѣсь я въ первый разъ услышалъ Г-жу Гризи, Рубини, Тамбурини, Лаблаша, и нашего Русскаго Иванова; здѣсь-же я познакомился съ знаменитымъ Сиромъ Сиднеемъ Смитомъ. Это одно уже вполне вознаграждало за потерю нѣсколькихъ наполеоновъ.

Клубъ Иностранцевъ не что иное какъ домъ, гдѣ публично играютъ въ азардныя игры; онъ былъ здѣсь на откупѣ, какъ у насъ винная продажа. Но въ обыкновенные дни женщины въ Клубъ не пріѣзжаютъ; да и мужчины могутъ пріѣзжать только тѣ, которые уже разъ были приглашены; отъ того никогда вы тутъ не встрѣтите никакого сброда: посѣтители люди принятые въ лучшія общества. Три директора, или лучше сказать *угощателя*, избранные изъ извѣстныхъ и хорошихъ людей, получаютъ отъ откупщиковъ большое жалованье, тысячъ по 20 франковъ, распоряжаются услугой, столомъ, приглашаютъ посѣтителей, смотрятъ за порядкомъ, и тщательно наблюдаютъ, чтобы всѣ были угощены и довольны. За столъ, за

напитки, чай и кофе, и даже за входъ гости ничего не платятъ; играть не только никто не обязанъ, но даже и не приглашается. А между тѣмъ весь расчетъ и вся прибыль основаны на игрѣ. Въ 10 и 11-ть часовъ вечера, банкометы на своихъ мѣстахъ; милліоны готовы, и игроки ползутъ. Даже тѣ, кто не играетъ, изъ вѣжливости идутъ порисковать червонецъ, или хотъ пять франковъ. Иногда выигрываютъ, что и со мною случилось. Зная цѣль заведенія, я почелъ обязанностью заплатить свою дань, поставилъ золотой, но карты шли такъ счастливо, что въ этотъ вечеръ выигралъ я 500 франковъ. Не смотря на то, я нахожу совершенно безразсуднымъ играть въ такомъ заведеніи: въ послѣднее время ставка позволялась не выше 12 тысячъ франковъ; при самомъ большомъ счастьѣ, выигравши эту сумму, должно идти уже семпелами! Спрашиваю: вѣроятно-ли такимъ образомъ выиграть большую сумму? Почти всегда, послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ ударовъ, наконецъ возьмутъ ставку; а при несчастьѣ можно проиграть много. Однакожъ къ столамъ трудно было продрагаться: наперерывъ несли дань со всѣхъ краевъ свѣта! Я видѣлъ многихъ земляковъ своихъ, усердно приносявшихъ

данъ крепеу, или Rouge et Noir, Красный или Черный: такъ называется игра (родъ банка). Откупщики не могли-бы заплатить нѣсколько миліоновъ откупа, если-бы они не имѣли другихъ игорныхъ домовъ, какъ-то: Фраскати, разныхъ залъ въ Палероля, и даже самыхъ подлыхъ, для всякаго народа. Фраскати, гдѣ я изъ любопытства былъ, очень близко отъ *Salon des étrangers*; тамъ бывають и дамы, но что за дамы! По большей части пожилыя и разрумяненныя отставныя красавицы; онѣ съ изступленіемъ играютъ, и, проигравши все, безъ стыда подходятъ къ первому и просятъ взаимъ пять франковъ, или предлагаютъ играть пополамъ; инымъ это удастся, и посѣтитель рѣдко откажетъ въ пяти франкахъ, даже изъ одного любопытства. Въ прочихъ домахъ ставили по одному франку, и меньше; но тамъ ужъ никогда не бывало никакого угощенія, и маломальски порядочные люди совѣстились входить въ эти дома.

Я размышлялъ о вредѣ для нравственности, и разстройствѣ семейной жизни отъ публичныхъ игръ. Съ одной стороны не лѣзя не видѣть большаго вреда, но съ другой тутъ есть и своя хо-

рошая сторона. У насъ, напримѣръ, азардныя игры строго запрещены правительствомъ; но соблазнъ существуетъ: кучи золота, или пучки ассигнацій, привлекаютъ молодыхъ и даже старыхъ игроковъ; только для игры запираются съ глазу на глазъ, или играютъ два, три товарища; а по болыпей части плуты заманиваютъ неопытнаго молокососа, или страстнаго игрока, и обыгрываютъ или обворозиваютъ его, не боясь улики. Прибавьте къ этому, что играютъ на мѣлокъ: тогда ужъ нѣтъ мѣры проигрышу; разгоряченный, а иногда и подпоясанный, несчастный игрокъ проигрываетъ все имѣніе, часто и больше того, что имѣетъ, въ надеждѣ отыграться, даетъ векселя и лишается всего состоянія, а не рѣдко и чести, въ одинъ вечеръ, въ полчаса! Въ игорныхъ домахъ этого не можетъ случиться: игра чистая, въ присутствіи ста и двухъ сотъ человѣкъ; проиграть можно только то, что въ карманѣ; но въ карманѣ никто не носитъ всего состоянія, а молодежь и дома рѣдко бываетъ съ деньгами; слѣдовательно, не разстраиваются семейства, не развращаются молодые люди, не заходятъ далѣе того, что въ карманѣ. Мнѣ кажется, если взвѣсить то и другое, то перевѣсъ чуть-ли

не останется на сторонѣ публичныхъ игръ, особенно когда въ нихъ есть правила и границы.

Узнавши, что въ Уголовной Палатѣ будутъ публично разбирать дѣло двухъ молодыхъ людей, не запирающихся въ заговорѣ на жизнь Короля, я досталъ билетъ отъ министра юстиціи, и поѣхалъ туда (*). Въ то самое время, когда президентъ и судьи вошли, я занялъ кресла по правую сторону отъ присутствующихъ, которые сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ. Рядъ открытой ложи занимали присяжные судьи; рядомъ съ ними сидѣлъ Королевскій прокуроръ (*); противъ нихъ, на другой сторонѣ, были обвиняемые; за ними два жандарма, приведшіе ихъ изъ тюрьмы. Адвокаты, избранные для защиты, находились противъ судей и президента. Далѣе были лавки для вы-

(*) Всякой можетъ и безъ билета свободно входить въ Уголовную Палату, во время сужденій ея, потому что здѣсь судопроизводство публичное; но тогда трудно достать мѣсто, и часто надобно очень долго дожидаться. Никогда-же билета, можно пріѣхать къ самому началу и сѣсть въ кресла, позади судей, почти рядомъ съ присяжными (Les Jurés).

(**) Это былъ знаменитый краснорѣчивый спикеръ Г-нъ Плугуль.

требуемыхъ свидѣтелей, за тѣмъ мѣста для посѣтителей, и проч. Президентъ началъ громко и внятно читать обвиненія, и при всякомъ обстоятельстве вызывалъ свидѣтелей, которые всѣ до одного подтверждали, что поименованные точно говорили о своемъ намѣреніи убить Короля, даже хвалились этимъ и показывали ножъ и пистолетъ, приготовленные для злодѣянія. Казалось, не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ винѣ и никакого средства къ оправданію. Начался допросъ. Обвиняемые рѣшительно заперлись въ намѣреніи убить Короля! Но кто были они? Два мальчишка, одинъ 18-ти, другой 14-ти лѣтъ. Они безстыдно глядѣли на всѣхъ, даже пересмѣивались между собою, отвѣчали свободно, а иногда шутя. Тогда адвокаты, защитники ихъ, начали свои рѣчи, въ которыхъ также ясно доказали, что не было никакого заговора противъ Короля, и никакихъ участниковъ, или подстрекателей у этихъ шалуновъ. Но для чего-же они хвастали, носили и показывали оружіе? Чтобы занять собой публику, прославиться (какъ они говорили) своимъ мнимымъ предпріятіемъ въ глазахъ товарищей, такихъ-же шалуновъ и бродягъ, какъ они сами;

быть предметомъ разговора въ публикѣ и видѣть свои имена во ста журналахъ, изъ которыхъ половина похвалитъ ихъ и представитъ Брутами, или по крайней мѣрѣ Гармодами и Аристогитонами. Между тѣмъ они оставались совершенно безопасны, потому что доказательствъ явныхъ не было, и имъ довольно было запереться, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность въ заговорѣ, который дѣйствительно не существовалъ. Каковы люди? какова нравственность? какой закоренѣлый развратъ въ 17-ти лѣтнихъ юношахъ? И какая притомъ наглость! этого не возможно вообразить!... Я не могъ безъ омерзѣнія смотрѣть на такихъ негодяевъ! Хвалиться убійствомъ законнаго властителя государства, и рассказывать объ этомъ какъ о бездѣлицѣ! Это свойственно только потомкамъ нагубной Французской революціи, которымъ не внушено отцами ихъ ни малѣйшаго понятія о религіи, и слѣдственно о нравственности. Присяжные судьи удалились въ особую комнату, для совѣщанія о приговорѣ; президентъ и совѣтники также вышли вонъ; а какъ мнѣ сказали, что до возвращенія ихъ пройдетъ больше часа, то и я пошелъ съ товарищами

своими завтракать въ кофейный домъ , противъ самой палаты присутственной. Насъ было трое Русскихъ , и мы всѣ изумлялись развращенію и наглости подсудимыхъ молодыхъ людей , очень жалѣя , что не лзя хотъ выпоротъ розгами этихъ шалуновъ. Кофейный домъ былъ полонъ; всѣ говорили про это дѣло ; большая часть смѣялись глупой выдумкѣ молодыхъ дураковъ ; но были и такіе , которые видѣли въ нихъ какую-то твердость характера и свободу въ отвѣтахъ. Я видѣлъ только наглость и безстыдство. Наконецъ , съѣвши сотню пресвѣжихъ устрицъ , мы возвратились въ Палату Правосудія.

Присяжные были уже на своихъ мѣстахъ , и единогласно сказали , что обвиняемые невинны въ намѣреніи убить Короля. Послѣ такого приговора , президентъ тотчасъ объявилъ , что они свободны отъ суда. Уже радость появилась-было на лицахъ молодыхъ шалуновъ ; они , вѣрно , надѣялись , что такіе-же какъ они ожидаютъ ихъ при выходѣ , съ триумфомъ поведутъ праздновать побѣду , и станутъ пить за здоровье храбрыхъ противниковъ Людовика Филиппа. Но они очень ошиблись ! Королевскій прокуроръ , Г-нъ Плу-

гульмъ , вдругъ всталъ съ своего мѣста , и краснорѣчиво укоряя бездѣльниковъ въ безнравственности , въ наглости , въ тунеядствѣ , доказывалъ , какой развратъ долженъ распространиться отъ безнаказанности подобныхъ поступковъ. Наконецъ , обратясь къ президенту , онъ сказалъ : «Если Уголовный Судъ не находитъ ихъ виновными въ богопротивномъ и ужасномъ покушеніи на жизнь Государя , то я обвиняю ихъ какъ бродягъ , праздношатающихся , ведущихъ развратную жизнь! Они своими рѣчами , примѣромъ , и непокорностью родственникамъ , соблазняютъ юношей и подобныхъ имъ безразсудныхъ людей. Но такое дѣло не подлежитъ Уголовному Суду , и я предлагаю отослать ихъ къ сужденію въ исправительную полицію. Президентъ согласился. Тотчасъ видно было , какъ шалуны задрожали , потушили головы и поблѣднѣли : вмѣсто торжества , имъ предстояла тюрьма , вѣроятно мѣсяцевъ на шесть ! Въ исправительной полиціи множество дѣлъ , и они счастливы будутъ , если еще въ полгода дойдетъ до нихъ очередь ; а между тѣмъ сиди съ ворами , съ колодниками , въ заперти. Прощай торжество , прощай бражничество въ трактирѣ ! прощайте

журналы и слава! Весь плодъ глупой выдумки ихъ потерянь! Я былъ очень доволенъ оборотомъ этого дѣла, и съ наслажденіемъ слышавши одного изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ, чувствовалъ, что утро мое было не потеряно.

Обѣдать я былъ званъ къ Русскому Послу. Въ числѣ многихъ гостей я нашелъ шесть Русскихъ дамъ. Нечего говорить о богатствѣ и роскоши стола, сервиза, бронзъ, прислуги у Графа Палена; но всего пріятнѣе было радушіе и гостепріимство хозяина, равное ко всѣмъ. Послѣ обѣда здѣсь тотчасъ почти всѣ разъѣзжаются.

Описывать Парижъ, какъ я осматривалъ его каждый день, было-бы неудобно, потому что надобно оставлять неконченнымъ описаніе одного предмета, и обращаться къ другому. Гораздо лучше осмотрѣть каждую достопамятность вполнѣ, не прерывая этого посторонними вставками. Такъ опишу я славнѣйшія зданія Парижа.

ГОРОДОВОЙ ДОМЪ ИЛИ РАТУША

(HÔTEL-DE-VILLE).

Домъ этотъ знаменитъ своею древностію, и ужасами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ во вре-

ми революціи. Онъ любопытенъ еще какъ первое публичное зданіе въ Парижѣ, гдѣ Готическая архитектура стала сближаться съ Итальянскою, или лучше сказать съ новою. Въ 1357-мъ году, городское общество купило *Гревскій домъ*: такъ назывался онъ еще въ 1212-мъ году, когда Король Филиппъ-Августъ купилъ его у каноника соборной церкви Богородицы. Но только въ царствование Франциска 1-го скупили нѣсколько сосѣдственныхъ домовъ, и начали перестраивать его и увеличивать. Въ 1549-мъ году, Италіянецъ архитекторъ (Доминико Боккадоро, прозванный Кортоне) представилъ Генриху II-му свои планы, и тогда перестроили его по нимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ видимъ его теперь. Прекрасный мраморный барельефъ, надъ входомъ, представлялъ Генриха IV-го на конѣ; была еще отличная бронзовая статуя Людовика XIV-го, работы Куазевокса; но во время революціи они разбиты и истреблены. Ратуша зданіе довольно значительное для своего времени; потеперь оно кажется ничтожнымъ, и для такого большого города, какъ нынѣ Парижъ, слишкомъ мало и тѣсно. Даже кареты не могутъ въѣзжать во дворъ его. Внутри

есть довольно обширная зала, и мнѣ сказывали, что нѣкогда она была украшена хорошими картинами; но во время ужасовъ революціи все было оборвано, разграблено. Народъ, въ изступленіи, неоднократно врывался въ комнаты, и тамъ дрались, рѣзались. Наконецъ Ратушу передали совершенному запустѣнію, и только въ 1801-мъ было приказано опять помѣстить въ нее Городовое Правленіе. Сенскому префекту Г-ну Фрошо было поручено привести все зданіе въ порядокъ. Теперь оно убрано и меблировано просто, но прилично. Въ немъ даютъ городовыя празднества, обѣды, балы; здѣсь-же присутствіе городского управленія; но предполагается распространить и значительно увеличить все зданіе. Площадь передъ нимъ (*Place de Grève*) также мала. Прежде на ней казнили преступниковъ; но теперь казни производятся на площади св. Іакова (совсѣмъ въ другой части города). Ратуша ознаменована во время революціи многими историческими событіями: сюда привезли несчастнаго Людовика XVI-го, когда исторгли его изъ Версали; здѣсь принималъ его славный и также несчастный *Балль*; тутъ, вышедши на балконъ, передъ собравшуюся

буйную чернь, Король въ первый разъ приколотъ къ шляпѣ своей трехцвѣтную кокарду; отсюда поѣхалъ Наполеонъ короноваться въ соборную церковь Богородицы; наконецъ, здѣсь провозгласили Королемъ нынѣ царствующаго Людовика Филиппа 4-го. Вотъ все, что я могу сказать о Городовомъ Домѣ. Архитектура его не замѣтельна: надъ серединою строенія бельведеръ, или, лучше сказать, родъ каланчи; по бокамъ строеніе выше, и составляетъ родъ плоскихъ башенъ; но величественнаго ничего нѣтъ.

ТЮЙЛЕРІЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ

(PALAIS DES TUILERIES).

Обширное мѣсто, занятое дворцомъ и садомъ Тюйлері, принадлежало прежде череничному заводу, отъ котораго и дворецъ получилъ названіе. Катерина Медичи не хотѣла жить въ Луврѣ, въ одномъ дворцѣ съ Карломъ IX-мъ, и для построенія новаго избрала это мѣсто, удобное по пространству своему, и по близости къ Лувру, съ которымъ Тюйлері теперь соединяется. При ней, подъ надзоромъ двухъ славныхъ современныхъ

архитекторовъ , Делорма и Бюланта , выстроили средний корпусъ , два боковые , составляющіе теперь галлерей , террасы , и оба крайніе павильона. Но скоро эта постройка наскучила Королеви , и она приказала оставить ее. Генрихъ IV-й продолжалъ начатое , а Людовикъ XIII-й поручилъ архитектору Дю Серсо увеличить и довершить дворецъ. Наконецъ , Людовикъ XIV-й , видя разнообразіе во многихъ частяхъ , хотѣлъ придать единство всему зданію , и поручилъ это архитектору *Леву* (*Le Veau*). Но отъ самой перемѣны архитекторовъ произошло различіе въ частяхъ , которое и теперь видно. Тутъ можно замѣтить пять родовъ украшеній и пять родовъ кровель : инныя съ переломами , другія крутыя , инныя плоскія. За всѣмъ тѣмъ , Тюльерійскій дворецъ всегда останется однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ занимаетъ 168 сажень въ длину , и положеніе его единственное. Со стороны двора , рѣшетка отдѣляетъ его отъ Карусельной площади и Луврскаго двора; съ другой стороны , прелестный садъ его , устроенный и украшенный *Ленотромъ* , соединяется съ великолѣпною площадью , которая прежде называлась площадью

Людовика XV-го , нынѣ *Place de la Concorde*.

По одну сторону дворца идетъ великолѣпная улица Риволи, по другую струится Сена.

Наполеонъ поставилъ посрединѣ рѣшетки, отдѣляющей дворъ Тюйлери отъ Карусельной площади, триумфальныя ворота изъ разноцвѣтнаго мрамора. Четыре бронзовые коня, увезенные изъ Венеціи, были на верху этихъ воротъ, которыя напоминаютъ, величиною и даже рисункомъ, ворота Септимія Севера въ Римѣ; но отдѣлка ихъ, мнѣ кажется, чище. Я полагаю, что они могутъ почестся въ Парижѣ единственнымъ зданіемъ древняго вкуса. Совершенное соединеніе Тюлериискаго дворца съ Лувромъ представляетъ большое затрудненіе, потому что, во-первыхъ, фасады двухъ дворцовъ не совсѣмъ параллельны; а во-вторыхъ, фасадъ Лувра гораздо короче Тюлериискаго, слѣдовательно боковыя линіи соединенія неминуемо выйдутъ косы. Конечно, на такомъ разстояніи можно скрыть много неправильности, но совершенно исправить ее, кажется, невозможно. Говорятъ, есть для этого планы, но я ихъ не видалъ, и знаю только, что когда планъ выполнять, то обширнѣе Карусельной площади не

будетъ въ Европѣ. Вѣроятно, она украсится еще монументами, что сдѣлаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ первую изъ всѣхъ площадей по красотѣ.

Тюйлерійскій садъ, въ которомъ ежедневно, и можно сказать ежечасно, въ хорошую погоду, гуляютъ Парижскіе жители всѣхъ состояній, прекрасенъ. Его располагалъ славный Ленотръ, и ни одинъ извѣстный садъ не можетъ съ нимъ сравниться, если глядѣть на это произведеніе искусства какъ на украшеніе дворца и публичное гулянье. Тутъ все величественно: украшенія благо-разумно придуманы; статуи поставлены съ разборомъ, и распредѣлены хорошо. Цвѣтникъ, съ котораго открывается весь фасадъ дворца и терраса, вдоль него лежащая, группы и статуи, придаютъ всей массѣ строенія видъ богатства и роскоши. При самомъ выходѣ изъ сада на площадь Людовика XV-го существовалъ, черезъ канаву, мостъ, называвшійся *Pont tournant* (поворотный мостъ). Теперь тутъ поставлены мраморные крылатые кони, Меркурій и Слава, прекрасное произведеніе художника Кузевокса. Живши близко отъ Тюйлері, я почти каждый день гулялъ въ

саду его , и всякой разъ находилъ новыя предметы, достойныя замѣчанія.

Внутренность дворца соответствуетъ его наружному великолѣпію : богатое убранство комнатъ , бронзы , мраморы , картины , штофъ , парча , драгоценныя обои и ковры , показывающъ жилище могущественнаго государя. Наполеонъ возобновилъ и значительно украсилъ Тюйлери , въ которомъ онъ всегда жилъ . Залы въ немъ обширны. *Маршальская* , такъ называемая потому , что въ ней поставлены портреты Маршаловъ , *Тронная* и *Дианнина* , больше другихъ и лучше убраны. Мнѣ случилось быть на балѣ у Короля , и надобно признаться , что при освѣщеніи , когда эти залы наполнены гостями , и особенно множествомъ богато одѣтыхъ дамъ , картина несравненна ни съ чѣмъ , кромѣ развѣ тѣхъ празднествъ , которыя бывали у насъ въ Зимнемъ дворцѣ , и которыя видалъ я еще въ блестящія времена Великой Екатерины. Во время достопамятнаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ , я былъ даже однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ знаменитой кадрили (*).

(*) Кадриль эту , составленную изъ 24 паръ , называю зна-

Въ пристройкѣ, соединяющей Тюйлери съ Лувромъ, помѣщается Французскій музеумъ картинъ. Длина ея 222 сажени. Она построена также въ разные времена, разными архитекторами и съ разными цѣлями, и потому наружныя украшенія ея не одинаковы; пиластры и медальоны явно принадлежатъ Людовику XIV-му; но есть части еще Людовика XIII-го и даже Генриха IV-го. Вообще объ этомъ зданіи, кажется, тогда только можно будетъ судить, когда Лувръ совершенно соединится съ нимъ, и когда будетъ вполнѣ украшена Карусельная площадь.

Во время революціи, 10-го Августа, Швейцарскіе гвардейцы отчаянно защищали Короля и его фамилію, и почти всѣ пали жертвою своей вѣрности. Король и все его семейство едва нашли себѣ убѣжище въ Національномъ собраніи, откуда уже и не возвратились во дворецъ, который былъ разграбленъ и оставался въ самомъ жалкомъ со-

мешитомъ потоку, что въ ней танцовали Великіе Князья Александръ и Константинъ, и Принцъ Виртембергскій; всѣхъ прочихъ кавалеровъ избрала и назначила сама Великая Императрица.

стояніи почти до восшествія на престолъ Наполеона. При возвращеніи Императора съ острова Эльбы, Людовикъ XVIII-й съ такою поспѣшностію бѣжалъ изъ Тюйлери, что въ кабинетѣ его остались всѣ бумаги на своихъ мѣстахъ. Въ послѣднюю революцію, возведшую на престолъ Орлеанскую линію, народъ взялъ Тюйлерійскій дворецъ штурмомъ, но ничего не грабилъ въ немъ; только изорвали картину, изображавшую коронацію Карла X-го, и его портреты. Теперь все исправлено, и ни малѣйшихъ слѣдовъ насильства не осталось.

Л У В Р Ъ.

Настоящее время построенія Лувра не извѣстно, такъ-же какъ и то, отъ чего произошло имя его. Нѣкоторые писатели относятъ начало этого дворца къ VII-му столѣтію. Онъ составлялъ продолговатый четвероугольникъ, въ шестьдесятъ слишкомъ сажень длины и 58 ширины. Въ немъ соединено было нѣсколько корпусовъ, самой простой наружности; четыре стѣны, съ маленькими окошками, безъ симметріи, съ множествомъ башенъ, окруженныхъ широкимъ и глубокимъ рвомъ: таковъ

былъ Лувръ. Его нѣсколько разъ перестраивали; довольно упомянуть о четырехъ главныхъ эпохахъ перестроекъ: первая, при Францискѣ I-мъ и Генрихѣ II-мъ; вторая, при Людовикѣ XIV-мъ; третья, при Людовикѣ XV-мъ, а четвертая при Императорѣ Наполеонѣ. Великолѣпнѣйшая часть этого дворца извѣстна подъ названіемъ Луврской колоннады: она построена при Людовикѣ XIV-мъ, по планамъ архитектора *Перо* (Perault), и окончена въ 1670-мъ году. Это превосходнѣйшее изъ всѣхъ зданій новой архитектуры; во Франціи оно почитается классическимъ, и такъ извѣстно, что описывать его почитаю излишнимъ.

Наполеонъ совершенно достроилъ Лувръ: теперь всѣ четыре фасада его окончены, и хотя только три изъ нихъ одинаковы, но иначе сдѣлать было невозможно.

Часть нижняго этажа (Rez-de-chaussée) занята музеумомъ, а часть оранжереями. Бель-этажъ весь посвященъ музеуму, и въ немъ собраны картины разныхъ школъ, но только умершихъ живописцевъ; картины существующихъ современниковъ поставлены въ особой галлерей Люксембургскаго дворца. Огромныя и великолѣпныя залы посвящены

живописи ; другія ваятельному искусству, и въ нихъ есть драгоценныя древніе бюсты и статуи. Тутъ же и Египетскій музей. Словомъ , это истинный храмъ художествъ. Здѣсь-же бываютъ ежегодныя выставки художественныхъ предметовъ всякаго рода, и тогда публика ежедневно, отъ 10-ти часовъ утра до 5-ти по полудни, допускается безъ различія лицъ и состояній. Иностранцы во всякое время, и даже безъ выставки , имѣютъ свободный входъ въ галлерей ; они должны только предъявить свои паспорта, для удостовѣренія, что они точно иностранцы. Туземцы допускаются въ простые дни по билетамъ. Я не стану описывать статуй и картинъ , хотя въ числѣ ихъ есть много драгоценныхъ. Французскій музеумъ почитается однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Онъ особенно замѣчателенъ еще тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ всѣ извѣстныя школы , а это трудно найти въ другихъ собраніяхъ такого-же рода. Впрочемъ, тому, кто видѣлъ Римскія и Флорентинскія галлерей, нечему здѣсь подивиться, особенно въ отношеніи къ Италіанскимъ школамъ. Верхній этажъ Лувра занятъ придворными чиновниками, служителями дворца , и множествомъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ

музеуму. Кажется, и директоръ его, Графъ Форбень, живетъ тутъ-же.

ЛЮКСАНБУРГСКИЙ ДВОРЕЦЬ.

Онъ построенъ Королевой Маріей Медичи, на развалинахъ Люксанбурговыхъ палатъ, отъ которыхъ получилъ и названіе. Королева скупила мѣста, находившіяся по близости, и приказала архитектору своему Деброссу выстроить дворецъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ и доннѣ остается. Послѣ смерти Маріи, его наследовалъ меньшей сынъ ея Гастонъ, Герцогъ Орлеанскій, и потому дворецъ долго назывался *Орлеанскимъ*. Наконецъ онъ поступилъ во владѣніе Короля. Людовикъ XVI-й пожаловалъ его, въ 1779-мъ году, брату своему, Графу Провансскому, который послѣ былъ Людовикомъ XVIII-мъ. Около 1798-го года, Директорія, сдѣлавъ нѣкоторые перемѣны внутри, имѣла тутъ свои засѣданія. При Наполеонѣ въ немъ помѣщался Сенатъ, а теперь бываютъ засѣданія Палаты Перовъ. Люксанбургскій дворецъ должно почесть первымъ послѣ Луврскаго. Онъ имѣетъ еще то преимущество, что единообразенъ во всѣхъ частяхъ своихъ. Кромѣ царскихъ двор-

цовъ въ Европѣ, врядъ-ли есть зданіе, подобное ему величиною и красотою.

Люксанбургскій дворецъ занимаетъ большое пространство. Главный фасадъ его въ 60 саженъ длинны, а двѣ стороны боковыя, по саду и по улицѣ *Tournoi*, каждая въ 50 саженъ. Онъ, кромѣ построеннаго въ садѣ флигеля, составляетъ почти равносторонній квадратъ, и всѣ части его въ удивительной симметріи: достоинство, которое рѣдко встрѣчаете въ большихъ зданіяхъ. Дворъ пространенъ и окруженъ портиками; по угламъ четыре квадратные корпуса, называемые павильонами.

Внутренность дворца, великолѣпіемъ и убранствомъ, соответствуетъ наружности. Въ одной половинѣ бель-этажа помѣщается Палата Перовъ, ея отдѣленія, канцелярія, библіотека, и, не знаю для чего, тронная. Наполеонъ захотѣлъ устроить ее передъ Сенатской залой, и она теперь, какъ и тогда, безъ всякаго употребленія. Прежде въ Люксанбургскомъ дворцѣ была единственная красотою Рубенсова галлерея: въ ней живописецъ изобразилъ всю жизнь Маріи Медичи; нынѣ картины перенесены въ музеумъ. Вторая половина бель-этажа занята собраніемъ картинъ лучшихъ

живописцевъ Франціи, нынѣ существующихъ. Я разсматривалъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Многія картины, принадлежащія къ исторіи Франціи, еще въ бытность мою въ Парижѣ, перевезены были во вновь устроенный Версальскій историческій музеумъ.

Съипи и крыльцо дворца великолѣпны, и, по мнѣнію моему, лучше Тюилерійскихъ. Всего любопытнѣе и занимательнѣе для меня было, увидѣть въ нижнемъ этажѣ, по лѣвую руку отъ входа во дворъ, комнаты Маріи Медичи, сохраняемыя въ цѣлости: всѣ мебели по мѣстамъ; спальня, съ альковомъ, украшеннымъ прекрасными живописными медальонами, постеля, изголовье, одѣялы, какъ-бы только что оправленные, столикъ, большія кресла самой Королевы, скамейки, на которыхъ сидѣли фрейлины, туалетъ и даже фарфоръ, ей принадлежавшій, все цѣло. Въ предспальной зеркало, чудное своими рѣзными рамами; мебель обита парчей. Особенно любопытна домовая небольшая церковь: въ ней образа и вся утварь церковная сохранены тѣ-же; молельная книга Королевы лежитъ на налоѣ, передъ мѣстомъ, гдѣ она садилась; даже подушка, на которую становилась она, все

тутъ. Сколько воспоминаній пробуждаютъ эти вещи; столь отдаленныя отъ нашего вѣка! Невольно переносишься къ тому времени, когда честолюбивая супруга Генриха IV-го, мать Людовика XIII-го, правительница царства, не умѣла быть счастливою, ни даже спокойною, и послѣ величія и богатства умерла почти въ нищетѣ, изгнанницею въ Кельнѣ, при жизни и въ царствованіе сына своего!

Изъ дворца я перешелъ въ садъ. Онъ обширенъ, хорошо расположенъ; богатъ густыми и древними деревьями. Въ немъ есть хорошія мраморныя группы и статуи, но теперь гуляющихъ мало, потому что ко дворцу съ этой стороны производится большая пристройка. Груды камня, пыль отъ извести, толпы рабочихъ, мѣшаютъ гуляющимъ. Не знаю, не испортить-ли придѣлка фасада съ этой стороны дворца? Теперь онъ прекрасенъ.

БУРБОНСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Бурбонскій дворецъ построенъ въ 1722-му году, Герцогинею Бурбонскою, первою вдовствующею Принцессою этого имени. Строителемъ его

былъ Италіанскій архитекторъ Жирардини ; но потомъ дворецъ распространили и увеличили владѣльцы его, Принцы Конде. Они собрали сюда все, что только можно было, для украшенія. Богатство господствовало въ ихъ жилищѣ, а мѣстоположеніе, на берегу Сены, почти противъ самаго Тюйлерійскаго дворца и Елисейскихъ полей, дѣлало его почти загороднымъ и увеселительнымъ домомъ. Революція опустошила дворецъ , и онъ оставался безъ назначенія до 1797-го года, когда помѣстили въ немъ такъ называемый *Советъ Пяти Сотъ* (Conseil des Cinq-Cents). Теперь онъ принадлежитъ Палатѣ Депутатовъ. Противу моста устроили новую залу для собранія , и преддверіе съ огромнымъ аттикомъ и фронтономъ, на 12-ти Кориннскихъ колоннахъ : это служитъ перспективой мосту и панданомъ храму Св. Магдалины. Четыре огромныя мраморныя статуи, сидящія, довольно хорошо украшаютъ крыльцо : это изображенія великихъ людей Франціи, славныхъ гражданскими заслугами ; въ томъ числѣ Герцогъ Сюлли и Канцлеры *Моле* и *Дэгессо*. Зала Депутатскаго собранія заслуживаетъ вниманіе путешественниковъ. Прежде въ ней стояла статуя Наполеонова, рабо-

ты ваятеля *Шоде*, а въ боковыхъ залахъ были портреты его и супруги его, во весь ростъ, работы живописцевъ *Энгра* и *Летьера*. Въ главныхъ сѣняхъ, передъ крыльцомъ, поставлены колоссальныя статуи знаменитыхъ ораторовъ. Я видѣлъ три изъ нихъ: *Генерала Фуа*, *Мирабо* и *Казимира Перье*; четвертая была не готова.

Я довольно часто ходилъ въ засѣданія Палаты Депутатовъ, получивъ билетъ въ ложу министровъ, на все время пребыванія моего въ Парижъ; сверхъ того, нашъ Посолъ позволилъ мнѣ посѣщать ложу Дипломатическаго Корпуса. И такъ я могъ заслушаться ораторовъ, и познакомился съ ихъ краснорѣчіемъ, враньемъ и болтовней.

Въ день открытія Палатъ Королемъ, я не пропустилъ случая видѣть эту церемонію. Она была любопытна еще тѣмъ, что въ этотъ самый день случилось новое покушеніе на жизнь Его Величества. Я пріѣхалъ рано, чтобы занять невыгоднѣе мѣсто, въ первомъ ряду. Депутатовъ въ залѣ было еще немного; они оставались въ другихъ комнатахъ; но ложи были уже довольно полны. Скоро пріѣхала Королева, и заняла свою ложу, противъ приготовленнаго Королю трона на презп-

дентскомъ мѣстѣ. Съ нею были : Герцога *Оманскій* (Duc d'Aumale) и Герцога *Монпансьерскій* (Duc de Montpensier), меньшіе сыновья ея, сестра Короля и дочери его. Тотчасъ по прибытіи Королевы, зала начала наполняться. Перы Франціи занимали свои мѣста по правую сторону залы, Депутаты по лѣвую; скоро раздался громъ пушекъ: это означало, что Король вышелъ изъ дворца и шествіе началось. Войско было разставлено отъ самаго дворца до Палаты Депутатовъ, по обѣ стороны улицы. Вдругъ замѣтилъ я волненіе въ залѣ: Депутаты вставали съ своихъ мѣстъ, подходили другъ къ другу, шептались; нѣкоторые поспѣшно выходили изъ залы; также и Перы Франціи. Тутъ вошелъ въ Королевиному ложу адъютантъ Его Величества. Королева и Принцессы стали плакать, но не покидали своихъ мѣстъ. Скоро раздался говоръ, что въ Короля стрѣляли, но что онъ остался невредимъ. Минуть черезъ пять показались, съ лѣвой стороны залы, герольды; за ними шли министры, президентъ, секретари собранія, и наконецъ появился Король. За нимъ шли два старшіе сына его, Герцоги Орлеанскій и Немурскій, Маршалы, адъютанты и свита. Зала мгно-

венно огласилась криками: *Да здравствует Король* (Vive le Roi!). Государь сталъ на свое мѣсто, благодарилъ, кажется съ чувствомъ, кланялся на всѣ стороны: крики не прекращались, а безпрестанно усиливались. Король нѣсколько разъ начиналъ говорить, но это было невозможно. Никогда еще восторгъ и изъясненіе къ нему преданности не выражались такъ сильно! Король безпрестанно кланялся. Наконецъ клики поутихли, и онъ успѣлъ сказать, что вполнѣ чувствуетъ народное участіе и благодарить за изъясненіе его. Но онъ ни слова не говорилъ о злодѣйскомъ покушеніи, сѣлъ на тронъ, и накрылся. Герцогъ Орлеанскій сѣлъ по правую, а Немурскій по лѣвую его сторону; министры и президентъ помѣстились на скамейкахъ, ниже трона, а Маршалы на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ. Тогда канцлеръ возвѣстилъ Перамъ и Депутатамъ, что они могутъ садиться. Я замѣтилъ, что Король былъ нѣсколько блѣденъ, взволнованъ, тронуть; но твердость ни на минуту не оставила его, и онъ произнесъ рѣчь свою внятно, твердо и безъ малѣйшей торопливости. Герцогъ Орлеанскій держалъ шею на сторону, и я узналъ послѣ, что

онъ былъ раненъ каретнымъ стекломъ, разбитымъ пулею злодѣя, стрѣлявшаго въ Короля; но чтобы не остановить церемоніи и не испугать Королевы, онъ не позволилъ сдѣлать перевязки, а только остановилъ кровь. По окончаніи Королевской рѣчи, опять начали кричать: *Vive le Roi!* Король опять сталъ на всѣ стороны кланяться. Тутъ подошелъ къ трону канцлеръ, и, принявъ Королевское повелѣніе, обратился къ Депутатамъ и Перамъ, и объявилъ имъ, что Палаты открыты. Тотчасъ послѣ этого Король всталъ и прежнимъ порядкомъ вышелъ изъ собранія. Я спѣшилъ выйти, чтобы добраться скорѣе до кареты, и, къ счастью, мнѣ тотчасъ подали ее. Король еще не выѣхалъ, и я торопился въ Тюльерійскій садъ, гдѣ было неисчислимое множество народа: отсюда я могъ хорошо видѣть возвратное шествіе поѣзда. Войско вездѣ стояло подѣ ружьемъ, и я пріѣхалъ въ самую пору. Толпы народа вездѣ толковали о происшествіи, и событіе рассказывалось всѣми одинаково, только заключенія были разными, по духу партій, къ которой каждая группа принадлежала. Тутъ я узналъ, что злодѣй, по имени *Мёнье* (*Meunier*), сѣдельный работникъ,

успѣлъ пройти въ интервалъ двухъ батальоновъ національной гвардіи, и не болѣе какъ въ 15-ти шагахъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Короля, который въ это самое время кланялся войску: пуля счастливо миновала Короля и разбила одно изъ шести стеколъ кареты; обломкомъ ранило въ шею Герцога Орлеанскаго. Едва раздался выстрѣлъ, какъ злодѣи схватили: онъ не успѣлъ даже бросить пистолета.

Я еще не прошелъ всей аллеи, какъ возвратный поѣздъ показался: повсюду кричали Французское ура (Vive le Roi)! Я бросился на тротуаръ сада, мимо котораго ѣхалъ Король: физиогномія его была спокойна; онъ выставлялся изъ кареты, и съ улыбкою кланялся народу на всѣ стороны; карета ѣхала самой маленькой рысью. Войско сдѣлало на караулъ, барабаны били походъ; мало по малу все утихло и успокоилось.

ПАЛЕ-РОЯЛЬ.

Такъ называютъ дворецъ, съ окружающими его галлереями, и садъ, что все вмѣстѣ составляетъ нѣчто цѣлое. Можно сказать, что это цѣлый городъ, и городъ богатый, роскошный, составив-

пійся и существующій въ сердцѣ Паризжа. Вѣрно ни одно зданіе не подвергалось столькимъ переменамъ въ теченіе 450-ти лѣтъ, и даже такъ часто не перемѣнило своего названія, какъ *Пале-Рояль*. Въ 1629-мъ году, Кардиналъ Ришельё построилъ его, по рисункамъ славнаго тогда архитектора Лемерсье, на развалинахъ *Меркёровыхъ* (Mercœur), *Рамбузетовыхъ Палатъ*, и нѣсколькихъ другихъ домовъ. Сперва называли его Ришельёвскими палатами; потомъ переименовали Кардинальскимъ дворцомъ, и безпрестанно увеличивали; но отдѣляли только въ 1636-мъ году. Въ 1639-мъ Кардиналъ подарилъ его Королю, со всѣми мебелями и драгоценными вещами, въ немъ находившимися; но какъ Ришельё предоставлялъ себѣ право владѣть и пользоваться дворцомъ по смерти своей, то дарственную подтвердилъ еще духовнымъ завѣщаніемъ, сдѣланнымъ имъ въ Нарбоннѣ, въ 1642-мъ году. Въ слѣдующемъ году, когда Королева Анна Австрійская была правительницею государства и попечительницею Людовика XIV-го, онъ и братъ его, Герцогъ д'Анжу, перѣехали изъ Лувра въ Кардинальскій дворецъ, который съ тѣхъ поръ и сталъ

называться *Королевским дворцом* (Palais Royal). Это названіе сохранилъ онъ по сіе время. Людовикъ XIV-й уступилъ Пале-Рояль брату своему Филиппу въ пожизненное владѣніе, а въ вѣчное и потомственное пожаловалъ потомъ сыну его, своему племяннику, бывшему послѣ Регентомъ, когда онъ женился на побочной дочери его, Маріи Францискѣ Бурбонъ. Тогда только совершенно окончили и отдѣляли корпусъ строенія, доходившій до Ришельёвской улицы.

Въ правомъ флигелѣ дворца былъ большой театръ, гдѣ могло помѣщаться до 3000 зрителей. На немъ играли Итальянцы и Мольерова труппа до 1673-го года, когда умеръ этотъ великій сочинитель. Потомъ была тутъ опера и давались балы. Въ лѣвомъ флигелѣ помѣщалась прекрасная галлерей, гдѣ славный живописецъ *Филиппъ Шампань* написалъ на сводахъ главныя дѣянія жизни Кардинала Ришельё. Герцогъ Орлеанскій, Регентъ, пристроилъ къ дворцу многое, и собралъ въ немъ богатую коллекцію картинъ, древнихъ рѣзныхъ камней (*), кабинетъ натуральной исторіи, со-

(*) Знаменитая коллекція рѣзныхъ камней почти вся купле-

браіе моделей, инструментовъ художественныхъ и ремесленныхъ. Упоминаю обо всѣхъ этихъ сокровищахъ потому, что отецъ нынѣшняго Короля, извергъ *Egalité*, расточилъ все и распродалъ въ революцію, на замыслы свои, и на обороты, которые совсѣмъ переобразовали *Пале-Рояль*. Онъ обнесъ весь садъ строеніями, которыхъ нижній этажъ составленъ изъ множества аркадъ, гдѣ въ каждой лавка съ разными товарами. Въ другихъ этажахъ кофейные дома, трактиры, бильярдныя залы, однимъ словомъ, тутъ помѣщается цѣлый міръ. Подъ арками и передъ лавками, знаменитое гулянье, куда собираются ежедневно праздные и дѣловые жители Парижа; первые зѣваютъ на лавки, и смотрятъ, сквозь стекла, на всѣ сокровища, въ нихъ разложенныя: тутъ галантерейныя и модныя магазины, тамъ собранія рѣдкостей, книжныя лавки; тутъ съѣстные припасы, лакомые и дорогіе у Шеве, у Корселя; невольно заглядишься и промотаешь что нибудь, то есть купишь по большей части не нужное. Дѣловые

на Императрицу Екатерину II-ю, и находится теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

люди ходятъ сюда толковать, условливаться, узнавать новости. Они по большей части собираются въ кофейныхъ домахъ, а ихъ здѣсь много; между прочимъ славный кофейный домъ Фуа. Во всякомъ изъ нихъ можно найти почти всѣ журналы. Замѣчательно еще, что каждый изъ такихъ кофейныхъ домовъ усвоенъ какою нибудь партіей. Лежитимисты, на примѣръ, собираются въ *Café Valoi*, либералы въ другомъ, артисты въ третьемъ, и такъ далѣе. Здѣсь-же и лакомые столы *Бери*, *Вефура*, братьевъ *Провенсо*. Пале-Рояль резиденція всѣхъ путешественниковъ. Кто не посѣщалъ здѣшнихъ профессоровъ гастрономіи? Кто не бывалъ въ театрѣ Пале-Рояля, посмотрѣть прелестную актрису Дежазе, и порадоваться игрою Ашарда? Кто не знаетъ, что на этой сценѣ игралъ въ послѣдній разъ и распрощался съ публикою неподражаемый Потье?

Пале-Рояль сосредоточиваетъ въ себѣ всю роскошь, всѣ наслажденія, всѣ прихоти, какія только можно пожелать, и отъ того-то большая часть путешественниковъ ограничиваются имъ и театрами, и потомъ думаютъ, что они знаютъ Парижъ. Не лѣзя не сознаться однакожъ, что Пале-

Рояль для иностранца прибѣжище спокойное и пріятное. Тутъ можно найти все, и встрѣтиться съ знакомыми и земляками, о которыхъ никогда бы и не узналъ, безъ этого сходбища со всѣхъ краевъ свѣта.

Пале-Рояль принадлежитъ теперь Герцогу Орлеанскому, который однакожь живетъ съ отцомъ въ Тюйлерійскомъ дворцѣ, и только иногда даетъ здѣсь балы, обѣды и принимаетъ представленія. Комнаты его богато убраны, и заключаютъ въ себѣ богатую картинную галерею, собранную нынѣшнимъ Королемъ, жившимъ; до восшествія своего на престолъ, всегда здѣсь.

Дворецъ *Elysé - Bourbon* между дворомъ и садомъ; дворъ его въ улицу предмѣстія св. Онорія, а садъ на Елисейскія поля. Онъ не великъ, но замѣчателенъ тѣмъ, что изъ него въ послѣдній разъ выѣхалъ Наполеонъ, и въ немъ жилъ Императоръ Александръ. Потомъ онъ принадлежалъ Герцогу Беррійскому, и въ немъ супруга его собрала драгоцѣнную галерею картинъ, Фламандской и Голландской школы, которую въ бытность мою здѣсь распродали съ аукціона. Самыя лучшія и дорогія картины куплены А. Н. Демидовымъ.

При описаніи Парижа, не лѣзя не упомянуть о площадяхъ, украшающихъ его; но ихъ слишкомъ много, и не всѣ онѣ хороши. Я назову только самыя достопамятныя. Первая, прекрасная и обширная площадь, Людовика XV-го. Съ одной стороны ея протекаетъ Сена. Тутъ нѣкогда насажены были аллеи, по приказанію Маріи Медичи, и площадь эта, какъ мѣсто прогулки Королевиной, называлась *Cour de la Reine*; потомъ ужъ называли ее площадью Людовика XV-го, по конной статуѣ его, поставленной по срединѣ площади. Въ революцію, когда памятникъ былъ уничтоженъ, ее назвали площадью Революціи. Тутъ стояла гильотина и напoмла землю кровью. На этомъ мѣстѣ казнили Короля, Королеву, Принцессу Елисавету, Герцога Орлеанскаго, даже самого изверга Робеспьера. Во время Директоріи называли ее *Place de la Concorde* (Площадь Согласія): это названіе сохранилось и понынѣ, хотя по большей части называютъ ее площадью Людовика XV-го. Теперь она совершенно отделана и украшена. Она представляетъ фигуру большаго квадрата, и посрединѣ ея воздвигнуть Луксорскій обелискъ, привезенный изъ Египта.

Прелестный древній памятникъ! Въ Римѣ есть Египетскій обелискъ выше его; но цѣлость Парижскаго, и чистота отдѣлки гіероглифовъ удивительны. Его при мнѣ поднимали; это было исполнено счастливо и довольно скоро, подъ надзоромъ инженера *Леба* (Lebas). Вокругъ обелиска четыре фонтана (*). Видъ съ площади во всѣ стороны великолѣпный.

Вандомская осміугольная площадь пересѣкается на двѣ равныя половины широкой улицей *Мира*, rue de la Paix. Посреди нея великолѣпная Наполеонова бронзовая колонна. Это совершенная копія Траяновой колонны въ Римѣ: барельефы, изображающіе побѣды Наполеона, обвиваютъ ее съ низу до капители, такъ-же какъ Римскую; вышина та-же самая, и такая-же внутри лѣстница, вѣнчающа доверху; разница въ томъ, что на Парижской поставлена статуя Наполеонова, и весь памятникъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой, подлѣ которой всегда стоитъ заслуженный инвалидъ. Работа статуи, барельефовъ и всей колонны, превосходна, и эффектъ ея на этой площади, окруженной

(*) При мнѣ они еще не были отдѣланы.

прекрасными, высокими и единообразными домами, величественъ !

Площадь Побѣды (Place des Victoires) замѣчательна конною бронзовою статуей Людовика XIV-го. Лошадь, какъ въ нашемъ Петербургскомъ памятникѣ Петра, изображена скачущею, съ тою только разницею, что наша опирается на хвостъ и на змѣю, а Парижская держится просто на двухъ заднихъ ногахъ, что гораздо приличнѣе, и труднѣе для художника. Король въ Римской Императорской одеждѣ.

Королевская площадь (Place Royale) великолѣпна; она окружена большими и прекрасными домами въ три этажа, гдѣ арки нижнихъ этажей представляютъ спокойное и пріятное гулянье во всякую погоду. Посрединѣ площади зеленый лужокъ, и на немъ конная мраморная статуя Людовика XIII-го, работы ваятеля Дюпати. Лошадь въ этомъ памятникѣ такъ хороша, что я ничего совершеннѣе не видывалъ: она идетъ шагомъ, и жаль только, что подъ самое брюхо ея поставленъ мраморный столбъ, безъ котораго памятникъ не могъ-бы держаться. Это чрезвычайно портитъ эффектъ и отнимаетъ живость у всей

фигуры. Надобно замѣтить, что это памятникъ возобновленный, потому что прежній, поставленный Кардиналомъ Ришельё Людовику XIII-му (бронзовый на мраморномъ подиумѣ) былъ истребленъ во время революціи.

На Новомъ мосту (Pont Neuf) былъ памятникъ Генриху IV-му, также бронзовая конная статуя; но бѣшеная чернь, въ 1794-мъ году, не пощадила памяти добродѣтельнаго и храбраго Короля, и разрушила статую. Это тѣмъ больше жаль, что лошадь была работы безсмертнаго ваятеля *Жанъ-де Булонь* (Jean de Boulogne). Теперь на мѣстѣ прежняго новый памятникъ, также бронзовый и той-же величины; но на этомъ Король посаженъ какимъ-то худымъ берейторомъ; онъ, кажется, жизни не радъ, что залѣзъ на такую вынь, и не знаетъ какъ съѣхать съ нея. Недалеко отсюда небольшая площадь *Дофин-моя* (Place Dauphine); на ней фонтанъ и памятникъ Генералу *Дезе* (Desaix): это бюстъ, поставленный на обелискѣ, гдѣ описаны подвиги, слава и смерть молодого воина.

Въ Парижѣ много другихъ памятниковъ, какъ-то, ворота св. Діонисія, ворота св. Мартина,

перестроенныя и украшенныя Людовикомъ XIV-мъ; фонтаны: *Св. избѣенныхъ младенцевъ* (Fontaine des Innocens), *Самаритянки* (De la Samaritaine), и проч. Колоссальныя *Триумфальныя ворота Наполеона* (L'Arc de Neuilly), огромныя всѣхъ извѣстныхъ. Они прекрасной архитектуры, и видъ съ площади, на вышинѣ ихъ, представляетъ полную и очаровательную панораму Парижа. Барельефы, изображающіе разныя эпохи французской революціи, превосходны; но мнѣ не нравится фигура самого Императора (впрочемъ очень сходная). Римская тога, непокрытая голова, сандалии на голыхъ ногахъ, кажутся мнѣ неумѣстны и неприличны.

Приступая къ описанію знаменитыхъ Парижскихъ церквей, я прежде всего назову Соборъ Пресвятыя Богородицы Парижской (Notre-Dame). Онъ очень древень, и сперва былъ созданъ во имя великомученика Стефана, но перестроенъ и увеличенъ въ 522-мъ году, въ царствованіе Хильдберта, сына Хловикова (Clovis). Тогда посвятили его имени Богородицы, съ которымъ онъ остается до сихъ поръ. Его еще увеличилъ Король Робертъ, а совершенно окончилъ уже

Филиппъ Августъ; полуденный-же порталъ довер-
 шенъ только въ 1257-мъ году. Слѣдовательно,
 этотъ соборъ строился непрерывно почти 300
 лѣтъ. Онъ великолѣпенъ и чистой готической
 архитектуры. Своды въ немъ имѣютъ 17 сажень
 высоты; ширина собора 24 сажени, а длина 65,
 считая отъ входа до конца алтаря. Огромное
 круглое окно, съ ярко-расписанными стеклами,
 внутри алтаря, было всегда предметомъ удивле-
 нія знатоковъ. Вокругъ всей церкви, внутри ея,
 двойныя галлерей, отдѣленные рядомъ толстыхъ
 столбовъ. Множество придѣловъ, ни мало не стѣ-
 сняющихъ внутренности, придаютъ ей, напро-
 тивъ, особое величіе и таинственность. Надъ
 входомъ въ церковь двѣ квадратныя башни, въ 34
 сажени вышины, составляютъ родъ фронтона,
 черезъ который входятъ тремя вратами. Наруж-
 ность этого огромнаго зданія великолѣпно от-
 дѣлана въ томъ-же готическомъ вкусѣ. Вокругъ
 алтаря, множество пирамидъ, нѣжно выработан-
 ныхъ, украшены листьями, изображеніями лицъ,
 и даже цѣлыми фигурами. Наружныя двери по-
 крыты рѣзбою, представляющею святыхъ, анге-
 ловъ и патріарховъ Ветхаго Завета. Достойны

замѣчанія 28 фигуръ , болѣе чѣмъ въ ростъ чело-
вѣческій , поставленныя въ одинъ рядъ по фрон-
тону: онѣ изображаютъ Французскихъ Королей.
Все зданіе покрыто свинцомъ. Внутренность со-
бора довольно темна, кромѣ однакожь алтаря, въ
которомъ замѣнили раскрашенныя стекла бѣлыми.
Внутри 108 цѣльныхъ колоннъ. Стропицы и пере-
кладыны подъ крышей все изъ каштановаго дерева.
Меня поразила величественная красота этого со-
бора , его таинственная мрачность , призывающая
къ молитвѣ , и обширность всего зданія , гдѣ
теряешься въ размышленіяхъ и забываешь суеты
міра. Прекрасныя бронзовыя колонны поддержи-
ваютъ балдахинъ надъ главнымъ престоломъ; стѣ-
ны украшены картинами Жувенета, представляю-
щими всю жизнь Богородицы. До революціи было
множество украшеній , которыя теперь уже не
существуютъ. Почти не было Короля Француз-
скаго, который не оставилъ-бы по себѣ здѣсь на-
поминанія , богатыми вкладами или украшеніемъ;
но вандалы-Якобинцы все истребили , и едва
не разрушили самого собора. Къ счастью, пона-
добился сарай для складки овса и сѣна: это спа-
сло храмъ. Если-бы истребили его, то не много

осталось-бы въ Европѣ подобныхъ готическихъ зданій. Наполеонъ обогривъ церковь, приказалъ исправить все, что было возможно, и въ ней коронованъ съ пышностію и великолѣтіемъ, приличными такому обряду, который совершалъ Папа Пій VII-й, въ 1804-мъ году.

Мы показывали въ ризницѣ все тогдашнее облаченіе Папы, и императорскую мантию, вышитую золотыми пчелами по малиновому бархату и подбитую горностаемъ. Давно-ли кажется? А ужъ едва остается память Великаго въ Парижѣ, и всѣ событія его времени причислены къ древней исторіи.

Въ этомъ соборѣ похоронено много знаменитыхъ людей; тутъ находилась и гробница св. Діонисія, Апостола Франціи. Множество мощей и святыхъ истреблено Якобинцами; памятники, украшавшіе гробницы, разрушены, и только случайно спасся одинъ изъ нихъ: подъ наваленнымъ сѣномъ злодѣи не усмотрѣли его. Онъ стоитъ въ предѣлѣ, и понынѣ неотдѣланномъ, а загороженномъ просто досками. Это гробница Маршала Гаркура, воздвигнутая ему супругой его. Група изъ бѣлаго мрамора представляетъ Герцога,

лежащаго на полѣ сраженія ; умирая , онъ приподнимается , опираясь на одну руку и оборачиваясь къ супругѣ , которая , стоя на колѣняхъ , и протягивая къ нему руки , будто призываетъ его къ себѣ . Говорятъ , мысль этого памятника пришла ей во снѣ , и въ ту самую минуту , когда его убили въ сраженіи . Работа превосходная ; кажется ваятеля *Кусту* . Въ алтарѣ я видѣлъ прекрасный памятникъ бывшаго при Наполеонѣ Архіепископомъ Парижскимъ , Кардинала Бельзевса : онъ изъ бѣлаго мрамора . Кардиналъ , во весь ростъ , сидитъ въ креслахъ и правою рукою благословляетъ ; не лѣзя лучше выразить въ лицѣ человѣка кротости , набожности и доброты , какъ изобразилъ ихъ здѣсь художникъ ! Ризница и церковная утварь собора очень богаты ; но все это новое , сдѣлано Наполеономъ , и усердіемъ двухъ послѣднихъ Королей , старшей линіи Бурбоновъ , а особенно Карла X-го . Архіепископскія палаты , библіотека , и жилища канониковъ , и вообще всего причта церковнаго , помѣщались въ огромномъ строеніи , прилегавшемъ къ собору ; но въ послѣднюю революцію , 1830-го года , чернь разломала все это до основанія , и даже драго-

цѣнную бібліотеку Архіепископа побросала въ рѣку.

Королевское аббатство *св. Жермена въ зугаль* (St. Germain des prés), такъ названное вѣроятно потому, что оно построено было внѣ города, и вошло въ черту его послѣ, когда Парижъ значительно увеличился. Я не сталъ-бы упоминать объ этой церкви, еслибъ она не была одною изъ древнѣйшихъ въ Парижѣ, и не заслуживала вниманія путешественниковъ множествомъ воспоминаній историческихъ. Какъ зданіе, она стѣитъ замѣчанія развѣ только по высотѣ башни, служащей ей колокольною. Полагаютъ, что церковь эта построена на развалинахъ храма Йзиды (*). Я тщательно осматривалъ эту церковь, потому что ни въ одной другой въ Парижѣ не лѣзя найти такихъ слѣдовъ древности, и архитектуры, уже нигдѣ болѣе не существующей. Напримѣръ, внутри церкви капители у колоннъ всѣ разнообразны; работа ихъ и украшенія напоминаютъ что-

(*) Статуя Египетской богини сохранилась при церкви до 1814-го года, когда священникъ приказалъ разбить ее, потому, что непросвященная чернь поклонялась ей какъ образу святой.

то Египетское, и что-то послѣднихъ временъ Греческой Имперіи; иныя-же украшенія чисто готическія. Жаль, что безумная чернь въ революцію все это испортила. Конечно исправили многое, и теперь еще тщательно исправляютъ; алтари въ придѣлахъ возобновлены, хоть ужъ не такъ богато, какъ были они прежде, но прилично; Папа Пій VII-й, по пріѣздѣ своемъ для коронованія Наполеона, положилъ первый камень при возобновленіи придѣла Богородицы, и другаго, св. Мартина.

Церковь *св. Жермена Оксеруа* (St. Germain l'Auxerrois), на Луврской площади, также любопытна, своею древностію, своею готической архитектурой, и тѣмъ, что она была приходскою церковью дворца. Въ ней было похоронено множество людей знаменитыхъ, и она вмѣщала въ себѣ произведенія лучшихъ художниковъ того времени; но ее недавно опустошили. Думаютъ, что велѣно будетъ возобновить, и жаль, если этого не сдѣлаютъ: она хотя не велика, но прекрасной готической архитектуры.

Церковь *св. Женевьевы* (Ste Geneviève) одна изъ самыхъ древнихъ въ Парижѣ. Она всегда

была въ болыномъ уваженіи у Парижанъ, потому что въ ней хранились мощи святой и рака. Тутъ же были похоронены Хловигъ, первый изъ Королей, принявшій вѣру Христіанскую, жена и дочь его. Раку св. Женевьевы великолѣпно украсили въ 1242-мъ году, и поставили подъ главный престолъ, а потомъ опять передѣлали, изъ чистаго серебра, и вызолотили. Подъ церковью была палатка со сводами; ее сохраняли тщательно, потому что во времена гоненій на христіанъ тамъ собирались на молитву.

Аббатство и церковь св. Женевьевы нѣсколько разъ грабили и жгли Норманы, въ 846, 884 и 892 годахъ; неизвѣстно даже, въ какое время возобновили ее; знаютъ только, что это было въ 9-мъ столѣтіи; а отстроили ее уже въ XIII-мъ или XIV-мъ вѣкѣ. Она была великолѣпно украшена драгоценными мраморами и образами, щедрымъ къ благолѣпію ея Кардиналомъ Ларошфуко. Извѣстно, что во времена заразительныхъ болѣзней и бѣдствій, постигавшихъ городъ, раку святой торжественно обносили по городу. Это случилось въ первый разъ въ 1229-мъ году.

Людовикъ XV-й хотѣлъ перестроить церковь съ основанія. Онъ самъ положилъ первый камень въ 1764-мъ году, утвердивъ планъ архитектора *Суфло* (Soufflot). Художникъ этотъ учился въ Италіи, и перемѣнилъ все первое расположеніе храма, и всю систему архитектуры, бывшую тогда въ употребленіи въ Парижѣ. Онъ ввелъ колонны, отдѣльныя и большаго діаметра, какъ внутри, такъ и снаружи строенія. Планъ его, по новості, легкости и красотѣ своей, заслужилъ общее одобреніе, и заставилъ думать, что имъ произведено все, что лучшаго осталось намъ послѣ Грековъ и Римлянъ. Храмъ долженъ былъ представлять Греческій крестъ, въ 340 футовъ длины, считая преддверіе, и въ 250 ширины между стѣнъ; посрединѣ возвышался куполъ въ 62 фута 8 дюймовъ, поддерживаемый внутри четырьмя столбами, столь легкими, что едва можно было различать ихъ между отдѣльными колоннами, составлявшими четыре отдѣленія креста.

Такая-же легкость являлась и въ круглыхъ сводахъ зданія, гдѣ съ большимъ искусствомъ сдѣлали просвѣты, придававшіе имъ, нѣкоторымъ образомъ, видъ готической легкости. Просвѣты

эти въ разныхъ направленіяхъ , и производять, переливами свѣта , эффектъ разнообразный и очень пріятный. Присоединя къ тому свѣжую отдѣлку , чистоту камня , украшеніи легкой рѣзбы, со вкусомъ размѣщенной , можно вообразить восхищеніе жителей , при появленіи ихъ внутри зданія. Высота , отъ помоста до рамы верхняго просвѣта, посрединѣ свода вдѣланнаго, была 170 футовъ. Оставалось только кончить мраморный помостъ , какъ вдругъ замѣтили нѣсколько отколовъ и небольшихъ трещинъ въ столбахъ, держащихъ куполъ, и въ сосѣдственныхъ колоннахъ. Ясно было , что тяжесть сводовъ подавляетъ слабыя подпоры, и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ всего зданія. Надобно было приспособить новыя поддуги , сдѣлать опоры столбамъ, и нѣкоторымъ образомъ испортить внутренній видъ зданія , которое уже полагали оконченнымъ , послѣ непрерывныхъ, слишкомъ сорокалѣтнихъ трудовъ, и болѣе 15-ти милліонной издержки.

Опытные архитекторы давно предвидѣли эту бѣду, и многіе подавали записки , гдѣ доказывали, что зданіе не можетъ устоять. Между прочимъ Паттъ ясно показалъ , отъ чего произошло

поврежденіе. Правительство велѣло тотчасъ составить комисію, тщательно рассмотреть недостатки построенія, и изыскать средства помочь имъ. Комисія, гдѣ соединились лучшіе художники, удостовѣрилась, что куполь и три свода сложены искусно и предусмотрительно; что при построеніи ихъ было приложено все возможное стараніе; что желѣзныхъ связей достаточно; что кладка искусна, и изъ лучшаго камня, и въ верхней части церкви никакого поврежденія не оказалось, хотя поддерживающіе ее нижніе столбы осѣли и треснули. Слѣдовательно, весь недостатокъ заключается въ непрочности и дурной постройкѣ столбовъ.

Послѣ такого заключенія занялись средствами исправить несовершенства и предупредить разрушеніе, не портя системы внутреннего расположенія и не прибавляя столбовъ, или колоннъ, которыя нарушили-бы гармонію плана. Главное управленіе работами поручили Г-ну *Ронделе* (*Rondelet*), который принялся за нихъ въ концѣ 1770-го года, и съ такимъ тщаніемъ и искусствомъ перекладывалъ куполь и своды, что даже ни сколько не измѣнилъ плана Суэло.

Въ революцію, назначеніе храма перемѣнилось: подъ названіемъ Пантеона, его посвятили великимъ мужамъ Франціи. Для этого сдѣланы были перемѣны въ расположеніи, и подъ сводами подземельныхъ галлерей его похоронили прахъ Вольтера, Руссо, и потомъ Марата; послѣ Марата выкинули. Я видѣлъ смѣшныя гробницы Вольтера и Руссо; онѣ были на первый слѣчай сдѣланы деревянныя, нѣмного раскрашенныя, съ какою-то сусальною позолотою, и теперь уже почти сгнили; вѣроятно, никто не подумаетъ исправить или возобновить ихъ. Другихъ великихъ людей, достойныхъ Пантеона, Франція еще не нашла. Да почему она присвоила себѣ и Руссо? Онъ, конечно, великій писатель, но онъ Швейцарецъ. Въ царствованіе Наполеона, Пантеонъ возвратили религіи, и онъ опять назвался церковью св. Жюзефы. Императоръ опредѣлилъ хоронить въ подземельныхъ галлерейхъ его верховныхъ чиновниковъ Имперіи, и тѣхъ рѣдкихъ мужей, которые превосходными дарованіями, геройскими подвигами, или примѣрною храбростію заслужать такое отличіе. Тамъ уже много гробницъ, и между прочими гробница Маршала Ланна. Но всѣ

эти прославившіеся покойники въ другой сторонѣ и лежатъ далеко отъ Вольтера и Руссо, которые и послѣ смерти, кажется, не могутъ примириться и сблизиться, а потому лежатъ въ противоположныхъ сторонахъ : одинъ по правую отъ входа, а другой по лѣвую сторону. Въ этомъ подземельѣ есть мѣсто , гдѣ удивительное эхо : почти цѣлая фраза явственно и чисто повторяется имъ.

При Людовикѣ XVIII-мъ еще отдѣлывали церковь. Платонъ расписывалъ славный живописецъ Баронъ Гро (Gros). Четыре картины, изъ исторіи Франціи, начиная отъ Карла Великаго, были предначертаны такъ , чтобы четвертая посвящена была Наполеону; но паденіе его не допустило до этого, и художникъ изобразилъ въ ней возвращеніе Бурбоновъ , искусно помѣстивъ на облакахъ Людовика XVI-го, супругу и сына его. Живопись хороша, но композиція картинъ не совсѣмъ правится мнѣ. Карлъ Великій больше похожъ на раздраженного пророка, чѣмъ на царя-воина. Искренно сожалею , что когда я посѣщалъ Пантеонъ, пандативы, порученные кисти моего пріятеля *Барона Жерара* , оставались еще покрыты холстомъ , потому что не совсѣмъ были отдѣланы.

Теперь онъ умеръ; не знаю, кто докончить работу этого великаго художника. Послѣ революціи 1830-го года, церковь опять обращена въ Пантеонъ, и, по моему мнѣнію, совсѣмъ некстати. Архитектура этого зданія совершенно прилична и даже прилична единственно богослуженію. Французы, вѣрно, скоро опомнятся, обратятся къ религіи и почувствуютъ, что гораздо лучше внести въ храмъ Св. Женевиѣву, чѣмъ сохранять подъ сводами ея людей, которыхъ славу можно оспаривать. Если-бы Магдалининскую церковь, которую Наполеонъ назначалъ быть храмомъ славы для его великой арміи, посвятили великимъ мужамъ Франціи, а Пантеонъ опять отдали богослуженію, тогда оба зданія были-бы совершенно приличны каждое своему назначенію.

Пантеонъ зданіе великолѣпное и одно изъ прекраснѣйшихъ въ своемъ родѣ; его своды съ просвѣтами, его куполь, его легкость, единственны! Онъ пусть и неукрашенъ, но прелестенъ, и долго останется, вмѣстѣ съ соборною церковью Богородицы, первымъ зданіемъ Парижа.

Церковь *Св. Стефана въ горахъ* (St. Etienne du mont) замѣчательна тѣмъ, что въ ней теперь на-

ходится рака Св. Женевьевы, безъ всякаго украшенія, покрытая только шелковою матерією. Она забыта Парижанами; малое число вѣрующихъ, и но большей части женщины, изрѣдка приходятъ сюда молиться, и кладутъ на раку вѣночки изъ полевыхъ цвѣтовъ; я нашелъ два или три, зашедше.

Церковь Св. Елисаветы, близъ Тампля, достойна посѣщенія путешественниковъ: нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не увидятъ они расписныхъ стеколъ такой величины; каждое окошко въ одно стекло, съ изображеніемъ картины, или образа, превосходной живописи. Ихъ работали въ Севрѣ, и они очень дорого стоять. Мнѣ сказывали, что Король Виртембергскій заказалъ для себя точныя копія съ нихъ, такой-же величины.

Церковь *Маріи Магдалины* заслуживаетъ подробное описаніе. Я жилъ подлѣ и имѣлъ дозволеніе входить въ нее во всякое время, потому что, въ бытность мою, отдѣлывали еще внутренность ея; архитекторъ упросилъ, чтобы туда никого не пускали безъ него, и это строго соблюдалось.

Наполеонъ приказалъ построить Греческій храмъ славы. Бурбоны, возвратившись, велѣли сдѣлать

на фронтонах храма Латинскую надпись, посвящая его *Всеблагому Всемогущему Богу, во имя Святыя Маріи Магдалины*. Хорошо; но почему узнать, что это христіанская церковь? гдѣ крестъ? куда помѣстить колокола, призывающіе къ молитвѣ? Наконецъ, какъ различить это зданіе, при первомъ взглядѣ, отъ биржи, отъ Депутатской Палаты? Оно несообразно съ нинѣшнимъ своимъ назначеніемъ; однако не лѣзя не сознаться, что, какъ произведеніе архитектуры, это превосходнѣйшее зданіе новыхъ временъ. Церковь Маріи Магдалины начата еще въ 1762-мъ году; потомъ планъ ея перемѣнили и начали ее снова; къ счастью, она не была достроена въ 1793-мъ году, и потому только не превратилась тогда въ клубъ или складочный амбаръ. Въ 1807-мъ году Наполеонъ издумалъ сдѣлать изъ нея храмъ славы, предполагая поставить на фронтонахъ слѣдующую надпись: *Императоръ Наполеонъ создатель Большой Арміи*. Притомъ вѣрно было сохранить все построенное, какъ оно было, чтобы не увеличить расходовъ выше трехъ милліоновъ. Изъ представленныхъ плановъ, Императоръ утвердилъ планъ Виньона. Этотъ архитекторъ передѣлалъ все снова, но рабо-

ты шли медленно, во время войны и при недостаткѣ въ деньгахъ, такъ, что съ 1808-го по 1830-й годъ едва выводили по два ряда камней въ годъ. Теперь, при новомъ архитекторѣ Г-нѣ Гюсе, наружность церкви совершенно отдѣлана; работаютъ внутри. Займемся сперва наружностью. Это храмъ Коринтскаго ордена, изъ числа тѣхъ, которые у древнихъ назывались *перилтеръ*, то есть, окруженный рядомъ однообразныхъ колоннъ, поставленныхъ въ равномъ разстояніи между собою и отъ стѣнъ. Онъ украшенъ двумя портиками, съ фронтонами; фронтонъ, обращенный къ бульвару, поддерживается колоннами въ два ряда, которыя, какъ и иластры, соответствующіе имъ, посрединѣ даютъ отверстіе дверямъ. Потолокъ надъ дверями возвышается аркою, украшенною, такъ-же какъ и на прочихъ дверяхъ, розасами и рѣзбою превосходной работы. Вообще весь храмъ вокругъ украшенъ лѣпною работою, удивительно нѣжною. На фризѣ, надъ каждою колонною, и посрединѣ каждаго промежутка, поставлены ангелы, поклонящіеся и держащіе гирлянды, гдѣ на изгибахъ помѣщены: сосудъ, рипиды, кресты. Это зданіе одно

изъ обширнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ не только новаго, но и стараго времени. Я очень сожалею, что мнѣ не удалось видѣть барельефа, назначеннаго на главный фронтонъ. Знакомые мнѣ художники сказывали, что онъ несравненной красоты, работы художника *Лемера* (*Lemaire*). Въ немъ Спаситель стоитъ на тронѣ, и милостиво приветствуетъ Магдалину, стоящую передъ нимъ на коленяхъ; тутъ множество другихъ фигуръ.... Но не выдавши барельефа, не хочу его описывать и еще меньше судить о немъ по чужимъ рассказамъ. Сообразите его огромность потому, что одна фигура Спасителя 48-ть футовъ вышины!

Внутренность храма очень близка къ отдѣлкѣ; боюсь, что она не будетъ соответствовать наружной его красотѣ. Для украшеній употреблено множество разноцвѣтнаго мрамора, изъ Французскихъ каменоломней; картины написаны всѣ своими художниками. Славный живописецъ *Ларошъ*, зять Горация Вернета, взялся-было росписать всю церковь, условился въ цѣнѣ и получилъ задатки; но министръ *Тьеръ* отдалъ написать одну картину какому-то художнику, имъ покровительствуемому, и *Ларошъ* возвратилъ задатокъ и отказался отъ рабо-

ты. Жаль! во-первыхъ потому, что это художникъ первостепенный, а во-вторыхъ, что не будетъ согласія въ изображеніяхъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о церкви *Богородицы Лореттской*. Ее при мнѣ отдѣляли и освятили. Въ жизнь мою не видывалъ я такого восторга, какой произвело въ публикѣ освященіе этого храма. Можно было-бы подумать, что построили какое нибудь чудо, подобное Парижскому собору Богородицы, или Кельнской соборной церкви. Я пріѣхалъ за два часа до начатія церемоніи, но ужъ мѣста не было, и я не могъ протѣсниться даже до преддверія. Одинъ изъ старость церковныхъ, мой пріятель Графъ *Эрсевицъ*, убѣдилъ меня не трудиться напрасно, предлагая показать мнѣ церковь во всѣхъ ся подробностяхъ, когда въ ней никого не будетъ; я послушался, и черезъ нѣсколько дней, вмѣстѣ съ нимъ, отправился въ нее.

Церковь *Лореттской Богородицы* напомнила мнѣ, только въ маломъ видѣ, Римскую церковь Богородицы (*Ste Marie Majeure*). Впрочемъ, она не мала и легко можетъ вмѣстить до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Стѣнная живопись здѣсь выгодно замѣ-

иметь картины, которые почти всегда ставились невыгодно, безъ разбора. Здѣсь хотѣли, чтобы все было на мѣстѣ, и для мѣста. Многіе изъ Французскихъ художниковъ нашли случай показать свои дарованія.

Жаль, что важныя обстоятельства не дозволили всего кончить до ея освященія, и потому не лзя судить о цѣломъ, которое отъ этого много теряетъ. Живопись плафона и пандативовъ невозможно разсмотрѣть вполнѣ, потому что даже не всѣ подмости сняты; группу, изъ позлащенной бронзы, долженствующую украсить главный престолъ, и двухъ ангеловъ, еще не успѣли поставить. Мраморныя изображенія Спасителя и Богоматери не на своихъ мѣстахъ, отъ того что придѣлы, въ которыхъ они должны стоять, не отдѣланы; боковыя двери въ церковь и въ ризницу загорожены досками. Однимъ словомъ: много еще недоконченнаго.

Церковь эта, совершенно отдѣленная отъ всякаго строенія, находится въ концѣ Лавиттовой улицы, такъ что ее видно съ бульвара. Ширина ея 95 футовъ, а длина 245 футовъ. Въ фасадѣ портикъ, съ четырьмя колоннами Коринтскаго

ордена, и съ богатыми фризами; онъ повершенъ фронтономъ, по угламъ котораго поставлены статуи *Вѣры, Надежды и Любви*, работы ваятелей *Фоллье, Лемера и Лайлье*. Въ полотно фронта барельефъ, работы *Наккелла*, изображающій ангеловъ, поклоняющихся Богородицѣ и Младенцу Иисусу. Внутренность церкви пространна, хорошо отдѣлана; стекла большого запрестольнаго окна, и въ ризницѣ, расписаны прекрасно; они сдѣланы на Севрской фабрикѣ. Четыре главные придѣла, по угламъ, будутъ также украшены лѣпною работою и живописью.

Послѣ этого поверхностнаго описанія, я позволю себѣ войти въ разсмотрѣнiе достоинствъ новаго храма. Парижане, не привыкшіе видѣть расписанныхъ внутри по стѣнамъ церквей, восхищаются этою: изобиліе красокъ и позолоты, сравненіи съ холодною сухостью почти всѣхъ ихъ новыхъ храмовъ, прельщаетъ зрѣніе новостью, и толпа почитателей (не молещиковъ) готова рукоплескать этому блестящему зрѣлищу. Они и не поминяють о благоговѣйномъ впечатлѣніи, какое должно было-бы внушать такое мѣсто. Кто виновать? Толпа, и самое зданіе!

Конечно, во Франціи прошло то время , когда вѣра и набожность увлекали молящихся въ храмы , заставляли ихъ восхищаться изображеніями святыхъ преданій, и повергали долу въ набожномъ молчаніи. Но прошло и то время , когда величественный соборъ возносилъ къ небесамъ огромные своды свои , подъ которыми человекъ казался такъ малъ. Вѣка перемѣнились.... Теперь архитекторъ созидаетъ новый домъ Божій, но домъ этотъ такъ веселъ, и такъ щеголевато убранъ , что, кажется, въ немъ не возможно никакое глубокое и важное размышленіе.... Но оставимъ и это. Въ эпоху, когда всѣ хотятъ изобрѣтать, а не подражать, для чего было копировать въ углу Парижа церковь Св. Маріи (Мажеуге) въ Римѣ? А если такъ, то къ чему, вмѣсто огромной церкви , дѣлать родъ часовни? Надобно-ли было копировать Римскій соборъ со всѣми его недостатками , если въ немъ они есть, и даже придать ихъ , если онъ ихъ не имѣетъ? Хорошо-ли, напримѣръ, что фасадъ здѣшняго храма въ полтора раза больше его ширины, а Коринтскія колонны, по толщинѣ своей , несоизмѣрны съ Іоническими, поставленными внутри? Сколько выпусковъ и придѣлокъ, выходящихъ изъ

черты главныхъ линій , и удобныхъ лишь на то, чтобы за нихъ цѣпляться ! На что они ? Притомъ, совершенное отсутствіе всякаго украшенія снаружи, для меня непонятно ! Хорошо-ли и то, что колокольня, возвышающаяся надъ строеніемъ, похожа на китайскую садовую бесѣдку, или на голубятню !

Внутри церкви , вы дивитесь красотѣ и богатству живописи, рѣзбы и позолоты ; но что чувствуете вы ? Углубляетесь-ли въ благоговѣйныя размышленія ? Открывается-ли душѣ что нибудь высшее земнаго чувства удивленія ? Нѣтъ. Глазамъ пріятно смотрѣть на изобиліе богатыхъ и пріятныхъ украшеній ; но щеголеватость не замѣняетъ величія и важности. Скорѣе можно подумать, какъ сказалъ одинъ Французъ, что находишься въ богатомъ кабинетѣ, а не въ церкви Богородицы.

Мнѣ не нравятся даже эти простыя окошки, такія-же какъ въ обшкновенныхъ комнатахъ , и этотъ раззолоченный коробками потолокъ тяжелъ, давитъ меня. Я не войду въ разсмотрѣніе каждой части храма и каждой картины ; заключу только тѣмъ , что церковь Лореттской Богородицы хороша, нарядна, но не величественна , и далеко

не можетъ сравняться съ церквами Италіи, и еще меньше съ древними готическими церквами Франціи и Германіи,

Я былъ во многихъ другихъ церквахъ въ Парижѣ, какъ-то: въ церкви Св. Евстафія, Успенія Богородицы, С. Рока, Св. Сульпиція. Последняя особенно замѣчательна красотою и огромностію своею, и тѣмъ еще, что въ ней начертанъ Парижскій меридіанъ, столько извѣстный во всѣхъ астрономическихъ и географическихъ наблюденіяхъ; онъ былъ принятъ за основаніе многими учеными писателями. Въ концѣ линіи поставленъ астрономическій обсерваторскій знакъ. Вообще, во всѣхъ здѣшнихъ церквахъ, до революціи, было множество любопытныхъ, историческихъ памятниковъ; теперь почти ничего не осталось. Церкви возобновили, это правда; но онѣ пусты для любителей древности и художествъ, и, къ сожалѣнію должно прибавить, пусты и отъ того, что въ нихъ мало бываетъ моельщиковъ. Если и бываютъ они, то по большей части это женщины и нѣсколько стариковъ: молодыхъ людей я почти ни разу не заставлялъ. Любопытство увлекаетъ ихъ иногда услышать проповѣдь какого нибудь прославленнаго оратора,

какъ-то : аббата *Лакордера* въ соборѣ, аббата *Кёръ* (*Sœur*) въ церкви Св. Евстафія , аббата *Ратильяна*, въ церкви Св. Θомы Аквинскаго, аббата *Комбало*, въ церкви Успенія Богородицы, аббатовъ : *Дюпанлу* и *Гіона* , въ церкви Св. Рока. Тогда обыкновенно бываеъ давка, и я съ большимъ трудомъ доставалъ себѣ мѣсто.

Мазариновскія палаты , извѣстныя подѣ названіемъ *Collège Mazarin*, и церковь *четырехъ языковъ* (*Eglise des quatre nations*) построены на берегу Сены, противъ самаго Луврскаго дворца. Здѣсь некогда были большія и малыя Нельскія палаты, и славная башня того-же имени (*la Tour de Nesle*). Послѣ многихъ переходовъ изъ рукъ въ руки, мѣсто это досталось Кардиналу Мазарину, который отстроилъ дворецъ, и основалъ въ немъ учебное заведеніе, богатую бібліотеку, и огромную церковь, въ которой находилась гробница его (*). Онъ одарилъ заведеніе свое двумя милліонами, и опредѣлилъ ему еще духовнымъ за-

(*) Письмъ она сохраняется въ музеумъ Французскихъ монументовъ, и по справедливости считается лучшимъ работою знаменитаго ваятеля Кузевкова.

вѣщаніемъ 45 тысячъ ливровъ дохода, изъ процентовъ капитала, положеннаго имъ въ Городовую Ратушу. Назначенные имъ попечители заботились о содержаніи и распространеніи его заведеніи.

Въ царствованіе Наполеона Національный Институтъ имѣлъ здѣсь свои публичные засѣданія. Хотя во время мятежей часть библіотеки пострадала, а манускрипты присоединены къ Королевской библіотекѣ, но я нашелъ тутъ еще прекрасную библіотеку, составленную изъ 400 тысячъ, и болѣе, рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ книгъ. Она открыта публикѣ, и въ ней всякой день можно застать читающихъ и трудящихся надъ выписками и справками. Здѣсь видѣлъ я два прекрасные и самыя большіе глобуса, подаренные библіотекѣ Людовикомъ XVI-мъ. Тутъ-же рѣдкое собраніе моделей архитектуры, и украшеній, снятыхъ, въ уменьшенномъ, но точномъ размѣрѣ, съ древнихъ зданій Рима. Для меня, самая рѣдкая коллекція, какая только быть можетъ, это искусно сдѣланныя копіи съ древнихъ остатковъ строеній, называемыхъ *Циклопическими* (*Cyclopéens*), или *Этрурскими*. Ихъ 86, извѣстнѣйшихъ, какъ въ Греціи такъ и въ Италіи. Я всячески старался достать

хоть одинъ снимокъ съ нихъ, и нашелъ работника, который дѣлалъ эту коллекцію для ученаго составителя ея. Я общалъ ему за трудъ больше чѣмъ онъ могъ-бы надѣяться; однако онъ ни за что не согласился, говоря, что это собраніе собственность вдовы ученаго путешественника, и поставлено въ библіотеку на время, потому что она старается продать его правительству; а если узнаютъ, что существуютъ копіи съ него, то, можетъ статься, это повредить ей. Я принужденъ былъ одобрить прекрасное чувство ремесленника, и остался безъ модели, которая была-бы для меня тѣмъ любопытнѣе, что я видѣлъ подлинники этихъ построеній въ Греціи и въ Италіи. Нынѣ въ Мазариновыхъ палатахъ бываютъ засѣданія Французской Академіи, на которыхъ мнѣ случилось быть два раза. Зала засѣданій хороша, но устроена почти одинаково съ залами Депутатскаго Совѣта и Палаты Перовъ; только она меньше ихъ. Въ первый разъ, при мнѣ былъ принятъ въ члены Г-нъ Дюпати, а во второй разъ Г-нъ Гизо: послѣдній былъ тогда министромъ. Оба засѣданія показались мнѣ довольно скучны. Собраніе въ оба раза было многолюдно; множество дамъ и посѣтителей

наполняли ложи и галлерей; принятой членъ возглавлялъ длинную рѣчь, обыкновенно наполненную пышными хвалами умершему члену, на мѣсто котораго онъ поступилъ, благодареніемъ Академіи за избраніе, притворнымъ уничиженіемъ самого себя, и обѣщаніемъ ревностно стараться, усердіемъ и трудами своими, сдѣлаться достойнымъ такой чести: все это повторяется каждый разъ при подобныхъ случаяхъ. Конечно, иные умѣютъ все украсить краснорѣчіемъ, и входятъ въ сужденія о сочиненіяхъ своихъ предшественниковъ; но вообще такіа засѣданія не любопытны. Президентъ, или Непременный Секретарь Академіи, отвѣчаетъ новопринятому: Г-ну *Дюпати* отвѣчалъ *Александръ Дюваль*. Онъ выхвалялъ новопринятаго, и все то-же и то-же. Г-нъ Гизо говорилъ долго, красно, и за всѣмъ тѣмъ утомительно: я былъ радехонекъ, когда это кончилось. Французская Академія, въ простыя засѣданія свои, занимается единственно лѣттературой и Французскимъ азбучкомъ, то есть очищеніемъ его и составленіемъ полного словаря. Изъ числа членовъ ея всегда были и теперь есть люди, знаменитые въ словености.

Засѣданія Академіи Наукъ гораздо заниматель-

нѣ. Я обязанъ Г-ну Мейендорфу доставленіемъ мнѣ случая быть тамъ нѣсколько разъ. Въ первый разъ, какъ иностраннаго посѣтителя, меня усадили въ кресла противъ самого Президента : тогда председательствовалъ Карлъ Дюпенъ (Charles Dupin). Онъ привѣтствовалъ меня нѣсколькими словами, въ которыхъ лестно упомянулъ, что Академіи извѣстны мои труды, что мой *Географическій Словарь Россійской Имперіи*, на Французскомъ языкѣ, остается у нихъ классическимъ сочиненіемъ, и проч. Я былъ принужденъ благодарить, и, говорить, исполнилъ это довольно удачно. Мнѣ было особенно пріятно посѣщать Академію Наукъ, потому, во-первыхъ, что между членами ея находилось много знакомыхъ моихъ, и съ ними даже я переписывался прежде. Назову здѣсь добраго пріятели своего, старика Ларрея (Larrey), бывшаго первымъ лейбъ-хирургомъ Наполеона. Онъ сопровождалъ его во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ, и бесѣда этого почтеннаго старца чрезвычайно занимательна. Свидѣтель столькихъ событій, онъ рассказывалъ мнѣ множество анекдотовъ, не всѣмъ, или даже мало кому извѣстныхъ. Отъ него слышалъ я многое о Египтѣ, о Сиріи, о Россіи.

Другими пріятелями моими, изъ академикъ, были : *Карль Дюпенъ*, къ которому я ѣзжалъ на вечера и на публичныя его лекціи ; *Жоффруа Сентъ-Илеръ*, столько разъ угощавшій меня въ *Ботаническомъ саду* (*Jardin des plantes*) ; *Араго*, славный астрономъ нашего времени, *Амперъ*, и другіе. Засѣданія Академіи любопытны и потому, что въ нихъ всегда разсуждаютъ о предметахъ, имѣющихъ общую занимательность.

Почти возлѣ самыхъ Мазариновскихъ палатъ, на набережной, находится Монетный Дворъ. Я разсматривалъ его съ восхищеніемъ, и не думаю, чтобы гдѣ нибудь было подобное заведеніе. Строенія великолѣпны, и составляютъ два фаса, или двѣ линіи треугольника, каждая въ 60 сажень. Въ главномъ фасадѣ, со стороны рѣки, прекрасныя стѣны, украшенныя 24-мя Дорическими колоннами; лѣстница также съ 16-го Ионическими колоннами; внутри огромныя залы, гдѣ большой и драгоценный минералогическій кабинетъ устроенъ и приведенъ въ совершенный порядокъ, ученымъ профессоромъ *Сажемъ* (*Sage*), преподающимъ тутъ публичныя лекціи. Есть еще много кабинетовъ съ машинами, и особыя комнаты для присутствій,

для служащихъ, и проч. Внутри двора, окружен-
наго галереями, la salle des balanciers (Зала
для чеканной машины); надъ нею другая, для
установщиковъ; каждая въ 62 фута длинны и 30
ширины. Возлѣ нихъ была церковь, но теперь въ
ней работаютъ. Повсюду видна лѣпная работа,
барельефы и арабески; карнизы по большей части
съ позолоченными украшениями, но легки и сдѣ-
ланы съ большимъ вкусомъ. Особенно богато
украшена зала, гдѣ преподаются лекціи. Мнѣ по-
казывали здѣсь полное собраніе медалей и монетъ
Французскихъ, составленное по хронологическому
порядку, отъ первыхъ королей до нашего време-
ни. И еще мудренѣе, что сохранили при каждой и
штемпель и пуансонъ ея, такъ, что если-бы кто
пожелалъ имѣть какую нибудь монету или медаль,
то чрезъ нѣсколько часовъ могъ-бы получить на-
стоящій и свѣжій отпечатокъ: въ такомъ случаѣ
платится за употребленный металлъ по цѣнѣ съ
вѣсу, да самая бездѣлица за работу. Я видѣлъ
здѣсь-же коллекцію новоизобрѣтенныхъ машинъ,
относящихся къ монетному искуству: нѣкоторыя были
одобрены и приняты для употребленія; другія
остались для любопытства. Во всѣхъ заведскіяхъ,

Часть. II.

27 .

которые, посещая я въ Парижѣ (а ихъ много), я вездѣ встрѣчалъ, при отличной вѣжливости, готовность все показывать путешественнику и удовлетворять его вопросамъ и любопытству. Безкорыстіе сторожей меня даже удивляло: они никогда ничего не просили и довольствовались тѣмъ, что добровольно давали имъ.

Между учеными заведеніями нельзя не упомянуть о *Музеумъ Св. Мартина* (Le Musée St. Martin). Онъ особенно замѣчателенъ огромною коллекціей собранныхъ въ немъ моделей всего, что относится до наукъ, приспособленныхъ къ промышленности. Тутъ вы найдете паровыя машины всѣхъ родовъ, жѣлѣзныя, винокурныя, и другія заведенія для перегонки, или дистилляціи, свекловичныя сахароварни, рафинадныя аппараты, прядильныя машины и проч. и проч. Я полагаю, что нигдѣ нѣтъ коллекціи, полнѣе и лучше составленной. Въ тотъ самый день, когда я осматривалъ ее, Г-нъ Карлъ Дюпенъ преподавалъ тутъ лекцію, о приложеніи Химіи къ промышленности. Зала была полна. Когда я вошелъ, профессора еще не было; но кто были слушатели? Ремесленники, нѣсколько заводчиковъ, солдаты, фабрикан-

ти, и небольшое число студентов изъ лицей. Изъ этого я заключилъ, что Г-нъ Дюпенъ съѣсть не на камнѣ, и зерна его даютъ плодъ. Онъ говорилъ ясно, внятно, и его слушали съ большимъ вниманіемъ; многіе записывали его слова. Увидя меня, онъ вѣжливо попеналъ мнѣ, что я не предупредилъ его о своемъ посѣщеніи, и прибавилъ, что почелъ-бы долгомъ сберечь мнѣ мѣсто поближе къ себѣ.

Винный дворъ (Halle aux vins), гдѣ складываются вина и водки, привозимыя въ Парижъ, и гдѣ платится съ нихъ городу пошлина, или акцизъ, заведеніе огромнѣйшее. Оно построено слишкомъ роскошно, стоило городу болѣе трехъ милліоновъ рублей, и едва уплачиваетъ проценты съ употребленнаго на него капитала. Всѣ торгующіе виномъ купцы имѣютъ здѣсь погреба и большія палатки, служащія имъ конторами. Погреба эти такъ обширны, что войдя въ нихъ, можно, кажется, заплутаться въ подземельныхъ ихъ галлереяхъ. Плоскія кровли составляютъ на нихъ большія террасы, убитыя хращемъ и окруженныя желѣзными балюстрадами. Ежедневно, съ разныхъ заставъ приходятъ сюда обозы съ виномъ, которое измѣряется и записывается;

него платится акцизъ и оно ставится въ погребъ. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ дѣлается измѣненіе: оксоотовую бочку подкатываютъ подъ машину, которая беретъ ее на блоки, и мальчикъ лѣтъ тринадцати, одинъ вертя небольшое колесо, съ немомоврною легкостію поднимаетъ ее и ставитъ на приготовленное ей мѣсто; потомъ, такимъ-же образомъ, ставитъ другую, третью и такъ далѣе. Когда весь рядъ, составленный изъ десяти бочекъ, наполнится, тогда смотритель приказываетъ отпереть находящіяся въ нихъ краны, и вино течетъ въ другія бочки, поставленныя внизу. Противъ каждой изъ нихъ вдѣланъ стеклянный цилиндръ, на подобіе тѣхъ, которые бываютъ въ барометрахъ, только нѣсколько пошире, и по мѣрѣ истеченія вина, на немъ обозначается, тою-же самою жидкостію, сколько убыло ея изъ бочки, такъ что когда сошла вся бочка, то мѣра вина, до послѣдняго стакана, вѣрно обозначена на цилиндрѣ, и инспектору остается только противъ каждого № бочки записать ея вмѣстимость. Все это производится легко, вѣрно очень скоро.

Недалеко отъ Виннаго двора находится знаменитый *Ботаническій садъ* (*Jardin des plantes*).

Я посещалъ его много разъ, и всегда находилъ новые предметы для изученія, удивленія и замѣчанія. Подробно описать его невозможно: это составило-бы огромнѣйшую книгу; удовольствуюсь немногими подробностями.

Ботаническій садъ первоначально заведенъ Людовикомъ XIII-мъ, въ 1626-мъ году. Мѣсто подлѣ нимъ и тогда было обширное, но застроенное только нѣсколькими теплицами и оранжереями. Безсмертный Графъ Бюффонъ, сдѣлавшись директоромъ этого заведенія, расширилъ садъ его до самаго берега Сены, вырылъ пруды для водяныхъ растений, началъ собраніе всѣхъ предметовъ, относящихся къ Естественной Исторіи, насадилъ множество иноземныхъ растений, завелъ звѣринецъ, птичникъ, и началъ систематическую классификацію. Короли Французскіе покровительствовали этому заведенію, и не щадили издержекъ, для доставленія изъ всѣхъ странъ міра предметовъ, входящихъ въ составъ такого собранія. Отвсюду привозили живыхъ звѣрей, птицъ, наѣкомыхъ, деревья, и всякаго рода растенія; чего не лѣзя было доставить въ живомъ видѣ, то доставлялось въ видѣ чучель, травниковъ, сухихъ наѣкомыхъ, и

проч. Пресмики Вирсона были достойны его : славный *Добантонъ* (Daubanton), *Ласседе*, нововецъ безсмертный *Кюве*, продолжали тщательно умножать коллекціи. Каждый изъ нихъ былъ писатель, знаменитый по своей части. Кто не читалъ *Словаря Добантона*, *Естественной Исторіи* змѣй и пресмыкающихся, *Ласседе*? Кто не удивлялся глубокой учености, праспорчивъ и открытіямъ *Кюве*? Его сравнительная анатомія, его система депотонныхъ животныхъ, описаніе ихъ скелетовъ, словомъ, его сочиненія останутся предметомъ удивленія и признательности ученого міра. Онъ основалъ здѣсь полный Кабинетъ Сравнительной Анатоміи, довершилъ и привелъ въ истинный порядокъ Кабинетъ Натуральной Исторіи, который шій во всемъ свѣтѣ. Здѣсь, начиная съ слона и единорога до блохи и мошки, все известное доселѣ царство животныхъ является въ подлинникъ. То-же самое можно найти въ царствѣ ископаемыхъ. Если климатъ и мѣстность не дозволили составить полного собранія растений (хотя икъ здѣсь много), то по крайней мѣрѣ можно видѣть полныя траммы, образчики деревь, искусно раскрашенные рисунки ихъ, и проч.

Нынешній директоръ заведенія, прекрасный при-
 чинъ мой Жозефа Сентъ-Илеръ, не уступаетъ ни-
 кому изъ предшественниковъ своихъ (особен-
 ча развѣ Кювье) въ учености. Онъ достойный
 ихъ преемникъ, и посвятилъ всю жизнь свою на-
 блюденію и содержанію въ порядкѣ всего, что
 принадлежитъ къ Ботаническому саду. Случайно
 сего извѣстенъ, и онъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ
 членовъ Академіи Наукъ. Я подарилъ ему приво-
 зеннаго мною изъ Крыма *Scarabaeus Taichicus*,
 и онъ очень благодарилъ меня, говоря, что по
 неосторожности одного студента, бывшій въ ихъ
 собраніи единственный экземпляръ этого насеко-
 маго погорѣлъ.

Я иногда по часу просиживалъ противу лѣва-
 или огромнаго Альпійскаго орла, такъ что онѣ
 переставали заниматься мной, и предавались своимъ
 привычнымъ занятіямъ. Отъ нихъ переходилъ я
 къ крошечнымъ колибри, для которыхъ въ тепни-
 цѣ растутъ магноліи и муза-парадиза. Эти пре-
 лестныя малютки перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку,
 чикаютъ, хлопчуютъ, мечтаютъ, можетъ быть,
 что онѣ на родинѣ, и занимаются, какъ левъ и
 орелъ, своимъ бытомъ! Сколько размышленій воз-

буждали мысли оъ зътвореніи! Истинно, каждаго разъ можно было произнести: «*Чудны дѣла твои, Господи, яко вся премудростію сотвориша еси!*» Кромѣ кираса, котораго я здѣсь увидѣлъ въ первый разъ, другіе зѣвры были мнѣ извѣстны. Я видалъ ихъ въ Россіи, и въ путешествіяхъ своихъ по чужимъ землямъ; но нигдѣ не собраны они въ такомъ числѣ, какъ здѣсь. Ихъ содержать просторно. Не опасны и не вредны чело-вѣку ходить почти по волѣ; имъ отгорожены пространныя мѣста въ саду, гдѣ они пасутся или гуляютъ.

Вообще строеніе здѣсь нероскошно, и даже не соответствуетъ величію столь славнаго заведенія, кромѣ однакожъ новопостроенныхъ и отдѣланныхъ при мнѣ оранжерей и теплицъ. Стекланныя рамы въ нихъ, съ наклонами, такъ огромны, что ихъ можно назвать стекляною кровлею. Нѣтъ сомнѣнія, что ничего не можетъ быть выгоднѣе и помѣстительнѣе для растеній. У насъ такая кровля была-бы совершенно невозможна: ее неминуемо раздавить снѣгомъ, да и счищать его было-бы вовсе нельзя. И здѣсь, если пойдетъ крупный градъ, много надѣлаетъ онъ поврежденій! Хотя Г-нъ

Сентъ-Илеръ и увѣрялъ меня, что онъ такой случай приспособленъ для защиты толстыхъ клещей; но я этому не вѣрю. Судя по числу работниковъ и неудобству стучать по стекламъ, недостатку на рухъ, ни времени (*).

Въ Ботаническомъ саду три профессора преподають публичныя лекціи: одинъ Сравнительной Анатоміи, другой Ботаники, третій Химіи. Обыкновенно на эти мѣста избираются самыя ученые и уже прославившіеся люди, и отъ того аудиторіи ихъ всегда наполнены слушателями. Для публики одинъ разъ въ недѣлю открытъ входъ въ кабинеты натуральной исторіи и сравнительной анатоміи; а въ садъ, гдѣ можно видѣть живыхъ звѣрей, два раза. Иностранные путешественники, предъявляя при входѣ свои паспорта, могутъ входить во всякое время.

(*) Въ 1838-мъ году, во Французскихъ газетахъ, изъ Парижа отъ 11-го Сентября новаго стиля, я увидѣлъ, что мое предсказаніе сбылось: буря, при которой шелъ крупный градъ, не только перебила всѣ стекла въ оранжереяхъ и теплицахъ, но и переломала много стоявшихъ подъ ними деревь и растений.

Домъ инвалидовъ. Онъ вполне заслуживаетъ вниманіе путешественника, какъ благотворное учрежденіе, достойное великаго государя. Строе- ніе Дома инвалидовъ начато въ 1674-мъ году, по повелѣнію Людовика XIV-го, для содержанія и успокоенія въ немъ 4000 заслуженныхъ и изу- вѣченныхъ инвалидовъ. Я имѣлъ случай, по дру- жбѣ почтеннаго Барона Ларрея, живущаго въ немъ, войти въ подробное разсмотрѣніе это- го, почти единственнаго въ мірѣ, заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, только въ Англіи Гринвичскій инва- лидный домъ, для матросовъ, можетъ съ нимъ соперничать. Тотъ имѣетъ еще одно преимуще- ство: содержать и довольствовать гораздо боль- шее число инвалидовъ, потому, что многимъ изъ нихъ отпускаются, на содержаніе ихъ, деньги, а живутъ они по квартирамъ. Здѣсь, напротивъ, вспоможеніе оказываютъ только тѣмъ, которые живутъ въ заведеніи, что, во время продолжитель- ной войны, слишкомъ недостаточно, какъ то и было въ концѣ царствованія самого устроителя, Людовика XIV-го, и во все царствованіе Напо- леона.

За всѣмъ тѣмъ, это заведеніе чрезвычайно по-

лезно, и дѣлаетъ честь правительству, которое учредило и поддерживаетъ его. Зданіе Инвалиднаго дома огромно, и занимаетъ около 17-ти десятивъ земли (*). Оно окружаетъ четыре двора, правильными строеніями въ четыре этажа, и посреди нихъ находится пятый дворъ, равный всѣмъ четыремъ вмѣстѣ. Вокругъ него двухэтажныя и довольно узкія аркады, по которымъ во всякое время можно проходить во всѣ части заведенія. Внутри двора, и противъ самыхъ главныхъ воротъ, возвышается церковь, болѣе извѣстная подъ названіемъ *Le Dôme des Invalides* (Куполъ Инвалиднаго дома). Она заслуживаетъ особенное вниманіе, и почитается превосходнѣйшимъ произведеніемъ Французской архитектуры: здѣсь привыкли именовать ее тотчасъ послѣ церкви св. Петра въ Римѣ, и равнять съ церковью св. Павла въ Лондонѣ, хотя съ первой она ни въ какомъ отношеніи сравняться не можетъ, и гораздо меньше второй. Но расположеніе ея прекрасно, и эффектъ четырехъ придѣловъ, видимыхъ

(*) *Arpent*, Французская десятина, меньше нашей, кажется извѣстнѣе.

вдругъ, когда становишься посрединѣ, превосходить. Престолъ, посреди возвышеннаго алтаря, между куполомъ и церковью, представляетъ видъ очаровательный и необыкновенный. Я не понимаю только, почему церковь отделили отъ купола: войдя въ нее жалѣешь, что куполъ такъ далеко углубленъ; а если войдешь отъ купола, то встрѣчается другая несообразность: между зрителемъ и алтаремъ пѣтъ церкви. Не для того-ли это сдѣлано, чтобы церковь предоставить инвалидамъ, спокойно въ ней молящимся, а куполъ торжественному входу и моленію великаго монарха и вельможъ его?

Снаружи видъ купола прекрасенъ; но и тутъ, ставши на нѣкоторомъ разстояніи, невольно чувствуешь, что портикъ подъ нимъ и слишкомъ малъ, и слабъ, такъ, что не можетъ служить основаніемъ для такой высоты. Тогда-то система архитектуры древнихъ показываетъ свое преимущество, и не допускаетъ сравненія съ новой архитектурой! Сравнивь мысленно портикъ во вкусъ того, который у Римскаго Пантеона, съ слабымъ портикомъ, устроеннымъ Мансардомъ въ Инвалидной церкви, пожалѣешь объ архитекторѣ,

который имѣлъ случай возобновить чудо древней архитектуры , и не могъ воспользоваться этимъ. Непомѣрное самолюбіе многихъ новыхъ художниковъ, недовольно изучившихся надъ древними Римскими памятниками , убѣдило ихъ , что они, своими холодными вымыслами , могутъ превзойти чудесныя произведенія древнихъ. и что Французскому вкусу достаточно взглянуть на эти образцы , чтобы сдѣлать еще лучше ; эта несчастная мысль имѣла сильное вліяніе и на архитектуру, и на живопись: и отъ того Французы долго предпочитали неправильную манеру и фальшивый колоритъ своихъ живописцевъ временъ Людовика XV-го , строгому и неподражаемому стилю Пуссена. Церковь инвалидная имѣетъ 200 футовъ вышины подъ сводомъ , и 300 до верха креста. Діаметръ купола 50 футовъ. Внутренность ея превосходно расписана: куполъ *Лафосомъ*, четыре Евангелиста и 12 Апостоловъ *Жувенетомъ*, святая Троица, въ сводѣ алтаря, *Куапелемъ*, Успеніе Богородицы *Ютрелемъ*. Четыре придѣла , посвященные четверемъ учителямъ западной церкви, св. *Іерониму*, св. *Амвросію*, св. *Августину* и св. *Григорію* , хорошо расписаны двумя *Булоньми* и

Драмелъ. Подъ вышшеюхъ плитами бѣлаго и разноцвѣтнаго мрамора подѣ маркетъ. Порталь, къ Марсову полю, украшенъ статуями, и колоннами соединенныхъ орденовъ Дорическаго и Коринтскаго. Внутри купола поставлены, по одну сторону прекрасная гробница, или памятникъ Маршала *Тюрелла*, а по другую Маршала *Вобана*: это великіе военные люди, достойные такой чести!

Инвалиды размѣщены по камерамъ спокойно и не тѣсно; столъ у нихъ сытный и даже обильный: хорошій супъ, мясо во всякое время свѣжее, партофель, овощи, и на каждого порція вина. На кроватяхъ вездѣ хорошіе матрасы и изголовья; бѣлые инвалиды перемѣняютъ два раза въ недѣлю, а постельное по одному разу; на каждой кровати занавѣсъ. Но что мнѣ всего болѣе полюбилось, это совершенная ихъ свобода: они отлучаются куда и когда хотятъ, и должны только возвратиться въ урочное время, передъ тѣмъ какъ запереть ворота. Каждый изъ нихъ получаетъ еженедѣльно карманныя деньги на мѣлочные расходы, на табакъ и проч. Дома занимается онъ чѣмъ ему угодно, или и ничего не дѣлаетъ. Они избѣ-

равствѣ между собою старшихъ, для соблюденія тишины и порядка въ камерахъ. Инвалидные штабъ и оберъ-офицеры живутъ особо; есть даже и генералы. Оберъ-офицеръ имѣетъ особенную комнату, а вышшіе чины и болѣе. У генераловъ примѣная чину ихъ квартира и особенный столъ, если не желаютъ обѣдать за общими офицерскими столами, гдѣ кушанье подается также на серебрѣ. Большая библіотека, залы для чтенія, планы, рисунки, предоставлены всѣмъ вообще. Есть еще комнаты, куда собираются для препровожденія времени между собою, солдаты отдѣльно. Тутъ играютъ въ шахматы, въ домино, въ пикетъ. Обширные сады назначены для прогулки инвалидовъ; слѣдующимъ отгороженъ особенный садъ, чтобы ихъ не беззаконили и не мѣшали имъ прохаживаться; однимъ словомъ: здѣсь все придумано для безбѣдной и спокойной жизни. Я часто разговаривалъ съ инвалидами: всѣ вообще благословляютъ правительство, и находятъ себя столько счастливыми, сколько увѣче ихъ или старость позволяютъ. При этомъ заведеніи есть большая и превосходно устроенная госпиталь. Искусные врачи, подъ надзоромъ знаменитыхъ старцевъ,

Баронесса Даррес и Мадма (Увиз), пользуются тамъ больныхъ инвалидовъ. Нельзя вообразить, какую привязанность сохраняютъ эти старые воины къ Наполеону: они чтятъ его память и со слезами разсказываютъ о его побѣдахъ, и вниманіемъ къ солдатамъ. Когда поставили на Вандомской площади новую колоссальную статую Императора, они просили позволенія сдѣлать тою такую изъ гипса на свой счетъ, и поставили ее противъ воротъ, гдѣ я и видѣлъ ее. Они жалѣютъ только, что не въ состояніи были сдѣлать ее, какъ подлинную, изъ бронзы. Въ большихъ залахъ этого заведенія есть хорошія картины, изображающія битвы Людовика XIV-го и Наполеона. Главный директоръ Инвалиднаго дома живетъ въ немъ: у него величольныя и богато убранныя комнаты. При мнѣ занималъ эту должность Маршалъ Монсей, Герцогъ Конеліано. Въ присутственной залѣ помѣщены хорошо написанные портреты всѣхъ бывшихъ главныхъ директоровъ, со времени основанія дома. Это истинно историческая галлерей, потому что почти всѣ директора были знаменитые и заслуженные воины, и почти всѣ Маршалы Франціи.

Подъ Инвалиднаго дома Марсово поле. Оно окружено рвами, террасами, и деревьями, посаженными въ нѣсколько рядовъ. Марсово поле простирается на версту въ длину и на полверсты въ ширину. По срединѣ его поставили недавно бюстъ Генерала Лазарта. Этотъ невысокій памятникъ почти теряется на такомъ пространствѣ: надо знать, что онъ тутъ, и только тогда можно его замѣтить. На Марсовомъ полѣ находилась прежде Военная Школа, обращенная Наполеономъ въ Главный Штабъ. Теперь на самомъ полѣ бывають иногда смотръ и конскіе скачки.

Арсеналь. Это одно изъ самыхъ древнихъ зданій въ Парижѣ. Его основалъ Карлъ V-й, въ одно время съ Бастиліей. Прежде тутъ отливались пушки, и ихъ донныя сохраняются еще много. Въ арсенальной библіотекѣ достойны особеннаго замѣчанія плафоны, расписанные *Миньяромъ*. Г-нъ *Нодье*, главный директоръ библіотеки, къ которому я ѣзжалъ, доставилъ мнѣ случай хорошо разсмотрѣть все зданіе. Въ немъ также нѣсколько дворовъ и большой садъ къ рѣкѣ Сенѣ, откуда прекрасный видъ. Генералъ-Фельдцейгмейстеры Франціи (*Grands maitres de l'artillerie*)

всегда жилали здѣсь и потому-то, знаменитый Герцогъ Сюлли, другъ Генриха IV-го, имѣлъ помѣщеніе въ арсеналѣ. Когда злодѣй Раваалье убилъ этого государя въ каретѣ, онъ вѣхалъ въ арсеналъ къ Сюлли. Потомъ жилъ здѣсь смѣль Людовика XIV-го Герцогъ *Менскій* (duc du Maine). Теперь арсеналъ довольно запущенъ, и остается почти безъ всякаго употребленія.

Мнѣ удалось также видѣть артиллерійскій арсеналъ. Онъ чрезвычайно любопытенъ, потому что въ немъ можно проходить хронологически всю исторію орудій и оружія: они собраны въ совершенномъ порядкѣ; нѣкоторыя представлены только въ моделяхъ. Но всего драгоцѣннѣе здѣсь рыцарское вооруженіе многихъ знаменитыхъ мужей. Такъ, напримѣръ, вы увидите здѣсь Франциска I-го на конѣ, въ шишахъ, съ опущеннымъ забраломъ, въ латахъ: оружіе у короля то самое, которое имѣлъ онъ въ Мариньянскомъ сраженіи, и даже конь его покрытъ настоящимъ бронею. Возлѣ него Герой безъ страха и укоризны, славный *Балль*. Такимъ-же образомъ представленъ, подалѣе, *Генрихъ IV-й*, въ томъ самомъ видѣ и въ тѣхъ-же латахъ и шишахъ, въ которыхъ онъ сражался

подъ *Норт*. Я провелъ здѣсь два часа пріятнѣйшимъ образомъ, и обязанъ этимъ бывшему артиллеріи подполковнику Графу Александру Жюльверкуру. Билеты для входа сюда получить довольно трудно; но онъ, какъ служившій прежде въ этомъ корпусѣ, снисходительно похлопоталъ за меня.

Мнѣ оставалось видѣть Королевскую библіотеку. Сначала она состояла изъ весьма небольшого числа книгъ, и возрастала постепенно. Карлъ V-й помѣстилъ ее въ одну изъ Луврскихъ башенъ; но при Карлѣ VII-мъ ее растаскали. Людовикъ XI-й опять сталъ собирать книги; Карлъ VIII-й умножилъ число ихъ. Людовикъ XII-й перевезъ библіотеку въ *Блуа* (Blois), гдѣ уже заведена была другая, Карломъ Орлеанскимъ. Онъ присоединилъ къ нимъ библіотеку Іоанна Графа Англемскаго, и обогатилъ ее, вывезя изъ Италіи библіотеки Висконтіеву и Сфорцову, Герцоговъ Миланскихъ, и книги принадлежавшія *Петраркѣ*. Францискъ I-й перевезъ ее въ Фонтенбло, а Генрихъ IV-й окончательно въ Парижъ. Библіотека быстро умножалась попеченіемъ приставленныхъ къ ней смотрителей, на счетъ суммъ, отпускавшихся королями. Кольберъ особенно заботился

о ней. Она занимала разныя зданія, и въ 1721-мъ году перенесена въ Ришельёвскую улицу, гдѣ и донынѣ находится. Домъ, занимаемый ею, ветхъ, и хотя обширенъ, но для нея тѣсенъ. Правительство намѣрено построить особенное и приличное зданіе. Я не могу опредѣлительно сказать, сколько теперь книгъ въ Королевской библіотекѣ; меня увѣрили, что число ихъ превосходитъ 500 тысячъ; но, какъ-бы ни было, можно утвердительно сказать, что нѣтъ библіотеки богаче ея, не исключая и Ватиканскую, особенно манускриптами Еврейскими, Греческими, Сирійскими, Латинскими, Французскими, Китайскими, Египетскими, Датскими, Индійскими, Халдейскими, Армянскими, Самаританскими, Турецкими, Персидскими.

Осматривать книги подробно, и даже прочесть каталогъ ихъ, нѣтъ возможности: на это недостатокъ жизни человѣческой. Я былъ два раза въ библіотекѣ, и могу только отдать справедливость порядку, вѣжливости и услужливости, съ которыми принимаютъ въ ней всѣхъ посѣтителей. Спросите, какую вздумаете, книгу, или рукопись, и минуты черезъ двѣ ее подадутъ вамъ, и вы можете спокойно разсматривать ее, заниматься

ею, сколько вамъ угодно. Никогда не замѣтите вы, въ прислужникахъ, или въ библиотечарскихъ помощникахъ, ни малѣйшаго признака нетерпѣнія или досады : все дѣлается съ расторопностію и съ готовностію вамъ услужить. Большая часть служащихъ тутъ люди просвѣщенные : они, замѣчаніями своими, или совѣтами, если вы ихъ попросите, могутъ быть очень полезны. Это одно изъ заведеній въ Парижѣ, которое поразило меня, и которому я нигдѣ подобнаго не видывалъ. Здѣсь въ библиотекѣ сохраняются два огромные глобуса Коронелли, поднесенные Людовику XIV-му Кардиналомъ *Детре* (d'Estrée) въ 1683-мъ году. Коллекція эстамповъ также чрезвычайно велика : говорятъ, она богатѣйшая въ Европѣ.

Описывая различные памятники, видѣнные мною въ Парижѣ, я еще не упомянулъ о самомъ любопытномъ : это небольшая церковь, съ галлереями, построенная въ память Людовика XVI-го и супруги его Маріи Антуанетты, единственной дочерью покойныхъ мучениковъ, Герцогиней Ангюлемской. Извѣстно, что тѣла ихъ были зарыты послѣ казни на Магдалининскомъ кладбищѣ, которое нынѣ не существуетъ : мѣсто его занято улицами

и застроено домами. По возвращеніи во Францію Бурбоновъ, отыскали гробы Короля и Королевы, и на этомъ мѣстѣ сооружена церковь, небольшая, но приличная своему назначенію. Въ ней, на правой рукѣ со входа, поставлена прекрасная статуя, изъ бѣлаго мрамора, изображающая Людовика XVI-го. Король представленъ во весь ростъ; онъ держитъ въ рукѣ развернутый листъ, на которомъ написано его духовное завѣщаніе; осанка и лицо Короля величественны, и выражаютъ кротость и совершенное спокойствіе. На левой рукѣ, противъ Короля, поставлена такая-же статуя Королевы: она на колѣнахъ простираетъ руки къ кресту; но на горестномъ лицѣ ея изображается полное упованіе въ вѣръ, къ которой она прибѣгаетъ. Оба памятника прекрасны, трогательны и влекутъ къ размышленію! Всякой день служатъ здѣсь обѣдню, за упокой убійцъ, причемъ можно встрѣтить челоуѣка два, три, а рѣдко десятокъ молящихся; но 21-го Января, въ день, назначенный для помпновенія Людовика XVI-го и супруги его, всѣ старые слуги королевскаго дома, знатныя фамиліи, оставшіеся приверженными къ старшей линіи, легитимисты—какъ

пкъ называютъ—непремѣнно собираются сюда къ обѣдни, и тогда церковь становится даже тѣсна.

Я осматривалъ новыя и старыя тюрьмы. Въ старыхъ, чуланы, построенныя изъ дикаго камня, со сводами, получающіе слабый свѣтъ только изъ коридора, сыры и ужасны. Я не понимаю, какъ несчастные колодники могли въ нихъ существовать. Есть комнатки посуше, въ верхнемъ этажѣ, но вообще всѣ онѣ, кажется были строены только для вѣрнаго и безопаснаго содержанія арестантовъ, безъ мысли о человѣколюбіи и состраданіи. Должно однакожь прибавить, что теперь въ этихъ тюрьмахъ почти никого нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые передѣляли, а другіе построили вновь. Въ новыхъ совсѣмъ другое: арестанты раздѣлены на классы, и комнаты у нихъ обширны, свѣтлы; во всѣхъ воздухъ чистый и свѣжій. Заключенники всѣ занимаются работами, для собственной пользы, и за работами ихъ надсматриваютъ мастера. Я замѣтилъ, что по большой части они работаютъ бронзовыя вещи, заготовляя вчернѣ фугуры: одинъ оболваниваетъ (какъ они сами говорятъ) Юпитера, Венеру, Грацій; другіе подножія къ часамъ и проч. Много также башмачниковъ, и всякихъ

другихъ ремесленниковъ. Ужасно однакожъ слышать ихъ разговоры : безвѣріе и развратъ на устахъ ихъ безпрестанно , хотя надзиратели , во время работъ , особенно при посѣтителяхъ , стараются соблюдать тишину и благопристойность. Состояніе арестантовъ , съ нѣкотораго времени , вообще улучшено , но еще не то , чего бы пожелать можно было. Это дѣло трудное и задача еще нерѣшенная : о ней много писали , и много сдѣлано попытокъ , особенно въ Америкѣ ; но система наказаній (*systeme pénitentiaire*) еще не совсѣмъ удовлетворительна. Для осмотра тюремъ , здѣсь надобно имѣть особое дозволеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Я видѣлъ также госпитали , и подробно обозрѣвалъ славный *Hôtel-Dieu*. Огромно , чисто ; нигдѣ нѣтъ (какъ по разсказамъ прежде бывало) двухъ больныхъ на одной постели ; вездѣ хорошее бѣлье , занавѣсы у кроватей , сидѣлки подлѣ трудныхъ больныхъ ; но кто , какъ я , хорошо знаетъ эту часть (*), тотъ скажетъ , что намъ ,

(*) По волю Императора Александра , я года два былъ инспекторомъ всѣхъ Московскихъ госпиталей , кромѣ военныхъ ,

Русскимъ, нечего завидовать иностраннымъ госпиталямъ, даже Французскимъ. Исключаю морскую въ Мальтѣ, о которой я говорилъ въ своемъ мѣстѣ, потому, что это уже кокетство, избытокъ, и даже излишество, а не существенная польза. Посмотрите наши военныя и гражданскія госпитали въ Петербургѣ и Москвѣ: всѣ онѣ въ совершенствѣ. Поблагодаримъ-же Государей нашихъ, за ихъ предусмотрительность и человеколюбіе. Но у насъ есть еще то, чего нигдѣ нѣтъ: это огромныя и богатая заведенія, основанныя частными людьми, это Голицынская больница, это Странноприимный домъ Графа Шереметева, это Куракинская богадѣльня въ Москвѣ, и много другихъ подобныхъ заведеній въ Россіи. У насъ нѣтъ одного, что желательно было-бы видѣть скорѣе частныхъ больницъ, доставляющихъ величайшее благодѣяніе для большихъ городовъ. Куда дѣваться вдовѣ, холостому пріѣзжему, когда они больны? Кто станетъ за ними ухаживать? Въ такихъ заведеніяхъ, больной за малую цѣну имѣетъ особую комнату, сидѣлку, лекарства, доктора, и кушанье, свойственное болѣзни, а что всего важнѣе: спокойствіе и покое. Даже для своей

безопасности, боясь быть обкраденнымъ слугами, въ Парижѣ, въ случаѣ болѣзни, многіе помѣщаются въ частныхъ больницахъ. Такихъ заведеній здѣсь много, и они обыкновенно подъ заведываніемъ лучшихъ докторовъ, и даже въ ихъ домахъ, иногда за городомъ, но всегда близъ заставъ, гдѣ почти всѣ дома съ садами.

Говоря о большихъ зданіяхъ Парижа, не лѣзя пропустить одного изъ главныхъ: это *Хлѣбный магазинъ* (Halle aux blés). Онъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде были Суассонскія палаты. Въ продолженіе 500 лѣтъ, ихъ постепенно занимали: знаменитая фамилія *де Нель* (de Nesle), Король Людовикъ Святой, и Королева Бланшъ, мать его, Филиппъ Красивый, Карлъ V-й и Людовикъ XII-й, который отдалъ зданіе подѣ женскій монастырь. Въ 1552-мъ году, Екатерина Медичи перевела монастырь въ другое мѣсто, и выстроила тутъ дворецъ, въ которомъ жила 36 лѣтъ. Въ 1601-мъ году, его продали Екатеринѣ Бурбонской, сестрѣ Генриха IV-го, потомъ Карлу Суассонскому, а послѣ смерти его онъ достался Принцу Кариньянъ. Съ этого времени онъ назывался Суассонскими палатами. Наслѣдники Принцевъ сломали его

въ 1748-мъ году, оставивъ одну колонну, которая и донынѣ существуетъ, какъ драгоценный памятникъ прежняго зданія. Наконецъ, въ 1755-мъ году, городъ купилъ мѣсто, и рѣшился, въ 1762-мъ, цѣлостроить на немъ хлѣбный магазинъ. Зданіе это, начатое въ 1763-мъ году, было совершенно достроено, стараніями Г-на Віорма, Градскаго Главы, въ три года, по рисункамъ архитектора *Камо де Мезьера*. Оно замѣчательно по круглой своей формѣ, и стоитъ совершенно отдѣльно отъ всякаго строенія. Въ Парижѣ оно одно можетъ дать понятіе объ огромныхъ театрахъ, или амфитеатрахъ древнихъ, съ тою только разницею, что первые имѣли фигуру полукруга, а вторые эллипсиса; но для глазъ эффектъ почти одинаковъ.

Хлѣбный магазинъ достоинъ замѣчанія по отдѣлкѣ своей, по легкости кирпичныхъ сводовъ, по красивой формѣ двухъ лѣстницъ, и наконецъ, по виду цѣлаго зданія, какъ снаружи такъ и внутри. Круглый дворъ посреди строеній имѣетъ самшкомъ 120 футовъ діаметра; но онъ не вмѣщалъ всего зерноваго хлѣба и муки, и въ 1782-мъ году рѣшились покрыть его. По проекту архитекторовъ *Леграна и Моллиноса* (*Legrand et Mo-*

linos), надъ нимъ сдѣлани куполь въ видѣ полушара, изъ легкаго матеріала, слѣдуя системѣ *Филлибера де Лорма*. Онъ былъ почти не меньше купола Римскаго Пантеона, и также свѣтъ проходилъ въ него сквозь круглое отверстіе въ верху, въ 24 фута діаметра. Архитекторъ, провожавшій меня, сказывалъ, что, сверхъ того, было въ немъ 25 боковыхъ прорѣзей, которыя уподоблялись лучамъ, и производили чудесный эффектъ: отъ этого куполь казался еще огромнѣе и легче. Разсматривая съ удивленіемъ обширный сводъ, въ 377 футовъ окружности, и 100 футовъ высоты отъ помоста до самаго верха, не лѣзя понять, какъ съ этими разрѣзами и не имѣя болѣе фута толщины, могъ онъ держаться? По несчастію, въ 1802-мъ году, отъ неосторожности паяльщика, чинившаго что-то на кровлѣ, который оставилъ тамъ жаровню, а самъ отлучился, эта чудесная кровля сгорѣла въ нѣсколько часовъ: она существовала только 22 года.

Астрономическая колонна, донинѣ стоящая, та самая, которую построила Екатерина Медичи, въ 1572-мъ году, въ Суассонскихъ палатахъ, по рисунку архитектора *Бюльона*, строителя хлѣбнаго

магазина; но ее вмѣстили въ стѣну, и она потеряла свой видъ. Вышина ея 95 футовъ; видъ Дорической колонны. Въ ней есть лѣстница, ведущая въ глобусъ, или, лучше сказать, въ обсерваторію, устроенную вверху, куда Екатерина Медичи удалялась съ своими астрономами.

При построении хлѣбнаго магазина, сдѣлали у подножія колонны фонтанъ, а на самомъ столбѣ начертили меридіанъ, и очень замысловато: онъ во всякое время года вѣрно показываетъ ч. съ дня. Изобрѣтеніе его принадлежитъ Отцу Пинаре (Pinare), каноннику Св. Женевиѣвы.

Куполь недавно отдѣланъ вновь: теперь онъ весь изъ чугуна; строеніе дивное, но уже не имѣющее того вида, той легкости, той щеголеватости, какіе были въ немъ прежде; зато онъ безопасенъ и гораздо прочнѣе.

Одинъ знакомый пригласилъ меня осмотрѣть Монмартрскую каменоломню, увѣряя, что я не буду раскисаться въ своей поѣздкѣ. Я не понималъ, что могло быть любопытнаго въ каменоломнѣ, но охотно поѣхалъ, вспоминая, что Монмартрская возвышенность должна быть священна для Рускаго, что тутъ храбрѣе воиновъ нашихъ, въ виду

Парижа, сражались, проливали свою кровь, и что Александръ Благословенный отсюда вошелъ побѣдителемъ въ столицу Франціи.

Едва выѣхали мы за заставу, какъ тотчасъ были уже у входа въ пещеры, потому что иначе не лѣзя и назвать этихъ каменоломней. Я много видалъ пещеръ въ Италіи, въ Греціи, но ничего подобнаго не знаю, да ничто и не можетъ сравняться съ ними. Вообразите огромнѣйшія галлерей съ высокими сводами, по которымъ могутъ свободно разѣзжаться кареты въ два ряда; вообразите, что пещеры эти, подобно лабиринту, углубляются въ гору, и между тѣмъ какъ при входѣ въ нихъ свѣтло, отъ того, что въ широкія отверстія свѣтъ входитъ свободно, далѣе, и при заворотахъ, царствуетъ совершенный мракъ. Тамъ работаютъ при огнѣ, и картина эта удивительно живописна и величественна! Я не ожидалъ и не могъ вообразить такого зрѣлища. Камень, добываемый здѣсь, довольно мягокъ, однакожь для отдѣленія большихъ кусковъ его употребляютъ порохъ, и тогда въ пещерахъ раздается громовый взрывъ, нѣсколько разъ повторяемый эхомъ въ разныхъ направленіяхъ. Но отъ чего эти галлерей правильны? Отъ

чего въ нихъ своды, и огромныя столбы, на которые своды опираются. Отъ чего в личественная архитектура, напоминающая Фивскія или Мемфисскія катакомбы въ Египтѣ. Отъ того, что ни одинъ владѣлецъ не можетъ добывать принадлежащаго ему камня безъ приставленныхъ къ тому архитекторовъ. Иначе давно обвалилась-бы большая часть горъ, давно передала-бы множество народа, и завалила напрасно и безъ пользы большую часть камня. Тогда не существовали-бы эти чудесныя и единственныя пещеры, достойныя того, чтобы нарочно прѣхать и удивляться имъ. Теперь скажу какимъ образомъ производятся здѣсь работы. Хозяинъ обязанъ придти и увѣдомить архитектора, что онъ намѣренъ ломать камень; тогда архитекторъ отправляется съ нимъ, и, осмотрѣвъ мѣстоположеніе, назначаетъ ширину того мѣста, гдѣ ему позволено рыть; показываетъ столбъ, который онъ долженъ оставить неприкосновеннымъ, сводъ, который онъ обязанъ вытесать вверху, форму и величину этого свода, и какимъ образомъ онъ долженъ опираться на столбъ; наконецъ показываетъ направленіе галлерей, и потомъ тщательно наблюдаетъ за исполненіемъ своего чертежа. Отъ того,

гору прорывають съ разныхъ сторонъ правильно, систематически, безопасно и выгодно для владельцевъ и работниковъ. Такимъ-то образомъ, мало по малу составились эти великолѣпныя и обширныя пещеры. Могъ-ли я вообразить, что въ каменоломнѣ увижу галлерей и своды цѣльные, превышающіе огромностію, а иногда и шириною, постройки, которымъ дивился я въ церкви Св. Петра въ Римѣ, или здѣсь въ соборѣ Богородицы! Но всего удивительнѣе показалось мнѣ, что когда я сталъ рассказывать о видѣнномъ мною чудѣ, то многіе изъ жителей Парижа и понятія о немъ не имѣли! Даже ученые, между прочими любезный Нодье, философъ Балланшъ, и самъ знаменитый статистикъ Карлъ Дюпенъ, смѣясь надъ своимъ невѣдѣніемъ, благодарили меня за *открытіе*, и уговорились на другой-же день ѣхать въ Монмартрскія катакомбы. Возвышенность надъ ними издавна замѣтна по множеству построенныхъ на ней вѣтрныхъ мельницъ. Осмотрѣвъ пещеры, я пошелъ на гору. Русскій офицеръ, имѣвшій счастье быть и даже отличиться въ Монмартрскомъ сраженіи, указалъ мнѣ, гдѣ стояли наши батареи, откуда шелъ непріятель, гдѣ былъ Императоръ Александръ.

Прогулка ~~въ~~ Монмартръ и ~~на~~ Монмартръ была одна изъ любопытнѣйшихъ въ моемъ путешествіи, и никогда не изгладится изъ моей памяти. Я искренно благодарилъ пригласившаго меня, и сознался, что онъ былъ правъ, общая мнѣ много удовольствія отъ этой поѣздки.

Возвращаясь въ городъ, мы заѣхали въ бойню, у самой заставы: она одна изъ четырехъ главныхъ въ Парижѣ. Тутъ замѣчательны обширность, и особенно чистота: нигдѣ не увидите крови, не почувствуете малѣйшаго запаха, потому что полы, сдѣланные плотно, безпрестанно вымываются приведенною сюда водою. Здѣсь показывали мнѣ мѣха и трубки, которыми вдувають воздухъ между кожею и мясомъ убитаго животнаго, отъ чего кожа отдѣляется совершенно и снимается легко. На этой бойнѣ каждую недѣлю бьютъ 4 тысячи барановъ и шесть сотъ быковъ, не считая телятъ, свиней и проч. Такихъ большихъ боенъ въ Парижѣ четыре, да шесть другихъ, гораздо меньшихъ, у прочихъ заставъ.

Надобно упомянуть о двухъ любопытныхъ зданіяхъ Парижа: Обсерваторіи и Биржѣ. Обсерваторія напоминаетъ пышность Людовика XIV-го и

любовь его къ наукамъ. Она строена по рисункамъ *Перро* (*Claude Perrault*), съ 1667-го года, и менѣе чѣмъ въ три года была кончена. Зданіе ея обширно и величественно; простота фасада и архитектурныхъ украшеній, высота стѣнъ, все прилично назначенію этого зданія. Оно составляетъ четвероугольникъ, у котораго къ двумъ угламъ приделаны осмиугольныя башни, а на заднемъ фасѣ большой выступъ. Четвероугольникъ устроенъ такимъ образомъ, что линіи передняго и задняго фаса его составляютъ параллель, а боковыя перпендикуляръ меридіану, означенному на полу средней большой залы. Шесть комнатъ, различной формы, расположены на разные пункты неба. Я видѣлъ здѣсь огромный телескопъ, котораго подвижная ножка способствуетъ различнымъ направленіямъ инструмента, и его можно выносить наружу. Платформа, устроенная на поднѣ, дозволяетъ дѣйствовать имъ во всѣ стороны. Въ сводахъ, посреди строенія, сдѣланы отверстія въ три фута діаметра, отъ самаго верху до погребовъ; ими мало пользовались для астрономическихъ наблюденій, но они были полезны для измѣренія скорости паденія тѣлъ, и для повѣрки

барометровъ. Въ нижнихъ погребахъ дѣлаются опыты надъ замерзаніемъ и охлажденіемъ, и для узнанія разныхъ степеней сырости и сухости, тепла и холода. Аэрометръ показываетъ силу вѣтровъ. Онъ устроенъ въ сѣверной залѣ, гдѣ по стѣнамъ нарисованы картины, изображающія времена года и знаки зодіака; тутъ-же портреты знаменитѣйшихъ астрономовъ.

Биржа, новое и прекрасное зданіе, находится на площади, и, можно сказать, въ центрѣ города. Архитектура его почти одинакова съ архитектурой церкви Маріи Магдалины: тотъ-же перинтеръ, тотъ-же Греческій храмъ, съ такими-же фронтонами и колоннами. Внутри огромная зала, гдѣ каждый день собирается множество народа, но не столько для обыкновенныхъ торговыхъ сдѣлокъ, или расчетовъ, сколько для пагубной игры государственными и общественными бумагами, *de la hausse et de la baisse*. Прежде и женщины являлись сюда; но теперь ихъ не впускаютъ. Я видѣлъ однакожъ многихъ, сидящихъ на наружныхъ ступенькахъ, подъ колоннами, и оттуда спекулирующихъ черезъ сводчиковъ и маклеровъ, безпрестанно выбѣгающихъ изъ нѣмъ. Въ чемъ-же состо-

ить игра? Въ покупкѣ и продажѣ облигацій Испанскаго займа , городского долга , акцій желѣзныхъ дорогъ , каналовъ , асфальта , дилижансовъ , и всякихъ компаній и обществъ , своихъ и иностранныхъ. Извѣстно , что отъ политическихъ обстоятельствъ , отъ разстройства компаній , отъ удачныхъ или неудачныхъ оборотовъ , акціи , какого-бы рода ни были онѣ , не остаются въ равной и одинаковой цѣнѣ : сегодня возвышаются , завтра , можетъ статься , упадутъ. Спекулянтъ разсчитываетъ , что такіа-то акціи должны скоро подняться , и покупаетъ ихъ по курсу , на миллионъ , или больше , меньше , каждый по возможности. Если онъ угадалъ , и акціи дѣйствительно поднялись , то онъ продаетъ ихъ съ барышомъ ; если онѣ упали , онъ въ убыткѣ , или совсѣмъ раззорился. Эта игра тѣмъ опаснѣе , что часто безъ гроша можно покупать на миллионы , что очень заманчиво ; но въ такомъ случаѣ купленные акціи только запишутся за вами , а остаются на биржѣ , и если въ недѣлю вы не заплатили за нихъ , или не успѣли перепродать ихъ съ барышомъ , то онѣ возвращаются продавцу , по тому самому курсу , по которому онъ продалъ , и все

пониженіе цѣны взыскивается съ васъ. Тутъ бываетъ много и плутовства. Министры , на примѣръ, могутъ, часто навѣрное, знать напередъ перемѣну курса, могутъ даже на многія акціи имѣть сильное вліяніе, поднять, или уронить ихъ, особенно министры финансовъ , иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ , или богатые банкиры. Я не думаю, чтобы такіе люди стали входить въ плутни, и никого не виню; но часто тайна вырывается; есть вездѣ секретари, правители канцелярій.... Какъ отвѣчать, чтобъ иной не соблазнился? Знаю только , что всякой день здѣсь играютъ съ изступленіемъ. Вотъ какъ это происходитъ. Посрединѣ залы кругъ , въ который, кромѣ биржевыхъ маклеровъ (agents de change), никто не входитъ: игроки и почтенная публика тѣсно обступаютъ этотъ кругъ. Маклера безпрестанно подбѣгаютъ, то къ тому, то къ другому, и кричатъ, на примѣръ : « 20 акцій страховой компаніи, курсъ такой-то. — Сорокъ акцій Испанскаго , или Португальскаго займа , по тому-то. » Здѣсь компанійства , слѣдовательно огромнѣйшіе капиталы безпрестанно въ оборотѣ. Очень рѣдко случается, чтобы акціи не продались и не купились. Въ мое

время, акціи займа первыхъ Кортесовъ Испанскихъ, втораго займа Христиносовъ, Донъ Мигуэла въ Португаліи, первой Ліонской желѣзной дороги, понизились 70%; но Ліонская дорога вдругъ поднялась на 20%: вотъ барышъ ужасный! Въ государствахъ, подверженныхъ такимъ перемѣнамъ, какъ теперь Испанія и Португалія, кто можетъ отвѣчать за ихъ облигаціи? А онѣ теперь такъ понизились въ цѣнѣ, что дѣло очень заманчиво. Акціи на первый Марнскій каналъ, отъ 250-ти франковъ поднялись вдругъ въ 4000 франковъ: ихъ скупили двое или трое, и покупщики эти, можно сказать, изъ ничего сдѣлались миллионщиками! Другіе игроки, и большая часть, разорились въ конецъ:

Не видавши этого дѣла, не лѣзя вообразить, съ какимъ изступленіемъ, съ какимъ бѣшенствомъ занимаются имъ. Я знаю людей, очень почтенныхъ, которые каждый день являются на биржу, совершенно оставивъ всѣ прежнія свои занятія: они только биржей и занимаются. Навѣрное-же обогащаются одни биржевые маклера, потому что съ каждой перепродажи они получаютъ извѣстный или условенный процентъ, и не участвуютъ

въ убыткѣ или барышѣ: ихъ дѣло чистое. Этихъ мажеровъ положенное, ограниченное число, и отъ того за мѣста ихъ платятъ очень дорого. Мнѣ сказывали, что были такіе, которые продавали мѣста свои за 400 тысячъ франковъ, и болѣе.

На биржѣ я встрѣтился однажды съ Маркизомъ Дюблезель (Dublaizel). Онъ пригласилъ меня ѣхать къ знакомому своему Г-ну Сомерару, который купилъ древнее аббатство *Клюньи* (Clugny). Оно было построено Кардиналомъ *Дамбуазомъ* (d'Amboise), любимымъ министромъ Людовика XII-го. Это готическое зданіе можетъ похвастаться однимъ изъ лучше сохранившихся своего времени. Графъ Сомераръ тщательно сохранялъ его, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было. Онъ собралъ въ немъ богатѣйшій кабинетъ, составленный изъ предметовъ, бывшихъ въ употребленіи въ Средніе Вѣка. Тутъ видѣлъ я костюмы, оружія, мебели, даже мѣлкія вещицы, служившія къ убранству или украшенію дамъ; цѣлую церковь, убранную въ тогдашнемъ вкусѣ; утварь церковную, книги, и самого священника, молящагося у престола. Не лзя вообразить всѣхъ рѣдкостей, находившихся въ этомъ собраніи: оно было един-

ственное въ своемъ родѣ, и очень дорого стоило воему хозяину. Графъ Сомераръ охотно показывалъ свои сокровища. Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, и болѣе двухъ часовъ терпѣливо просожалъ по всѣмъ комнатамъ, показывая и объясняя все. Вѣроятно, будущіе путешественники уже не увидятъ этого рѣдкаго кабинета. Я читалъ въ журналахъ, что Графъ Сомераръ умеръ, и наслѣдники его продадутъ составленный имъ кабинетъ какому нибудь Англичанину, или распродадутъ вещи порознь. Это очень жалъ. Сколько времени, сколько денегъ надобно было, чтобы собрать такую коллекцію! Какихъ познаній и какого терпѣнія это стоило!

Въ этотъ-же день ѣздилъ я смотрѣть знаменитую Діораму Г-на *Дагера* (Daguerre). Признаюсь, я ничего занимательнѣе и ничего совершеннѣе не видывалъ, и даже по сіе время не понимаю, какимъ образомъ производится въ ней перемѣны. Насъ было въ этотъ день много Рускихъ: Гр. С. П. Румянцевъ, Н. А. Дивовъ, я, и три дамы. Мы всѣ равно восхищались, и не понимали механизма перемѣнъ. Первая картина представила намъ Соломоновъ храмъ въ Іерусалимѣ. Ночь;

свѣтъ луны доходитъ сквозь облака; небо усѣяно звѣздами, которыя блистаютъ какъ настоящія. Въ этомъ полумракѣ было что-то таинственное; массы тѣней отъ огромнаго строенія, и свѣтъ луны, проникающій между колоннами, и мѣстами освѣщающій зданіе, производили эффектъ очаровательный. Чѣмъ больше вглядывались мы въ эту картину, тѣмъ больше пробуждалось въ насъ какое-то меланхолическое чувство! Эта совершенная пустота, это безмолвіе, колоссальный храмъ, эти колонны, эта живая ночная природа, переносили зрителя въ Іерусалимъ, и всякой изъ насъ невольно ждалъ чего-то. Въ самомъ дѣлѣ, звѣзды стали блѣднѣть; самыя мѣлкія потухли; отдаленныя части храма начали освѣщаться. Храмъ великолѣпно озарился огнями повсюду, народъ покрылъ площадь и ступени храма, священники выходили изъ дверей, въ храмѣ была слышна божественная гармонія, вся картина оживилась. Но прежде ни что не тронулось, и каждый изъ насъ ясно видѣлъ, что ни на площади, ни на ступеняхъ храма никого не было! Какъ и откуда взялся этотъ народъ? Какимъ образомъ освѣтился храмъ? Непонятно! Изумительно! Прелестно!... Но вдругъ

огни стали тухнуть, народъ исчезать, и мало по малу все пришло въ первое положеніе: луна опять взопла, опять звѣзды заблестали, опять мы погрузились въ размышленія и задумчивость! Вторая картина представила намъ *внутренность церкви св. Стефана въ горѣ (*)*, передъ полуночнымъ въ ней служеніемъ. Эффектъ перспективы чудесенъ и достоинъ Гранетовой кисти; но церковь пуста; она едва освѣщается луннымъ свѣтомъ сквозь окошки; стулья *посреди собраны въ кугу*; лавки пусты; престолъ едва видѣнъ вдали; между колоннами никого нѣтъ. Но за престоломъ начали освѣщать церковь, и скоро она вся освѣтилась; видно множество людей, сидящихъ по лавкамъ, стоящихъ группами въ разныхъ положеніяхъ, и стулья (замѣтьте это) *разставлены въ порядкѣ*, и *все заняты* сидящими на нихъ. Священникъ служить, дьяконы кадятъ, предстоящіе молятся, органы играютъ. . . . Вдругъ все померкаетъ, и все опять въ прежнемъ видѣ: никого нѣтъ, стулья опять въ кугу, и даже, какъ прежде, *одни на*

(*) Я описывалъ ее выше.

одномъ поставленъ, для простора. Поймите, если можно! Мы только восхищались!

Третья картина представляет долину Гольдау въ Швейцаріи. Извѣстно, что послѣ бури, ужасная снѣжная лавина обрушилась на нее съ горы, и совершенно измѣнила весь видъ и положеніе ея: даже теченіе рѣчки перемѣнилось, и составились озера тамъ, гдѣ ихъ прежде не было; принуждены были проложить иначе дорогу, а селеніице, бывшее посрединѣ, погибло и совершенно изгладилося съ лица земли. Это-то представили намъ. Мы увидѣли долину въ первобытномъ ея состояніи; ландшафтъ прекрасенъ, освѣщенъ вечернимъ солнцемъ, и хотя видны тучи, какъ-бы предвѣщающія бурю, однако стада пасутся, пастушка прядетъ, все спокойно, все живо, все цвѣтетъ. Мало по малу облака густѣютъ; слышенъ вдалекѣ громъ; ночь приближается, и вдругъ все меркнетъ. Наступаетъ утро; разсвѣло; солнце уже высоко; долина та-же, но уже трудно узнать ее, и надобно очень вглядѣться, чтобы найти знакомый предметъ: гдѣ текла рѣчка, тамъ теперь озера, гдѣ была дорога, тамъ кучи камня, и недотаявшій снѣгъ гдѣ была деревенька; ни что

не осталось на мѣстѣ , кромѣ одного торчащаго бревна ; словомъ , все перемѣнилось ; но природа еще богата , и ландшафтъ прекрасенъ , хотя суровъ , дикъ и совершенно пустъ.

Мнѣ кажется , произведенія Г-на Дагера такъ превосходны , такъ близки къ природѣ , что на нихъ не лѣзя довольно наглядѣться , и я , спустя нѣсколько недѣль , опять заѣзжалъ въ Діораму , видѣлъ тѣ-же самыя картины , и опять сказалъ , что на нихъ не лѣзя довольно наглядѣться.

Живши долго въ Парижѣ , не лѣзя не поговорить о Парижскихъ театрахъ . Театръ здѣсь любимое и можно сказать общее занятіе почти всѣхъ жителей . Новая пьеса волнуетъ всю публику , и почти нѣтъ возможности достать мѣсто въ первое представленіе : въ партеръ , въ галлерей идутъ съ трехъ часовъ по полудни , и толпятся у входа , хотя знаютъ , что начало въ семь часовъ ; ложи , бенеуары разобраны , иногда за недѣлю . На другой день , журналы наполнены сужденіями о пьесѣ , объ актерахъ , объ авторѣ ; въ обществахъ ими-же занимаются . Можно подумать , что случилась какая нибудь государственная перемѣна , а на повѣрку выйдетъ , что сыграли плохую драму , оперу , или

водевиль! И это бываетъ часто, раза два въ недѣлю, потому что театровъ здѣсь множество, а сочинителей еще больше. Если-жъ дають новую пьесу какого нибудь знаменитаго автора, Казимира Делавиня, Александра Дюма, Виктора Гюго, Скриба, Мазера, или Г-жи Ансело, то всѣ начинаютъ толковать за недѣлю, хлопотать о мѣстахъ, а послѣ недѣлю продолжаютъ сужденія.

Я посѣщалъ всѣ главные театры, желая имѣть полное понятіе о пьесахъ, объ актерахъ и о музыкѣ. Намъ, Рускимъ, съ младенчества надувають въ уши о превосходствѣ Французовъ въ драматическомъ искусствѣ; большая часть пьесъ ихъ переведена на нашъ языкъ, и слѣдовательно актеры наши, болѣе или менѣе, подражатели Французовъ; къ тому-же, отъ временъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ столицѣ нашей всегда были Французскіе театры, и актеры наши невольно подражали игрѣ тѣхъ, которые нравились Двору и публикѣ.

Вотъ нынѣшнее состояніе Французскихъ театровъ.

Théâtre Français, Французскій театръ, собственно такъ называемый, считается первымъ, и имѣетъ привилегію представлять на сценѣ своей

Корнелевы, Расиновы, Вольтеровы и Мольеровы пьесы. Онъ обязанъ сохранять театральныя представленія и костюмы. Эту привилегію раздѣлялъ съ нимъ *Одеонъ*, но теперь тамъ не играютъ. Французскій театръ принимаетъ и новыя сочиненія, но тогда только, когда ихъ прочтутъ въ собраніи актеровъ и признаютъ достойными представленія. Принятая на немъ пьеса остается его собственностію, и другіе театры въ Парижѣ играть ея уже не могутъ. Автору отдается часть сбора отъ каждаго представленія, сколько-бы времени пьеса ни оставалась на театрѣ. Зала Французскаго театра довольно обширна; видѣть и слышать въ ней можно хорошо, но проходы въ кресла тѣсны и безпокойны. Въ бытность мою, на немъ почти не играли трагедій, кромѣ одной или двухъ современныхъ авторовъ; да и тѣ едва-ли можно назвать трагедіями. *Талма* какъ будто похоронилъ съ собою Мельпомену. Но комедіи здѣсь играютъ превосходно. Дарованія нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ выше всякой похвалы. Что сравнится, напримѣръ, съ игрою Г-жи Марсъ? Кто не видалъ ея, тотъ, по истинѣ, не можетъ имѣть понятія, до какого совершенства довела она мимическую игру, съ

какимъ чувствомъ, съ какимъ благородствомъ, съ какою истинною представляетъ она свои роли! Прибавьте, что этой волшебницѣ 60 лѣтъ, что на сценѣ она прекрасна, и въ совершенствѣ играетъ роли молодыхъ дѣвицъ. Г-жа Вольнисъ, болѣе извѣстная подъ именемъ Леонтины Фэ (Léontine Fay), и Г-жа Авансъ, почти равны ей дарованіемъ, и обѣ прелестны. Дѣвица Плесси, Г-жи Парадолъ и Леверъ превосходны въ своихъ роляхъ.

Лижь, Жоанни, Фирменъ (Firmin), Самсонъ (Sanson) Вольнисъ, Батистъ, Монрозъ, Дюпаре, всѣ артисты превосходные. Монрозовы роли исчезаютъ, и онъ уже рѣдко является на сцену въ своемъ характерѣ, а этого жалъ! Онъ былъ достойный наслѣдникъ Превиля, Дазенкура и Дюгазона; но теперь ливрейныя роли встрѣчаются рѣдко: нравы и обычаи перемѣнились; нынѣ съ лакеями не говорятъ, и они въ комнатахъ съ господами не бываютъ. Монрозъ въ этихъ роляхъ превосходенъ! Я нѣсколько разъ видѣлъ его въ старыхъ пьесахъ, и наслаждался его игрою. Онъ напомнилъ мнѣ молодость мою, напомнилъ Дельпи (Delpie), Черникова, Сандунова. Дельпи, кажется, имѣлъ дарованіе еще выше, а Рускіе если

и уступали, то единственно потому, что играли въ переводныхъ пьесахъ, слѣдовательно терявшихъ много интереса. Дюпаре состарѣлся; мы видѣли его въ Москвѣ, и тогда не умѣли оцѣнить этого дарованія.

Осмѣлившись назвать двухъ Русскихъ актеровъ, я позволю себѣ упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ, потому что никогда, кажется, не могу я лучше отдать имъ справедливости, какъ говоря о великихъ дарованіяхъ артистовъ Французскаго театра. Я посѣщалъ его часто, тщательно всматривался въ игру актеровъ, и чтожь? По истинѣ, ни одного не могу я сравнить съ нашимъ старикомъ *Поме-ранцевымъ*!... *Крутицкій*, *Черниковъ*, того-же времени актеры, были-бы достойны играть съ нами на ряду. Наши Г-нъ Каратыгинъ и Г-жа Каратыгина старшіе были-бы приняты здѣсь съ рукоплесканіями: я увѣренъ въ этомъ. Но нашъ Московскій Щепкинъ.... О, ему нѣтъ подобнаго!... Приспособьте роль къ его дарованію, и Щепкинъ превзойдетъ всѣхъ: онъ не имѣетъ соперника.

Большая Опера (Le Grand Opéra). Зданіе этого театра огромно, зала нарядна, и почитает-

ся одною изъ первыхъ въ Европѣ. Декорации оперы обворожительны, а на костюмы не щадятъ ничего, и за то постановка на сцену новой оперы, или балета, часто обходится до 300 тысячъ рублей, и больше. Здѣсь также есть великія дарованія. *Нурри* (Nourrit), теноръ, конечно первый изъ нихъ. Чистота голоса, искусство въ пѣніи, и притомъ игра, даютъ ему первую степень. *Дюпре* постъ можетъ быть не хуже, но играетъ не очень хорошо. *Левассёръ* (Levasseur), басъ, также пѣвецъ превосходный. Пѣвицы хороши: это Г-жа *Фальконъ* (Falcon) и Г-жа *Дорюсъ-Грасъ*. Но что можетъ сравниться съ танцовщицами этого театра? Гдѣ найти такое собраніе превосходныхъ дарованій? Г-жи *Легаллуа*, *Тальони* (*), двѣ *Эльслеръ*, *Нобле*, *Фицъ-Джемсъ*, *Дюверне*: вотъ семь первоклассныхъ танцовщицъ! И это на одномъ театрѣ! Я вообще не люблю танцовщиковъ, и нынѣшніе танцы не для мужчинъ; однакожь не лзя не упомянуть о славномъ *Перро* (Perault). Оркестръ въ театрѣ Большой Оперы превосходенъ: онъ мало уступаетъ Неаполитанскому.

(*) Г-жа Тальони была тогда еще въ Парижѣ; вскоре явилась она на Петербургской сценѣ.

Какъ любитель древностей, я добился увидѣть, хотя не на сценѣ, стариковъ Вестриса и Гарделя : они живы и еще бродятъ.

Комическая Опера также театръ прекрасный ; тутъ отличаются актеры *Поншаръ* (Ponchard), *Шоле*, *Лемонъ* (Lemonnier), и актрисы : *Чинти-Даморо* и *Прадеръ*.

Итальянская Опера въ Парижѣ конечно лучшая въ Европѣ. Труппа ея уѣзжаетъ на лѣто въ Лондонъ, а зимой возвращается въ Парижъ. Тутъ превосходныя дарованія : Лаблашъ, Тамбурини, Рубини, и нашъ Русскій Ивановъ. Ивановъ поетъ хорошо ; теноръ его чистъ, пріятенъ, но слабъ, и отъ того на сценѣ съ другими актерами, и при огромномъ оркестрѣ, онъ много теряетъ. Къ тому-же онъ играетъ дурно. За то въ комнатѣ, при аккомпаньементѣ фортепіано, онъ прелестенъ. Первая пѣвица, Г-жа Гризз, счастливо замѣнила Малибранъ. Дарованіе ея не упадетъ, но, кажется, еще растетъ ! Г-жа Альбертаци также пѣвица хорошая.

Изъ маленькихъ театровъ, первымъ почитается *Гимназическій* (Théâtre du Gymnase) : онъ прежде

назывался Театромъ Герцогини Берри. Тутъ также много хорошихъ дарованій. Стоитъ видѣть *Фервиль* и *Буффе*. Украшеніемъ его были Г-нъ и Г-жа Адланъ, которые теперь въ Петербургѣ. Лучшая актриса Женни - Верире: она слѣдовала за Наполеономъ въ Россію, и тогда играла въ Москвѣ; теперь старенька, но играетъ еще хорошо.

Въ театрѣ des Variétés очень замѣчательны актеры *Верне*, *Легранъ*, *Одри*, актрисы: *Полли* и *Женни Колонъ* (Jenny Collon).

Въ *Палероалъ* прекрасны *Ашаръ*, *Левассёръ*; тамъ-же несравненная актриса *Дежазе*: я почитаю ее одною изъ первыхъ въ Парижѣ.

Въ *Водевилъ* много дарованій: тутъ двое *Ле-пентръ* (Lepeintre), *Арналъ*, *Лафонъ* (Lafont), *Тенье*, Г-жа *Броанъ* (Brohant), Г-жи *Алберъ* и *Тенаръ*.

Театръ у воротъ Св. Мартина (Théâtre de la Porte St.-Martin). Я называю его послѣ другихъ потому, что онъ не похожъ на другіе: въ немъ играютъ всѣ ужасныя романтическія драмы нашего

времени, а иногда смѣшные фарсы. Сюда переходили и великіе актеры съ другихъ театровъ, и часто отсюда принимались на Французскій театръ. На него была большая мода; потомъ онъ упалъ. Теперь въ немъ замѣчательны актеры: *Фредерикъ, Леметръ, Бокажъ, Лакруа* (онъ-же и сочинитель). Актрисы: нѣкогда знаменитая Г-жа Жоржъ, которою мы долго восхищались въ Петербургѣ. Она еще хорошо играетъ, но безобразно потолстѣла. *Ида* также прелестная актриса.

Я не стану говорить о Франконіевомъ театрѣ и его конскихъ представленіяхъ: онъ извѣстенъ, и сказать о немъ нечего. Кажется, и такъ я заплатилъ дань свою Парижскимъ зрѣлищамъ.

Въ Парижѣ есть еще множество другихъ театровъ, нисшаго разбора, но они не стоятъ труда и заниматься ими. Есть театры, называемые *загородными* (*de la banlieue*), гдѣ актеры всякая сволочь; но иногда, для смѣху, можно зайти въ нихъ.

Въ бытность мою въ Парижѣ была выставка художествъ въ Луврѣ. Я смотрѣлъ ее не одинъ разъ.

Картинъ выставлено было множество; здѣсь тма художниковъ, но, такъ-же какъ и вездѣ, дарованій мало. Горація *Вернета* не было ни одной картины; *Энгера* (Ingres) также. Замѣчательнѣе другихъ, по моему мнѣнію, были двѣ большія картины *Поль Делароша* (Paul Delaroche), *Смерть Страффорда*, и *Англійскій Король Карлъ I-й подѣ стражею*; *Св Цецилія*, художника *Брасказа* (Brascasat); пейзажъ, представляющій окрестности *Алжира*, *Гюдена* (Gudin). Портретовъ было множество; лучшіе *Дебюфовы*, а между ними отличнѣйшіе: портретъ нынѣ царствующаго Короля *Людовика Филиппа*, *Г-жи Легонъ* (Le Non), супруги Бельгійскаго Посланника, и *Герцогини Истрійской*. Не должно однакожъ думать, что *Дюбуа* лучшій портретистъ въ Парижѣ: онъ далеко уступаетъ *Штейбену*, и даже *Винтергальтеру*. Мнѣ особенно нравилась *Винтергальтерова* картинка, представляющая *Италіянское общество*, посреди котораго бесѣдуетъ *Боккаціо*. Сцена въ загородномъ саду, въ то время, когда во *Флоренціи* была чума, прекрасна! Вообще картинъ отличныхъ мало: есть хорошія, но посредственныхъ множество. Всякой день, поутру, залы были набиты посѣти-

телями, и между ними всегда встрѣчалось множество солдатъ : они по большой части останавливались противъ картинъ , изображающихъ сраженія, и рассказывали другъ другу о событіяхъ особенно-же любовались тѣми, на которыхъ представлялъ Наполеонъ.

ГЛАВА XI.

«Весна, погода теплая, Апрель во всей красе, «сиенел разцвѣли! Не лѣзя избрать лучше дня «для загородной прогулки; а сегодня фонтаны «и каскады будутъ пущены въ Версали.» Такъ говорилъ одинъ пріятель мой, зашедши ко мнѣ рано поутру, въ Воскресенье. «Поѣдемъ!» было моимъ отвѣтомъ. Мы позавтракали, сѣли въ дилижансъ, и отправились въ Версаль. Городокъ этотъ въ четырехъ съ половиною лѣ, т. е, за 48 верстъ къ западу отъ Парижа. Дорога къ нему прекрасная. Мы перѣехали Сему въ Севрѣ, оставивъ въ правой рукѣ Сентъ-Клу. Отсюда до самой Верса-

ли широкая тройная аллея, прекрасно содержащаяся, и по которой безпрестанно, взадъ и впередъ, встречаются экипажи. Что-жъ это было, когда въ Версали жила пышный дворъ, и когда почти всѣ знатные вельможи имѣли тамъ дома, или квартиры? Людовикъ XIII-й купилъ небольшое Версальское помѣстье, для помѣщенія въ немъ своей псовой охоты, и приказалъ построить, для своего прѣзда, небольшой загородный дворецъ, который былъ такъ не важенъ, что Бассомпьеръ называлъ его всегда: *загородный домишко*. Людовику XIV-му понравилось это мѣсто, и показалось очень удобнымъ для охоты. Онъ превратилъ деревеньку въ городъ, а изъ *загороднаго домишка*, сдѣлалъ великолѣпнѣйшій дворецъ, донынѣ изумляющій всѣхъ, особенно иностранцевъ. Россійскій Императоръ Александръ, въ первый разъ посѣщая Версаль, сказалъ окружающимъ Его: «Вотъ истинно жилище Великаго Государа!»

Городъ Версаль правиленъ, довольно обширенъ и населенъ: въ немъ считается до 25 тысячъ жителей. Здѣсь можно найти все, не только для жизни, но и для роскоши: магазины и лавки снабжены товарами, театръ не дуренъ, и на немъ

играють не послѣдніе во Франціи артисты. Жить здѣсь дешево, и отъ того многіе иностранцы и даже туземцы поселились въ Версали. Они пользуются сосѣдствомъ Парижа, и за три рубли, въ полтора часа, могутъ свободно ѣздить туда во всякое время, потому что дилижансы отправляются каждый часъ взадъ и впередъ. Около Версали уже начинаются дворцовыя службы, прекрасно построенныя: съ одной стороны огромныя палаты оберъ-егермейстера, и при нихъ вся принадлежность дворцовой охоты; по другую палаты оберъ-гофмейстера, со всѣми принадлежностями къ его должности. Большой и малый конюшенные дворы выстроены по Мансаровымъ рисункамъ. Все это раздѣляется желѣзными рѣшетками, съ богатыми, ярко вызолоченными украшеніями. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ дворца, большіе флигели, для министровъ, статсъ-Секретарей, и подъ ними покои для канцелярій, такъ что король имѣлъ здѣсь подъ руками все, что относится къ государственному управленію. Обширныя террасы, усаженныя по краямъ цвѣтами и уставленныя мраморными статуями лучшихъ художниковъ, окружали почти весь дворецъ. Подъ ними были устроены казѣма-

ты, по правую сторону для Французской гвардіи, а по лѣвую для Швейцарской. Тутъ былъ *Парадный дворъ* (La cour d'honneur), и та часть дворца, которую выстроилъ Людовикъ XIII-й: она вошла въ общій составъ зданія, и хотя не соотвѣтствовала великолѣпію его, но Людовикъ XIV-й приказалъ оставить ее какъ она была.

Теперь на парадномъ дворѣ поставлена бронзовая конная статуя Людовика XIV-го, и передъ нею 42 мраморныхъ колоссальныхъ статуй, стоявшихъ прежде въ Парижѣ, на мосту Людовика XVI-го. Бронзовый конь и всадникъ превосходной работы; но зачѣмъ они тутъ? Не понимаю! Еще меньше понятно для меня, съ какой стати окружили Людовика XIV-го статуями мужей, ни къ исторіи его, ни къ вѣку не принадлежавшихъ? Тутъ Баяръ, тутъ Дюгескленъ, и даже покойный Маршалъ Мортъ! Мнѣ кажется, Маркъ-Антоній и даже Юпитеръ были-бы столько-же приличны!

Описывать всѣ части здѣшнихъ огромныхъ строеній значило-бы описывать большой городъ. Конечно въ мірѣ нѣтъ обширѣйшаго дворца! Расскажу только о нѣкоторой части внутреннихъ

покоевъ; я не могъ видѣть всѣхъ, потому что не вездѣ дозволяли ходить: тогда устроивали историческій музей, и онъ еще не былъ отдѣланъ. Прежде всего надобно сказать, что фасадъ дворца, со стороны сада, имѣетъ 306 саженъ длины. Въ немъ три этажа: нижній (*rez de chaussée*), средній, или бель-этажъ (весь занятой комнатами короля и королевы, парадными, пріемными залами), и верхній, или аттикъ. Всѣ они, отъ террасы до крыши, возвышаются на 62 фута. Крыша на всемъ дворцѣ плоская свинцовая; она составляетъ большую площадь, по которой можно очень свободно прогуливаться. По краямъ ея устроены высокія балюстрады. Вообразите это строеніе лучшей архитектуры, украшенное пиластрами, колоннами, богатыми балконами, трофеями, множествомъ статуй, и вы получите идею о его великолѣпнѣи.

Въ нижнемъ этажѣ двѣ обширныя залы: первая отъ входа со двора убрана мраморомъ; колонны въ ней Дорическаго ордена, также мраморныя. Вторая зала больше первой: изъ нея выходъ въ садъ, на террасу. Влѣво отъ нея покой, гдѣ была королевская купальня: тутъ все великолѣпно, и

даже капители на колоннахъ изъ бронзы , жарко вызолоченной ; картины и статуи , хорошихъ художниковъ , приличныя для купальни. Вездѣ Каррарскій бѣлый мраморъ ! Но все это уже очищали и выносили , потому что залы и покои нижняго этажа назначались подѣ отдѣленіе Французскаго историческаго музея. Въ бель-этажѣ ведутъ два крыльца : первое , по правую руку , называется Посольскимъ ; оно освѣщено сверху , и надъ нимъ огромныя бронзовыя рамы въ видѣ кровли. Крыльцо это 72-хъ футовъ въ длину ; ширина его 34 футъ. Передъ крыльцомъ сѣни , съ тремя обширными арками , украшенными , такъ-же какъ и крыльцо , разноцвѣтными мраморомъ , пиластрами и колоннами Ионическаго ордена , у которыхъ базисы и капители изъ золоченой бронзы.

Вверху , на этой великолѣпной лѣстницѣ , встрѣчаются новыя украшенія : трофеи , корабельныя кормы , бюстъ Людовика XIV-го , работы Куазевокса , и все это изъ мрамора , изъ бронзы. Вездѣ картины , кисти Лебрена (Lebrun). Словомъ , всходя на эту лѣстницу , можно предвидѣть , къ какому великолѣпію , къ какому богатству ведетъ она. Версальская лѣстница такъ зна-

менита, что ее срисовали, и гравированные съ нея рисунки составили книгу большого формата, въ родѣ атласа, которая становится очень рѣдка и дорога; но я успѣлъ еще достать ее въ Парижѣ.

Другая лѣстница, также великолѣпная, вела на Королевину половину. Съ нея входъ въ большую залу караульныхъ. Комнаты короля и королевы, описанныя во многихъ книгахъ, превосходили богатствомъ и украшеніями своими все, что бывало въ этомъ родѣ: мраморы, бронзы, золото, картины лучшихъ мастеровъ, огромныя зеркала, все соединялось, чтобы сдѣлать Версальскій дворецъ достойнымъ жилищемъ Великаго Государа и пышнаго двора, какой былъ во Франціи отъ временъ Людовика XIV-го до самой революціи. Здѣсь, между прочимъ, были залы, имѣющія 30 сажень длины. Кромѣ Короля, Королевы и Дофина, всѣ прочіе Принцы и Принцессы Королевской фамиліи имѣли приличныя ихъ званію и богато украшенныя отдѣленія; теперь только спальня Людовика XIV-го сохранена точно въ томъ видѣ, въ какомъ она была при немъ. Даже всѣ принадлежности, мебель, бѣлье, спальное одѣяніе, тѣ-же самыя; кажется, камердинеръ сей часъ явится и король придетъ ло-

житься спать. Во всѣхъ покояхъ остались одна-
кожъ прежніе богатые плафоны; прочее все пере-
мѣнилось: дворецъ обращенъ въ огромный и бо-
гатый историческій Французскій музей. Я не
видалъ его въ новомъ видѣ, потому что онъ еще
не былъ отдѣланъ, и въ него никого не впускали;
но я видѣлъ многія картины, назначенныя и даже
парочно заказанныя для него; признаюсь, многія
изъ нихъ показались мнѣ недостойными такого
знаменитаго собранія.

Дворцовая церковь, съ двумя придѣлами, сво-
ею обширностью, великолѣпіемъ и красотою архи-
тектуры достойна всего другаго. Снаружи поста-
влены статуи двѣнадцати Апостоловъ и Еванге-
листовъ; къ алтарю она имѣетъ форму полукруга;
но другою оконечностью соединяется съ двор-
цемъ. Входъ въ нее изъ нижняго и изъ верхняго
этажа: изъ нижняго прямо въ церковь, а изъ верх-
няго на галереи, гдѣ было обыкновенное мѣсто
Короля, прямо противъ престола. По лѣвую руку
отъ него, въ заворотѣ, мѣсто Королевы; подалѣе
мѣста Припцевъ и Принцессъ Королевской фами-
ліи. По правую руку становились: Капитанъ Гвар-

дін (*), первые вельможи и министры. Прочіе, имѣвшіе входъ въ церковь, кавалеры и дамы, помѣщались въ самой церкви, внизу. Особое мѣсто, подъ лѣвою галлереею, было устроено для Маркизы Ментенонъ, такъ что Королева не могла видѣть его; но оно было видно Королю, и находилось противъ самыхъ вельможъ и царедворцевъ, занимавшихъ правую галлереею. Какъ все это напоминало мнѣ пышныя дни царствованія Людовика XIV-го, и потомъ грустную его старость! Читавши Записки его времени, кажется, присутствуешь тутъ, за обѣдней: видишь старую фаворитку, и раболопство, съ которымъ глядятъ на нее тутъ же стоящіе вельможи. Между ними узнаешь знакомыя лица: вотъ вельможный Лувуа, вотъ соперникъ его, знаменитый Кольберъ, вотъ Тюрень, вотъ Вандомъ, Виллерау, Вилларъ.... Церковь, памятники, образа, статуи, все еще тутъ, но присутствующихъ уже нѣтъ! Едва память событій сохранилась въ Исторіи! Нынешняя Франція иначе глядитъ на Великаго Людовика.

(*) Это всегда былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ государства, и часто Маршалъ. Кавитязовъ Гвардіи былъ только четыре.

Плафонъ купола, расписанный Куапелемъ, изображаетъ Всевышняго во славу ; вокругъ, на облакахъ, херувимы и серафимы. Надъ Королевскимъ мѣстомъ написано сошествіе Святаго Духа : это лучшее произведеніе Жувенета. По карнизамъ всей церкви бронзовые барельефы, и изъ нихъ особенно замѣчательнъ барельефъ работы Кусту , изображающій Богоматерь въ домъ Захаріа и Елисаветы. Алтарь богато и прилично украшенъ.

Перейдемъ въ Версальскіе сады! Но какъ описать красоту ихъ, различныя ихъ мѣстоположенія, и безчисленное множество каскадовъ , фонтановъ, бронзовыхъ и мраморныхъ группъ и статуй? Кто исчислить проспекты, залы и кабинеты изъ зелени, повсюду устроенные? Кто назоветъ всѣхъ великихъ художниковъ, трудившихся надъ украшеніемъ этихъ очаровательныхъ садовъ? Множество мраморныхъ статуй и купидоновъ, которые здѣсь встрѣчаются на всякомъ шагѣ, могли-бы украсить самыя рѣдкія собранія въ Европѣ. И все это напоминаетъ Людовика XIV, славный вѣкъ его, и почти всѣ событія его царствованія!

Сады Версальскіе занимаютъ 280 десятинъ Французскихъ; во въ нихъ нѣтъ не одного мѣста,

которое не было-бы тщательно обработано и украшено. За первымъ регулярнымъ садомъ, насаженнымъ по планамъ Ленотра, слѣдуетъ второй, называемый Малымъ паркомъ, потому что тутъ уже прогуливались въ линейкахъ , въ коляскахъ , или верхомъ. Не лѣзя не упомянуть о прудѣ Швейцаровъ , такъ названномъ потому , что его вырыли солдаты швейцарской гвардіи. Длина его 320 сажень, ширина 115. Онъ окруженъ аллеями и дерномъ. Близъ него , на возвышеніи , видна чудная красотою, мраморная , и на такомъ-же пьедесталѣ , статуя Муція Сцевола. Она работы славнаго Кавалера Бернини. Мнѣ кажется однакожь, что ей приличнѣе быть въ музеѣ, чѣмъ въ саду. Направо отъ регулярнаго сада дорога ведетъ въ Трианонъ, а налѣво въ Сень-Сиръ.

Кромѣ обширности, убранства, красоты садовъ, и множества воды въ бассейнахъ , каскадахъ и фонтанахъ , въ Версали есть почти всѣ славныя статуи древности , въ копияхъ , сдѣланныхъ лучшими художниками, изъ бѣлаго мрамора, или изъ бронзы , той-же самой величины какъ и подлинники. И все это въ саду ! Я ходилъ въ оранже-

Часті II.

34

реи, потому что деревья еще не были выставлены. Тамъ увидѣлъ я дѣсь померанцевыхъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, тщательно сохраняемыхъ. Два дерева, время Франциска I-го, почитаютъ первыми, вывощенными въ Европѣ. Такихъ огромныхъ, и въ такомъ множествѣ померанцевыхъ деревьевъ, я и вообразить не могъ. Въ Луврѣ и въ Тюйлери ихъ много, и они велики, хороши; но что они противъ Версальскихъ? Я два раза ѣздилъ гулять въ Версальскій садъ, и каждый разъ изнемогалъ отъ усталости, а вѣроятно, еще не видалъ всего. Изъ Версали я отправился въ Большой и Малый Трианонъ (Trianon): первый въ верстѣ, не болѣе, отъ дворца, и смеженъ съ садами Версали. Это небольшой, но прекрасный дворецъ, также съ садами, хорошо устроенными, съ фонтанами и статуями; но онъ гораздо меньше. Въ немъ двѣ половины: Королевская и Дофинова. Герцогиня Бургонская жила тутъ при Людовикѣ XIV-мъ, а теперь живетъ иногда, или, лучше сказать, пріѣзжаетъ сюда Герцогъ Орлеанскій. Въ бытность мою убрали вновь комнаты, для пріѣзда молодой Герцогини, которую со дня на день ждали въ Парижѣ. Малый

Трианонъ, близъ большаго, не что иное какъ хорошенькій загородный домикъ, щеголевато отделанный, и окруженный прекрасно разбитымъ Англійскимъ садомъ. Тамъ протекаетъ рѣчка, придающая много жизни ландшафту, и есть ферма, или скотный дворъ, въ Швейцарскомъ вкусѣ. Деревенка Швейцарская, построенная для привѣзжающихъ, съ дворомъ господъ, также прекрасна. Это мѣстечко особенно замѣчательно тѣмъ, что его построила и всегда любила Королева Марія-Антуанетта, супруга Людовика XVI-го. Она удалялась сюда изъ пышнаго Версальскаго дворца, и проводила время съ избранными и совершенно приверженными къ ней людьми. Я велѣлъ принести сюда для себя обѣдъ изъ Версаля, и очень пріятно отдохнулъ въ одномъ изъ Швейцарскихъ домиковъ.

Въ Севрѣ осматривали мы фарфоровую фабрику, знаменитую во всей Европѣ. Это истинно царское заведеніе! Издѣлія здѣшнія доведены до совершенства во всемъ, что относится къ живописи по стеклу и по фарфору. Славные художники въ этомъ родѣ, какъ-то Г-жа Жакото и другіе, копируя лучшія картины, не уступаютъ въ подра-

жанихъ своихъ оригиналахъ. Такъ , напริมѣръ , я видѣлъ копіи на фарфорѣ, изображающія смерть Аталы , съ оригинала Жироде , и входъ Генриха IV-го въ Парижъ , съ картины Жерара. Это совершенство! Ваза, на которой изображенъ букетъ цвѣтовъ, превосходитъ всякое воображеніе; таково-же бюро съ живописью по фарфору. Но что-жъ это стоитъ? Смерть Аталы , картинка не болѣе какъ въ полъ-аршина, 18 тысячъ рублей; входъ въ Парижъ Генриха IV-го, 40 тысячъ; бюро — 70 тысячъ рублей! Есть большія вазы по 15 , 20 и 30 тысячъ рублей. Кому это раскупать?... Даже бездѣлицы: чайныя чашки, и прочее , съ хорошею живописью , продаются чрезвычайно дорого. Мнѣ сказали , что Короли назначаютъ такія вещи для подарковъ Государямъ, или въ награду знаменитымъ людямъ , на украшеніе кабинетовъ. Правда, такая фабрика не дастъ казнѣ дохода; но она достойна покровительства Короля. Здѣсь могутъ усовершенствоваться художники въ живописи на эмали, и узнать красоту формъ, въ которыхъ по большей части подражаютъ древнимъ. Я порадовался, поглядѣлъ, и, разумѣется, ничего не купилъ,

Спусти нѣсколько дней ѣздилъ я въ Сень-Дени (St.-Denis). Городокъ этотъ въ восьми верстахъ отъ Парижа. Онъ никогда не можетъ увеличиться, но всегда останется достойнъ посѣщенія путешественниковъ и любителей древности , какъ по огромному своему собору изящной готической архитектуры, такъ и потому, что въ немъ хоронили Королей Французскихъ , начиная отъ Клотарія II-го, отца Дагобертова , и до новѣйшихъ временъ. Несмѣтная сокровища , накопившіяся тутъ съ самыхъ древнихъ временъ при мощахъ Св. *Діонисія* и Св. *Элоа* (*Eloi*), теперь не существуютъ. Во время революціи все было разграблено, расхищено; даже кости похороненныхъ Королей и Королевъ выкиданы изъ гробовъ, и большая часть ихъ сожжена въ общей ямѣ. Но здѣсь еще осталось много достойнаго любопытства: иное успѣли скрыть отъ разрушителей , другаго они не нашли. Наполеонъ исправилъ все , что только можно было исправить. Нѣсколько королевскихъ гробницъ и памятниковъ поставили на прежнія мѣста; надписи вездѣ возобновили ; соборъ вычистили, исправили, и церковь Св. *Діонисія* опять надолго останется примѣрнымъ готическимъ зданіемъ

Среднихъ Вѣковъ, какъ по обширности, такъ и по красотѣ своей.

При Римлянахъ мѣсто это называлось *Кату-
макусъ*, и было не что иное какъ деревенька, названная по имени жившей тутъ *Катуллы*. Какъ христіанка, она приняла къ себѣ тѣло Св. Діонисія, перевезла также тѣла мучениковъ: *Рустика* и *Елевверія*, похоронила ихъ въ полѣ, и воздвигла надъ мощами ихъ гробницу. Потомъ ужъ поставили надъ ними часовню. Около 469-го года, Св. Женевьева построила на мѣстѣ развалившейся часовни церковь, во имя Св. Діонисія. Король Дагобертъ чрезвычайно усердствовалъ къ церкви, и устроилъ тутъ аббатство, одарилъ богато общину, и положилъ большіе вклады въ монастырь. Съ тѣхъ поръ деревенька раздвинулась, и скоро стала именоваться городомъ Св. Діонисія. Король Пепинъ началъ перестраивать церковь; сынъ его, Карлъ Великій, окончилъ ее въ 775-мъ году. При аббатѣ *Сюгерѣ* увеличили ее и освятили въ присутствіи Короля, въ 1144-мъ году; но въ 1231-мъ она пришла въ упадокъ, и ее принуждены были поправлять. Большую часть издержекъ принялъ на себя Св. Людовикъ и мать его Коро-

лева Бланка. Съ тѣхъ поръ церковь осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она и теперь существуетъ. Конечно, отъ передѣлокъ въ столь отдаленныя одна отъ другой эпохи, есть небольшое разнообразіе въ архитектурѣ всего зданія; однако оно осталось и донныѣ лучшимъ готическимъ зданіемъ, какое только гдѣ нибудь есть. Внутренность церкви на 335 футахъ въ длину; ширина 50 футовъ, вышина подъ сводъ 90 футовъ. Передъ входомъ двѣ огромныя четверугольныя башни, на которыхъ висятъ большіе колокола. Церковь поддерживается 60-ю толстыми столбами, кромѣ стѣнъ и контрфорсовъ; крыша свинцовая, и на ней, въ самомъ верху, поставлены большія, мѣдныя, позолоченныя яблоки. Двери обиты мѣдью; на средней изображены различныя событія изъ Св. Писанія. Передъ алтаремъ устроены мѣста для монаховъ. Полъ наборный изъ различнаго мрамора. Престолъ въ древнемъ вкусѣ; по угламъ его четыре бронзовыя колонны, съ парчевыми подборами и шелковою, богато вышитою занавѣсою. Желѣзная рѣшетка, отдѣляющая алтарь отъ церкви, достопамятна превосходною работою, которая такъ чиста и цѣльна, что въ этомъ родѣ я

ничего подобного не видывалъ. Капители, карнизы, всѣ украшенія на ней сквозные, и сдѣланы отъ руки: ихъ работалъ Денисъ, первый современный мастеръ въ своемъ родѣ.

Кромѣ Французскихъ Королей и Королеъ, здѣсь были похоронены Дюгескленъ, Тюрень, и нѣсколько другихъ великихъ мужей. Прахъ Тюреня перенесли въ Инвалидный Домъ; другихъ, вѣроятно, выкинули. Молодой Наполеонъ, племянникъ Императора, также лежалъ тутъ не долго: Бурбоны, по возвращеніи своемъ, велѣли вынести его вонъ. Несчастный Карлъ X-й не успѣлъ лечь съ предками своими, а Наполеонъ занесенъ судьбою на каменную скалу, подъ экваторъ.

Изъ Сентъ-Дени заѣзжалъ я посмотреть пристань, или бассейнъ со шлюзомъ, вновь устроенный въ Сентъ-Уанѣ, для выгрузки товаровъ: по немъ проходятъ барки порядочной величины. Тутъ же видѣлъ я два Артезіанскіе колодца, и славное Сентъ-Уанское помѣстье, съ прекраснымъ домомъ и садами, на берегу рѣки Сены: оно нѣсколько разъ было подарено Людовикомъ XVIII-мъ Графинѣ Дюкайла, опять покупаемо у нея, и наконецъ осталось за нею.

На другой день ѣздилъ я въ Марли, гдѣ устроена славная машина, поднимающая изъ рѣки воду въ большой резервуаръ, откуда она снабжаетъ почти всѣ Версальскіе фонтаны, посредствомъ водопроводовъ. Въ тотъ-же день я былъ въ Мальмезонѣ, любимомъ убѣжищѣ Наполеона. Теперь грустно смотреть на этотъ замокъ... Мѣстоположеніе, правда, прекрасное; строеніе и сады на холмѣ; но земли уже раздроблены на мѣлкия помѣстья: даже саду и оранжерей не поберегли! Новый помѣщикъ главнаго дома передѣлалъ внутреннее расположеніе самыхъ комнатъ. Меня это такъ разсердило, что я даже изъ коляски не вышелъ. Какъ не оставить Мальмезона драгоценнымъ памятникомъ? Какъ забыть, что въ немъ великій человѣкъ провелъ лучшіе дни своей молодости и славы, и бывший Первымъ Консуломъ обдумывалъ планы знаменитыхъ своихъ походовъ! Здѣсь предназначалъ онъ всѣ важныя государственныя перемѣны; здѣсь отдыхалъ отъ трудовъ, посреди цвѣтущаго тогда семейства своего! Мальмезонъ былъ всегда любимымъ мѣстопребываніемъ Наполеона. Тутъ Александръ Благословенный посѣщалъ Императрицу Жозефину, и потомъ самъ

проводилъ нѣсколько времени. Въ Мальмезонѣ было нѣкогда собраніе рѣдкихъ растений и цвѣтовъ, до которыхъ Императрица Жозефина была охотница; тутъ-же находилась прекрасная галлерей картинъ, нынѣ украшающая Императорскій Эрмитажъ въ Петербургѣ. Теперь живетъ здѣсь какой-то пришлецъ, извѣстный только своею расчетливостію: онъ раздробилъ помѣстье и настроилъ домишковъ. Эти новыя дачки, можетъ быть, и хороши, но онѣ производятъ точно такое впечатлѣніе, какое произвело-бы раздробленіе нашего Царскаго Села. Французы и не поминяютъ о Мальмезонѣ; проѣзжая мимо, рѣдкій изъ нихъ скажетъ вамъ: Тутъ жилъ Наполеонъ. Можетъ быть не повѣрять, а точно много есть и такихъ, которые этого даже не знаютъ! Я не останавливаясь поѣхалъ въ Рюэль. Рюэль, мѣстечко на половинѣ пути отъ Парижа въ Сентъ-Жерменъ; нѣкогда помѣстье Кардинала Ришельё, а потомъ Герцоговъ *Дегиллоновъ*. Здѣсь былъ великолѣпный замокъ, богатые сады, водопады; сюда ѣздили дивиться красотѣ строеній, подобныхъ лучшимъ дворцамъ; нынѣ все это исчезло, запустѣло: революція срыла почти до основанія остатки Ришельёвскаго

величія. Тѣперь Рюэль замѣчательнѣе по прекрасной церкви своей, а еще болѣе по воспоминанію объ Императрицѣ Жозефинѣ: здѣсь покоится прахъ ея, въ гробницѣ, поставленной въ церкви, на высочайшемъ цоколѣ, или пьедесталѣ. Жозефина изображена стоящею на колѣнахъ передъ крестомъ: руки ея распростерты, и она молится возведя очи на крестъ. У ногъ ея лежала корона, которую Бурбоны приказали снять! Что она имъ помѣшала? Какъ изгладить изъ Исторіи, что Жозефина была супруга Императора Наполеона I-го, два раза коронованнаго Папою, и признаннаго почти всѣми Монархами Европы? Какъ забыть, что и она коронована была съ нимъ вмѣстѣ?... Фигура Императрицы и весь памятникъ изящной работы: онъ заслуживаетъ, чтобы нарочно пріѣхать въ Рюэль посмотреть на него. Я видѣлъ послѣ въ журналахъ, что бывшая Королева Голландская, Гортензія, дочь Императрицы Жозефины, скончавшаяся въ Швейцаріи, будетъ похоронена въ Рюэльской же церкви, возлѣ матери: это еще болѣе заставитъ путешественниковъ пріѣзжать туда. Надобно знать, что Мальмезонъ всегда принадлежалъ къ Рюэльскому приходу.

На возвратномъ пути въ Парижъ, насъ угощали въ Люсенъ. Это мѣстечко, никогда подаренное Людовикомъ XV-мъ Графинѣ Дюбарри, принадлежить теперь Г-ну Лаентту. Изъ него отаровательныя виды. Домъ помѣщика небольшой, но роскошно отдѣланный, въ саду, на высокомъ берегу Сены, неподалеку отъ Марли. Изъ дому видны самыя отдаленныя мѣста за рѣкою. Г-нъ Лаенттъ не живетъ здѣсь, но очень часто пріѣзжаетъ сюда изъ Парижа, съ пріятелями своими, и угощаетъ ихъ великолѣпно. Этими мѣстечкомъ оканчиваются мои загородныя набѣги вокругъ Парижа. Настаетъ время отъѣзда, и я скоро долженъ буду проститься съ Франціей; но я не покину столицы ея, не сказавши нѣсколько словъ о моихъ тамошнихъ знакомствахъ.

ГЛАВА XII.

Въ Парижѣ я имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ, и былъ такъ счастливъ, что вездѣ встрѣчалъ благосклонный и радушный пріемъ. Я обязанъ этимъ какой-то старой извѣстности, а еще болѣе своимъ добрымъ землякамъ, давно живущимъ здѣсь и пользующимся общимъ уваженіемъ. Съ благодарностью имену ю Посла нашего, Графа Петра Петровича Фонъ-дербъ-Палена, Графа Густава Оттоновича Стакельберга, Николая Сергѣевича Свѣчина, Князя Петра Ивановича Тюфкина, и Барона Александра Казиміровича Мейендорфа! Мы также много способствовали въ знакомствахъ —

почтенное семейство зятя моего, Гр. Жюльвекура, и старая пріязнь моя съ эмигрантами и офицерами бывшей арміи Принца Конде. Со многими изъ нихъ я служилъ въ арміи, при Великой Екатери-нѣ. Съ Герцогомъ Ришельё, Графомъ Ланжеро-номъ, Графами Кетсона, Бреліо, Жерманьянъ, Дамасомъ, я былъ въ однихъ чинахъ и находился въ сраженіяхъ; а ничто такъ не знакомить и не сближаетъ какъ поле битвы, если товарищъ пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе! Мы всѣ заслужили Георгіевскіе кресты почти въ одно время, кто подъ Очаковомъ, кто подъ Измаиломъ, въ Швед-скую войну, или въ первую Польскую кампанію, ни одинъ не позже 1793-го года. И такъ я всту-пилъ въ общество, совершенно знакомый почти всему Сень-Жерменскому предмѣстью, то есть ста-рому дворянству, или нынѣ легитимистской партіи. Я уже говорилъ, что въ общество ученыхъ от-крылъ мнѣ доступъ Баронъ Мейендорфъ, въ дипло-матическій кругъ Посоль нашъ, Графъ Паленъ, и Графъ Стакельбергъ. Меня ввели къ художникамъ, милая старушка, почтенная госпожа Лебрёнъ (Le Brun), а въ молодое общество дворянъ семейство Г.Г. Жюльвскуровъ. Послѣ этого уже легко бы-

ло и самому распространять кругъ знакомыхъ, сколько мнѣ хотѣлось, и я этимъ довольно удачно воспользовался. Меня безпрестанно звали на балы, концерты, вечеринки.

Прежде всего поговоримъ объ извѣстѣйшихъ *salons* (гостинныхъ), какъ здѣсь называютъ дома лучшаго общества, гдѣ принимаютъ гостей разъ два въ недѣлю, а близкихъ знакомыхъ всякой день. Описывать каждое общество невозможно: Герцогиня Абрантесъ принялась было за это, но въ четырехъ томахъ описала только съ десятокъ *гостинныхъ*; сколько-же надобно писать тому, кто захотѣлъ-бы изобразить всѣ замѣчательныя гостинныя въ Парижѣ? Осмѣлюсь сказать, что у насъ, въ Россіи, почти нѣтъ ихъ. У насъ собираются на балы, на обѣды, на вечера, гдѣ принимаютъ великолѣпно, роскошно; но едва успѣешь поклониться хозяевамъ, какъ ужь подають карты, вусадятъ на весь вечеръ бесѣдовать втроемъ или четверомъ, за ломберный столъ. Мнѣ часто случалось, послѣ продолжительнаго вечера, уѣзжать домой даже не выдавши, кто были со мною гости; а собраніе было многолюдное! Здѣсь этого не случается: на вечерахъ рѣдко играютъ въ карты, и

то на одномъ столѣ , какіе нибудь старички или старушки, въ вистъ по 40-ти коп., не болѣе. Хозяйка дому старается каждому дать случай вступить въ разговоръ, и вообще говорить тихо , не возвышая голоса. Самая утонченная вѣжливость господствуетъ при этомъ, и никто не позволяетъ себѣ даже двусмысленнаго намека. Обыкновенными предметами разговора бываетъ театръ, литература, очень рѣдко политика, причемъ шутки и острые слова сверкаютъ непрерывно. Женщины всегда нарядны, одѣты со вкусомъ , и, можно сказать , царствуютъ въ этихъ бесѣдахъ. Все вниманіе мужчинъ обращено къ нимъ: онѣ душа всякой бесѣды. Здѣсь не ужинаютъ никогда и разѣзжаются не поздно. Я проводилъ время въ этихъ обществахъ чрезвычайно пріятно; но необходимое условіе для каждаго посѣтителя : платить свою дань любезности, или умѣть пріятно занять другихъ.

Я начну свое описаніе съ легитимистовъ, или старинныхъ большихъ баръ. Часто посѣщалъ я почтенную старушку Маркизу Дескельбекъ. Дочь ея, Маркиза Бетизи, еще прекрасная женщина, была гофмейстериною при дворѣ Карла X-го ,

или, лучше сказать, при Герцогинѣ Ангулемской. Маркиза Дескельбекъ принимала гостей обыкновенно разъ въ недѣлю. Въ домѣ ея, богато убранномъ, двѣ большія гостиной служили пріемными комнатами. Каждый пріѣзжій гость былъ громогласно возвышаемъ камердинеромъ въ гостиной. Для дамъ растворялись обѣ половинки двери, а для мужскихъ одна, и слуга, при появленіи каждаго почетнаго гостя, вносилъ подъ рукою новое полѣно для камина. Маркиза, 80-ти-лѣтняя старушка, обыкновенно сидѣла въ большихъ креслахъ, у камина, приподымалась, и привѣтливо раскланивалась съ каждымъ. Угощала она прекрасно, и не смотря на преклонныя лѣта свои была очень любезна. У нея всегда можно было встрѣтить Герцога Дюра (Duras), друга Карла X-го, Князя и Княгиню Де Бово, Графа Босета (отецъ котораго нѣкогда былъ Французскимъ Посланникомъ въ Россіи, при Екатеринѣ Великой), Графа Де Скервиля, и множество другихъ особъ высшаго круга. Въ этомъ обществѣ никогда не говорили о нынѣшнемъ правительствѣ, а если случалось упомянуть о царствующемъ Королѣ, то его всегда именовали Герцогомъ Орле-

анскимъ. Впрочемъ, время проводили пріятно, и часто занимались музыкой. Излишняго этикета не было, однако все напоминало, что находишься между знатыми барами; даже утонченная внимательность въ обращеніи доказывала это. Герцогъ Дюра любилъ играть въ вистъ, и для него всегда составляли партію: это и для меня было иногда кстати, потому что сначала, имѣя еще мало знакомыхъ, я радъ бывалъ пріютиться къ мѣсту. Зная это, Герцогъ всегда поджидалъ меня для своей партіи. Я любилъ этотъ домъ, и видѣлъ въ немъ всѣ дворскія преданія Людовика XV-го. Хозяйка, эта добрая, преласковая, но хитрая старушка, любила пышность, и у ней встрѣчались всѣ историческія фамиліи Франціи.

То-же самое могъ-бы я сказать о гостиниой Герцога Дюра; но у него было церемоніальнѣе. Супруга его, иностранка, была годами тридцатью моложе своего мужа. Послѣ отъѣзда своего узналъ я, что Маркиза Дескельбекъ, и Герцогъ Дюра, оба скончались.

Гостиную Депутата Беррье должно причислить къ легитимистскому обществу: она, можно сказать, центръ ихъ собраній. Я никогда не про-

пускалъ его вечеровъ , которые всегда сопровождались прекраснымъ концертомъ , гдѣ можно было слышать лучшихъ артистовъ Парижа. Г-пъ Беррье , краснорѣчивѣйшій ораторъ нынѣшняго времени , пылкій , умный человѣкъ , принимаетъ гостей своихъ отлично хорошо ; жаль , что въ собраніяхъ у него всегда чрезвычайно тѣсно , и иногда нѣтъ возможности подойти къ нему , или къ тѣмъ особамъ , съ которыми хотѣлось-бы бесѣдовать. У него всякой разъ можно застать: Герцога Фицъ-Джемса , теперь почти слѣпago, Графа Клермонъ-Тоннера , Герцога Дрѣ-Брезе, и всѣхъ принадлежавшихъ къ партіи старшей линіи Бурбоновъ. Молодыя дамы этой партіи предпочтительно собираются у него, и въ числѣ ихъ я видѣлъ множество прекрасныхъ. Улица, въ которой живетъ знаменитый ораторъ, такъ тѣсна, что по ней едва можетъ проѣхать карета; во дворъ также въѣзжаетъ только одинъ экипажъ , а другіе должны дожидаться , покуда первый не выѣдетъ на улицу. Это всякой разъ было очень затруднительно. Гостиную Г-на Беррье почти можно назвать клубомъ лежитимистовъ.

Гостиная Г-жи Боскарн де Вильпенъ (Villc-

plaine) совсѣмъ въ другомъ родѣ. Семейство ея состоитъ , собственно , изъ четырехъ семействъ, живущихъ въ одномъ домѣ , но совершенно отдѣльно. Мать, старушка де Боскарн, принимаетъ у себя по утрамъ; племянницы ея, Графиня Верженъ и Маркиза Мирамонъ (Miramont), вмѣстѣ съ мужьями своими, также видаютъ своихъ знакомыхъ у себя ; но вечера, или то , что называютъ le salon , общіе, у Г-жи Вильплень. Въ этомъ домѣ, обладающемъ милліонами богатствъ , общество совсѣмъ не то, которое описывалъ я въ первыхъ гостинныхъ. Множество прекрасныхъ молодыхъ дамъ и свѣтскихъ мужчинъ посѣщаютъ гостиную Г-жи Вильплень ; но вообще это люди, принадлежавшіе нѣкогда ко Двору Наполеона. Тутъ вы увидите Княгиню Ваграмскую, супругу Маршала Бертъе , урожденную Принцессу Баварскую , Графа и Графиню дю Талли, дѣтей Маршала Нея , Герцогиню Піаченцскую (Лебрень), Герцогиню Виценцскую, вдову Коленкура, и даже иногда Герцога Орлеанскаго. Это общество блестящее другихъ : въ немъ все пышно и роскошно. Частые обѣды, балы и концерты доказываютъ богатство хозяевъ. Я любилъ проводить

у нихъ время , потому что къ радушію хозяевъ присоединилась любезность почти всѣхъ гостей ; непринужденность и свобода одушевляли ихъ бесѣду. Иногда и партія виста занимала насъ , посреди шума музыки. Тутъ встрѣчалъ я также нѣкоторыхъ извѣстныхъ литераторовъ : Ламартина, Эмиля Дешана. Не думаю, чтобы когда нибудь, хоть на минуту, скука прокралась въ эту гостиную. Я обязанъ искреннею благодарностію обществу Г-жи Вильплень, въ которомъ всегда встрѣчали меня съ такою предупредительностію, съ такимъ радушнымъ гостепріимствомъ.

Гостиная Герцогини Абрантесъ была опять совершенно въ другомъ родѣ. Состояніе не позволяло ей принимать гостей такъ, какъ, можетъ быть, она желала-бы. Общество ея казалось смѣшеніемъ всѣхъ другихъ, и, къ сожалѣнію, не показывало осторожнаго выбора. Конечно, тутъ можно было встрѣтить людей очень почтенныхъ ; но иногда и такихъ , съ которыми не желалъ-бы встрѣтиться. Она, не знаю почему и для чего, покровительствовала бѣжавшимъ изъ отечества Полякамъ, принимала безвѣстныхъ журналистовъ, писателей ; особенно дамы, посѣщавшія гостиную ея, мало мнѣ

правились : можетъ быть, это и моя вина. Герцогиня говорила много, скоро и громко ; въ обращеніи ея трудно было узнать даму, принадлежавшую нѣкогда къ избранному обществу Наполеона, великодушную, блестящую. Она была уже дурна и не замѣняла этого недостатка любезностью, хотя принимала вѣжливо и старалась вслѣдствіе угощать своихъ посѣтителей. Я бывалъ у нея и не въ пріемные дни, и даже позволялъ себѣ иногда противорѣчить ей, не одобряя всѣхъ ея сочиненій, когда она требовала моего мнѣнія. Она не сердилась, вѣжливо выслушивала меня, и потомъ говорила : « Такъ почти всегда случается съ писателями, которые вѣрятъ рассказамъ другихъ, и не имѣютъ времени критически изыскать истину. Я, можетъ быть, послушалась-бы васъ ; но, къ сожалѣнію, должна сказать вамъ, какъ аббатъ Верто : *Моя осада Мальты кончена*, и теперь уже « не лзя перемѣнить ничего (*). » И этой знаме-

(*) Извѣстно, что аббатъ Верто описывалъ осаду Мальты, и когда ему доказали, что онъ представилъ всѣ событія въ превратномъ видѣ, и даже нѣсколько и людей совершенно искажилъ, то онъ хладнокровно отвѣчалъ на это : « Жаль, но моя осада Мальты кончена, »

нитої женщины нѣтъ болѣе въ мірѣ : она умерла, послѣ отъѣзда моего изъ Парижа.

На вечера Президента Академіи Наукъ, *Карла Дюпена*, каждую недѣлю разъ съѣзжались люди, но большей части ученые, или занимающіеся улучшеніемъ предметовъ, важныхъ для промышленности. Дамъ здѣсь бывало немного, однакожь прекрасная и любезная супруга хозяина принимала нѣкоторыхъ знакомыхъ своихъ, потому что безъ дамъ здѣсь нѣтъ общества. За всѣмъ тѣмъ, гостинная Г-на Дюпена, почти всегда, раздѣлялась на различные круги, гдѣ всякой занимался тѣмъ предметомъ, который онъ любитъ, и отъ того общаго разговора почти никогда не было.

Къ nocturnому старцу Карлу Нодье, живущему въ арсеналѣ, съѣзжались почти всѣ извѣстные писатели: Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Жуи, старый Петербургскій знакомый мой, драматикъ Дюваль, Бальзакъ, Графъ Ресегье, Казиміръ Делавинь, и проч. Дѣти и внучата Г-на Нодье танцевали; но старикъ, часто больной, не всегда выходилъ въ гостиную. Къ нему гораздо любопытнѣе бывало пріѣзжать въ простые дни. Ничто не можетъ сравниться съ любезностію и заниматель-

ностию этого милаго старика! Кому неизвѣстны его сочиненія? Кто не былъ тронутъ его разсказами, его нравственными уроками?

Я очень часто посѣщалъ старушку, славную художницу *Виле Лебрёнъ*. Наше знакомство было давнее: съ 1795-го года, когда она прїѣзжала въ Петербургъ. Конечно никто не могъ быть любезнѣе, прїятнѣе ея въ обществѣ! Не только за превосходное дарованіе свое въ портретной живописи, Г-жа Лебрёнъ удостоилась быть искреннею собесѣдницею въ обществѣ Королевы Французской Маріи Антуанетты, которая особенно любила ее, и въ обществахъ Королевы Неаполитанской, Императрицы Екатерины II-й, Императрицы Австрійской, Императора Павла I-го, Короля Станислава Августа, такъ-же какъ при Дворѣ Прусскомъ. Она вездѣ была обласкана, одарена, и ее непрерывно приглашали въ самыя знатныя общества. Надобно было имѣть, кромѣ дарованія, много привлекательнаго, чтобы заслужить такую почесть! И точно, она обладала любезностью невыразимою: скромность, прїятность, веселость, радость вездѣ за нею слѣдовали! Г-жа Лебрёнъ членъ многихъ Академій художествъ: Петербург-

ской, Неаполитанской, Парижской, Флорентинской. Портретъ ея помѣщенъ во Флоренціи въ Питтіевоу галлерей, на ряду съ портретами знаменитѣйшихъ живописцевъ.

Какъ я обрадовался, встрѣтивъ ее въ Парижѣ! Ей было уже болѣе 80-ти лѣтъ; но она не измѣнилась въ здоровьѣ, веселости и любезности. Такъ давно не видавшись, мы не могли наговориться. Она живетъ хорошо и окружена друзьями. Двѣ племянницы ея (одна также отличная живописица), милыя Г-жа Трипье-ле-Франъ (Tripier-le-Franc) и Г-жа Ривьеръ (супруга Саксонскаго секретаря посольства), помогаютъ ей занимать гостей на вечерахъ, и какъ родныя дочери, ни на минуту, не оставляютъ ея. Въ гостиной Г-жи Лебрёнъ являются дамы и мужчины очень любезные. У нея познакомился я съ писательницами Г-жею Софіею Гэ (Sophie Gay), и дочерью ея Дельфиною Жирарденъ, съ Г-жею Бауръ, и Графинею Керкадо; также съ писателями, извѣстнымъ Г-мъ Мишо, и спутникомъ его въ Азіи, молодымъ Пужула. Тутъ же часто встрѣчалъ я Графа Белиля, стараго Беррье, отца знаменитаго оратора и не менѣе его извѣстнаго глубокими познаніями въ законовѣдѣ-

ни. Г-жа Лебрёнъ доставила мнѣ еще знакомство съ добрымъ Жераромъ. Его гостиная славилась; но я скоро лишился бесѣды этого знаменитаго художника, у котораго также проводилъ очень пріятные вечера. Жераръ скончался, еще при мнѣ. Картины его распроданы за самую дешевую цѣну съ аукціона. Между ними была полная коллекція всѣхъ написанныхъ имъ портретовъ: Жераръ имѣлъ обыкновеніе оставлять, для себя, лоцію съ каждаго писаннаго имъ портрета, въ маломъ размѣрѣ, и это составило наконецъ прелюбопытное собрание лицъ знаменитѣйшихъ людей нашего времени. Какъ я жалѣлъ, что состояніе мое не дозволило мнѣ пріобрѣсти этой коллекціи.

Я бывалъ также въ гостинныхъ Графини Керкадо, Г-жи Ансело, и на музыкальныхъ вечерахъ Г-жи Лафонъ (Lafont). Но самое пріятное, самое занимательное общество находилъ я въ гостиной Г-жи Рекамье. Здѣсь соединялось все, что можетъ польстить уму и даже самолюбію приглашеннаго. Несравненная любезность хозяйки, выборъ посѣтителей, занимательность разговоровъ, все привлекало меня сюда! Г-жа Рекамье не имѣетъ своего дома, и давно уже поселилась въ жен-

скомъ убѣжищѣ, известномъ подъ именемъ *Аббатства въ лесу* (Abbaye-aux-bois), хотя это аббатство на большой улицѣ въ Парижѣ. Г-жа Рекамье, славная во время Директоріи и Консульства своею красотою, скромностью и добротой, умѣла сохранить всѣ эти преимущества и въ старости!... даже красоту! Къ сожалѣнію друзей своихъ, Г-жа Рекамье слабаго здоровья и отъ того по вечерамъ не принимаетъ. Ея собранія начинаются въ два часа по полудни, а оканчиваются въ шесть часовъ. У нея всякой день можно было встрѣтить знаменитаго Виконта Шатобріана, ученаго и добраго Балланша, Анпера, старика Герцога Дудовиля, Графа Кюстина, и другихъ извѣстныхъ людей. Гостиную ея часто посѣщаютъ Княгиня *де Пуа* (de Poix), Герцогиня *Ноаль* (Noaille), Герцогиня *Муши*; но я больше всего наслаждался бесѣдою Шатобріана. Его умъ, краснорѣчіе, и даже образъ мыслей о нынѣшнемъ времени, прельщали меня. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе его о настоящемъ союзѣ Франціи съ Англіей. Меня цѣняло въ немъ особенно то, что онъ превозносилъ нашего Государя, и умѣлъ постигать Его великость, твердость и высокій характеръ. При-

соедините ко всему этому любезность хозяйки, сужденія и доброту Балланша, блестящій умъ Шатобриана, и вы сознаетесь, что можетъ почитать себя счастливымъ тотъ, кто, какъ я, былъ радушно принятъ въ такомъ обществѣ.

Я могъ-бы прибавить къ этимъ обществамъ гостиную Г-на Тьера, потому что былъ у него три раза; но тамъ я не видалъ никого изъ дамъ, кромѣ тещи хозяина, Г-жи *Донъ*, и супруги. Первая одна хозяйничаетъ и занимается гостями; Г-жа Тьеръ раздражена, но говоритъ мало, или почти ничего не говоритъ. Посѣтители большею частію депутаты, и Г-нъ Тьеръ съ ними только и разговариваетъ, какъ человѣкъ, котораго всегда занимаетъ одна мысль, одно желаніе: опять достигнуть министерства. Онъ вѣчно развлеченъ, и всякой разговоръ, кромѣ политики, кажется въ тягость ему. Не знаю, успѣетъ-ли выполнить онъ свое желаніе, но, въ бытность мою, онъ, кажется, былъ далекъ отъ своей цѣли.

Парижскихъ баловъ у частныхъ людей не лѣзя сравнивать съ нашими, потому, что въ большей части домовъ комнаты не велики, и слѣдовательно танцующіе и зрители почти всегда стѣснены. Я видалъ здѣсь балы званые въ такихъ комнатахъ,

гдѣ, казалось, не помѣстились-бы и двадцать чело-
вѣкъ, а въ нихъ тѣснилось и двигалось ихъ до
полутораэта.

Меня не разъ приглашали на балы къ Королю:
тамъ и залы, и убранство ихъ, и освѣщеніе, все
великолѣпно; однакожъ кто видалъ наши придвор-
ныя собранія, того не удивятъ и эти балы. Обще-
ство на нихъ довольно смѣшанное; но это со-
образно времени. Людовику Филиппу не лѣзя по-
дражать прежнимъ Французскимъ Королямъ, хотя
можно надѣяться, что время перемѣнитъ многое.
На одномъ изъ Королевскихъ баловъ, ужинъ былъ
накрытъ въ залѣ театра. Сперва сѣли однѣ дамы;
Король пошелъ съ одною изъ нихъ и усадилъ
всѣхъ за столъ, но самъ не сѣлъ. Сервизы, прислу-
га, все было великолѣпно, и общая картина этого
собранія плѣняла глаза.

Балы, каждую недѣлю бывающіе у Англійскаго
Посла, Лорда Гренвилля, и у Австрійскаго Графа
Аппони, прекрасны. И тотъ и другой занимаютъ
обширныя палаты. Убранство комнатъ, прислуга,
угощеніе, все это достойно хозяевъ, и праздни-
ки ихъ показываютъ представителей великихъ го-
сударствъ.

ГЛАВА XIII.

Такъ, посреди развлеченій, прогулокъ и пріятнаго отдыха , настало время моего отъезда. Я простился со всѣми, кто удостоивалъ меня своею дружбою, ласковымъ и радушнымъ пріемомъ въ Парижъ, и выѣхалъ изъ него 26-го Апрѣля 1837-го года, обратно въ Россію, направляя путь свой къ Любеку и Травемюнде, гдѣ намѣревался сѣсть на пароходъ. Погода была прекрасная ; весна всюду развивала свои прелести, и я наслаждался ею вполне, совершивъ столь большое и любопытное путешествіе и счастливо возвращаясь въ отечество. Хотя я купилъ прекрасную двумѣстную карету

въ Парижѣ, но всякой вечеръ останавливался ночевать: въ чужихъ краяхъ это очень удобно, потому что вездѣ, даже въ послѣдней деревушкѣ, найдется хорошая постель и чистое бѣлье.

Въ Нанси я остановился потому, что надобно было поправить бездѣлку въ экипажѣ, да я и хотѣлъ пробить здѣсь дня два: городъ стоитъ этого.

Нанси, нѣкогда столица Лотарингіи (Lorraine), на рѣкѣ Мёрнѣ (Meurthe), населенъ 30-ю тысячами жителей. Городъ раздѣляется на старый и новый; старый плохо отстроенъ; и улицы въ немъ узки; новый прекрасенъ. Польскій Король Станиславъ Лещинскій, которому была отдана вся Лотарингія въ пожизненное владѣніе, въ 1736-мъ году, чрезвычайно украсилъ новый городъ. Любопытенъ бывшій дворецъ его. Церковь, извѣстная подъ названіемъ *Круглой молитвенницы* (la chapelle ronde), гдѣ находятся гробницы прежнихъ Герцоговъ Лотарингскихъ, достопамятна недавними событіями. Въ 1814-мъ году, когда союзныя войска занимали Нанси, и въ городѣ былъ нашъ Русскій Губернаторъ (*), Австрійскій Импера-

(*) Тайный Советникъ Алопеусъ.

торъ Францъ I-й, котораго родъ происходитъ отъ Лотарингскихъ Герцоговъ, приказалъ поправить и украсить церковь на свое иждивеніе, а гробницы предковъ своихъ прилично возобновить. Въ числѣ ихъ есть очень хорошіе памятники. Королевская площадь въ Нанси конечно одна изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ; до революціи украшала ее статуя Людовика XV-го; нынѣ на мѣстѣ ея бронзовая статуя Станислава; она не высокой работы, но прилична тутъ, напоминая жителямъ города благодѣтеля ихъ, добраго Короля Станислава. Въ церкви бывшихъ Францисканскихъ монаховъ (*Notre-Dame de bons secours*) есть также памятникъ Станислава, превосходной работы знаменитаго художника *Жирандона*. Противъ Короля покойся прахъ супруги его, Екатерины Опалинской. Въ Нанси два прекрасныя гульбища. Образованность жителей доказываютъ лицей, публичная библіотека, и прекрасный театръ. Окрестности города, особенно по берегу *Мёрты*, живописны; но онъ какъ-то мертвъ, и это конечно отъ того, что въ немъ почти нѣтъ никакой торговли или промышленности. Въ немъ стоитъ два полка войскъ. Для человѣка, оставившаго службу

и не занятого политикой, мнѣ кажется, не лѣзя избрать лучше и спокойнѣе мѣста для жизни, какъ Нанси: климатъ здѣсь самый умѣренный, здоровый, природа живописна, изобиліе во всемъ, и все дешево. Общество по большей части составлено изъ стараго дворянства. Присоедините къ этому близость Парижа, чистоту въ городѣ, и вы согласитесь со мной, что Нанси не даромъ полюбился мнѣ. Я охотно провелъ-бы въ немъ нѣсколько времени.

Изъ Нанси перѣхалъ я въ Люневиль, славный трактатомъ 1804-го года, маленькій, но хорошенькій городокъ, также отстроенный Станиславомъ Лещинскимъ, который часто въ немъ живалъ. Дворецъ королевскій обращенъ нынѣ въ казармы; но прекрасные сады, его окружающіе, и теперь служатъ гульбищемъ для всѣхъ жителей города. Я нашелъ здѣсь знакомое мнѣ семейство Сосротовъ, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что они помнятъ Русскую хлѣбъ-соль, благословляя память своего благодѣателя Императора Александра. Отсюда, черезъ Бламонъ, Сарбургъ, Вогезскія горы, Саверну, я благополучно прѣхалъ въ Страсбургъ. Перѣзжая Вогезскія горы, не лѣзя не замѣтить

большой разницы въ почвѣ земли: здѣсь она уже не такъ плодородна; по горамъ растутъ сосны, а въ долинахъ свѣтъ рожь и гречиху, что напомнило мнѣ милую нашу Русь. Но страна постепенно дѣлается живописнѣе. За цѣпью горъ тотчасъ начинается Эльзасскій край, во всей своей красѣ: вотъ и богатый Страсбургъ, и очаровательные берега Рейна! Не говоря еще о Страсбургѣ, надобно сказать нѣсколько словъ о чудесной дорогѣ, проложенной черезъ Савернскую гору. Съ высоты ея, передъ глазами весь Эльзасъ, подобный обширному саду, усаженный обработанными пригорками, лугами, полями, виноградниками, и многими городами. Дорога идетъ винтообразно, такъ, что безпрестанно окружая гору, нечувствительно, легко и безопасно спускаешься внизъ. Когда еще Наполеонъ не создалъ удивительной Сенцлонской дороги, эта казалась чудомъ; теперь ей уже не дивятся, но пользуются ею, и благодарятъ правительство, припоминая тѣ времена, когда почти не было возможности экипажамъ взбираться на Савернскую гору, а спускаться было крайне опасно.

Страсбургъ старинный городъ, и одинъ изъ

главнѣйшихъ во Франціи. Въ немъ считается болѣе 80 тысячъ жителей, включая въ то число и гарнизонъ, который даже въ мирное время никогда не бываетъ менѣе 6000 человекъ. Черезъ городъ протекаетъ рѣка *Иль*, впадающая въ Рейнъ почти подъ самымъ Страсбургомъ. Пробывъ здѣсь три дни, я не позволю себѣ распространяться о городѣ, и скажу только, что онъ хорошо отстроенъ, что улицы въ немъ довольно широки, но въ строеніяхъ уже видѣнъ характеръ Нѣмецкихъ городовъ: высокія кровли, красный камень, показываютъ его происхожденіе. Крѣпость Страсбургская, и особенно цитадель, почитается одною изъ лучшихъ построекъ Вобана. Въ полу-денной части города былъ большой плюзъ, посредствомъ котораго, въ случаѣ осады, можно было затопить всю эту сторону на три версты вокругъ.

Страсбургъ знаменитъ своимъ университетомъ, гдѣ было, и теперь есть, много славныхъ ученыхъ мужей. Кромѣ того, здѣсь много другихъ общепользныхъ заведеній. Я посѣтилъ оба здѣшніе театра, Французскій и Нѣмецкій, и былъ особенно доволенъ актерами Нѣмецкими.

Соборная церковь здѣшняя, такъ называемый *Мюнстеръ*, известна въ цѣломъ свѣтѣ. Ее заложили въ 1015-мъ году, а кончили не прежде 1275-го. Два года спустя стали строить колокольню, или башню, по плану и подъ надзоромъ архитектора Эрвина Штейнбаха. Она довершена въ 1439-мъ году. Чудесная готическая архитектура ее восхищаетъ всѣхъ знатоковъ! Высота башни, отъ фундамента, 445 Французскихъ футовъ. Между известными строеніями, одна Египетская пирамида выше ее, и то лишь тремя футами. На нее всходить по 635-ти ступенькамъ. Вся эта башня прорѣзная, какъ кружево, и чудесной красоты. Лѣстница, ведущая вверхъ, идетъ внутри башни только до половины; потомъ надобно уже подниматься снаружи. Признаюсь, я ни за какія сокровища не полѣзъ-бы туда; но охотниковъ на такое предпріятіе множество. Впрочемъ, молодые люди могутъ взбираться на самый верхъ, хоть для того только, чтобы послѣ сказать, что они тамъ были, и написать имя свое на площадкѣ; а я, въ 60 лѣтъ, и съ слабыми ногами, не смѣлъ рѣшиться на это. Прежде революціи, внутренность собора заключала въ себѣ множество богатыхъ украшеній, статуй,

картинъ; но вандалы-бунтовщики все разграбили и истребили. За всѣмъ тѣмъ, я нашелъ еще много любопытныхъ образовъ, прекрасную рѣзную изъ дерева кафедру, и другія рѣдкости, которыя увидѣли не знаю какъ. Республиканцы приспособили было соборъ къ своимъ празднествамъ; но теперь онъ опять возвращенъ христіанской религіи.

Здѣсь также достойна замѣчанія лютеранская церковь Апостола Томм: въ ней гробница Фельд-маршала Герцога де Сакса. Фигуры, изъ бѣлаго мрамора, поставленныя на ней, почитаются лучшими произведеніемъ знаменитаго ваятеля Пигалля.

Въ Кель переехалъ я черезъ Рейнъ по плотовому мѣсту: при вѣздѣ на него стоятъ еще Французскіе часовые, а на другомъ концѣ уже Нѣмецкіе, Великаго Герцога Баденскаго. И такъ я разстался съ Франціею!

Проезжая черезъ Германію по почтѣ, и почти безъ остановокъ до Гамбурга и Любека, я ничего не могъ осматривать, и потому удовольствуюсь немногими, мимолетными замѣтками о предметахъ, которые особенно поразили меня. Во владѣніяхъ Баденскихъ и Виртембергскихъ страна обильная, и жители, кажется, счастливы. Около

Франкфурта почва становится скуднѣе, но еще хороша. Городъ Франкфуртъ славенъ своею торговлею, и въ немъ около 80-ти тысячъ жителей. Воспоминаній во Франкфуртѣ много знаменитыхъ: въ немъ родился и провелъ юность свою Гёте, въ немъ короновались Германскіе Императоры отъ временъ Карла Великаго, и онъ до сихъ поръ сохранилъ видъ Германскаго города Среднихъ Вѣковъ: высокія, острыя кровли на домахъ, узкія улицы, готическія церкви, множество Жидовъ, все это напоминаетъ времена Германской Имперіи.

Отъ Франкфурта далѣе къ сѣверу страна уже вовсе не та. Около Касселя появляются сосновые лѣса, виды бѣднѣютъ, селенія встрѣчаются рѣже, а около самаго города Ганновера, множество земель, даже вовсе необработываемой: это песокъ и камень.

Отъ Гарбурга, я долженъ былъ, и съ экипажемъ, плыть въ лодкѣ до самаго Гамбурга (верстъ 20), потому что Французы, въ послѣднюю войну, истребили мосты, по которымъ можно было сухимъ путемъ переѣзжать между этими городами.

Гамбургъ, большой, богатый, вольный городъ, такъ извѣстенъ моимъ соотечественникамъ со вре-

мени учрежденія постоянного пароходства изъ Петербурга, что я не стану описывать его. Та-же причина заставляетъ меня только наименовать Любекъ, откуда я спѣшилъ въ Травемюнде.

Травемюнде, мѣстечко, замѣчательно единственно тѣмъ, что оно служитъ пристанью Любеку. Но сколько ожиданій, помысленій и вздоховъ несется къ нему въ наше время изъ Россіи! Тамъ пристають, *оттуда* пускаются въ море наши родные, друзья, земляки. Въ числѣ такихъ путешественниковъ привелось быть и мнѣ. Мы взошли на пароходъ въ прекрасный Майскій день, и не плыли, а летѣли къ милому отечеству: пароходъ будто чувствовалъ наше нетерпѣніе, и хотѣлъ угодить намъ, скользя по волнамъ съ быстротою необыкновенною. Плыя мило Готланда, и при видѣ Финскихъ береговъ, я вспомнилъ свою поѣздку въ Стокгольмъ, совершенную мной по Высочайшему повелѣнію, 45 лѣтъ назадъ, вспомнилъ кораблекрушеніе близъ Аланда и спасеніе на Сингелъшерскомъ камнѣ. Теперь я плывъ благополучно, весело возвращался въ отечество, но—признаться-ли? — жалѣлъ о прошедшемъ, о годахъ молодости, радостей и надеждъ своихъ, невозвратныхъ никогда.

Сколько событій, сколько воспоминаній тѣснилось въ душѣ моей! Сколько товарищей, знакомыхъ, друзей, которыхъ болѣе не увижу!... Черезъ три дни по выходѣ изъ Любека мы прибыли въ Кронштатъ, и тутъ узналъ я, къ сожалѣнію, что еще одинъ изъ старыхъ сотоварищей моихъ, Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, скончался за нѣсколько дней до моего прибытія. Онъ отправился было въ чужіе края, для возстановленія своего здоровья, но добѣжалъ только до Кронштата. Я былъ счастливѣе его почти въ такихъ-же лѣтахъ: объѣхалъ большую часть Европы, побывалъ въ Азіи, въ Африкѣ, и возвратился домой благополучно....

Въ послѣднихъ числахъ Мая 1837-го года, я сошелъ съ парохода на великолѣпную Англійскую набережную, въ пышномъ Петербургѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

строк.

- Глава I.** Сцилла и Харибда. — Стромболи. — Берега Италіи. — Неаполитанскій заливъ. — Неаполь. — Графъ Матушевичъ. — Вечернее гулянье. — Театры. — Улицы. — Паузлиппо. — Храмъ Сераписа. — Сольфатара. — Разныя достопамятности. — Острова: Искія, Прочида, Капрія. — Лазуревая пещера.
- Глава II.** Предразсудки Неаполитанскіе. — Увеселенія. — Ладзарони. — Бурбонскій музей. — Портичи. — Резина. — Геркуланъ. — Помпеи. — Подробное описаніе ея. 31
- Глава III.** Везувій. — Публичныя заведенія въ Неаполѣ. — Церкви и монастыри. — Обѣдъ у княгини Эболи. — Концертъ. — Окрестности Неаполя. — Салерна. — Пестумъ. — Троицкій монастырь. — Взглядъ на исторію Неаполя. — Отъездъ. — Дорожные товарищи. — Капуа. — Террачина. — Поитивскія болота. — Велетри. — Приближеніе къ Риму. — Альбано. — Вилла Барберини. — Доминіановы сяды. — Римъ. . . . 68
- Глава IV.** Панское служеніе. — Г. Кривцовъ. — Графъ Штакельбергъ. — Г. Висконти. — Г. Валеттини. — Достопамятный домъ его. — Планъ обзорнаго Рима. — Капитолій. — Храмъ Юпитера. — Кардиналъ Фентъ. — Кардиналъ Менцшванги, знающій сорокъ языковъ. —

Ватиканская библиотека. — Представленіе Папѣ. — Разговоръ съ Его Святѣйшествомъ. — Мастерскія Римскихъ художниковъ. — Ватиканскій дворецъ. — Церковь Св. Петра. — Подробное описаніе ея. — Колизей. — Латравскій соборъ. — Церковь Св. Ма- рин. — Тестачіо. — Навонская площадь. — Соборъ Св. Павла. — Циркъ Каракаллы.	103
Глава V. Форумъ. — Храмы Ромула и Рена. — Теплицы древнихъ. — Триумфальныя арки. — Траянѣва колон- на. — Ватиканъ. — Музей Ватиканскій. — Занокъ Св. Ангела. — Пантеонъ. — Разныя достопамятныя пред- меты.	178
Глава VI. Окрестности Рима. — Malagia — Стенъ. — Зем- ледѣльческія работы. — Нравы поселянъ. — Фра- скати. — Римскія виллы. — Палестрина. — Тиволи. — Достопамятности. — Водопадъ Аніо. — Прощаніе съ Римскими знакомыми.	200
Глава VII. Тосканскія владѣнія. — Перевѣны страны и жи- телей. — Солома и шляпки изъ нея. — Сиенна. — Флоренція. — Исторія ея. — Общая картина города. — Арно. — Кампеге. — Достопамятныя зданія. — Галле- рея Медичи. — Палаты Питти. — Флорентинскій соборъ. — Церковь Санта-Кроче. — Санъ-Лоренцо. — Отъездъ въ Ливорно. — Пристань Ливориская. — Г. Энгельбахъ и его сунруга. — Семейство Гг. Орло- выхъ. — Пріятное общество ихъ. — Островъ Эльба. — Корсика. — Бастія. — Генераль Себастьяни. — Ученые солдаты.	252

Глава VIII. Марсель. — Приключеніе въ таможен. —
Чиновникъ префектуры. — Притѣсненіе. — Мерзъ,
благородный человѣкъ. — Обзоръ города. — Южная
Франція. — Берега Дюраксы. — Авиньонъ. — Старин-
ный Папскій дворецъ. — Оранжъ. — Монтелинаръ. —
Валансъ — Віень. — Ліонъ. — Древность его. — Мѣсто-
положеніе его и важность для Франціи. — Ліонскія
фабрики. — Достопамятности. — Железная дорога. —
Нравосходное театральное представленіе. — Отъѣздъ
въ Парижъ. — Фонтенбло. — Паркъ и дворецъ. —
Воспоминаніе о великихъ событіяхъ. 285

Глава IX. Парижъ. — Свиданіе съ родными. — Шато-дю-
Маре. — Аржантіль. — Виноградники и сторожа
ихъ. — Праздникъ въ Сентъ-Клу. — Парижане разныхъ
званій. — Свиданіе съ земляками. — Новые знакомства. 323

Глава X. Общій взглядъ на Парижъ. — Музей худо-
жествъ. — Дворецъ правосудія. — Клубъ иностран-
цевъ. — Промышленность игорныхъ домовъ. — Про-
цессъ въ Уголовной Палатѣ. — Г. Плугульи. —
Торжество правосудія. — Ратуша. — Трюйеры. —
Лувръ. — Люксембургскій дворецъ. — Засѣданія
Палаты Депутатовъ. — Открытіе Палаты Королей. —
Покушеніе на жизнь Короля. — Твердость духа его. —
Пале-Рояль. — Парижскія площади. — Ворота. —
Фонтаны. — Соборъ Богородицы (Notre-Dame). —
Достопамятныя церкви. — Пантеонъ. — Мазариновы
Палаты. — Засѣданія Французской Академіи. — Ака-
демія Наукъ. — Г. Ларрей. — Монетный дворъ.

Ремесленный музей. — Виноный дворъ. — Ботаническій садъ. — Г. Жоффруа Сентъ-Илеръ. — Рядкости природы. — Домъ Инвалидовъ. — Арсеналь. — Королевская библіотека. — Тюрьмы и госпитали. — Хлѣбный магазинъ. — Моннартрскія катакомбы. — Моннартрское поле битвы. — Обсерваторія. — Биржа. — Картина биржевой игры. — Коллекція Г-на Соулера. — Диорана Г-на Дагера. — Парижскіе театры. — Знаменитые артисты разныхъ театровъ. — Сравненіе ихъ съ нашими. — Выставка художествъ.	337
Глава XI. Версаль. — Великоколѣнный дворецъ и сады Версальскіе. — Новый историческій музей. — Трианонъ. — Севрская фарфоровая фабрика. — Сентъ-Дени. — Сентъ-Уанъ. — Марли. — Мальмезонъ. — Воспоминаніе о Наполеонѣ. — Руэль.	471
Глава XII. Мои знакомства въ Парижѣ. — Общество Рускихъ. — Эмигранты. — Парижскія гостинныя. — Гостинныя: Маркизы Бетиси, Герцога Дюра, депутата Беррье, Г-жи де Вильплель, Герцогини Абраптесъ, Карла Дюпеля, Карла Нодье, Г-жи Лебрѣнъ, Г-жи Реканье, Г-на Тьера. — Парижскіе вечера и балы. — Балъ у Короля.	493
Глава XIII. Отъѣздъ изъ Парижа. — Нанси. — Люневиль. — Вогезскія горы. — Страсбургъ. — Соборная церковь. — Кель. — Германія. — Франкфуртъ. — Гамбургъ. — Травенюнде. — Пароходъ. — Балтійское море. — Кроинштатъ. — Прибытіе въ Петербургъ.	810

PRINCETON UNIV

Princeton University Library

32101 064639329

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY

*This book is due on the latest date
stamped below. Please return or renew
by this date.*

